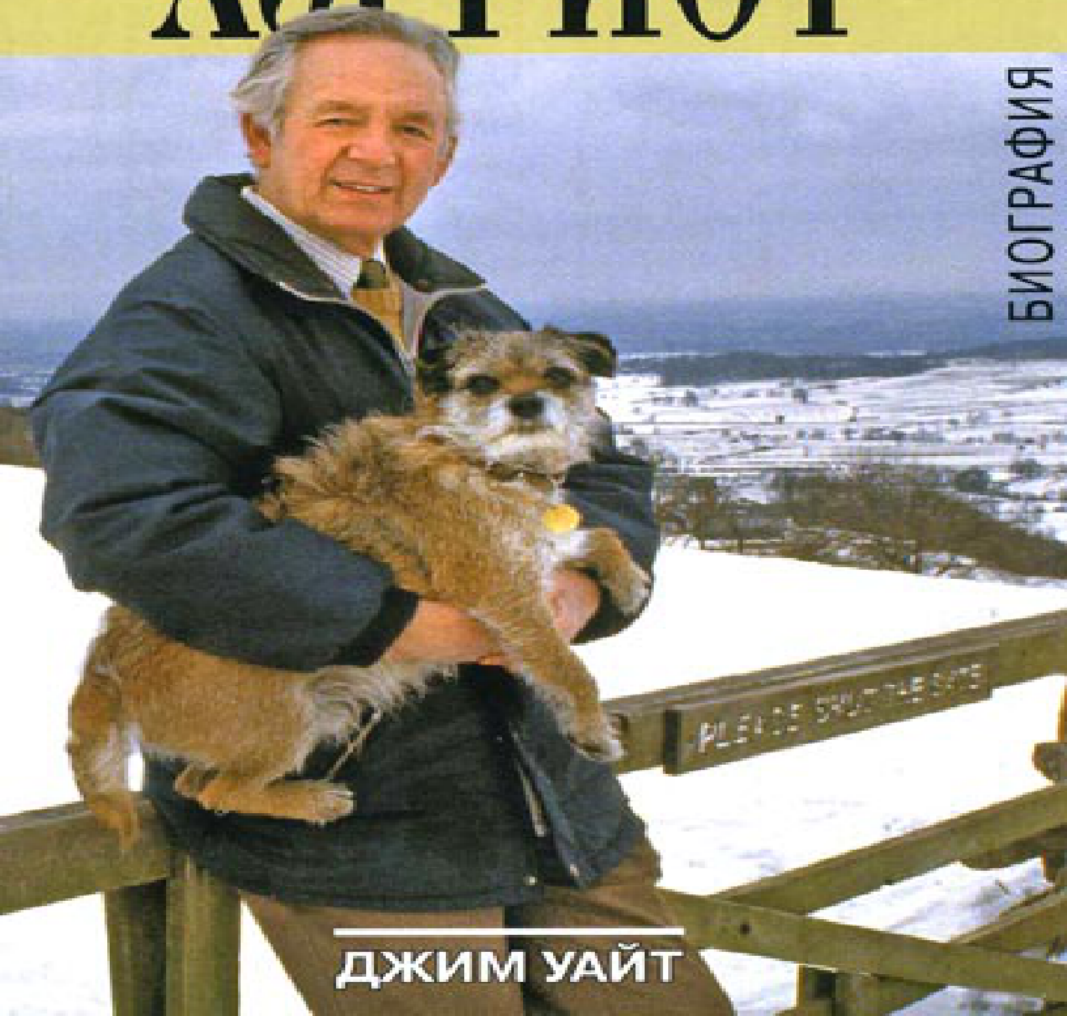
ДЖЕЙМС ХЭРРИОТ



БИОГРАФИЯ

ДЖИМ УАЙТ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга — воспоминания о Джеймсе Хэрриоте (настоящее имя — Джеймс Альфред Уайт) — всемирно известном сельском ветеринаре, книги которого выходят миллионными тиражами. Джеймс Хэрриот писал о животных — братьях наших меньших — так, как ни до, ни после него не удавалось никому.

Теперь о Джеймсе Хэрриоте написал его сын, работавший с отцом бок о бок в ветеринарной клинике еще до того, как тот стал знаменитым писателем, и для которого отец был самым близким другом. В книге собраны воспоминания людей, знавших Хэрриота, материалы из его личного архива, переписка.

Как и его отец всю свою жизнь Джим Уайт посвятил животным. Его ветеринарному стажу более пятидесяти лет.

- Джим Уайт
  -
  - Предисловие
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24

    - Глава 25
    - Глава 26
    - Глава 27
    - Глава 28
    - Глава 29
    - Глава 30
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14

Джим Уайт
Джеймс Хэрриот
Биография

Посвящается Джил, Рози и моей матери, которые все это слышали раньше

Предисловие

Многие люди помогали мне в написании этой книги. Хочу особо поблагодарить мою жену Джил и моего редактора Дженни Дерхэм: они проявили огромное терпение и понимание к неопытному, зацикленному на одной теме автору. Еще я хотел бы выразить отдельную благодарность моему агенту Жаклин Корн из «Дэвид Хайгем Ассошиэйтс», которая убедила меня, что я должен — и могу — написать эту биографию.

Я глубоко признателен моей матери и сестре Рози, которые не только передали мне огромное количество ценной информации, но всегда были готовы помочь и бескорыстно позволили мне поделиться сведениями о жизни моего отца с его многочисленными поклонниками.

Я должен особо поблагодарить двух очень важных людей, которые оказались неистощимым кладезем бесценной информации: мою покойную бабушку Уайт — за то, что сохранила многие письма и другие памятные вещи своего сына, и Алекса Тейлора, старинного друга моего отца, — за его содержательные и увлекательные воспоминания о бессчетных счастливых часах, проведенных в обществе моего отца.

Я очень признателен профессору Норманну Райту, декану Ветеринарного колледжа Университета Глазго, и его сотрудникам, а также Кену Каннингэму, директору школы Хиллхед: они оказали мне неоценимую помощь и сообщили много интересных подробностей.

Многие родственники, друзья и коллеги моего отца поделились со мной забавными историями, фотографиями и важными деталями, которые помогли воспроизвести точную картину его жизни. В частности, я хотел бы поблагодарить: Фреда Бэнкса, Джорджа Белла, Бертрама Бозомуорта, Джима Чадуика, Джона Крукса, Артура Дэнда, леди Дин Харптри, Пирса Даджена, Марджори Ивз, Алана Голдсборо, Джанет Грей, Эллен Гроут, Одри Хэнкок, Роберта Харди, д-ра Кена Хиббита, профессора Питера Холмса, Кена Килвингтона, Р. М. Мэджора, Марту Неттлтон, Ив Петт, д-ра Алистера Портера, Осси Сэнди, Питера Шоу, Антею Синклер, Боба Смита, Джоан Снеллинг, Джимми Стила, Эдди Стрейтона, Криса Тимоти, Джулиану Уэдхем.

Без помощи и добровольного сотрудничества всех этих людей эта книга никогда не была бы написана.

Пролог

23 февраля 1995 года в той части Северного Йоркшира, где живу я, выдался чудесный день. С вершины Саттон-Бэнка, холма на западе Йоркширского национального парка, открывался вид на Йоркширскую долину, раскинувшуюся на пятьдесят километров до йоркширских холмов. На безоблачном зимнем небе ярко светило солнце, и я отчетливо видел знакомую громаду Пен-Хилла, величественно возвышавшуюся над входом в Уэнслидейл, — свежая белизна его присыпанных снегом склонов ярко контрастировала с темной зеленью долины. Стоял ясный морозный зимний день, когда хочется гулять и гулять на свежем воздухе. В такой день я должен был бы радоваться жизни.

Меня всегда возбуждала вечная магия долин, но в этот великолепный февральский день я ощущал только пустоту, потому что знал — никогда больше я не смогу смотреть на эти далекие холмы без чувства ностальгии и сожаления. В этот день умер мой лучший друг. Его звали Джеймс Альфред Уайт, — отец, в обществе которого я провел так много счастливых часов. Человек, которого я никогда не забуду.

Я не был одинок в своей печали. В этот же день люди всего мира тоже оплакивали потерю друга. Его звали Джеймс Хэрриот. Он был сельским врачом, который благодаря таланту писателя стал самым известным и любимым ветеринаром в мире. Невероятно успешный рассказчик, продавший более шестидесяти миллионов книг, которые были переведены на двадцать языков, он писал с такой теплотой, юмором и искренностью, что все, кто читал его книги, считали его своим другом.

Джеймс Альфред Уайт был истинным джентльменом — именно таким, каким его себе представляли многочисленные поклонники, и необычайно скромным человеком, У которого собственный успех до конца жизни вызывал недоумение. Однако этого, по его словам, «обычного ветеринара» будут помнить многие десятилетия. Но в моей памяти он остался не известным писателем, а отцом, который всегда ставил интересы семьи превыше собственных.

Думаю, в жизни каждого человека, каким бы счастливым он ни был, всегда есть темное облако где-то на горизонте. Для меня таким облаком было здоровье отца, которое на протяжении нескольких лет вызывало тревогу у всей семьи. Это облако приобрело угрожающие размеры в декабре 1991 года, когда я узнал, что у него рак, и последним ударом стала его смерть всего три года спустя.

20 октября 1995 года, примерно через восемь месяцев после смерти отца, я сидел в первом ряду Йоркского собора, несомненно, одного из самых красивых кафедральных соборов в мире. Здесь проходила поминальная служба по Джеймсу Хэрриоту. Более 2300 человек пришли отдать последний долг человеку, который дарил радость миллионам. Кристофер Тимоти, сыгравший Джеймса Хэрриота в телевизионном сериале «О всех созданиях — больших и малых», читал отрывок из популярной книги моего отца, и под сводами древнего собора раздавался смех. Хотя в этих величественных и строгих стенах слышать такое веселье было необычно, я чувствовал, что поминальная служба по Джеймсу Хэрриоту превращалась в событие, которое пришлось бы ему по душе. В этот день мы не плакали, а улыбались.

Альф, как называли отца его друзья, всегда испытывал стойкую неприязнь к похоронам, — ему хотелось, чтобы эта церемония была менее официальной.

— Конечно, люди должны выражать почтение на этих печальных мероприятиях, — однажды сказал он, — но мне всегда очень жалко семью и друзей.

Я хорошо помню одни похороны, которые ему по-настоящему понравились. Это произошло много лет назад, когда я еще учился в школе. Хоронили мистера Бартоломью, бывшего компаньона одного из близких друзей отца, Дентона Пегга (которого Джеймс Хэрриот увековечил в своих книгах под именем Гранвилла Беннета). Барт, необычайно милый, но сильно пьющий ветеринарный врач, незадолго до своей смерти распорядился поставить несколько бутылок лучшего шотландского виски всем коллегам, которые придут на его похороны. Там были мой отец, Дентон и много других ветеринаров, и после похорон они выполнили последнюю волю Барта.

Однако дома, в Тирске Северного Йоркшира, царила несколько иная атмосфера.

— Куда подевался твой отец? — восклицала мать. — Он ушел на похороны в два часа дня, а сейчас уже почти полночь! Что он там делает?

Зная, с каким удовольствием отец проводил время в компании своих коллег, особенно таких достойных, как Дентон Петт, было нетрудно представить, что он делает. Я не слышал, как он вернулся домой, но утром, сидя напротив меня за столом, он являл собой плачевное зрелище.

Пару минут он задумчиво жевал поджаренный хлеб, а потом сказал:

— Знаешь… эти похороны не были похожи на скорбь по

утраченной жизни, наполненной смыслом и добродетелью… — В его покрасневших глазах блеснул веселый огонек. — Ничего подобного. Это было *торжество*!

Уверен, отец был бы рад, что мы получаем удовольствие от действа в Йоркском соборе так же, как и он много лет назад, веселясь во время прощания с Бартом.

Крис Тимоти великолепно читал отрывок из рассказа «Ветеринар за работой», в котором говорится о том, как молодой Джеймс мужественно пытается убедить подозрительного и воинственно настроенного мистера Биггинса, что визит ветеринара к его корове, хотя за него и нужно платить, стоит этих денег. Я смотрел на Криса и думал о том, как хорошо написан рассказ, и вдруг меня словно молнией ударило. За все годы, что я знал отца, за все те часы, которые мы провели вместе, обсуждая общие интересы (а их было немало), я ни разу не сказал ему, как мне нравятся его книги. Более того, по-моему, я никогда не говорил ему, насколько он мне дорог. Думаю, он знал, но, тем не менее, это ощущение недосказанности останется со мной навсегда. Он был благодарен местным жителям за то, что они не поднимали вокруг него шумиху, не относились к нему как к знаменитости. Какая ирония, что среди этих людей был и его собственный сын!

Через несколько месяцев после поминальной службы мне позвонила Жаклин Корн, литературный агент отца из лондонского агентства «Дэвид Хайгем Ассошиэйтс». У нее было ко мне предложение.

— Не хотите написать книгу о своем отце? — спросила она. — Вы знали его лучше, чем кто-либо другой. Всем очень понравилась ваша речь о нем на поминальной службе. Уверена, у вас получится.

Написать биографию? От одной только мысли мне стало страшно. Я же ветеринарный врач, а не писатель. Разве я могу справиться с этой задачей? Английским я перестал заниматься после пятого класса и, в отличие от отца, не был широко образованным человеком. Жаклин Корн все же немного развеяла мои сомнения. Она объяснила, что я ни в коем случае не должен ему подражать. Нужно просто записать мои воспоминания так, чтобы их можно было читать. Несмотря на ее поддержку, я испытывал глубокие сомнения.

Несколько недель я пребывал в нерешительности, однако тот факт, что мой отец был мировой знаменитостью с огромной армией поклонников, заставил меня всерьез отнестись к этой идее. Яркое подтверждение его популярности я получил в Соединенных Штатах, куда отправился вскоре после разговора с

Жаклин Корн. Мне предложили рассказать о Джеймсе Хэрриоте на конференции студентов ветеринарных колледжей в Стиллуотер, штат Оклахома. Во время этой поездки нас с Джиллиан, моей женой, пригласили провести несколько дней в Винтер-Парке, штат Колорадо. Самое большое впечатление на нас произвела прогулка по горам Винтер-Парка на собачьей упряжке. Сибирские лайки без всяких усилий тянули сани, мы легко скользили по снегу, и наш сопровождающий — дружелюбный мужчина, которого все называли Джей-Ди, — начал разговор. Он заметил, что Джил одета в пуховик с логотипом «Ветеринарный колледж Оклахомы».

— Вы ветеринары? — поинтересовался он.

— Как вы узнали? — спросил я.

— Это написано на куртке. Вы из Англии, да?

— Да.

— В какой части Англии вы живете, ребята?

— В Йоркшире, — ответил я, подозревая, что он никогда не слышал этого названия.

После минутного колебания он заговорил снова.

— Слушайте, а может, вы знали дока Хэрриота, который написал столько книг? Он был из Йоркшира.

Разговор направлялся в привычное русло, — все это я уже много раз слышал раньше.

— Да, я знал его, — кивнул я.

— Знали?! Хорошо знали? — Джей-Ди был потрясен.

— Да, — продолжал я, — я знал его довольно хорошо.

— Ух ты! Что за человек он был? Книги он точно писал потрясающие! Вы когда-нибудь с ним разговаривали?

— Вообще-то да. — Я увязал все глубже и понял, что пора прояснить ситуацию. — Дело в том, что… он был моим отцом.

Джей-Ди несколько мгновений переваривал услышанное. Потом тихонько присвистнул.

— Вот это да! Жена в обморок упадет, когда я ей расскажу! Она — большая поклонница вашего отца!

После прогулки нас с Джил познакомили с другими погонщиками, и все они, похоже, хорошо знали книги отца. Имя и слава Джеймса Хэрриота добрались даже до этой страны снега и льда, которая так далеко от моего дома в Йоркшире. Мне стало интересно, есть ли в Соединенных Штатах хоть одно место, где не знают имени Джеймса Хэрриота.

За время нашего путешествия я не раз убеждался, как высоко его ценят в этой стране. Бесчисленное множество студентов рассказывали мне, что выбрали профессию ветеринара под влиянием его книг. Когда мы вернулись в Англию, я почти

решился взяться за биографию отца.

Через три недели, не в силах больше оттягивать, я сел в поезд и отправился на встречу с Жаклин Корн. Мы ехали в южном направлении, я, терзаясь сомнениями, рассеянно смотрел на мелькавший за окном йоркширский пейзаж, и в этот момент ожил громкоговоритель.

— Доброе утро, дамы и господа. Говорит проводник Дон Синклер. Наш поезд следует из Ньюкасла до лондонского вокзала Кингс-Кросс со следующими остановками…

Дон Синклер?! Так звали постоянного партнера отца, больше известного миллионам поклонников Джеймса Хэрриота под именем Зигфрида Фарнона, одного из центральных персонажей его книг. По натуре я скептик, но это невероятное, почти мистическое совпадение перевесило чашу весов, — я решил принять вызов и написать историю жизни моего отца. Как будто что-то велело мне попытаться.

Исследования, которые я проводил для этой книги, были приятными и волнующими, с яркой эмоциональной окраской, но я не знаю, разделил бы отец мое воодушевление. Он был очень скромным и скрытным человеком, тщательно оберегал свою частную жизнь от всего мира, поэтому мне остается только надеяться, что он одобрил бы мои начинания.

За несколько месяцев до его смерти я говорил с отцом у него дома в маленькой деревушке Тирлби, всего в двух километрах от моего собственного дома. Он был очень доволен, что на закате жизни живет рядом с детьми. Дом моей сестры Рози находился в буквальном смысле по соседству, и мы с ней часто навещали отца. У нас было много общих интересов, поэтому всегда находились темы для разговора.

В тот день мы обсуждали книгу о его жизни.

— Мне бы не хотелось, чтобы кто-то писал мою биографию, — заявил он. — Биографии, хоть я и сам люблю их читать, часто не рассказывают всей правды. Факты в них искажаются, причиняя боль близким людям.

— Но я уверен, что многие с удовольствием прочитали бы историю твоей жизни, — возразил я. — Твои книги потрясли воображение миллионов. Биография стала бы достойным памятником твоим заслугам.

Он беспокойно шевельнулся в кресле. Рак простаты собирал свою жестокую дань: отца мучили невыносимые боли, которые он мужественно переносил на протяжении многих месяцев.

— Кое-кто уже обращался к твоей матери по поводу написания моей биографии, и я им отказал.

— Думаю, ее все равно напишут, — настаивал я. — Твоя

жизнь — это удивительная история успеха.

— Может, и так, Джим, — ответил он, — и я ничего не могу с этим поделать.

Некоторое время он молча смотрел в окно на сад, на громаду Уайтстоун-Клиффе, которые столько лет служили декорацией его жизни.

— Вот что я могу тебе сказать, — наконец произнес он. — Если кто-то и должен написать мою биографию, то это ты. Я вообще не хочу, чтобы ее писали, но если бы это сделал ты, я точно знаю — ты рассказал бы правду.

По его отстраненному взгляду я понял, что он не хочет продолжать эту тему. Мы стали обсуждать гораздо более важные для него вопросы — ветеринарную практику и успехи футбольного клуба «Сандерленд».

Самое удивительное — превращение неизвестного сельского ветеринара в знаменитого писателя ничуть не изменило Джеймса Альфреда Уайта. За все годы своей литературной славы он ни разу не воспользовался статусом знаменитости, чем заслужил восхищение и уважение местных жителей. В тот день я сидел рядом с ним и думал, какой он уникальный человек. Он не искал похвалы или лести. Он оставался все тем же непритязательным и мудрым отцом, в компании которого я провел столько счастливых лет.

Время доказало мою правоту: после его смерти появилось много книг и статей. Жизнь отца окружена мифами и неправильными представлениями, и это послужило еще одним стимулом для меня: я понял, что должен рассказать правду о настоящем Джеймсе Хэрриоте.

Одним из наиболее противоречивых аспектов творчества моего отца является правдивость — или наоборот — его рассказов. Некоторые уверены, что большинство его историй вымышленные, не имеющие под собой фактической основы, и даже называют отца «беллетристом». Эти заявления вводят в заблуждение. Девяносто процентов рассказов отца, как он всегда утверждал, основаны на фактах. Я не только знаком почти со всеми описанными им персонажами, но и слышал большинство историй задолго до их публикации. Должен сказать, часть из них основана на моем собственном опыте. Да, отец умышленно манипулировал событиями и датами, стараясь вписать их в рассказ, но сюжет почти каждой истории основан на случае из жизни, и действуют в них реально существующие люди. Некоторые утверждают, что фактическая основа рассказов Хэрриота не имеет значения, и даже если они вымышленные, их все равно читают с удовольствием. Так ли это важно? Думаю,

очень важно. Достоверность придает историям особую прелесть, и я уверен, что большинство поклонников Джеймса Хэрриота были бы очень расстроены, если бы оказалось, что его рассказы имеют мало общего с реальными событиями. Им не о чем беспокоиться.

Я считаю, что лучше других способен донести до читателя правду о настоящем Джеймсе Хэрриоте. Для моего отца семья всегда была на первом месте, и даже в самые напряженные периоды жизни он находил время для своих детей, в результате чего стал для нас очень близким человеком, которого мы хорошо знали. Но я хорошо знал не только своего отца, Альфреда Уайта. Я проводил много времени с его партнером — и моим крестным отцом — неугомонным, очаровательным, невозможным Доном Синклером. Я, сам ветеринарный врач, проработал с ними обоими в Тирской клинике Синклера и Уайта двадцать незабываемых лет, и все это время имел возможность наблюдать за отношениями двух мужчин. Никто лучше меня не расскажет подлинную историю ветеринарной практики Джеймса Хэрриота.

В первые годы моей практики в Тирске я испытал на себе жизнь ветеринарного врача, которую описывал Джеймс Хэрриот. Большую часть времени я проводил на маленьких семейных фермах, которых сейчас, к сожалению, уже почти не осталось. Именно здесь, в этих небольших фермерских хозяйствах, где рабочий день начинался с восходом солнца и продолжался до наступления темноты (а часто и после), обитали бесподобные персонажи, столь ярко выписанные в книгах отца. Я почувствовал вкус к этой жизни не только тогда, когда стал ветеринаром, а гораздо раньше — когда в качестве младшего, но очень гордого собой «помощника» разъезжал вместе с отцом в его автомобиле от одной фермы к другой. С тех пор, как я научился ходить, я наблюдал за работой Альфреда Уайта, ветеринара, и делал это больше сорока лет.

Став популярным писателем, отец получал горы писем от поклонников со всего мира. Читатели были настолько очарованы его рассказами, что испытывали потребность написать ему о том, как много значат для них его книги. Почтальон сбился с ног, доставляя ему письма, и почти все они были посвящены одной теме: поклонники хотели знать подлинные истории, лежавшие в основе его рассказов. Их интересовал реальный человек, но более всего им хотелось прикоснуться к миру Джеймса Хэрриота, столь непохожему на их собственный современный мир. Этой книгой, надеюсь, я ответил на их вопросы.

Большая часть материала, необходимого для создания этой книги, была у меня в голове, но, приступив к работе, я обнаружил массу дополнительной информации. Получив разрешение матери

на поиски в ее доме, я нашел больше, чем мог надеяться. Я никогда не думал, что родители хранили столько бумаг, писем и газетных вырезок, — некоторые датированы еще до Второй мировой. За это я должен поблагодарить свою мать. Отец тоже хранил кучу бумаг, но разобраться в его «файловой системе» было очень сложно. Он никогда не отличался организованностью, и я много часов копался среди мятых обрывков бумаги, — но хорошо провел время.

Я должен поблагодарить еще одного человека, предоставившего мне бесценную информацию, — мать моего отца, милую бабулю Уайт. В годы учебы в Глазго я жил у бабушки, но все эти пять лет даже не подозревал, что ее дом на Эннисленд-Роуд был богатейшим хранилищем архивных материалов. Бабушка относилась к тем людям, которые никогда ничего не выбрасывают. Летом 1981-го годы в конце концов наложили свой отпечаток на эту удивительно независимую и энергичную леди. В восемьдесят девять лет ее разум и тело стали слабеть, поэтому ей следовало перебраться в Йоркшир — поближе к своей семье. Через две-три недели после переезда бабушки в частную лечебницу в Харрогите я нанял фургон, чтобы перевезти ее вещи из Глазго. Их было великое множество, в том числе содержимое кладовки. В эту крошечную комнатушку бабуля Уайт запихивала все, что не хотела выбрасывать. Вещи из кладовки перекочевали на чердак к отцу в Тирлби и пролежали там, всеми забытые, больше шестнадцати лет, пока я не откопал их в 1997-м. Это был кладезь информации.

Альф Уайт регулярно писал родителям пространные письма вплоть до 1980-х годов. Его мать сохранила их все, и многие из них оказались захватывающим повествованием.

Некоторые, написанные во времена душевной и финансовой борьбы, раскрывают чувства отца в трудный и напряженный период его жизни. Эти пыльные, сложенные в беспорядке письма из старой каморки в Глазго позволили мне узнать ту часть жизни отца, которая прежде была скрыта от меня. Многие люди помогали собирать информацию для этой книги, но самый бесценный вклад сделала старая женщина, бережно хранившая любую мелочь, связанную с сыном, который так много значил для нее.

У каждого человека в тот или иной период жизни бывают откровения, я же набрал их целый букет с тех пор, как решил написать биографию отца. Прежде всего я осознал, что по-настоящему оценил работу отца только после его смерти. В свою защиту могу сказать, что в этом нет ничего удивительного, так как отец не любил обсуждать свои успехи на литературном

поприще. Помню, в середине 1970-х, когда его книги прочно обосновались на первом месте в списках бестселлеров «Нью-Йорк Таймс», он иногда говорил мне: «Меня уже пятнадцатую неделю называют лучшим бестселлером в Америке, — удивительно, правда?» — «Здорово, пап!» — отвечал я, и на этом разговор заканчивался. Этого ему было достаточно. Его гораздо больше интересовали другие темы.

Местные жители, в том числе и фермеры, очень мало говорили о славе своего «ветеринарщика», но это не означает, что они о ней не знали. Отцу нравилось такое отношение, однажды он даже сказал мне, что был бы очень удивлен, если бы хоть горстка его друзей-фермеров прочитала его книги. Возможно, он ошибался.

Однажды он прооперировал корову и зашивал рану в брюшной полости, что представляет собой длительную, кропотливую работу. Такие операции над коровьим народом часто оказываются чрезвычайно интересными, особенно кесарево сечение, когда теленок появляется на свет «через боковую дверь», — это один из самых приятных моментов для сельского ветеринара. Однако наложение швов — утомительное занятие, и разговор между фермером и ветеринаром может оживить монотонность работы.

В тот самый день фермер неожиданно заявил:

— Я прочитал одну из ваших книжек, мистер Уайт.

Отец испытал настоящее потрясение, так как никогда не думал, что местных может заинтересовать его работа, особенно вечно занятых фермеров. Он с трудом решился задать следующий вопрос.

— Что вы о ней думаете? Вам понравилось?

— Ага… ну… там же все о скотине! — неторопливо ответил фермер.

Это был завуалированный комплимент. Книга была прочитана и понравилась, хотя в ней и описывается жизнь, хорошо знакомая читателю.

Я, как и многие другие, спокойно относился к успехам отца. Он не придавал этому значения, но сейчас, через четыре года после его смерти, я понимаю, что недооценивал его. Я всегда ценил в нем друга, отца и профессионала, а вот к его литературным талантам относился с равнодушием. До настоящего времени, когда решил взяться за его биографию.

В самом начале я перечитал все книги отца и тогда наконец понял, каким прекрасным рассказчиком он был. Читатели всего мира, конечно, очень быстро распознали его талант писателя, но я по-прежнему думаю, что недооценить Джеймса Хэрриота очень

просто. Он писал легким, приятным языком, и можно простить тех, кто считал, что любой может так же. Сколько раз я слышал: «О, я тоже мог бы написать книгу. У меня просто нет времени». Легко сказать. Но нелегко сделать. Моему отцу, вопреки всеобщему мнению, было очень непросто в самом начале, когда он, по его собственному выражению, «решил попытать счастья в литературе». Он, безусловно, обладал незаурядным талантом, но тот окончательный, отшлифованный вариант его книг, который знают во всем мире, был результатом многолетней практики, переписывания и чтения. Как и большинству писателей, ему пришлось пережить множество разочарований и отказов, но все это лишь придало ему решимости преуспеть. Все, чего он достиг в жизни, было добыто тяжелым трудом, и его успех на литературном поприще не был исключением.

Взявшись перечитывать его книги, я решил проанализировать их, пытаясь найти какие-то подсказки у самого мастера, но всякий раз конец был одинаковым: книга падала на пол, а я корчился в кресле от смеха. Знаю, он был бы доволен. Он никогда не хотел, чтобы его книги подвергали тщательному анализу. Он хотел только одного — чтобы люди получали от них удовольствие. Время, когда я перечитывал книги Джеймса Хэрриота, было одним из самых чудесных периодов в моей жизни.

С тех пор, как отец окончил Ветеринарный колледж Глазго в 1939 году, профессия ветеринара претерпела огромные изменения. Ветеринарная наука шагнула далеко вперед в поисках средств для лечения болезней животных. Большинство старых недугов, о которых писал отец, остались в прошлом, но им на смену приходят другие, постоянно бросая вызов профессии. Практика в Тирске изменилась до неузнаваемости со времен славы «Джеймса Хэрриота» — «трудного, но все-таки веселого», как он часто писал, периода его жизни. Прошли те дни, когда ветеринары ездили по маленьким фермам среди холмов, пользуя то корову с «деревянным языком»[1], то свинью с рожистым воспалением. Визитов на фермы стало меньше, зато прибавилось работы с мелкими животными, так что сейчас половину пациентов клиники составляют домашние питомцы.

Однако, во многом благодаря моему отцу, окно в прошлое ветеринарии остается открытым. Многие молодые люди, посмотрев необычайно популярный сериал «О всех созданиях — больших и малых» по книгам Хэрриота, решили посвятить себя профессии ветеринара, но вскоре обнаружили, что действительность отличается от увиденного на экране. Мир Джеймса Хэрриота стал историей.

Один американский читатель в 1973 году написал издателю

отца, выражая признательность за его работу: «Хэрриот, похоже, наделен даром универсального наблюдателя, которому читатель всегда готов сопереживать. Он из тех людей, для которых естественно подмечать причуды и особенности рода человеческого». Да, мой отец был большим знатоком человеческой природы, но теперь пришла его очередь стать объектом всеобщего внимания. У Джеймса Хэрриота были миллионы поклонников, и на протяжении всей его писательской карьеры они писали ему. Сейчас один из его самых преданных почитателей собирается написать о нем — не только как о писателе, но и как о коллеге, друге и отце. В то время, когда другие ветеринары смотрят в будущее, я путешествую по прошлому, но, возможно, как сказал бы мой отец, мне будет «все-таки весело». До конца дней я буду сожалеть о том, что так и не сказал, как высоко ценил его. Но кое-что я все-таки могу сделать. Я скажу об этом всему миру.

Глава 1

Шотландец Джим Мюррей, скотник на ферме в Северном Йоркшире, сердито уставился на меня, всем своим видом выражая недовольство. Его пронзительные маленькие глазки находились всего в нескольких сантиметрах от моего лица. Я недавно начал работать в Тирске после окончания ветеринарного колледжа и считал, что вполне профессионально принял роды у племенной коровы шортгорн: в результате моих усилий на свет появился очаровательный здоровый теленок. Но скотник, похоже, не разделял моей радости.

— Все вы, молодые ветеринары, одинаковые! — проворчал он. — Вечно оставляете мыло в воде!

Поглощенный работой, я совершенно забыл о ровненьком куске мыла, который дал мне скотник. Я бросил его в ведро с кипятком, и теперь Джим держал в руке маленький зеленый липкий комочек, бывший некогда его мылом.

— Ваш отец никогда так не делает! — буркнул он. — Он всегда бережно относится к вещам. Настоящий шотландец вещами не бросается!

Меня не первый раз сравнивали с моим отцом, причем не в мою пользу, но у меня был туз в рукаве.

— Прошу прощения, Джим, — извинился я, — этого больше не повторится. Но должен сказать, вы ошибаетесь насчет моего отца. Он не шотландец. Он — англичанин.

— Уходите! — прозвучал резкий ответ, и коренастый скотник, громко топая, с возмущенным видом вышел из коровника. Еще один успешный визит Дж. А. Уайта-младшего подошел к концу.

Джим Мюррей не был одинок в своей уверенности, что Альф Уайт родом из Шотландии, поскольку Альф так и не избавился от легкого акцента жителя Глазго, который приобрел за двадцать три года жизни в этом великом шотландском городе. Даже когда он уже давно был Джеймсом Хэрриотом, газеты часто писали о нем как о «шотландском ветеринаре, для которого Йоркшир стал родным домом». На внутренней стороне обложки в аннотации к его третьей книге «Не будите спящего ветеринара» («Let Sleeping Vets Lie») говорилось, что он родился в Глазго и всю жизнь работал в Йоркшире. Альф Уайт не был шотландцем и не всю жизнь работал ветеринаром в Йоркшире. Он был англичанином, родившимся от родителей-англичан в английском городе.

Джеймс Альфред Уайт родился 3 октября 1916 года в

промышленном северо-западном городке Сандерленд. Там он оставался недолго. Когда ему было всего три недели от роду, он переехал в Глазго, где провел годы формирования личности. Хотя он и покинул родной город, будучи совсем крошкой, он сохранил тесные связи с Сандерлендом и регулярно бывал там, пока жил в Глазго.

Альф был единственным ребенком, но в действительности имел очень большую семью. Его родители происходили из больших семей, поэтому он унаследовал целую кучу дядюшек, тетушек и двоюродных братьев и сестер, с которыми поддерживал близкие отношения всю свою жизнь.

Альф Уайт родился в доме 111 по Брэндлинг-стрит, скромном доме ленточной застройки под названием «Фашода» в районе Рокер Сандерленда. Дом принадлежал Роберту Беллу, его дедушке по материнской линии, печатнику по профессии. Его родители, Джеймс Генри Уайт и Ханна Белл, обвенчались 17 июля 1915 года в Перво методистской часовне на Уильямсон-Террас, Сандерленд, где его отец служил органистом. После свадьбы молодожены переехали в Глазго, но пятнадцать месяцев спустя Ханна Уайт вернулась в родительский дом, специально чтобы родить ребенка.

Отец Альфа, Джим Уайт, как и его дед, был корабельным жестянщиком. Основные рабочие места в Сандерленде поставляли судостроительная, угольная и металлургическая промышленность, и в те годы, в самом начале века, верфи Сандерленда процветали. Первая мировая война обеспечивала большие объемы работы, и треть взрослого мужского населения трудилась в судостроительной промышленности. Однако отец Альфа, имея постоянную работу на верфях Сандерленда, в ноябре 1914 года уехал из родного города в Глазго на поиски альтернативных заработков. Это произошло за восемь месяцев до его свадьбы. Поступок Джима Уайта кажется странным, но у него были веские причины. Ему нравилась работа на верфи, но, в отличие от большинства своих коллег, Джим Уайт был не только корабельным жестянщиком, — он также был способным музыкантом; это качество, в числе многих, привлекло к нему его будущую жену, когда он до войны несколько лет ухаживал за ней.

Джим играл в кинотеатрах Сандерленда, отчасти чтобы получить дополнительный заработок, но, главным образом, чтобы удовлетворить страсть к игре на пианино и органе. Ханна тоже любила музыку. Ее родителей хорошо знали в музыкальных кругах Сандерленда, и сама она была превосходным контральто. Она выступала на небольших концертах, но ей хотелось идти дальше, а Сандерленд, несмотря на все его достоинства, вряд ли

можно было назвать культурным центром Северной Англии. Какой еще британский город мог обеспечить ее мужа работой на верфи и в то же время удовлетворить музыкальные пристрастия обоих? Глазго идеально подходил для этой цели. Ханна всегда стремилась к самосовершенствованию, и ее более приземленные родственники дали ей прозвище «Герцогиня» за тягу к культурным кругам. Однако за «высокомерным» фасадом, который Ханна демонстрировала миру, скрывались прекрасные качества. Она была преданной женой и матерью, и ее стремление добиться лучшего для своей семьи впоследствии весьма поспособствовало будущим успехам ее сына.

Итак, в 1914 году эта волевая юная леди отправила своего будущего мужа в огромный бурлящий город, наполненный кинотеатрами, театрами и концертными залами, — город, в котором раздавались не только лязг и грохот верфи и металла, но и звуки музыки. Там Джим Уайт сумел найти работу в кинотеатрах и театрах, а также на крупной верфи на реке Клайд.

На свадебной фотографии Джима и Ханны 1915 года запечатлены большие семейства Уайтов и Беллов. Фотография, на которой засняты многие любимые дядюшки и тетушки Альфа, отлично сохранилась, хотя и сделана больше восьмидесяти лет назад. В последнем ряду свадебной группы стоят два молодых человека — это братья Джима, Мэти Боб Уайты. В юности Альф проводил очень много времени с этими двумя дядями. Мэтью Уайт был всего на тринадцать лет старше Альфа, который видел в нем скорее брата, чем дядю. Этот веселый человек с простодушным лицом и озорной улыбкой был прирожденным шутником, который смеялся большую часть своей жизни. Второй дядя, Роберт Уайт, был намного серьезнее. Он обладал острым чувством юмора, характерным для большинства членов обоих семейств, но при этом был глубоко мыслящим человеком высоких принципов. Дядя Боб, энтузиаст и оптимист, считал мир местом больших возможностей. Именно эти качества привлекали к нему юного Альфа Уайта в годы становления его личности, именно Роберту Уайту он потом будет подражать.

В первом ряду на той старой фотографии сидит молодой человек в военной форме. Это Альфред Уайт, младший брат Джима и единственный дядя, которого Альф никогда не видел. Он служил сержантом в 19-м батальоне Даремской легкой пехоты и погиб в сражении на Сомме через год после свадьбы Джима и Ханны. Семья тяжело переживала утрату безвременно ушедшего юноши, но имя его продолжало жить. Альф родился через пятнадцать месяцев, и его назвали в честь дяди, отдавшего свою жизнь в тот роковой день.

Родственники со стороны семьи Беллов были очень общительными людьми. Они всегда говорили, что думают, не обращая внимания на мнение окружающих. Со свадебной фотографии на нас смотрят лица Стэна и Джинни, брата и сестры Ханны, — они воплощали в себе кипучую энергию Беллов. Альф обожал дядю Стэна, невысокого подвижного человека с улыбчивым лицом, светившимся дружелюбием. Как и другие дядюшки Альфа, он был фанатичным футбольным болельщиком и не пропускал ни одного домашнего матча в Сандерленде. Он громко комментировал игру, вертя головой во все стороны и откровенно высказывая свое мнение. Никто не знает, успевал ли он при этом следить за игрой. Джим Уайт (или «Папаша», как всегда называли его Альф и вся семья) являлся его полной противоположностью. Он тоже был преданным болельщиком клуба, но, кроме довольной улыбки или мучительного спазма лицевых мышц, ничем не выдавал своих эмоций.

Когда Альф впоследствии приезжал в Глазго, он всегда с огромным удовольствием наблюдал, как его отец — тихий, сдержанный человек с учтивыми манерами — пытается стать незаметным в компании своих шумных веселых родственников. Папаша на всю жизнь запомнил матч на стадионе Айброкс в Глазго, где Стэн, сидя в окружении орущих болельщиков «Глазго Рейнджере», громогласно высказал свое мнение об игроках их команды: «Утиные яйца[2]!» Это старое сандерлендское выражение, и не нужно быть уроженцем Северо-Восточной Англии, чтобы понять его значение. Папаша был счастлив, что им удалось уйти со стадиона живыми.

Стэн был не единственным Беллом, внушавшим Папаше желание спрятаться. Он пережил множество неловких минут в компании своей золовки Джинни, которая громко высказывала свое мнение в общественных местах, часто провоцируя не менее шумную реакцию. Джинни все это очень нравилось, она получала удовольствие от скандала, но так и не дождалась поддержки от зятя. Связав свою жизнь с семьей Беллов, Папаша быстро научился одной вещи — тихо и незаметно исчезать.

В конце октября 1916 года крошка Альфред Уайт, всего трех недель от роду, покинул Сандерленд и поселился в самом крупном городе Шотландии, — здесь он проживет первые двадцать три года своей жизни. Он провел счастливое детство среди общительных и дружелюбных обитателей этого большого шумного города, поэтому Альф Уайт в душе всегда считал Глазго своей родиной.

Его любовь к городу чувствуется в посвящении, которое стоит

в начале его четвертой книги «Ветеринар за работой» («Vet in Harness»). Оно просто гласит: «С любовью — моей матери, живущей в милом старом городе Глазго».

Альф был не одинок в своей привязанности к этому харизматическому городу. Многие уроженцы Глазго с гордостью вспоминают о своем происхождении, несмотря на то, что с годами город приобрел довольно-таки незавидную репутацию. В период между двумя войнами многие большие города Британии пользовались дурной славой, а Глазго был хуже всех. Впоследствии Альф с плохо скрываемой яростью следил за телевизионными передачами о Глазго. В них город представал как мерзкое скопище грязных трущоб, населенных бандами, которые сначала перережут тебе глотку, а потом станут задавать вопросы. «Никого не интересуют хорошие стороны Глазго, — возмущался он. — Почему они не говорят о славных дружелюбных людях, о великолепных домах, парках и художественных галереях? А дивная природа вокруг?»

В представлении многих Глазго был «убогой картинкой в красивой рамке». Да, многие его районы не назовешь благопристойными, но где еще в Британии есть крупный город с такими великолепными пейзажами и изумительной природой, и все это буквально на расстоянии вытянутой руки? Жителям Глазго по-настоящему повезло: замечательная игровая площадка начинается прямо от порога, и это не пропало даром для юного Альфа Уайта. Став старше, он часто убегал от шума и грязи города в близлежащие холмы и долины. Счастливые часы, проведенные в «красивой рамке» Глазго, зародили в нем любовь к дикой, нетронутой природе, о которой он много лет спустя будет писать с таким чувством.

Одним из отличительных признаков архитектуры Глазго были многоквартирные дома. Эти мрачные многоэтажные здания стоят на улицах города, словно гигантские часовые. Они стали символом Глазго в начале прошлого века (19-го), когда огромные потоки иммигрантов хлынули в страну в поисках работы. Глазго, известный в то время как «второй город империи», переживал экономический подъем, и многоквартирные дома стали решением жилищной проблемы. В сущности, они были первыми высотными жилыми зданиями в Британии.

Семья Уайтов сменила три дома, пока жила в городе, и первым из них была квартира на первом этаже многоквартирного дома на Йокер-Роуд (позже улицу переименовали в Дамбартон-Роуд) в Йокере, пригороде Глазго, расположенном на восточном берегу реки Клайд.

Многоквартирные дома Глазго имеют ужасную репутацию:

они считаются воплощением нищеты и убожества. На самом деле они широко различались по степени респектабельности. Черные дома Горбалса — квартала на другой стороне реки Клайд, — выглядели ужасно, как снаружи, так и внутри. Центральная лестница — так называемый «коридор» — с темными мрачными ступенями, с убогими квартирками по обеим сторонам, поднималась на самый верх здания. Многие семьи в бедных районах Глазго — Горбалсе или Каукадденсе — ютились в одной или двух комнатах. Отдельные туалеты были редкостью, и двадцать-тридцать человек пользовались одной уборной, которая, как правило, находилась на улице. Там процветали нищета и болезни. Многие дети болели рахитом из-за недоедания. Я помню, у бабушки работала молодая женщина с искривленными ногами, что свидетельствовало о детстве, проведенном в нищете и лишениях. Неудивительно, что люди, жившие в этих кошмарных условиях, часто прибегали к насилию и выпивке, пытаясь хоть ненадолго избавиться от своего убогого существования.

Однако другие дома, в частности тот, в котором Альф провел свои первые годы, относились к совершенно иной категории. Хотя снаружи они выглядели не очень привлекательно, внутри они были вполне благопристойными. Войдя в такой дом, часто испытываешь удивление. За скучным, иногда даже мрачным фасадом скрывались вместительные, радующие глаз комнаты с высокими рельефными потолками.

Квартира на первом этаже, в которой Альф провел свои первые годы, может, и не была лучшим образцом квартир Глазго, но все же выглядела вполне прилично. Подъезд в его доме был облицован кафелем. Это имело большое значение: если стены в твоем подъезде не просто покрашены, а облицованы плиткой, значит, ты сумел немного подняться по социальной лестнице. В каждой квартире было по три-четыре комнаты — большая гостиная с прилегающей к ней кухней, одна, иногда две спальни, ванная и туалет. Ниши в гостиной перегораживали занавесками, и получались дополнительные спальные места.

Молоко и уголь доставляли на повозке, запряженной лошадью. Молоко оставляли в бутылке у дверей, а угольщик, стуча башмаками, заходил в дом и выгружал уголь в бункер, находившийся в углу кухни. Углем отапливали квартиру, на нем же готовили еду в огромной печи, занимавшей почти все пространство кухни. Эти внушительные черные печи к тому же обеспечивали всю семью горячей водой. Возможно, первое жилище Альфа дворцом не назовешь, но там было хорошо и уютно.

Вокруг Альфа Уайта и его успеха выросло много мифов, и согласно одному из них, он вырвался из «тяжелой нищеты» своей юности. На самом деле, его детство в Глазго было очень счастливым, и суровая рука лишений лишь изредка касалась маленького «Альфи» Уайта. Йокер считался престижным рабочим кварталом города, и многие жители Глазго мечтали переехать туда. Да, там находились предприятия тяжелой промышленности, верфи и металлургические заводы, и многие побаивались заходить в некоторые районы Йокера, особенно в пятницу и субботу вечером, — но, в основном, здесь жили добропорядочные граждане, зарабатывавшие достаточно, чтобы подняться над чертой бедности.

Всего несколько минут ходьбы, и Альф оказывался на зеленых полях и фермерских угодьях, раскинувшихся на фоне Килпатрик-Хиллс и Кэмпси-Феллс. Сейчас Йокер выглядит совершенно иначе. Красивые ландшафты, среди которых Альф Уайт провел столько счастливых часов, теперь имеют заброшенный вид, на смену добротным домам и ярким лугам пришли унылые мрачные здания и пустыри. Заколоченные досками магазины говорят о разгуле преступности. Йокер, бесспорно, переживал свои лучшие времена в тот период, когда Альф со своими друзьями играл на улицах и в близлежащих полях.

Его родители много работали, стараясь обеспечить семью всем необходимым. У Папаши была хорошая работа на крупной верфи Ярроу недалеко от дома, а по вечерам он подрабатывал, играя на пианино в кинотеатрах. Он руководил оркестром, который аккомпанировал во время просмотра немых фильмов и исполнял музыкальные номера в перерыве между сеансами.

Папаша необычайно гордился своими музыкальными способностями. По вечерам, когда большинство рабочих попивали пиво в барах Йокера, Папаша усаживался за свой любимый рояль, который привез с собой из Сандерленда. Он часами музицировал, получая от этого огромное удовольствие. Я хорошо помню, как мой дедушка садился за рояль, закрывал глаза, его пальцы порхали над клавишами, и его лицо светилось счастьем. В молодости он лишился указательного пальца на правой руке, но это, похоже, ему совсем не мешало. Он сам сочинял музыку и в зрелом возрасте аккомпанировал группе «Гленафтон Сингере», которая давала много концертов. Папаша был способным музыкантом и передал свою восторженность сыну, который тоже со временем поймет, что любовь к музыке — одна из величайших радостей в жизни.

Ханна Уайт также имела музыкальные способности. Она и ее

муж были членами Музыкального общества Глазго и регулярно выступали с концертами в городе. Он аккомпанировал на фортепиано, а она пела в хоре под девичьей фамилией, называя себя «мисс Анна Белл». Деньги, заработанные выступлениями, были приятным дополнением к семейному бюджету.

В середине 1920-х годов наступил тревожный период, и Глазго стал небезопасным местом во время Всеобщей забастовки 1926 года. На улицах патрулировали солдаты, поддерживая закон и порядок. Толпы отчаявшихся повстанцев швыряли палки и камни, автобусы и трамваи ездили с металлической сеткой на окнах, защищавшей стекла от ударов. Папашу вместе с тысячами других рабочих уволили с верфи. Ему, как и многим другим, пришлось потуже затянуть ремешок, так как на город обрушилась Депрессия, и найти работу было практически невозможно. Однако он сумел выкарабкаться благодаря твердой решимости и приспособляемости. Папаша нашел другие способы заработать на жизнь — сначала был плотником, а потом, когда Альф стал подростком, открыл магазин быстрого питания, где подавали жареную рыбу с картошкой. К тому же у него было еще одно преимущество — решительная и предприимчивая жена.

Примерно в 1928 году Папашин доход от игры в кинотеатрах резко сократился с приходом звукового кино, но Ханна к тому времени уже сама зарабатывала на жизнь. Ее таланты не ограничивались одной лишь музыкой, — она была искусной портнихой. В середине 1920-х годов она освободила одну комнату в доме и устроила там процветающее ателье, которое держала почти тридцать лет. У нее было столько заказов, что в начале 30-х она наняла не только несколько швей, но и горничную по имени Сэди. Среди клиенток Ханны было много богатых и влиятельных женщин, что вносило существенный вклад в семейный бюджет.

Имея родителей, обеспечивающих постоянный доход, Альф Уайт никогда не знал настоящей бедности. Его родители временами, безусловно, испытывали финансовые трудности, особенно когда пришло время платить за обучение Альфа, но они пережили годы Депрессии гораздо лучше многих. В те времена на улицах Йокера было не много домов, у обитателей которых были рояль и горничная. Хотя Альфу приходилось сталкиваться с угрозой нищеты, это произошло не в детстве, проведенном на улицах Йокера.

Когда Альфу Уайту было почти пять лет, его отдали в начальную школу Йокера. Это была хорошая школа, в ней преподавали квалифицированные учителя, делавшие акцент на основные предметы — чтение, письмо и арифметику. Директора звали мистер Малкольм; у него было красное лицо,

свидетельствовавшее о неуемной любви к пиву, и дети дали ему прозвище «Пивной» Малкольм. Он был магистром искусств и отличным директором, но любимым учителем маленького Альфа стал мистер Паттерсон, преподававший историю.

Альф любил историю и на протяжении всей своей жизни с удовольствием читал исторические романы, утверждая, что его бросает в дрожь от мысли, что он читает о реально происходивших событиях. Мистер Паттерсон был блестящим учителем, и его воодушевление подогревало интерес Альфа. Рассказывая о сражениях, он возбужденно шагал между рядами учеников, размахивая огромной тростью и протыкая воображаемых врагов: оживший Роберт Брюс снова громил англичан в битве при Бэннокберне, к пущей радости смеющихся ребят. Мальчик даже не догадывался, что однажды, много лет спустя, он тоже будет оживлять прошлое, описывая все перипетии профессии ветеринара. Своим пером он нарисует такие же яркие, живые картины, что и его энергичный учитель выписывал своей тростью, бегая по классу в Йокере.

Альф отлично успевал по английскому языку, но арифметика ему не давалась. Он непонимающе смотрел на своего одноклассника Уилли Кроуфорда, который решал задачу в считаные секунды. К счастью, этот предмет не имел особого значения для будущей профессии Альфа и навсегда остался для него глубокой, непостижимой тайной.

Йокерская школа создала отличную основу для образования Альфа Уайта, и после окончания он сохранил о ней множество хороших воспоминаний. Но главным наследством, доставшимся Альфу от его первой школы, было знакомство с мальчиком, который стал его другом на всю жизнь. Алекс Тейлор жил по соседству на Келсо-стрит, и между двумя мальчиками завязалась дружба, которая длилась больше семидесяти лет. На протяжении всей жизни у Альфа было много хороших друзей, но только дружба с Алексом Тейлором прошла столь серьезное испытание временем.

Один удивительный персонаж навсегда врезался в память Альфа — храбрец по прозвищу «Прыщ» Уилсон. Этот мальчик заявил, что спрыгнет со второго этажа дома с помощью старого зонтика, и прославился на всю округу. Ребятня пришла в страшное волнение, и все с нетерпением ждали предстоящего спектакля. Наконец великий день настал, и огромные толпы детей — Альф и Алекс в том числе — собрались на представление. Им не пришлось пережить разочарование. После напряженного ожидания герой дня появился на подоконнике со своим «парашютом» в руке и приготовился к прыжку. Несколько

драматических минут мальчик возился на карнизе и вдруг выпрыгнул из окна, раскрыв над собой зонт. Его юные зрители испуганно ахнули. Одну секунду все шло хорошо, но потом наступила страшная развязка. Старый зонтик вывернулся наружу, и мальчик с криком рухнул на землю. «Прыща» увезли в больницу, и вскоре он пошел на поправку. Это было короткое, но эффектное представление, навсегда оставшееся самым ярким воспоминанием Альфа о днях, проведенных в школе Йокера.

Разумеется, о телевизорах тогда никто еще не слышал, и Альф, Алекс и другие ребята сами придумывали себе развлечения. Все свободное время они проводили на улице, и для их игр с замысловатыми названиями типа «камешки», «раскрути пирата» или «угадай, кто слева», не нужны были дорогие приспособления. После школы они часами пинали футбольный мяч, а «Коротышка Альфи Уайт» часто гонял по улицам на велике, вызывая зависть своих одноклассников. Это были счастливые беззаботные дни. Несмотря на нищету и отчаяние, царившие на улицах Глазго во времена Депрессии, родители не испытывали страха за безопасность своих детей. Как все изменилось с тех пор!

Одним из главных развлечений для детей в то время было кино, тем более кинотеатры стояли чуть ли не на каждом углу. Особой популярностью пользовались «грошовые сеансы». За гуманную цену в один пенни или два — если хотелось сидеть на балконе, — ребятня могла посмотреть весь фильм целиком, и по субботам они частенько ходили на комедии или вестерны. Ковбойские фильмы были очень популярны в те годы, и дети их обожали, несмотря на отсутствие звука. Любимым героем Дикого Запада был ковбой-остряк по имени Дрэг Харлан. На экране этот меткий стрелок не появлялся, но был персонажем какой-то популярной книжки того времени. Много лет спустя Альф с Алексом хохотали до слез, вспоминая, как в детстве зачитывались этими «научными» описаниями жизни на Диком Западе. Недавно Алекс привел пример бесподобного стиля автора: «В центре его лба появилось черно-синее отверстие. На его лице промелькнуло удивленное выражение, и он медленно сполз на пол»! Такие пассажи, как однажды сказал Альф, должны быть «признаны классикой литературы».

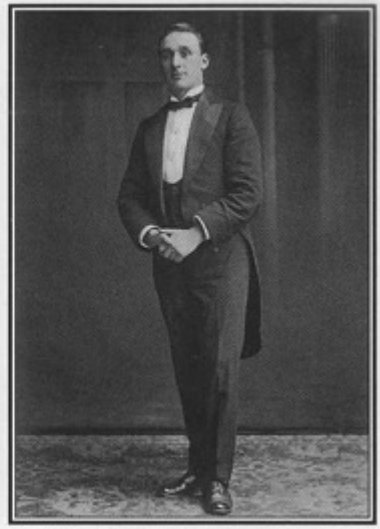
По воскресеньям ходили в церковь. Став взрослым человеком, Альф редко бывал на службе, но в детстве он каждую неделю посещал воскресную школу. Походы в церковь в Йокере запечатлелись в его памяти не так ярко, как богослужения в Сандерленде, которые он иногда посещал вместе со своими дядями и тетями. В те дни методистские богослужения

проводились с большим воодушевлением. Проповедь часто прерывалась возгласами «аллилуйя!» или «хвала Господу!», и прихожане, разбившись на группы, распевали псалмы с неистовой страстью. Настоящие «адские муки», внушавшие страх маленькому Альфу. Богослужения в Йокерской церкви проходили не столь драматично, но одна история о его воскресной школе показалась мне любопытной. Детям, которых регулярно выводили на прогулки, внушали, что, проходя мимо католического храма, обязательно нужно плюнуть.

Если задуматься об истории Глазго, вид детей, плюющих на церковь, не вызывает никакого удивления. В годы экономического подъема в город хлынули тысячи людей в поисках работы, и с середины девятнадцатого века в Глазго обосновалась многочисленная община ирландских католиков. В результате город разбился на два враждебных религиозных лагеря, и эмоции иногда перехлестывали через край. Во времена Альфа (да и сейчас тоже) жители Глазго делились на «продди» (пренебрежительное прозвище протестантов) и «папистов», и учителя учили маленького протестанта Альфи Уайта и его друзей изливать свои чувства на католического врага. К счастью, юный Альф так и не усвоил эту религиозную догму и вырос беспристрастным, терпимым человеком, который никогда не понимал, как можно ненавидеть человека за его веру.

Йокерская школа хорошо подготовила Альфа к следующей ступени его образования. Большинство его одноклассников перешли в государственные средние школы — в том числе Алекс Тейлор, который поступил в школу Виктория-Драйв, — но у матери Альфа были другие планы. Она хотела самого лучшего для своего сына и решила, что он пойдет в одну из самых дорогих платных школ Глазго. Альф получил все оценки, необходимые для продолжения образования, и 3 сентября 1928 года отправился в зеленый пригород Хиллхед, где впервые ступил на порог Хиллхедской средней школы.

Ханна Белл



Джеймс Генри Уайт

Семейная фотография, сделанная после бракосочетания Ханны и Джеймса Уайта, июль 1915 г. Два молодых человека в форме в первом ряду: слева – Альфред Уайт, в честь которого назвали Альфа, и справа – Стэн Белл, брат Ханны; между ними сидят две сестры Папаши – Дженни и Элла. Боб и Мэтт Уайт стоят по бокам в последнем ряду; перед Бобом – тетя Джинни и ее муж Джордж Уилкинс

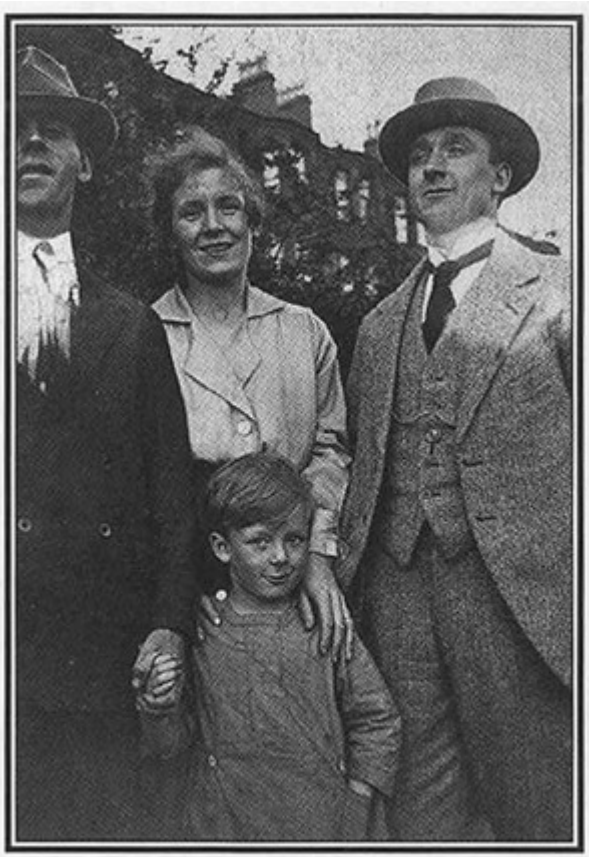
На отдыхе недалеко от Эпплби

Альф с детства любил животных – особенно собак

Альф со Стэном Уилкинсом и лохматым другом

С щенком Доном

Альф, справа, с юным другом Лоуренсом Тайрменом в Сандерленде



Джим и Ханна Уайт
с маленьким Альфи

Альф с родителями на отдыхе в Инвербеге
на озере Лох-Ломонд

Глава 2

В то время у Хиллхедской школы была отличная репутация, и на каждое место приходилось несколько желающих. Альф оказался среди учеников, происходивших из более богатых семей, чем он сам. Но его это не волновало. Следующие пять лет он усердно учился, выполняя свою часть работы, а его родители выполняли свою — оплачивали школьные счета и обеспечивали сыну надежный тыл.

Для Папаши наступили тяжелые времена. Потеряв работу на верфи, он по-прежнему играл в кинотеатрах и театрах и подрабатывал плотником, но его заработка, разумеется, не хватало на то, чтобы обеспечить семью и внести плату за обучение — примерно 2 фунта 10 шиллингов за семестр. Альф, горячо любивший отца, позже вспоминал те дни в Глазго. «Жизнь бедного Папаши проходила в борьбе, — рассказывал он. — Его то принимали куда-то, то увольняли, ни на одном месте не было абсолютно никакой уверенности в завтрашнем дне, но хоть какая-то работа у него постоянно была».

Хотя Папаша редко оставался без работы, именно Ханна со своим процветающим ателье и уроками музыки и пения вносила основную лепту в финансовое благополучие семьи. Альф Уайт никогда не забывал, какую поддержку оказывали ему родители на протяжении всех одиннадцати лет учебы в Глазго.

Альф начал учиться в помещении на Сесил-стрит — добротном, но мрачноватом четырехэтажном здании с лабиринтом маленьких переполненных классов. Нехватка места в школе, насчитывающей более 600 учеников, создавала множество проблем, и в результате в сентябре 1931 года школа переехала в другое здание — на Оакфилд-авеню. Здесь Альф провел последние два года в Хиллхеде. Летом 1997 года я побывал в старой школе отца. Теперь это бесплатное учебное заведение, которое находится в ведении Департамента образования при городском совете Глазго, но строгое здание из красного кирпича почти не изменилось с того времени, когда здесь учился Альф. Классы расположены точно так же — вдоль некогда холодного коридора, по которому он ходил в детстве. Нынешний директор, Кен Каннингэм, сказал мне, что школа очень ценит свою связь с Джеймсом Хэрриотом, но Альф, хотя и неплохо проводил здесь время, редко вспоминал о своих днях в Хиллхеде. Вероятно, напряженная учеба вместе с железной дисциплиной не оставила таких долговечных воспоминаний, как более яркие периоды его жизни.

Однако именно в Хиллхеде юный Альф Уайт разовьет в себе качества, которые пронесет через всю жизнь, — упорство и трудолюбие вместе с любовью к литературе, музыке и спорту. А главное — там он приобрел черты, которые станут отличительной особенностью отца, которого я знал: он испытывал острый интерес к самым разнообразным предметам, с воодушевлением брался за любое дело и высоко ценил удачу, если она встречалась ему на пути.

Отец всегда уверял нас, что учился неважно, но школьные ведомости рассказывают совершенно другую историю. В его выпускном табеле стоит оценка «отлично» за успехи, прилежание и поведение. Лучше всего он успевал по английскому, французскому и латыни, а злосчастная математика плелась в хвосте. У него были хорошие учителя. Хиллхедская средняя школа во главе с директором Франком Бьюмонтом славилась превосходным преподавательским составом и строгой дисциплиной. Телесные наказания, которые сегодня так осуждают, были весьма эффективным средством поддержания закона и порядка. Девиз школы гласил: «Je maintiendrai», — т. е.: «Я поддержу!» Верным союзником учителей в поддержании дисциплины был ремень, и Альф много раз испытал на себе его действие. Эту сторону своей школьной жизни Альф помнил очень хорошо. Особенно ему запомнился один из учителей, «Большой Билл» Барклай, который пользовался глубоким уважением благодаря своей наружности и таланту педагога. Он не слишком часто прибегал к помощи ремня, но если до этого доходило, наказание надолго оставалось в памяти. Некоторые учителя без колебаний брались за ремень: за малейший проступок наказывали шестью ударами по кистям рук. Плотный кожаный ремешок с тремя плетками на конце равномерно распределял боль по всей руке.

Однажды Альф получил неприятный сюрприз, когда мистер Филши, учитель математики, выразил недовольство успеваемостью своего ученика. Альф отличился на экзамене по тригонометрии, набрав всего 5 процентов, и его ждало наказание. Он вспомнил этот мучительный эпизод в статье для журнала, посвященного столетней годовщине школы Хиллхед, в 1985 году:

«Уайт, — грозно произнес мистер Филши, — я всегда думал, что ты просто дружелюбный идиот, и относился к тебе соответственно, но тут я узнаю, что ты лучше всех в классе написал работу по английскому языку, и могу сделать только один вывод: для меня ты не стараешься. Вытяни руки!»

Хотя наказание ничуть не помогло повысить успеваемость Альфа по математике, это болезненное средство поддержания

контроля работало, и дисциплина в школе была отменной. Возможно, поэтому юный Альф Уайт в первый раз начал вести дневник.

Одним из самых удивительных аспектов творчества Джеймса Хэрриота была его способность описывать случаи, произошедшие много лет назад. Его внимание к деталям поражает своей точностью, и когда читаешь его рассказы, кажется, будто все это было только вчера. Обсуждая его работы, многие люди высказывали предположение, что он вел подробные дневники и пользовался ими, когда всерьез занялся литературой. В интервью средствам массовой информации Альф часто говорил, что не ведет дневники и может вспомнить старые времена до мельчайших подробностей. Несмотря на его уверения, ему никто не верил, но на самом деле Альфред Уайт не был организованным и методичным человеком, каковым его считали. За исключением двух коротких периодов его жизни, он никогда не вел дневников, но был очень наблюдательным человеком, особенно если что-то вызывало его интерес, и к тому же обладал потрясающей фотографической памятью. Удивительные причуды человеческой природы и забавные случаи, происходившие на его глазах, четко отпечатывались в его памяти, и в сочетании с талантом писателя это стало залогом успеха.

Впервые Альф вел дневник с 1933-го по 1935 год — в свой последний год в Хиллхеде и первые два года в Ветеринарном колледже Глазго. Его мать сохранила эти старые дневники, и они позволили почувствовать восторженное отношение к жизни молодого Альфа.

В своем дневнике он подшучивал над учителями Хиллхеда: «Мисс Честерс (Софи) пытается вдолбить нам французский. Честерс искренняя и похожа на мальчишку, мне она очень нравится. Два раза в неделю мистер (Тарзан) Брукс ведет у нас риторику. Эта птица — просто смехота, хотя и действует из лучших побуждений». А об учителе латыни Альф написал: «Бакки сегодня в ужасном настроении. Вопил и орал на нас, как разъяренный слон. Теперь я знаю, на какую длину глаза вылезают из орбит, не выпадая из глазниц».

Судя по этим шутливым замечаниям в адрес учителей, Альфу нравилось в Хиллхеде. Он любил английский язык и латынь и в свободное время дома много читал по этим предметам. Он читал античных авторов, таких как Цицерон и Овидий, и настолько хорошо знал латынь, что, как он потом говорил, мог бы вести беседу с древним римлянином. Чтение помогало Альфу и в английском языке, и огромный интерес, который он проявлял к школьным предметам, говорит о том, что учеба была ему в

удовольствие.

Я всегда знал, что отец — очень начитанный человек. У нас дома в Тирске книги стояли повсюду, и почти все они были прочитаны. Любовь к чтению зародилась у Альфа еще в школьные годы, — если у него появлялись свободные час-два, он проводил их за книгой. Альф читал не только приключенческие романы, но и с жадностью поглощал классику. К пятнадцати годам он прочитал все произведения Чарльза Диккенса, что подтверждают его дневники. В них много упоминаний о Диккенсе, Скотте, Пипсе, среди лириков он выделял Шекспира и Мильтона. «Взял в библиотеке „Повесть о двух городах“ Диккенса, — писал Альф, — нужно прочитать для школы. Меня это устраивает на все сто, так как я большой поклонник Диккенса». Есть еще одно упоминание о Диккенсе: «Папа курит „Кенситас“. Они дают купоны, и я заказал каталог; там есть собрание сочинений Диккенса в шестнадцати великолепных томах за 10 шиллингов. Собираюсь их получить».

Среди его любимых авторов приключенческих романов были сэр Артур Конан Дойл, Герберт Уэллс и Генри Райдер Хаггард, еще он писал, что читать О'Генри — «одно удовольствие». Купоны «Кенситас» оказались весьма кстати: с их помощью Альф приобрел полное собрание сочинений Диккенса, книги О'Генри и Шекспира. Он любил и легкое чтиво. Здесь писателем номер один был П. Г. Вудхауз, а любимой книгой — «Дживс всемогущий». Альф всю жизнь читал и перечитывал эту книгу и каждый раз хохотал до слез над комичными выходками Дживса, Берти Вустера, Малыша Бинго и других персонажей.

П. Г. Вудхауз, должно быть, произвел неизгладимое впечатление на молодого Альфа. Некоторые обороты речи в его дневниках напоминают стиль Вудхауза. Вот что он написал о людях, с которыми познакомился во время каникул в Уэст Килбрайд в июле 1933 года: «Похоже, Дэвид Сомервилль без ума от Эвлин, бедняга! Нам с Монти Дороти кажется классной штучкой». Такие фразы часто встречаются в его дневниках, лишний раз доказывая его восхищение перед Вудхаузом.

Будучи мальчиком, Альф делил эти минуты смеха над книгами Вудхауза со своим отцом, который тоже очень много читал и чей дом всегда был полон книг. Высокий уровень преподавания английского языка в Хиллхеде с такими учителями, как «Джонни» Гибб и «Большой Билл», был мощным стимулом, но Папаша тоже внес свою лепту, привив Альфу любовь к чтению, и заслуживает огромной благодарности за ту поддержку, которую оказал сыну в годы формирования его личности.

Папаша не только приучил сына читать, он внушил ему большую любовь к музыке. Папаша получал необычайное

удовольствие, слушая и исполняя музыку, и это не прошло незамеченным для мальчика, который научился ценить хорошую музыку не хуже своего отца. Папаша любил разные стили музыки. Когда я был ребенком, мы часто ездили в гости в Глазго, и меня завораживал старый граммофон, стоявший в углу рядом с роялем. Эту древнюю машину нужно было заводить вручную, и тогда диск начинал вращаться, и гигантский стальной тонарм со свирепого вида иглой опускался на пластинку. Раздавался страшный треск, сквозь который слышались звуки музыки. Тем не менее, граммофон был предметом гордости и радости Папаши. Одной из любимых записей Папаши была пластинка с голосом великого Карузо, исполнявшего арию «Пора надеть костюм» из оперы «Паяцы». Одно из самых ярких детских воспоминаний Альфа — отец, сидящий ночью около старого граммофона и слушающий этого великого певца. Как только великолепный голос Карузо начинал замедляться, Папаша вскакивал и яростно крутил ручку граммофона до тех пор, пока не восстанавливалось идеальное звучание. Я по сей день храню эту заезженную пластинку.

В шесть лет родители стали учить Альфа музыке. Он занимался несколько лет, — учителем был не кто иной, как его отец, — но оказался слабым учеником и упражнялся без особого энтузиазма. Папаша был крайне разочарован, отцу и сыну пришлось пережить диссонирующие ноты и долгие разговоры на повышенных тонах, прежде чем Папаша смирился с поражением. В тринадцать лет Альф все-таки выступил на концерте в ратуше Клайдбэнка, но на этом его музыкальная карьера завершилась.

Однако любовь Альфа к музыке ничуть не ослабела. Хоть он и не стал хорошим музыкантом, как его отец, но унаследовал его, и материнский, музыкальный слух, и это всю жизнь доставляло ему необычайное удовольствие.

Альфу нравились не только учебная и культурная сторона его школьной жизни; он любил спорт, а Хиллхедская школа гордилась своей репутацией на игровых площадках Шотландии. Его любимыми видами спорта были крикет, легкая атлетика и теннис, и в 1932 году Альф получил медаль по легкой атлетике, заняв второе место в соревнованиях между школами. Он делал большие успехи в прыжках в длину и прыгал дальше чем на шесть метров.

Альф увлекался легкой атлетикой, но по-настоящему хорошо играл в теннис. В последнем классе школы он дошел до финала по теннису, но проиграл, хотя был очень близок к победе. Однако Альф не унывал. Он вступил в Теннисный клуб Йокера и добрался до финала, но снова проиграл. Тем не менее поражение в двух

финалах подряд не отпугнуло его. Все оставшиеся годы в Глазго он постоянно играл в теннис и выиграл много матчей за Кубок Западной Шотландии, а когда переехал в Йоркшир, участвовал в теннисных турнирах почти до сорока лет. Многочасовые тренировки в Глазго сделали его опытным спортсменом.

Спорт занимал важное место в школьной жизни Альфа, который был и спортсменом, и болельщиком одновременно, и его детский дневник испещрен записями о разных спортивных событиях. Он часто упоминает о сборной Англии по крикету и об успехах Хиллхеда на поле для регби, но больше всего страниц посвящено футбольному клубу «Сандерленд». Хотя его команда находилась за 250 километров, Альф всю жизнь хранил верность «красно-белым». В Глазго он много раз смотрел игру «Рэйнджерс» и «Селтик» и болел за «Мотеруэлл» в Шотландской лиге, но именно команда родного города была ближе всех его душе.

Его чувства раскрываются на многих страницах, где он весьма экспрессивно описывает старую команду, как, например, 28 сентября 1933 года: «О Боже! Вот это да! Вот это да! Что за день! Почему здесь так мало места? „Сандерленд“ обыграл „Астон Виллу“ со счетом 3:0 в Вилла-Парке. „Сандерленд“ ни разу не выигрывал кубок, хотя в Лиге показывал отличные результаты, но, может, это их год? Так и есть! Как бы мне хотелось и дальше восхвалять это великое событие, но, боюсь, в соответствии с требованиями этой тетради я должен описывать собственные дела». В более мрачных тонах Альф писал: «Увы! Я погрузился на самое дно отчаяния. Жизнь для меня стала мрачной и унылой, а будущее кажется безрадостным и безнадежным. „Сандерленд“ проиграл „Дерби Каунти“ в Рокер-Парке». С какой страстью следил он за успехами и неудачами своей команды, которая на протяжении всей его жизни доставляла ему то радость, то огорчение!

Записи в дневнике за 1933 год отличаются позитивным отношением Альфа к заботе о своем здоровье. Он постоянно писал, как хорошо себя чувствует, и для этого была причина: предыдущий год был очень тяжелым для него. Он едва не умер от дифтерии. Эта болезнь, вызываемая вирулентными бактериями, сегодня редко встречается. Создание вакцины в 1946 году практически искоренило ее, но в начале последнего учебного года в Хиллхеде Альф заразился, и болезнь едва его не прикончила. В те дни, когда еще не было антибиотиков, ему пришлось сражаться с болезнью исключительно силой своей воли в сочетании с хорошим уходом, который ему обеспечили родители. Типичные симптомы — боль в горле и резкие головные боли, горло затягивает неприятная «творожистая» пленка,

которая очень затрудняет дыхание. Вдобавок все его тело покрылось болезненными нарывами, и он мучился с ними еще два года после выздоровления. Он вспоминал один особенно ужасный гнойник на ноге почти у колена, который, в конечном счете, стал твердым, как камень. Однажды вечером, решив, что с него хватит, Альф со всей силы сдавил гнойник. По его собственным словам: «Штука размером с небольшой крикетный мяч выскочила из ноги и поскакала по полу!» Больше похоже на эпизод из научно-фантастического триллера 1990-х годов, чем на историю из жизни довоенного Глазго, но Альф все-таки выкарабкался, а многие умирали.

Из-за изнурительной болезни его успеваемость в школе резко снизилась, к тому же ему пришлось полностью отказаться от занятий спортом. Неудивительно, что он так радовался тому, что остался жив. В августе 1933 года, когда Альф проводил каникулы в Сандерленде, он написал после того, как особенно весело провел день, играя в теннис и купаясь в море: «Когда я думаю о том, как весело мне сегодня было, и вспоминаю, как я умирал от дифтерии в прошлом году, я благодарю Бога за свое здоровье. Это самое ценное, что есть у человека».

Альф выбрался из мрака дифтерии новым человеком, переполненным новыми идеями. Он твердо решил сохранить здоровье и бодрость духа. Однажды ему дали почитать книгу под названием «Моя система» лейтенанта Дж. П. Мюллера. На обложке был нарисован греческий бог, а фотографии внутри изображали худощавого жилистого человека, который выкручивал свое тело, принимая невероятные позы. Альф считал, что этот человек — самый здоровый в мире, и решил, что сам он станет еще здоровее. Он поставил перед собой цель стать вторым Дж. П. Мюллером.

В основе «Системы» — холодные ванны и физические упражнения. В молодости отец добросовестно выполнял все эти предписания, и его дневник обильно усыпан заметками о них.

20 апреля 1933 года он писал: «Я, как говорится, здоров как бык. И все благодаря упражнениям и холодным ваннам. Я чувствую себя гораздо лучше и бодрее, чем в прошлом году до болезни, и не собираюсь останавливаться на достигнутом. На этот раз в день спорта я запишусь на все соревнования — 100 метров, 200 метров, прыжки в длину, метание диска и копья, бег с препятствиями, крикет, свободный удар и удар с отскока». Он, безусловно, поставил перед собой оптимистичные цели, решив завоевать медали в каждом состязании. Увы, он слишком увлекся тренировками и потянул мышцу в паху, поэтому день спорта прошел без его участия.

Альф был в таком восторге от «Моей системы», что купил книгу и для меня, и когда я учился в Глазго, то шел по его стопам, пытаясь превзойти неукротимого мистера Мюллера. Холодная ванна — худшая часть системы. Время выживания в воде измеряется минутами, дыхание при этом опасно учащается, а гениталии попросту исчезают из поля зрения. Выскочив из ванны, ты должен пройти испытание гимнастикой, за которым следует растирание; массируешь тело жесткой рукавицей, пока оно не зарумянится, как бекон. Громкие крики помогают добиться общего ощущения здоровья. Я недолго продержался на этой системе, но молодой Альф годами неукоснительно делал все упражнения и принимал холодные ванны вплоть до переезда в Йоркшир.

Еще Альф подписался на журнал «Супермен» и купил несколько эспандеров. Он не только хотел стать таким же здоровым, как Дж. П. Мюллер, он собирался вдвое увеличить мышечную массу. Его лучший друг Алекс Тейлор тоже решил укрепить свое тело, и юноши упорно занимались, идя к своей цели. Они регулярно обмеряли свои объемы, но после нескольких недель напряженной активности так и не приблизились к образу супермена, и их энтузиазм ослаб. Единственным напоминанием были ржавые пружины эспандера, которые я обнаружил в доме бабушки много лет спустя.

Альф считал увлеченность одним из наиболее важных человеческих качеств: она и стимулирует, и повышает настроение. Всю жизнь Альф чем-нибудь увлекался, и это его свойство проявилось еще в школе, о чем свидетельствуют записи в его дневниках. Некоторые его увлечения были весьма необычными, и хотя многие оказались недолговечными, его стремление к самосовершенствованию проступает на страницах дневника. 20 февраля 1933 года Альф писал: «Я хочу стать хорошим джазовым пианистом… Пожалуй, напишу дяде Бобу и попрошу одолжить мне книгу по джазовой музыке». 7 марта: «Начал понемногу осваивать жонглирование. Считается, что это развивает остроту зрения, и дом содрогался от грохота падающих шаров». Казалось, его замыслам нет числа: «У меня возникла новая идея. Хочу прочитать Библию с начала до конца. Помимо религиозного аспекта, это просто замечательная книга для чтения!»

Альф покупал книги по плаванию (он плохо держался на воде), занимался гольфом, вырезал фигурки из дерева, чтобы скоротать время долгими зимними вечерами. В редкие походы на танцы выяснилось, что он совершенно безнадежен, и он стал

брать уроки.

В его детские и школьные годы семья Уайт часто ездила в отпуск в Сандерленд. Там они останавливались у родственников, отличавшихся душевной теплотой, чувством юмора и благородством.

Однако город, в котором они жили, «теплотой» не отличался. Сандерленд считался самым неблагоприятным для жизни местом на Британских островах — город унылых серых домов и огромных пустырей, где зимой с Северного моря с ревом несутся холодные восточные ветры, а чуть более теплые западные загрязняют воздух, принося с собой разрушительные для легких примеси из соседних крупных промышленных районов. Впоследствии многие родственники Альфа, в том числе дядя Мэтт с дядей Бобом и их сестра Элла, переехали на юг, ничуть не жалея, что оставили этот суровый климат.

Да, на первый взгляд Сандерленд производит отнюдь не благоприятное впечатление, но в городе есть несколько кварталов с изюминкой, особенно приморские. Районы Сандерленда Рокер и Сиберн и старая рыбацкая деревушка Уитберн, расположенная дальше по побережью, ласкают взгляд своими аккуратными домиками и разбивающимися о берег волнами.

В детстве Альф провел много счастливых часов на этой замечательной игровой площадке. Подростком он, часто в компании двоюродного брата Джорджа Белла, сына дяди Стэна, играл в футбол и теннис в соседних парках, гулял по чудесному пляжу и смотрел матчи по крикету на спортивной площадке в Эшбруке, где местная команда состязалась за кубок Старшей лиги с командой Дарема.

Одно из самых любимых воспоминаний Альфа о Сандерленде связано с едой. В городе было полно «свиных лавок», где всего за несколько пенсов можно было отведать сочный сэндвич с горячей жареной свининой, который часто подавали с северо-восточным деликатесом — «гороховым пудингом» (вкусное блюдо из гороха, сваренного в свином бульоне). Если у Альфа появлялся лишний пенни, сэндвич окунался в густой соус, придавая этому кулинарному шедевру некий оттенок магии. Он рассказывал, что исходивший из свиных лавок запах, словно гигантский магнит, втягивал его внутрь.

Что бы Альф ни делал в Сандерленде, он всегда находил время для встреч со своим дядей Бобом Уайтом, который жил неподалеку — в Пеншоу, деревне угольщиков. Они бродили, покрывая километр за километром, и говорили обо всем на свете, благо у них было много общих интересов. Роберт Уайт, умный и

эрудированный человек, заражавший своим энтузиазмом, произвел глубокое впечатление на юного Альфа, который через бесконечные поиски совершенства будет пытаться воспроизвести качества своего любимого дяди.

Влияние родителей и дяди Боба, строгая дисциплина и высокие стандарты Хиллхедской школы — все это вместе способствовало развитию в молодом человеке оптимистического и положительного отношения к жизни, и именно в школьные годы в его душе зародились первые семена честолюбивых устремлений. И одно из них много лет спустя сделает его знаменитым — стремление стать ветеринарным врачом.

Глава 3

В то время, когда Альфа Уайта приняли в Хиллхедскую школу, Британия находилась во власти жесточайшей Депрессии. Сильно пострадал Глазго. Верфи на реке Клайд постоянно увольняли людей, рядовой рабочий зарабатывал чуть больше фунта в неделю. Ситуация в ветеринарной области — в которой, безусловно, было не место желающим быстро разбогатеть, — была ничуть не лучше, так как очень немногие могли позволить себе услуги ветеринара. Однако Альф еще в самом начале учебы в Хиллхеде твердо решил стать ветеринаром.

Ничто в детстве Альфреда Уайта не указывало на будущее, связанное с животными. Помимо того, что родители ему не разрешали, в его йокерском доме, где и так все пространство занимали материнское ателье и отцовский рояль, не было места для животных. Трудно представить образ жизни, более далекий от профессии сельского ветеринара, чем собственная жизнь Альфа в городе. Копоть и шум Глазго отличаются, как небо и земля, от йоркширских холмов и долин, которые он столь красочно описывал многие годы спустя.

Тем не менее, в 1928 году в его жизнь вошел персонаж, который оказал огромное влияние на выбор будущей профессии. Тогда, отчасти в награду за хорошие отметки, позволившие Альфу поступить в Хиллхедскую школу, родители купили щенка ирландского сеттера. В доме были кошки, но он мечтал о собаке. Теперь он ее получил. Этот щенок по кличке Дон стал первым из множества собачьих друзей Альфа, и он его обожал. Пока Альф учился в школе, а потом и в колледже Глазго, большую часть времени он посвящал Дону, часами гуляя с большим рыжим псом. Днем и ночью он бродил с ним по улицам и паркам около дома, а в выходные ему ничего не стоило отправиться с Доном на прогулку за тридцать с лишним километров на холмы Килпатрик, к реке Алландер, в долину Пил-Глен и в другие красивые места по соседству.

Дон постоянно фигурирует в дневниках Альфа, который называет его «старый прохвост», и, похоже, куда бы ни пошел Альф, «прохвост» шагал рядом. Один из его близких друзей детства, паренек по прозвищу «Кудряшка» Марон, жил в том же доме в Йокере, и прогулки с Кудряшкой и «прохвостом», судя по всему, были обязательным пунктом в распорядке дня. Альф сохранил любовь к прогулкам на всю жизнь, и этот симпатичный ирландский сеттер с блестящей шерстью был первым среди многих собак, разделявших эту любовь.

У Дона был непростой характер. Он имел дурацкую привычку срываться с места и исчезать за горизонтом, и часто проделывал этот трюк на прогулке. В те дни никто особо не обращал внимания на бродячих собак, и через несколько часов пес обычно являлся домой. Поджав хвост, он полз по полу в смиренной мольбе о прощении. Никому не хватало духа отругать это съежившееся создание, и каждый раз все ему прощали. Дон умел пресмыкаться, но и рычать тоже умел. Стоило кому-то приблизиться к нему, когда он грыз кость, — грозный рык и оскаленные зубы служили четким предупреждением, что Дону помощь не нужна. Этот пес требовал к себе уважения. Несмотря на это, он был отличным товарищем и верным другом, который не только стал подтверждением врожденной любви Альфа Уайта к животным, но и помог ему осознать, что между человеком и его собакой существует особая связь.

Однако не только появление домашнего питомца повлияло на решение Альфа стать звериным доктором. В тринадцать лет он прочитал статью в «Мекано мэгэзин». Она была из серии «Кем быть?» и рассказывала о профессии ветеринара. Альф получал журнал по подписке и прочитал несколько статей из этой серии, но эта показалась ему особенно интересной. Мысль о том, что можно зарабатывать на жизнь, заботясь о животных, привела его в восторг, — ведь он сам был любящим хозяином собаки.

С фотографии в центре страницы смотрел президент Королевского ветеринарного общества мистер Г. П. Мейл — мужчина с импозантной внешностью и аккуратно уложенными волосами, на шее которого поблескивала цепочка с эмблемой общества. Он произвел большое впечатление на Альфа.

Первый абзац оказался интересным: «Ветеринария — одна из нескольких профессий, которые в последние годы переживают спад». Насколько изменилась ситуация сегодня: тысячи будущих студентов отчаянно сражаются за те немногие места, что выделяет университет. Однако далее в статье говорилось: «Причиной спада часто называют развитие уличного движения, в результате чего профессия стала менее востребованной. Это ошибочное мнение, так как уменьшение значения лошади частично компенсируется за счет растущего спроса на услуги ветеринара в других направлениях». Это предложение (и ведь оно оказалось верным) вселило надежду в школьника. Первые крупицы мечты о профессии ветеринара пустили корни в его мозгу.

Статья в «Мекано мэгэзин» подстегнула интерес, но по-настоящему Альф уцепился за эту идею в Хиллхеде несколько недель спустя. В школу пригласили директора Ветеринарного

колледжа Глазго доктора А. У. Уайтхауса, чтобы он рассказал ученикам о профессии ветеринара. Оглядываясь назад, понимаешь, что в дело явно вмешалась судьба, если эти два никак не связанных события произошли в такой короткий промежуток времени; они оказали огромное влияние на будущее Альфа Уайта.

Доктор Уайтхаус оказался милым, дружелюбным человеком, заражавшим любовью к своему предмету. В конце беседы он предложил всем заинтересовавшимся мальчикам посетить колледж и лично посмотреть, как живут студенты-ветеринары.

Воодушевленный статьей и беседой, Альф принял предложение и отправился в колледж. Его встретил сам доктор Уайтхаус и подробно рассказал о работе ветеринара. Он объяснил Альфу, что, избрав эту профессию, богатым он не станет, зато его жизнь будет разнообразной, деятельной и полезной.

Одно только беспокоило Альфа — математика.

— Я обязательно должен сдать математику, чтобы поступить в колледж? — спросил он.

— О, математика очень нужна ветеринару, — с серьезным видом ответил директор. Наступила пауза. Альф напряженно ждал. Наконец доктор широко улыбнулся. — Но только для того, чтобы подсчитывать дневную выручку!

Этих ободряющих слов было достаточно. У Альфреда Уайта, школьника, теперь появилась цель. Он знал, как распорядится своей жизнью, и с еще большим рвением взялся за учебу. Впоследствии годы работы ветеринаром доказали правоту доктора Уайтхауса: жизнь Альфреда Уайта действительно была разнообразной, активной и полезной. Но в одном старый директор ошибся: сидевший перед ним мальчик с широко открытыми глазами все-таки стал богатым.

Оставшиеся годы в школе Альф был усердным и прилежным учеником, и отличные отметки по его любимым предметам служили тому подтверждением. Несмотря на напряженную учебу и занятия любимыми видами спорта, у Альфа было много интересов за стенами Хиллхедской школы, и некоторые из них он взял с собой во взрослую жизнь.

Среди множества друзей самым близким оставался Алекс Тейлор. Хотя после окончания Йокерской школы ребята учились в разных местах, они много времени проводили вместе. По субботам друзья шумно болели за футбольные команды — либо на больших стадионах в городе, либо на площадке местной команды юниоров «Йокер Атлетик». Если футбола не было, их манило кино, которое они по-прежнему любили.

В Йокере было много кинотеатров, так что Альф не пропускал

почти ни одного фильма. «Тиволи», «Коммодор», «Роузвейл», «Империя», «Королевский», «Банк» и многие другие находились в пределах досягаемости. Даже после появления звуковых фильмов отцу Альфа удавалось найти работу в кинотеатрах, — многие устраивали музыкальные вечера и эстрадные концерты. В таких случаях нанимали маленький оркестр, в котором Папаша играл на фортепьяно. Он регулярно выступал в «Коммодоре» и получал контрамарки, которые отдавал Альфу. Бесплатные билеты только добавляли привлекательности фильму. Альф часто записывал в дневнике впечатление от фильма. Одна такая запись датирована 11 марта 1933 года: «Вечером посмотрел нашумевший фильм „Гранд-отель“. Ужасно. Я чуть со скуки не умер. Эту женщину, Грету Гарбо, следует поместить в психиатрическую клинику и держать под постоянным наблюдением!» К комедиям у него претензий не было.

Фильмы с участием Лорела и Харди, которые на всю жизнь останутся его любимыми актерами, выходили регулярно, и он всегда с удовольствием смотрел их.

В детстве Альф много гулял по окрестным холмам. Он часто отправлялся в поход с Алексом Тейлором и другими друзьями — особенно с Джоком Дейви, Питом Шоу и Эдди Хатчинсоном, — и нередко пропадал целыми днями, иногда проходя больше тридцати километров. Еще одним большим любителем прогулок был Джимми Тернбулл, глухой мальчик, сын близкой подруги матери. Альф очень любил ходить в гости к миссис Тернбулл, потому что она была непревзойденной кулинаркой. Она могла превратить простую кашу в изысканное блюдо, а ее бифштексам с картошкой и сочным пирожкам не было равных. Да, беззаботные были времена — долгие прогулки на свежем воздухе, а в конце дня аппетитная стряпня миссис Тернбулл, при одной мысли о которой слюнки текли.

Несмотря на то, что Альф был городским мальчишкой, страницы его дневников дышат любовью к окружающей природе. «Целый день гулял по расщелине Уанги и лазал по „Старому Килпатрику“ с Джимми Т. и Джоком Дейви. Такая красота! У меня не хватает слов, чтобы описать ее». Эти походы наполнили Альфа любовью к живой природе, и этой любовью через много лет будут пронизаны книги Джеймса Хэрриота.

За исключением тенниса, Альф не занимался спортом серьезно, но, как многие мальчишки его возраста, играл в футбол на площадках и в парках, называя такое времяпрепровождение — «погонять маленький белый мячик». Он часто играл с «джентльменами с угла». «Джентльменами с угла», или «угловыми», называли безработных в Глазго. Во времена

Депрессии группы мужчин от нечего делать околачивались на перекрестках. Плевались, ругались и, когда могли себе позволить, выпивали — это были их основные занятия. Получая меньше десяти шиллингов в качестве пособия по безработице, эти люди иногда решались на преступления, чтобы пополнить свой скудный заработок. Однако у них был некий кодекс чести: хотя грабежи с применением насилия случались сплошь и рядом, они никогда не нападали на женщин и детей. Во времена детства Альфа — в отличие от серьезных, часто связанных с наркотиками преступлений наших дней, — основным мотивом преступлений было — любыми путями добыть денег на нормальную еду или выпивку.

Многие «джентльмены с угла» находили другие способы заработать немного денег, и одним из них было пение. Пением это можно назвать только в самом общем смысле, потому что в их песнях едва различалась мелодия, да и слов почти не было, а сами певцы находились под алкогольными парами. Эти персонажи часто устраивали концерты на площадках перед многоквартирными домами. Их называли «певцами с заднего двора», и жители домов бросали им деньги — иногда в благодарность за музыку, но чаще всего — чтобы избавиться от кошмарных завываний, доносившихся снизу. Еще они «выступали» в городских пивнушках, тупо уставившись в стакан с виски, но никто не обращал на них никакого внимания, — типичная сцена в баре Глазго того времени.

У одного из «угловых» была уникальная побочная профессия: он купировал хвосты щенкам. Этот длинный худощавый тип с повязкой на глазу ошивался в йокерском баре «Элдерсли». Однажды Альф решил воспользоваться его услугами, так как слышал, что парень был мастером своего дела. Он брал шесть пенсов с щенка, но Альф думал, что это стоит полкроны — в пять раз больше установленной таксы. Заметив одноглазого в компании других мужчин на углу улицы, Альф подошел и робко сказал:

— Сэр, у моего друга есть щенок, которому нужно купировать хвост. Вы согласитесь это сделать за полкроны?

Мужчина удивленно уставился на мальчика единственным глазом. Потом весело взглянул на своих приятелей и объявил условия:

— Полкроны? Скажи своему другу, что за полкроны я ему голову отгрызу к чертовой матери!

Его слова сопровождались хохотом и плевками. Будущий ветеринар больше не обращался к одноглазому за помощью.

Став ветеринаром, Альф с теплотой и сочувствием относился

к своим клиентам и пациентам, — этим качеством он вряд ли обязан жизненному опыту, приобретенному на перекрестках Глазго.

Альф хорошо проводил время не только в Глазго. Свои многочисленные каникулы он использовал на всю катушку. Судя по записям в дневнике, летом 1933 года он целых четыре раза уезжал из города: побывал в Уэст-Килбрайде на Айрширском побережье, жил в небольшой гостинице на острове Арран, потом в палаточном лагере у озера Лох-Фин и ездил в Сандерленд в гости к родственникам. Следующим летом он побывал в Лландудно в Северном Уэльсе, на юге Девоншира в гостях у дяди, в Уилтшире гостил у тети, целую неделю провел в Лондоне и, разумеется, навещал родных в Сандерленде.

При таком количестве дядюшек с тетушками и двоюродных братьев и сестер Альф едва успевал повидаться со всеми, но ему это было не в тягость. Если ему бывало грустно, дядя Мэтт неизменно поднимал ему настроение, как и кузина Нэн Уилкинс, дочь тети Джинни. Нэн была ему как старшая сестра, и с ней он общался больше всех на протяжении своей жизни.

Помимо Сандерленда, Альф проводил каникулы с семьей и друзьями в Пеннинских горах на севере Англии, их любимыми местами были Эпплби и Элстон. Они останавливались в пансионах или небольших гостиницах, и, судя по фотографиям того времени, компания собиралась внушительная. Им нравилась дикая, но прекрасная страна холмов и равнин; пейзажи радовали глаз, являя собой полную противоположность тому, что окружало их дома, в промышленном Сандерленде.

Родители Альфа по-разному относились к отдыху. За исключением поездок в Пеннинские горы, Папаша редко брал отпуск и с радостью оставался дома в компании со своим роялем. Но Ханна, энергичная женщина, любила путешествовать. В результате мать и сын многие отпуска проводили вдвоем.

Альф боготворил мать и прекрасно понимал, на какие жертвы она идет ради него. В те дни немногие женщины вносили вклад в семейный бюджет, но она была исключением. Мать Альфа была движущей силой семьи, и Альф испытывал к ней глубокое уважение. Однако отношения между ними были непростыми, им не хватало открытого проявления любви. Альф редко расслаблялся в присутствии матери, очевидно, из-за неспособности во всей полноте выразить свои чувства по отношению к ней, хотя с отцом его связывала явная и взаимная привязанность. Ханна Уайт, безусловно, была силой, с которой следовало считаться. Она главенствовала в семье, принимая большинство важных решений, а Папаша охотно делал, что ему

говорили. Ханна обладала многими прекрасными качествами, но душевная теплота в их число не входила. Помню, мне самому было сложно обнять ее.

Однако она, бесспорно, души не чаяла в единственном сыне, как и он в ней. Преклонение Альфа перед матерью чувствуется в некоторых записях его дневника: «Мама сейчас смеется. Для меня лучшее тонизирующее средство в мире — знать, что она счастлива». Взрослый Альфред Уайт, безусловно, не был хладнокровным человеком. Он с искренней теплотой и заботой относился к людям, и я уверен, эти качества были присущи ему и в юности. Возможно, его благоговейное отношение к матери было продиктовано стремлением добиться ее любви, но она была неспособна на открытое проявление чувств.

Альф вел чрезвычайно насыщенную жизнь, но никогда не забывал о главной цели. Он твердо решил хорошо учиться и получить высокие оценки, необходимые для поступления в Ветеринарный колледж. И он этого добился. 29 июня 1933 года он окончил Хиллхедскую среднюю школу и получил аттестат об общем образовании, сдав три экзамена на повышенном уровне — английский (в том числе литература и история), латынь и французский. К его удивлению, он сдал математику, хоть и на пониженном уровне. Альф получил 67 процентов по английскому языку, 53 — по французскому и 48 — по латыни. Из-за болезни в начале выпускного года оценки Альфа на этих экзаменах были ниже тех, что он заслуживал, хотя он так много работал, — но все равно результаты были хорошие. Он достиг своей цели.

Альф написал в своем дневнике 30 июня: «Что за день! Что за день! Сегодня утром я проснулся нищим, а спать ложусь богатым человеком. Этим утром нам вручали призы, и я получил 4 шиллинга 6 пенсов за участие в соревнованиях по бегу. А потом я навсегда покинул Хиллхед. Мне немного грустно и жаль, — ведь столько хорошего было связано со школой. Но, с другой стороны, я рад, что сдал экзамены в 16 лет 8 месяцев и могу продолжать работу. Конечно, я вступлю в Клуб бывших учеников и буду поддерживать связь со школой… А потом мама подарила мне десять шиллингов за хорошие отметки на экзаменах!»

Его родители очень гордились, что их сына приняли в Ветеринарный колледж, и сообщили эту радостную весть всем родственникам в Сандерленде, а также всем друзьям и знакомым. Однажды вскоре после того, как были получены результаты, к ним в очередной раз пришел угольщик, и Ханна не могла удержаться, чтобы не похвастаться успехами своего сына.

— Мы недавно получили хорошее известие, — сообщила она.

Угольщик перестал насыпать уголь в бункер и посмотрел на

нее и Папашу.

— Здорово, миссис Уайт! А чё за известие-то?

— Мой сын поступил в Ветеринарный колледж! — сияя от гордости, ответила Ханна. — Он будет ветеринаром!

На чумазом лице сверкнули глаза.

— Эх! — сказал угольщик. — Подцепит его какая-нибудь девчонка.

В один из последних дней в школе Альф написал в дневнике: «Чертовски неудобно, что приходится писать в этой благословенной тетради рано утром, но, может быть, когда я стану премьер-министром, я продам авторские права за 5000 фунтов!» Тогда, покидая Хиллхедскую среднюю школу и переходя на следующую ступень своего образования в Ветеринарном колледже Глазго, молодой человек еще не знал, что много лет спустя стоимость его авторских прав превзойдет все его ожидания.

Глава 4

Сегодня профессия ветеринара находится на волне небывалой популярности. Сейчас, когда я пишу эту биографию, по телевизору идут три разные передачи о работе ветеринаров, — и у всех высокий зрительский рейтинг. Многие считают, что именно благодаря Джеймсу Хэрриоту зрители проявляют неослабевающий интерес ко всему, что связано с ветеринарией. В этом нет ничего удивительного, ведь телесериал «О всех созданиях — больших и малых», впервые показанный двадцать лет назад, имел колоссальный успех у миллионов зрителей. Существует распространенное мнение, что книги Джеймса Хэрриота, по которым снят сериал, являются главной причиной растущей популярности профессии ветеринара.

Отец, однако, неоднократно повторял, что не только благодаря ему эта профессия стала престижной и молодые люди очертя голову бросились поступать в ветеринарные колледжи. Когда я подал заявление в 1960 году, за десять лет до выхода первой книги Хэрриота, даже тогда на сорок пять мест на курсе приходилось триста-четыреста желающих. Учитывая всеобщую любовь к животным, для все большего числа молодых людей карьера ветеринара становилась естественным выбором. Конечно, книги Джеймса Хэрриота повышали престиж профессии, но были и другие факторы, и я согласен с утверждением отца: Джеймс Хэрриот несет лишь частичную ответственность. Мне жаль сегодняшнюю молодежь, которая мечтает стать ветеринарами. В ветеринарных колледжах очень высокий конкурс, при этом для поступления нужно сдать три экзамена второго уровня сложности по естественным наукам, и как минимум два из них на «отлично». Многие слушают меня с завистью, когда я рассказываю, что тогда, в 1960-м, мне нужно было сдать только два экзамена второго уровня для поступления на ветеринарный факультет Университета Глазго.

Правда, сдавать пришлось естественные науки — химию, физику и биологию, зато оценка не имела значения. Это пустяк по сравнению с современным жестким конкурсом. Интересно, что бы они сказали о требованиях во времена моего отца!

В 1933 году Альфред Уайт поступил в Ветеринарный колледж Глазго, сдав английский, французский и латынь — не самые подходящие предметы для будущего ученого, однако ситуация в то время была совершенно иной. В годы Депрессии желающих посвятить себя ветеринарии было немного, и ветеринарные колледжи всеми силами старались привлечь студентов. Еще учась

в школе, Альф позвонил в колледж и сказал, что, если наберет достаточное для поступления количество баллов, хотел бы получить профессию ветеринара.

Трубку взял сам директор, доктор Уайтхаус.

— Отлично! — ответил он. — Когда вы готовы начать?

В 1933 году Глазго занимал особое положение среди ветеринарных колледжей Британских островов. Он не получал финансовой помощи от государства и зависел исключительно от взносов студентов, а также от грантов местных властей и дотаций различных организаций. В своем докладе 1925 года правительство объявило, что Шотландии достаточно одного ветеринарного колледжа, и колледж Глазго безжалостно лишили государственных дотаций. Непокоренный Ветеринарный колледж Глазго продолжал работу исключительно благодаря решимости председателя совета попечителей, профессора Джона Глейстера, и директора, доктора А. У. Уайтхауса. В результате колледж чрезвычайно гордился самим фактом своего существования, и студенты после пяти лет обучения чувствовали себя так, будто совершили настоящий подвиг.

Альф получал стипендию Карнеги в размере 18 фунтов в год плюс грант от городского отдела народного образования Глазго в размере 10 фунтов, частично покрывавший плату за обучение, но реальная стоимость была гораздо выше. Книги, материалы и расходы на проживание истощали средства студентов. Как и в Хиллхеде, родители помогали Альфу все шесть лет, что он учился в колледже, — время незабываемых воспоминаний и дружбы на всю жизнь.

Занятия начались 26 сентября 1933 года, и Альф записал в дневнике: «Знаменательный день! Сегодня утром я начал учиться в Ветеринарном колледже. Новички толпятся на улице, — закаленные ветераны с важным видом проходят внутрь, — топот ног в аудиториях, — комната с мертвыми животными привела меня в дрожь. Здесь попадаются такие странные типы!»

Вскоре он обнаружил, что учеба в Ветеринарном колледже сильно отличается от учебы в Хиллхеде: здесь, казалось, никому не было дела до того, чем он занимается. Поддерживая жестко регламентированную дисциплину в Хиллхедской школе, учителя прилагали максимум усилий, чтобы он сдал экзамены, так как от этого зависела репутация школы. В Ветеринарном колледже, однако, преобладала атмосфера апатии. На первом курсе большую часть времени, особенно днем, Альф проводил за игрой в теннис, ходил в кино или просто сидел дома и занимался своими делами.

В этом, в общем-то, не было ничего удивительного. Колледж

вполне устраивало, что у него есть студенты, которые вносят плату, а если они при этом ничего не делают и вместо пяти лет учатся пятнадцать, — так это их проблема. В сущности, стимула для получения диплома у студентов не было: после окончания колледжа мало кому удавалось найти работу по специальности. Для тех, у кого были состоятельные родители, готовые оплачивать расходы своих детей, жизнь в Ветеринарном колледже Глазго казалась настоящей синекурой. Для некоторых студентов деньги не представляли проблемы, и они проходили полный курс обучения за десять, двенадцать, а то и больше лет. Некоторые так и не заканчивали колледж и в итоге брались за любую работу. После получения диплома Альф встречал кое-кого из своих старых приятелей по колледжу во время визитов в Глазго. Один работал в магазине тканей, а другого он с удивлением увидел на Чаринг-Кросс, где тот регулировал дорожное движение. Эти студенты-ветераны стали неотъемлемой частью колледжа, и когда они в конце концов уходили, доктор Уайтхаус и остальные преподаватели прощались с ними со слезами на глазах. Во вступлении к книге «Истории о собаках», опубликованной много лет спустя, Альф описывал реакцию профессора на уход одного из таких «вечных студентов»:

> Один парень, по фамилии Макалун, пробыл там четырнадцать лет, но добрался только до второго курса. Он тогда был рекордсменом, а еще несколько человек перевалили за десять лет… Но студент с четырнадцатилетним стажем пользовался особенно большим уважением, и когда он в конце концов ушел из колледжа и поступил на работу в полицию, все по нему очень скучали. Старый доктор Уайтхаус, читавший тогда анатомию, заметно расстроился.
>
> — Мистер Макалун, — сказал он, положив на стол череп лошади и махнув указкой в сторону пустого стула, — одиннадцать лет сидел на этом месте. Без него нам будет очень непривычно.

Профессию ветеринара Альф получал в скучном, унылом здании, расположенном на крутом склоне на углу Баклех-стрит в районе Каукадденс. Это старое учреждение с тусклыми окнами — бывшая насосная станция «Глазго Корпорейшн», — было построено из невзрачного камня и больше напоминало тюрьму строгого режима, чем известное учебное заведение. Со всех сторон на колледж смотрели мрачные многоквартирные дома, и вокруг, насколько хватало глаз, не было видно никакой зелени.

Несмотря на грозный вид, внутри этих угрюмых стен царила

атмосфера доброты и дружбы. Альф сохранил очень теплые чувства к своему старому колледжу, но вот что интересно — в книгах Джеймса Хэрриота нет рассказов о его студенческой жизни. После выхода книги «Всех их создал Бог» в 1981 году он поклялся, что больше не напишет ни одной книги. Меня это огорчило, как, я уверен, огорчило бы и его поклонников, и я часто напоминал отцу, что у него еще осталось много материала, в том числе и о студенческих годах. За исключением горстки людей, все считали, что Джеймс Хэрриот ничего не писал о том времени, кроме нескольких абзацев во вступлении к «Историям о собаках». Это не так.

В начале 1960-х годов, когда отец впервые всерьез занялся литературой, он написал сборник рассказов, которые объединил в повесть. Часть рассказов была посвящена его учебе в Ветеринарном колледже Глазго. Заброшенная рукопись, о которой много лет никто не вспоминал, оживила в моей памяти истории о колледже, которые отец часто рассказывал нам. В этой повести, написанной от третьего лица, он называет себя «Джеймс Уолш».

> Проведя всего три недели в Ветеринарном колледже, Уолш понял, что его жизнь изменилась. Он думал, что учеба на ветеринара станет своего рода продолжением учебы в школе — с теми же ценностями и той же научной атмосферой. Правда, продолжение оказалось довольно жалким: он испытал шок, увидев колледж в первый раз. Это было убогое приземистое здание, местами покрытое облупившейся желтоватой краской, смущенно ютившееся среди ветхих, потемневших от грязи домов. Во времена королевы Виктории здесь располагался жилой район процветающего торгового города, дома выделялись внушительными фасадами и украшенными колоннами подъездами, но теперь он превратился в болото, в прибежище несостоявшихся актеров, сомнительных личностей и бледных, сгорбленных женщин.
>
> Говорили, что когда-то в колледже были конюшни.
>
> В них содержали лошадей, запрягавшихся в конки, и внешний вид здания, бесспорно, поддерживал эту теорию. Во двор, где размещались аудитории и лаборатории, больше похожие на стойла, вела единственная арка, и именно в этой арке Уолш впервые встретился с другими студентами. На первый взгляд они совсем не были похожи на студентов, во всяком случае,

он не заметил свежих первокурсников в блейзерах и с яркими шарфами на шее. Позже он узнал, что большинство были сыновьями фермеров, некоторые приехали из долин реки Форт и реки Клайд, довольно много было жителей Северного нагорья — по-видимому, этим объяснялась их склонность к мохнатому твиду серовато-коричневого цвета и добротным башмакам. Два сикха в тюрбанах являли собой резкий контраст, кроме того, на первом курсе оказалась единственная девушка с испуганным лицом.

Здесь не было никаких излишеств. Ни прохладных галерей для прогулок, ни гулких коридоров с картинами на стенах, ни просторной, обшитой панелями столовой. Одна только комната отдыха с расшатанными стульями и потрепанным роялем, на крышке которого обычно играли в карты, да еще буфет в углу, где подавали чай, пирожки с мясом и самый несъедобный яблочный пирог в Шотландии. Это был мозговой центр колледжа, вся социальная жизнь сосредоточилась здесь.

И тем не менее Уолш ощущал пульсацию жизни, теплую и яркую, непохожую на все, что он знал прежде. Полуразвалившийся колледж был не самой подходящей сценой для населявших его колоритных персонажей, и все же они были тут: сильные, жизнелюбивые, возмутительные и обаятельные.

В колледже действительно обитали удивительные и часто недисциплинированные личности. В 1949 году он стал факультетом университета Глазго, но во времена Альфа не отвечал столь высоким критериям, — что в достаточной мере демонстрировали его развеселые студенты. Сокурсники поразили Альфа. Через несколько дней после начала учебы он пошел на «мальчишник» — нечто вроде ознакомительной вечеринки для новичков, и написал о нем в дневнике: «Впервые смотрел бокс — очень интересно. Легковесы такие проворные. Меня немного удивил характер песен и анекдотов, которые пели и рассказывали со сцены. Отлично играл скрипач. Здесь вообще странный народ, но очень славный».

До сих пор Альф рос среди людей, которые не злоупотребляли спиртным и бранными словами, поэтому он, по всей видимости, испытал культурный шок, услышав исполнявшиеся на вечеринке песни. Более ярким примером необузданности студентов стала церемония вручения наград в ноябре того же года. Обычно эти мероприятия проходили

организованно и благопристойно, но не в тот раз.

На следующий день «Глазго Ивнинг Таймс» опубликовала отчет об этой памятной церемонии:

> Сегодня на долю председателя церемонии вручения наград в Ветеринарном колледже Глазго на Баклех-стрит выпало немало потрясений, и одним из них был человеческий череп, внезапно спустившийся с потолка на веревке и остановившийся в полуметре от его лица. Собравшиеся в зале студенты приветствовали появление попечительского совета бурными аплодисментами и душераздирающими воплями. Громкие выкрики постоянно прерывали вступительную речь председателя мистера Александра Мердока, и оратор едва не охрип. Однако он не рискнул выпить воды из графина, который был подозрительно похож на аквариум: «неизвестное лицо или лица» запустили туда золотую рыбку. Не успев произнести и десяти предложений, председатель поднял голову и оказался лицом к лицу с темно-коричневым черепом, который медленно вращался на веревке прямо перед его глазами. «Обведя взглядом» попечительский совет, череп неторопливо поднялся к потолку, откуда снова спустился — с остановками, как паук по паутине, — и наконец с громким стуком упал на стол, к ужасу председателя. Студенты были в восторге от представления.

Альфу мероприятие явно понравилось, и в его дневнике появилась такая запись: «Вручение наград. Вот это веселье! Они освистывали нелюбимых преподов, хлопали доктору, пели „Он славный парень“ и орали во всю глотку, когда вошли большие шишки. Просто здорово, скажу я вам!»

Альф с радостью окунулся в новый образ жизни. Через несколько недель после церемонии он и еще семьдесят студентов отправились в Императорский театр на Сент-Джордж-Роуд. Выпив пару стаканчиков, студенты собирались от души повеселиться. Вскоре появилась полиция. Один студент, выходя из театра, ударил ногой по двери. Потом ему пришлось заплатить две гинеи штрафа, — такое было наказание для студентов того времени. Альф сбежал, нырнув в гущу соседних многоквартирных домов; спортивные тренировки в школе сослужили ему хорошую службу в тот вечер.

Буйные выходки не ограничивались вне аудиторной деятельностью за стенами колледжа. Некоторые лекции скорее походили на разнузданные вечеринки, чем на учебные занятия, и

в первые недели в колледже Джеймс Альфред Уайт начал осознавать, что жизнь на Баклех-стрит будет несколько отличаться от жизни в Хиллхеде. Потом в своей неопубликованной повести он рассказывал о преподавателях, на долю которых выпало учить этих сорвиголов:

> Среди преподавателей было много стариков, которых выдернули из заслуженного отдыха, и теперь они проводили старость в неравной борьбе с шумливой молодежью. В колледже также вели занятия практикующие ветеринары, совмещающие работу с чтением лекций, и в процессе обучения давали полезные и практичные советы, которые впоследствии очень пригодились их студентам. Они, как и пенсионеры, относились к работе беспристрастно и с определенной долей фатализма, и считали: если студенты вносят плату, они вправе решать сами, получать знания или валять дурака.

Профессор Энди Маккуин, преподававший биологию на первом курсе, читал лекции по тетради, и если случайно переворачивал сразу две страницы, спокойно продолжал, словно ничего не случилось. Потом Альф описал одну из его лекций в повести, которая очень точно передает атмосферу, царившую в колледже. Он присваивал старым учителям разные литературные псевдонимы и Энди Маккуину дал прозвище «профессор Кинг».

> Отличие от школьной жизни началось уже с аудитории. Профессор Кинг, преподававший биологию, был очень старым и болезненным человеком и проводил занятия с полным безразличием. Склонившись над стопкой пожелтевших листков, он невнятно бормотал себе под нос, и ему было все равно, слышат его студенты или нет; это было их личное дело.
>
> По сигналу второгодников, которых было немало, весь класс топал ногами и кричал, как на футбольном матче. Эта вакханалия начиналась с первых минут, как только преподаватель доставал ведомость. Когда он называл имя единственной девушки, раздавались вопли и свист, а бедная студентка, робкая по природе, густо краснела и еще сильнее вжималась в свой стул.
>
> Шутки профессора вызывали очередной всплеск.
>
> В начале своей преподавательской карьеры — в конце девятнадцатого века — профессор Кинг решил, что его лекции будут яркими и остроумными, поэтому в

каждую вписал шутливое отступление. За почти пятьдесят лет он не изменил ни слова в своих записях, и последующие поколения студентов точно знали, когда прозвучит шутка и какая.

К примеру, когда он рассказывал, как африканская яичная змея сбрасывает кожу, он обычно прочищал горло, делал паузу и говорил: «Потому что яичные змеи всегда возвращают упаковку». Это служило сигналом к топоту, диким воплям и истерическому смеху.

За всю лекцию он поднимал глаза от своих записей только один раз — в самом конце, когда неизменно доставал из кармана большие часы, с детской улыбкой обводил взглядом аудиторию и говорил:

— Мои золотые часы с цепочкой показывают, что пора закругляться.

Его слова тонули в безумном гвалте.

Еще один престарелый преподаватель, профессор Хью Бегг, читал паразитологию. Студенты его любили, и он всегда был готов дать им хороший совет, но он плохо слышал и смутно понимал, какой беспорядок творится на его лекциях. Он поднимал голову, пристально всматривался и говорил: «Что… что это за шум?» Ответа студентов мог не услышать только глухой. Тем не менее, однажды Хью Бегг дал совет, который Альф запомнил на всю жизнь. Мудрый старик, с годами опыта за спиной, рассказывал о том, какая жизнь ждет будущих ветеринаров. В этот раз его слушали очень внимательно. Он говорил — это была жизненно важная тема, — что им придется учиться на собственных ошибках.

— Джентльмены, — торжественно провозгласил он, — вы не станете настоящими ветеринарами до тех пор, пока каждый из вас не покроет 40-акровое поле тушами животных!

Пророческие слова.

Когда молодые выпускники, проходящие практику у нас в Тирске, рассказывают о напряженной учебе в университете, я невольно вспоминаю рассказы отца о его студенческой жизни. Они играли в карты в комнате отдыха, с удовольствием ходили в кино вместо занятий и буянили в аудиториях, когда все-таки присутствовали на лекциях, — это резко отличается от положения нынешних студентов-ветеринаров. Однако, несмотря на неортодоксальный подход, студентам давали хороший материал, и если они работали и читали учебники, у них были все шансы получить диплом в разумные сроки.

Отец, отлично понимая, что львиную долю платы за обучение

вносят его родители, поставил перед собой цель хорошо учиться. Он купил необходимые учебники — «Анатомию» Сиссона и «Животноводство» Миллера и Робертсона — и часами занимался в огромной библиотеке Митчелла, которая находилась недалеко от колледжа. Атмосфера библиотеки явно казалась ему немного пугающей, и он записал в дневнике: «Это место меня угнетает. Здесь слышно, как шевелятся мозги».

Животноводство, химию и биологию читали на первом курсе, и Альф взял хороший старт. Он сдал химию и биологию, правда, биологию едва вытянул, набрав 46 процентов. В результате у него состоялся разговор с однокурсником, о котором он много раз мне рассказывал.

— Какой проходной балл?

— 45 процентов.

— А ты сколько набрал?

— 46.

— Ты слишком много работал!

Один его приятель использовал другой подход при этом довольно рискованном отношении к учебе. На экзамене по анатомии ему показали большую кость.

— Что это? — спросил экзаменатор.

— Бедренная кость, — ответил студент.

— Уточните, — продолжал экзаменатор, — бедренная кость какого вида животных? Коровы или лошади?

— Все в порядке, — благодушно улыбнулся студент. — Последний вопрос был ни к чему. Мне пятерка не нужна!

На первом курсе преподаватели были довольны Альфом. Профессор Дункан, читавший химию, написал в табеле успеваемости: «крепкий середнячок, вряд ли станет отличником, но учиться будет ровно».

В следующем году, 1934/35, его успеваемость съехала. Он завалил экзамены по физиологии и гистологии, а также животноводство. Результаты были очень слабые: 36, 25 и 37 процентов соответственно, и преподаватели остались недовольны. В табели появились записи такого рода: «пропуски занятий; не работает; очень слабо».

Это вызывает недоумение. Альф был ответственным и честолюбивым молодым человеком. Он хотел выбиться в люди, зарабатывать себе на жизнь и не висеть больше на шее у родителей. К тому же он не относился к тем студентам, которые целыми днями резались в карты в комнате отдыха, намереваясь вести беззаботную студенческую жизнь гораздо дольше положенных пяти лет. После нескольких партий за карточным столом, когда Альф проиграл приличную сумму, это приятное, но

дорогое времяпрепровождение утратило свою привлекательность. В табели успеваемости за осенний триместр 1935 года доктор Уайтхаус написал, что он «не посещал» занятия по анатомии. Довольно странное поведение для уравновешенного молодого человека. Хотя Альф не был блестящим студентом и ничем особенным не выделялся во время учебы в колледже, это не объясняет столь низкие результаты.

Однако имелась серьезная причина. В последнем классе в Хиллхедской школе у Альфа появились сильные боли в прямой кишке, и в результате образовался анальный свищ с гнойными выделениями. Он оправился после первого приступа, но эта изнуряющая болезнь, которая снова дала о себе знать на втором курсе колледжа, будет периодически мучить его всю оставшуюся жизнь. Летом 1937-го ему было так плохо, что его положили в больницу и сделали небольшую операцию по очистке пораженной области. Операция не дала никаких результатов, и в 1939 году Альф снова лег в больницу, пытаясь избавиться от этой пытки, но, как и прежде, операция оказалась безуспешной.

В конечном счете этот мучительный недуг сказался на его способности концентрироваться на учебе. В те дни, не имея под рукой антибиотиков, ему приходилось терпеть не только боль, но и периодический сепсис, вызванный множественными скоротечными абсцессами. Единственным лечением было лечь в постель, часто с высокой температурой, и промывать пораженный участок горячей водой, чтобы сдержать инфекцию.

Альф философски относился к этому пятну на своем хорошем — во всех других отношениях — здоровье и всегда вносил шутливую нотку в разговоры на эту тему.

— Возможно, я многого не знаю, — скажет он много лет спустя, — но я считаю себя экспертом в области «задологии»! — Он говорил на основании своего горького опыта. — Моя «пятая точка» перенесла несколько операций — настоящая пытка! — но с меня хватит! Я больше никому не позволю кромсать мой зад. Все, что есть, заберу с собой в «ящик»!

Летом 1936-го в конце третьего курса Альф сдал физиологию и гистологию, но снова завалил животноводство. В декабре того же года он в четвертый раз пересдавал экзамен. Но теперь он получил неожиданную поддержку. Одним из младших преподавателей на кафедре был Алекс (Сэнди) Томпсон, — я тоже учился у него двадцать шесть лет спустя. Он курил трубку и на экзамене сидел за экзаменатором — но на виду у Альфа, — умиротворенно попыхивая своей трубкой.

— Сколько протоков в соске у коровы? — задал вопрос экзаменатор.

Альф задумался, но вдруг увидел палец в клубах дыма, поднятый вверх за спиной экзаменатора.

— Один, — ответил он.

— Правильно. А в соске кобылы?

Поднялись два окутанных дымом пальца.

— Два, — ответил Альф.

Дальше все пошло как по маслу.

В 1937 году успеваемость Альфа стала гораздо выше, и в июле он сдал анатомию, фармакологию и гигиену, хотя получил весьма скромные оценки; по анатомии он набрал 45 процентов, которых едва хватило для проходного балла.

Анатомию читал сам директор, доктор Уайтхаус. Альфу предмет нравился, но в то же время ему приходилось много зубрить. Необходимо было усвоить огромное количество фактов, и иногда ему казалось, что его мозг дошел до точки насыщения. Студенты учили строение разных домашних животных, а это было не только тяжело, но и скучно. Альфу нравились практические занятия доктора Уайтхауса в анатомических лабораториях, где студенты, разбившись на группы, препарировали трупы животных, в основном лошадей и коров, но лекции по анатомии были совсем другим делом. В отличие от шумных занятий, которые проводили старые преподаватели, у доктора Уайтхауса царила тишина. Вместо диких воплей и бумажных самолетиков, которыми славились лекции профессора Бегга, здесь доминировал другой звук — мерное удовлетворенное похрапывание спящих студентов.

Их можно было понять. Доктор Уайтхаус читал лекции по громадному тому «Анатомии» Сиссона, и каждый студент обязан был усвоить кошмарное содержимое этого учебника. Вот типичный отрывок: «Большой седалищный нерв (*N.. ischiadicus*)… ответвляется от шестого поясничного и первого крестцового корешков пояснично-крестцового сплетения, но обычно имеет пятый поясничный корешок, к которому может примыкать пучок из второго крестцового нерва. Он спускается в полость между большим вертелом бедренной кости и седалищным бугром поверх близнецовой мышцы, сухожилия внутренней запирательной мышцы и квадратной мышцы бедра. Спускаясь по бедру, он проходит между двуглавой мышцей бедра латерально и аддуктором, полуперепончатой и полусухожильной мышцей медиально, и между двумя головками икроножной мышцы переходит в большеберцовый нерв. Он имеет следующие основные ветви…» Неудивительно, что под таким обстрелом студенты не могли сосредоточиться, их мысли блуждали где-то в других, более приятных местах, или, что случалось гораздо чаще,

они погружались в бессознательное состояние.

В осеннем триместре 1937 года, в начале пятого курса, Альф добрался до патологии, терапии и хирургии. Ему пришлось пересдавать экзамены по нескольким предметам, поэтому он отстал в учебе и смирился с перспективой задержаться в колледже больше положенных пяти лет. Но он не падал духом. Многие его друзья оказались в том же положении, к тому же, чувствуя, что начал познавать основы своей будущей карьеры, он еще больше укрепился в решении преуспеть. Патология — наука о болезнях: вот в чем заключалась вся суть обучения. Патология одновременно и завораживала, и пугала его, и на этом этапе образования в его жизнь вошел человек, которого он будет помнить до самой смерти. Человек, который много лет будет являться ему во сне. Он столько раз рассказывал нам о нем, что я, казалось, тоже сидел рядом с отцом, трясясь в наэлектризованной атмосфере лекций по патологии. Звали этого человека профессор Дж. У. Эмзли.

Мне нечасто снятся кошмары. Стоит мне накрыться одеялом, и я на несколько приятных часов обычно перехожу в другой мир. Я вижу цветные сны, и, как правило, в них отражается моя повседневная жизнь. Однако время от времени меня преследует один и тот же страшный сон. Главным действующим лицом выступает некая безымянная и бесформенная личность, которая постоянно твердит, что я вовсе никакой не дипломированный ветеринар. Это существо мне незнакомо, но с течением времени я стал испытывать к нему жгучую ненависть. «Ты провалил физику и химию! Придется пересдавать!» — каждый раз говорит существо. Я не обращаю на него внимания, уверенный, что без проблем пересдам экзамены, но он сомневается, — и у меня тоже возникают сомнения. Время идет, а я ничего не учу, и в конечном итоге я должен вызубрить весь курс химии и физики за один день. В этот момент, к моему великому облегчению, я просыпаюсь.

Отца тоже всю жизнь преследовал похожий сон, только его ночные блуждания не имели отношения к физике с химией. Его кошмаром был предмет, который он любил, но постигал с трудом, предмет, который он завалил в Ветеринарном колледже, — патология. Как и у меня, в его сне доминировал страшный человек, мучивший его дурными известиями. Существовало только одно большое различие. Альф Уайт прекрасно знал своего мучителя. Это был не кто иной, как его старый профессор патологии, грозный и незабываемый Джон У. Эмзли.

Отец много рассказывал о своих студенческих днях, мы слышали массу историй о его друзьях, но самым ярким персонажем, который запомнился нам больше других, бесспорно, был профессор Эмзли. Все очень просто — отец боялся его до дрожи в коленках.

Студентов ждал внезапный удар, когда они начали изучать патологию. Смех и шум на лекциях остались в прошлом с тех пор, как профессор Эмзли ворвался в их жизни и, словно ангел ада, прожигал огнем трепещущих студентов. Он произвел настолько глубокое впечатление на Альфа, что впоследствии появился в его ранней неопубликованной повести в образе грозного профессора по имени Квентин Малдун.

Малдун. Это имя звучало, как погребальный звон, как удар огромного колокола на вражеской башне, и студенты с первых дней слышали его зловещие отголоски…

Квентин Малдун, профессор патологии, был преданным своему делу и во многих отношениях блестящим ученым в расцвете лет, и хотя можно усомниться в справедливости Божественного Провидения, избравшего его раскрывать захватывающие и удивительные тайны его предмета грубым, неотесанным существам, он честно исполнял свой долг. Его долгом было учить патологии, и если что-то или кто-то препятствовал исполнению этого долга, он безжалостно сметал это со своего пути. Pathos Logos, наука о болезнях, ответ на все вопросы, яркий луч света, внезапно пронзивший кромешную тьму, указующий перст истины и надежды. Вот так видел Малдун патологию и заставил некоторых студентов тоже увидеть это. Другие всего лишь заучивали факты, иначе он их попросту распинал.

Уолш услышал о Малдуне от старшекурсников, которые упоминали его имя только шепотом. Он еще и недели не проучился в колледже, как до него стали Доноситься зловещие слухи. «Ага, пока все хорошо, но подожди — перейдешь на четвертый курс и узнаешь Малдуна. Можешь не сомневаться, ты еще в класс не вошел, а он уже все о тебе знает. Попомни мои слова, Малдуну известно все, что ты делаешь — плохое или хорошее — с самого первого дня, как ты вошел в этот колледж. Каждую оценку на каждом экзамене по каждому предмету. Смылся ты с лабораторки по анатомии и пошел в кино или напился на танцах — все в этой огромной черной голове!»

Прошло три года, и когда курс Уолша наконец вошел в аудиторию патологии, напряжение стало невыносимым. Тянулись минуты, Малдун опаздывал, и студенты сидели, глядя на пустую

кафедру, стол и доску, ряды стеклянных банок с образцами. Внезапно сзади скрипнула дверь. Никто не повернул головы, но в центральном проходе раздались медленные тяжелые шаги. Уолш сидел у самого края, и темное нечто почти коснулось его плеча, шествуя мимо. Краем глаза Уолш уловил грузную фигуру в мятом, слегка потертом темно-синем костюме. Крупная голова с копной черных волос крепко сидела на плечах. Неторопливо шагали ноги с плоскими вывернутыми ступнями, под мышкой была зажата толстая пачка бумаг. Малдун поднялся на кафедру, не спеша подошел к столу и стал методично раскладывать свои записи. Он долго с ними копался, ни разу не взглянув на аудиторию. Не отводя глаз от своего стола, он поправил галстук, выровнял платок в нагрудном кармане и только потом поднял голову и уставился на студентов.

Широкое полное лицо с бледными обвислыми щеками и глаза, черные и горящие, которые смотрели на аудиторию со смесью ненависти и недоверия. После беглого осмотра глаза приступили к более тщательному изучению, медленно ощупывая плотные ряды в напряженной тишине. Закончив наконец свои исследования, Малдун заложил язык за щеку — характерный жест с оттенком «это конец, да поможет нам Бог», — глубоко вздохнул и обратился к аудитории.

Внезапно он выбросил вперед руку — некоторые его подопечные нервно подпрыгнули от неожиданности, — и крикнул:

— Для начала уберите все это!

Студенты, теребившие тетради и ручки, выронили их из рук, и Малдун заговорил снова.

— Сегодня я не буду читать лекции, я хочу просто поговорить с вами.

И он говорил — больше часа, монотонно, угрожающим хриплым голосом. Он рассказал, что они должны делать в предстоящем году и что с ними произойдет, если они этого не сделают. Звонок давно прозвенел, но никто даже не шелохнулся.

Когда все закончилось, Уолш спустился в буфет выпить чашку чая. У него было ощущение, что из него выкачали несколько литров крови, и он осознал, что впервые в жизни столкнулся с чрезвычайно сильной личностью.

Одно из самых ярких воспоминаний Альфа о профессоре Эмзли было связано с его манерой третировать отдельных студентов, которые, как он считал (или следует сказать — знал), отлынивали от учебы. Он выбирал нерадивого студента и выставлял на посмешище, внося разнообразие в свои лекции.

Одной из его жертв был Джордж Петтигрю. Однажды во время обсуждения бактерий семейства клостридиевых профессор решил немного поразвлечься. Начал он вполне добродушно.

— Мы подошли к весьма сложному вопросу, джентльмены, поэтому нам, вероятно, следует обратиться за консультацией к одному из наших наиболее подготовленных и просвещенных студентов. Итак, кто же нам поможет?

Черные глаза перебегали с одного притихшего студента на другого и наконец остановились на дрожащей фигуре Петтигрю.

— Ну конечно же, Петтигрю!

Студент вытянулся в струнку и уставился в глаза своему мучителю.

Профессор Эмзли спокойно пошел в наступление.

— Мистер Петтигрю, будьте столь любезны, поясните нам, что происходит после того, как клостридиум септик проникает в ткань.

— Образуется газ, сэр, — бодро ответил студент, покрывшись испариной.

Наступила оглушительная тишина. Все боялись, что ответ Петтигрю окажется неправильным. Напряжение нарастало.

Профессор медленно покачал головой из стороны в сторону и заговорил тихим голосом.

— Образуется газ… Образуется газ? ОБРАЗУЕТСЯ ГАЗ? — внезапно заорал он, набрасываясь на съежившегося Петтигрю и тыча пальцем почти прямо ему в лицо. — Да, черт возьми, глупый клоун! Каждый раз, стоит вам открыть рот, именно это и происходит — ОБРАЗУЕТСЯ ГАЗ!

Петтигрю был не единственным, кто пострадал от язвительных насмешек профессора. Он безжалостно продемонстрировал невежество всей группы, а потом вдруг с присущей ему непредсказуемостью успокоился, и его голос зазвучал со своей обычной зловещей интонацией. Альф не мог избавиться от мысли, что сцена лишилась великого трагика, — особенно его потрясала способность Эмзли быстро переключаться с исступленной ярости на ледяное спокойствие.

Профессор Эмзли был не просто устрашающей фигурой. Все его поступки были окутаны тайной, что лишь усиливало благоговейный трепет студентов. Никто никогда не видел, чтобы профессор входил или выходил из колледжа. Как он попадал в здание? Как покидал его? Существовало несколько интересных теорий. Один студент утверждал, что видел, как профессор прошел сквозь стену лаборатории патологии, оставив после себя резкий запах серы. Другой уверял, что видел, как он с портфелем и в котелке появился из люка в конце Баклех-стрит. По

убеждению третьего, он попадал в колледж по дымовой трубе.

Студенты, безусловно, боялись этого эксцентричного человека, но в первую очередь они его уважали, — и он был хорошим преподавателем. Альф всегда считал профессора справедливым человеком и со временем проникся к нему симпатией. К тем, кто усердно трудился, и отношение было соответствующее.

В июле 1938-го Альф с трудом вытянул экзамен по паразитологии, но провалил патологию, набрав всего 40 процентов. В декабре он повторил попытку и сдал патологию с результатом 49 процентов. Он не выделялся успехами по этому предмету, поэтому в конце выпускного курса не ждал восторженных отзывов от профессора Эмзли. Все преподаватели вели досье на своих студентов, которые каждый мог прочитать в день получения диплома, и Альфу не очень-то хотелось знать продуманное мнение профессора Эмзли о своей персоне. Его ждал приятный сюрприз:

«Уайт Джеймс Альфред. Звезд с неба не хватает, но предмет осмыслил, что лично меня очень радует. Приятный юноша с хорошими манерами и, несомненно, цельной натурой».

Альф не раз упоминал, что иногда подумывал о том, чтобы написать книгу о студенческих днях в Ветеринарном колледже Глазго. Если бы он все-таки осуществил этот замысел, думаю, профессор Малдун — человек, о котором он говорил больше, чем о ком бы то ни было, вспоминая учебу, — встал бы в один ряд с Зигфридом, Тристаном и другими известными созданиями, большими и малыми.

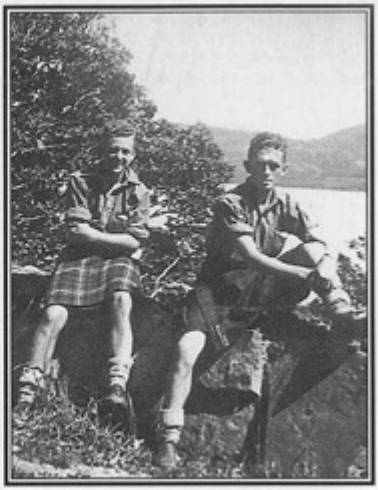
Во времена учебы в Хиллхедской школе

Готов выступать за футбольную команду Ветеринарного колледжа Глазго

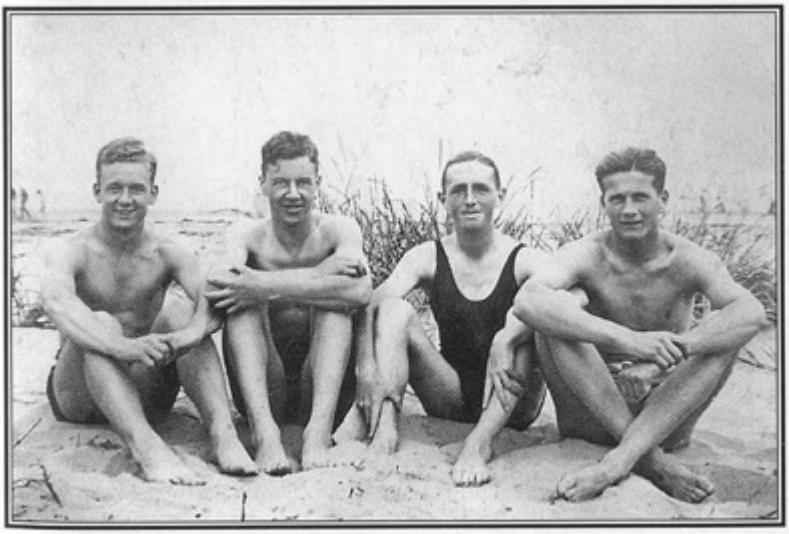
Футбольная команда Ветеринарного колледжа Глазго. Альф – крайний слева в центральном ряду, Боб Смит стоит пятым, а Эдди Стрейтон – третий справа. Обри Мелвилл – крайний слева в первом ряду, как и следовало ожидать, с девушкой

Отдых всегда был разнообразным

С матерью в Лландудно, 1937 год



Альф и Питер Шоу у озера Лох-Несс



«Бригада мальчиков» отдыхает на пляже в Норт-Бервике. Слева направо: Альф, Эдди Хатчинсон, Пит Шоу и Алекс Тейлор

Глава 5

Во времена Альфа группы в Ветеринарном колледже Глазго постоянно менялись: одни студенты проваливались на экзаменах и оставались на второй год, а другие, более целеустремленные, двигались вперед. Неудивительно, что в последние годы его учебы лица однокурсников мало напоминали тех, кто начинал вместе с ним. Некоторые вообще бросили колледж, другие скатывались вниз и либо отчаянно пытались добиться хоть каких-то успехов, либо просто играли в карты в комнате отдыха.

В Хиллхеде у Альфа было много друзей, но после окончания школы он ни с кем из них не поддерживал отношения. Однако годы, проведенные в Ветеринарном колледже Глазго, подарили ему друзей, которых он никогда не забудет. В отличие от школы, где ученикам помогали сильные учителя и строгая дисциплина, студенты колледжа были большей частью предоставлены самим себе. Это породило крепкое чувство товарищества в мрачном старом здании на Баклех-стрит.

Ближайшим другом Альфа в колледже был Обри Мелвилл, привлекательный юноша с открытым лицом. Энергия в нем била ключом, почти все вечера он проводил в развлечениях, часто в сопровождении хорошенькой девушки и толпы смеющихся друзей. Он был уменьшенной копией того яркого, дружелюбного персонажа, с которым Альф столкнулся в начале своей карьеры ветеринара.

Двум приятелям Альфа приходилось добывать деньги на пиво разными путями. Энди Флинн улучшал свое финансовое положение, играя в оркестре, — хотя пользы от этого не было, так как он снова и снова заваливал экзамены и в конце концов бросил колледж, — а Пат О'Рейли играл на собачьих бегах; он тоже завалил кучу экзаменов, но диплом все-таки получил. Еще был Доминик Бойс, который, напившись, всегда горланил песни, точь-в-точь как «певцы с заднего двора», Джимми Стил, прирожденный артист и рассказчик, и «Рыжий» Боб Смит, игравший вместе с Альфом в футбольной команде колледжа.

В студенческие годы был еще один друг, который появлялся в жизни Альфа Уайта чаще других. Его звали Эдди Стрэйтон — невысокий, подтянутый темноволосый парень родом из Клайдбэнка, района, находившегося по соседству с домом Альфа в Йокере. Эдди был фанатиком спорта и обладал невероятной энергией. Целеустремленный и очень способный студент, он добился высоких результатов в колледже исключительно благодаря усердной работе. Он не пил и не курил, но принимал

участие во всех студенческих пирушках. На этих пирушках студенты поглощали огромное количество спиртного, и Алекс Тейлор, который иногда встречался с компанией ветеринарных приятелей Альфа, вспоминает, как шатающиеся студенты выстраивались в очередь к раковине в туалете, а Эдди стоял рядом и крутил пальцами вокруг сливного отверстия, проталкивая вниз содержимое желудка последнего «клиента». Прочистив раковину, он кричал: «Следующий, пожалуйста!» Дело шло бойко.

Эдди вместе с Альфом играл в футбольной команде колледжа, и о его выносливости на поле ходили легенды: он просто бежал и бежал. После игры он, в отличие от своих сильно пьющих и много курящих друзей, выглядел абсолютно свежим и ничуть не уставшим. Эту удивительную стойкость и энергичность он сохранил на всю жизнь. Альф и Элли дружили во время учебы в колледже, и их дружба продолжалась и после того, как они распрощались с Глазго. В последующие годы Эдди не раз попадался на жизненном пути Альфа Уайта, ветеринара, и Джеймса Хэрриота, всемирно известного писателя.

Превращение Альфа из школьника в студента стало чрезвычайно важной частью его жизни. Полный энтузиазма, но прилежный и послушный мальчик открыл для себя совершенной иной мир. Студенты Ветеринарного колледжа Глазго вели насыщенную светскую жизнь, щедро приправленную кутежами и пьянками, и Альф быстро к ней приспособился. Он принимал самое активное участие в студенческих пирушках; более того, он пользовался большим спросом на вечеринках, где его способность играть на пианино добавляла веселья в те незабываемые ночи. Его популярность распространилась и на саму Баклех-стрит, где его частенько видели наигрывавшим свои любимые мелодии — «Звездную пыль» или старую классику Дюка Эллингтона «Настроение индиго» — на стареньком пианино в комнате отдыха. Нет ничего удивительного, что Альф считал студенческие дни в Ветеринарном колледже одним из самых счастливых периодов своей жизни.

Не изменилось только одно — его глубокое уважение к матери. После бурной попойки с друзьями он часами бродил по улицам, стараясь вернуться домой полностью протрезвевшим. Даже в зрелом возрасте, навещая мать в Глазго, он никогда не пил в ее присутствии, — у него была припрятана бутылка джина, чтобы взбодриться в случае необходимости.

Можно спорить о том, что им двигало, — уважение к матери или страх перед ней, но я помню кривую усмешку,

промелькнувшую на его лице, когда я рассказывал об одном эпизоде студенческих времен. Тогда я испытал на себе гнев бабушки, которая с презрением наблюдала за моими безуспешными попытками подняться по лестнице после особенно веселой ночи в городе. В тот раз я узнал бабушку с суровой стороны. Ей шел восьмой десяток, но она набросилась на меня, словно десятибалльный шторм. Могу только представить, какой сильной личностью она была в молодые годы.

Однако Альф, используя более тонкий подход, ни разу не навлек на себя ее гнев во время учебы в колледже. До конца своих дней она оставалась в неведении о его развеселых пирушках, считая своего сына благопристойным трезвенником. Поклонники Джеймса Хэрриота почти ничего не знали о памятных студенческих годах Альфреда Уайта, но он часто вспоминал те далекие дни в Глазго — и имел на то все основания. Тогда в его жизнь ворвались яркие, интересные личности, многие из них были столь же колоритными, что и знаменитые персонажи его будущих книг, и произвели на него такое глубокое впечатление, что он всю жизнь помнил их — до самой мельчайшей подробности.

Несмотря на появление новых друзей в колледже, Альф не забыл и старых приятелей. Его лучший друг Алекс Тейлор после школы не пошел учиться дальше. Он поступил на работу в «Драйсдейлс», крупную проектную фирму, в отдел заработной платы, но они с Альфом по-прежнему часто виделись.

Примерно в это же время Альф с Алексом познакомились с молодым человеком из Йокера — Эдди Хатчинсоном. Как Альф с Алексом, Эдди был членом Йокерского теннисного клуба, где троица играла долгими летними вечерами по несколько часов подряд. Именно Эдди внес определенную жесткость в игру, свирепо гоняя маленький белый мяч по корту. За пределами корта он был совершенно другим человеком — милым, неторопливым, добродушным. У него просто был собственный темп жизни. Этот приятный человек, в компании которого Альф чувствовал себя легко и уютно, стал одним из его ближайших друзей. Фотографии Альфа, Алекса и Эдди ясно говорят о счастливых днях, которые трое молодых людей проводили в Глазго.

Трое друзей часто ходили в походы на холмы Глазго, нередко вместе с другими приятелями — Питом Шоу и Джоком Дейви. Как и во время учебы в школе, Альф любил целыми днями гулять по холмам, но теперь ему приходилось совмещать работу с удовольствием. Он часто брал с собой учебники и уходил на несколько дней, чтобы позаниматься в одиночестве; а в выходные

к нему присоединялись друзья, работавшие в Глазго. Большую часть материала, необходимого для сдачи экзаменов, он усвоил в палатке.

Городок Финтри в Кэмпси-Феллс — извилистые, покрытые вереском холмы к востоку от Глазго, — и деревушка Рознит на заливе Ферт-оф-Клайд были их любимыми местами. Деревня расположена на прелестном полуострове 8 окружении безмолвных лесов и полей, над которыми возвышаются огромные горы Аграйла, и именно здесь Альф мог заниматься в полной тишине и покое. До Глазго было Рукой подать, но стоило ему поставить палатку на зеленом лугу, спускавшемся к морю, и он оказывался в другом мире. Потом рядом с Рознит построили большую военно-морскую базу, и деревушка утратила часть своего очарования, но даже теперь здесь по-прежнему очень красиво.

Несмотря на стремление изведать незнакомые места, Альф редко отваживался пойти в поход на север, в Шотландские горы. Они манили его, но он мало бывал в горах, несмотря на юношеские мечты. Тем не менее он предпринял одну крупную экспедицию в Северо-Шотландское нагорье в июле 1938 года — после того, как провалил экзамен по своей злосчастной патологии. Вместе с друзьями, Эдди Хатчинсоном и Питом Шоу, он «покорил» высоченную гору Стрип в окрестностях озера Лох-Аркейг. В тот день стояла адская жара, и после такого испытания Альф еще много лет не поднимался ни на одну гору, однако свою первую экспедицию помнил всю жизнь.

Альф был совершенно неподготовлен к той вылазке в горы, так как несколько недель сидел взаперти, готовясь к экзаменам, но, в целом, в студенческие годы он поддерживал хорошую спортивную форму. Помимо игры в теннис, он почти каждый день принимал холодную ванну, делал зарядку и совершал многокилометровые прогулки со своей собакой Доном.

С двадцати лет он стал больше играть в теннис, вступив в теннисный клуб «Скотстоунхилл». Хотя теннис служил ему своего рода разрядкой после долгих часов занятий, Альф серьезно относился к игре и выиграл несколько ключевых матчей в теннисных турнирах за кубок Западной Шотландии. Его партнером в этих матчах и на тренировках был молодой человек по имени Колин Кессон — отличный игрок, который многому научил Альфа. Альф никак не мог его обыграть и в шутку говорил своим приятелям по колледжу, что у него есть две мечты: получить в конце концов диплом ветеринара и выиграть — хотя бы раз — у Колина Кессона.

Еще он играл в теннис — но уже в свое удовольствие — в

лагерях «Бригады мальчиков», как правило, в Сент-Эндрюз или Норт-Беруике. «Бригада мальчиков» — это церковная организация, в которой также состояли Алекс Тейлор и Эдди Хатчинсон. Вместе с другими друзьями молодые люди весело и беззаботно проводили время, гуляя, купаясь в море и играя в теннис.

В колледже Альф увлекся еще одним видом спорта — футболом. В Хиллхеде он играл в регби и изредка перебрасывался мячом с друзьями и «джентльменами с угла», но всерьез не занимался, хотя, как тысячи других жителей Глазго, был фанатичным болельщиком регби. Город бредил футболом, и Альфу не пришлось далеко ходить, чтобы это понять. Рядом с его домом на Дамбартон-Роуд была площадка «Йокер Атлетик», местной футбольной команды из Молодежной лиги. Он страстно болел за эту команду и был вне себя от счастья, когда они выиграли в финале Кубка юниоров Шотландии в сезоне 1932/33 годов. Команда пользовалась такой популярностью, что на трибунах Йокера собиралось больше болельщиков, чем на матчах «Клайдбэнка», члена Национальной футбольной лиги. Альф и Алекс вместе с толпой пели и кричали, подбадривая «Йокер» во время игр с командами, у которых были типично шотландские названия, к примеру, «Дантохер Хибс» и «Киркинтиллох Роб Рой».

В первый раз Альф задумался о том, чтобы всерьез заняться футболом, именно на матче этой команды. Многие игроки Молодежной лиги впоследствии переходили в профессиональный футбол, но Альф не стремился к такому уровню, считая, что не сможет совмещать учебу с футболом. Поэтому он решил играть в Юношеской лиге. Хотя юношеские команды не дотягивали до уровня юниоров, они всерьез относились к игре, и у каждой были собственные верные болельщики.

И вот в один серый февральский день состоялся дебют Альфа в команде «Йокер Фернли», игравшей в Юношеской лиге. Он забил единственный гол в матче. Во время этих матчей игроки сражались не на жизнь, а на смерть, и Альф слышал такие крики из-за боковой линии: «А ну, наподдай ему, ты, трус!» — или: «Катись домой, придурок!» В его дневниках встречаются записи о некоторых играх: «Сегодня играли с „Этрик Тистл“ — полное фиаско. Двух наших удалили, и еще одного унесли на носилках. Мы проиграли 2:1 на глазах у огромной толпы». «Играли с „Твидхилл“. Ничья 3:3… Получил страшный удар по голени, после этого еле двигался». Условия были примитивные. Они играли на гаревых площадках, и если кто-то падал в пылу битвы за мяч, острые камни впивались в кожу, оставляя боевые шрамы.

Из-за боковой линии за игрой следила «группа поддержки».

Это сборище в большинстве своем безработных личностей повсюду следовало за командой. Они получали огромное удовольствие от игры, вопя и осыпая бранью как игроков, так и судью. Это была пестрая компания, среди них попадались толстяки, но в основном все были худые, с землистыми лицами, со свисавшими изо рта сигаретами и торчавшими из карманов пивными бутылками. При случае они могли решительно изменить ход матча, и Альф не раз видел, как из-за боковой линии в точно рассчитанный момент выдвигалась нога, прерывая бег игрока из команды противника.

Иногда, правда, их веселье грубо прерывали. Если в начале матча в команде не хватало игроков, менеджеру нередко оставалось только одно — добирать игроков из болельщиков.

— У нас все сегодня на месте, Хьюи? — спросил однажды Альф перед началом игры.

— Одного не хватает, — ответил менеджер, маленький смуглый человек с прилизанными черными волосами, похожий на Аль Капоне. Клуб был его жизнью. Он был не только менеджером, но и секретарем, бухгалтером, физиотерапевтом; в сущности, он управлял клубом практически в одиночку. Он бросил взгляд на разношерстную компанию у боковой линии, предвкушавшую начало игры. — Придется раздевать болельщиков!

Он сложил ладони рупором и заорал:

— У нас не хватает игрока! Пусть один из вас надевает форму. Быстро!

«Йокер Фернли» регулярно «раздевал болельщиков». Того, кто вытягивал короткую спичку, как правило, ждал тяжелый день. Они были неподготовлены к жестким правилам игры, и Альф хорошо помнил, как «болельщиков» безжалостно выталкивали на поле, помнил их белые мосластые ноги и тощие фигуры в развевавшихся на ветру футболках. Они быстро поняли, что играть — когда в твое хилое тело на полном ходу врезаются пыхтящие потные чудовища, — намного утомительнее, чем просто наблюдать за матчем.

В середине 1960-х, когда Альф начал пробовать себя в литературе, он написал несколько рассказов, но так и не опубликовал их. В одном рассказе говорится о робком, униженном маленьком человеке, у которого есть единственная отдушина в его никчемной жизни: каждую субботу он идет на футбольный матч и выпускает пар, крича на игроков из-за боковой линии. Только тогда он чувствует себя сильным и могущественным. Однажды весь его мир рушится, когда ему самому приходится выйти на поле, — он чуть не погибает от столкновения. В основу этой истории легли собственные

наблюдения Альфа за тяжелыми испытаниями «группы поддержки» на футбольных площадках Глазго. Это было одно из многих воспоминаний Альфа, изложенных на бумаге, однако оно никогда не издавалось.

Свой последний матч в составе «Йокер Фернли» Альф играл в Говане, жестком и бескомпромиссном квартале города. В тот день его команда совершила одну серьезную ошибку. Они выиграли. Подстрекаемый толпой судья сделал все возможное, чтобы перевес оказался на стороне команды противников, но «Йокер Фернли» все равно победили. Местные болельщики дали выход своей злости и набросились на игроков, которые забаррикадировались в раздевалке, а хулиганы пытались выломать дверь. Было очень страшно, и Альф засомневался, стоит ли продолжать занятия футболом. Он готовил себя к трудной и временами опасной профессии, но стать калекой, даже не начав, он не хотел. Больше он никогда не играл за «Йокер Фернли».

Этот ужасный случай в Говане, однако, не стал его последним футбольным матчем в Глазго. Он сыграл несколько игр в составе любительской команды «Старый Килпатрик» и постоянно играл в команде колледжа. Матчи часто проходили в субботу после ночных танцев в колледже, которые устраивали по пятницам, и многие участники с трудом передвигались по полю. Тем не менее было приятно размяться, к тому же это помогало избавиться от похмелья после ночной пирушки.

Он играл вместе со многими друзьями: Бобом Смитом, Эдди Стрейтоном, Дональдом Макинтайром, Адамом Фаррелом, Джонни Оггом, Джорджем Маклеодом и Ви-Джеем (Патом) О'Рейли. Однажды они поехали с командой колледжа в Дублин на выходные и так там повеселились, что Альф написал об этом очерк. Хотя к тому времени он уже перестал вести дневник, желание сохранить воспоминания не пропало.

В 1936 году семья Уайтов переехала из своего жилища на Дамбартон-Роуд в двухквартирный дом, расположенный километрах в трех от старого, на Эннисленд-Роуд, 724, в квартале Скотстаунхилл.

Семья смогла переехать в более благоустроенный район, потому что получила наследство. Дедушка Альфа, Джеймс Уайт, умер в Сандерленде в ноябре 1934 года и оставил кругленькую сумму. Его имущество оценивалось в 7366 фунтов, и в то время это было целое состояние. Он работал токарем на верфи, но еще немного приторговывал недвижимостью. У него было не меньше шести домов, которые после его смерти распределили между детьми. Папаше он завещал дом по Фалуэлл-Роуд, 65, вместе с долей в наследстве.

Их новый дом стоял на относительно тихой улице, откуда открывался восхитительный вид на окружавшие город холмы. Хотя и недалеко от старого района, здесь все было по-другому — больше похоже на зеленый пригород, резко отличавшийся от промышленного Йокера с его многоквартирными домами, грохочущими трамваями и шумными питейными заведениями. Здесь у Ханны было больше места для ее процветающего ателье, а Папаша так же легко добирался до своего рыбного магазинчика, который начал приносить доход. Переезд в новый дом не только обеспечивал Альфу занятия в спокойной обстановке. В перерывах он мог из окна своей спальни любоваться чудесными местами, которые доставляли ему столько радости, — Кэмпси-Феллс и Килпатрик-Хиллс.

В сентябре 1938 года начался последний курс — во всяком случае, Альф отчаянно на это надеялся, — и ему необходимо было сосредоточиться на учебе. Завалив патологию всего два месяца назад, он осознал, что, хотя отлично проводит время с друзьями, он должен всегда помнить о своей самой главной цели в жизни — стать дипломированным ветеринаром. В том месяце Альф не поднимал головы от учебников; он знал, что ему предстоит много работы.

Глава 6

Учеба приобретала настоящий смысл для студентов Ветеринарного колледжа, когда они начинали изучать медицину и хирургию — диагностику и лечение болезней. Они с трепетом делали первые операции, примеряя на себя будущую жизнь ветеринарного врача.

Во время изучения патологии они познакомились с такими болезнями, как туберкулез, фасциолез, сибирская язва и «деревянный язык», а также микроорганизмами с величавыми названиями: фасциола гепатика, коринебактериум пиогенез, диктиокаулюс вивипарус, фузиформис некрофорус и многими другими. Теперь они учились сражаться с этими врагами, — это была трудная, но интересная задача. Медицину и хирургию студенты изучали по таким уважаемым томам, как «Практическая ветеринария» Юдалла, «Ветеринария» Доллара и «Колики у лошади» Каултона Рика, но практическую сторону своей будущей профессии им приходилось познавать за пределами колледжа. Студентов прикрепляли к разным ветеринарным врачам в окрестностях Глазго, чтобы они приобрели практический опыт.

Некоторые из таких сторонних ветеринаров также читали лекции в колледже. Профессор Уилли Робб, преподававший медицину и хирургию на последнем курсе, был одним из самых уважаемых ветеринаров в стране. Он имел процветающую практику, где ему помогал сын Гарри. Уилли Робб, врач высокой квалификации, завоевал репутацию первоклассного специалиста по лошадям, застав славные дни рабочих лошадей, когда ими были заполнены улицы Глазго. Он был непревзойденным ветеринаром, и Альф многому у него научился.

Альф так же высоко ценил Билла Уэйперса, владельца клиники для мелких животных в Вест-Энде — западном районе Глазго. В те дни учебные заведения основное внимание уделяли лошадям, потом коровам, свиньям и овцам, а на мелких животных — собак и кошек — смотрели свысока. Билл Уэйперс даже тогда понимал, что мелкие животные могут стать очень важной отраслью ветеринарии будущего. Клиника этого первоклассного хирурга была оснащена рентгеновскими аппаратами, микроскопами и прочим современным оборудованием, он проводил такие операции, о которых другие ветеринары могли только мечтать. Этот человек опередил свое время, и студентам Ветеринарного колледжа Глазго необычайно повезло, что они оперировали под его руководством. Впоследствии Билл Уэйперс стал директором Ветеринарного

колледжа Глазго и в 1949 году добился, чтобы его включили в образовательную структуру города. Альфред Уайт всю жизнь глубоко уважал этого трудолюбивого и преданного своему делу человека, которому присвоили рыцарский титул в знак признания его заслуг в ветеринарии.

Альфу довелось поработать с еще одним выдающимся ветеринаром — Дональдом Кэмпбеллом из Рутерглена. Он многому научился у этого прогрессивного врача, но больше всего любил вспоминать — он всегда рыдал от смеха, рассказывая эту историю, — как в конце вечернего приема Дональд Кэмпбелл звонил жене, сообщая, что идет домой. Он так часто совершал этот ритуал, что Альф каждый раз, когда его слышал, доходил почти до истерики, пытаясь сдержать смех.

У Дональда Кэмпбелла был древний телефонный аппарат, по которому он после окончания рабочего дня связывался с женой, яростно накручивая черную ручку, прикрепленную к аппарату. После нескольких энергичных рывков он пронзительно и протяжно кричал в трубку: «Вызыва-аю до-ом, вызыва-аю до-ом!» Наступала напряженная пауза, Дональд ждал ответа, потом на другом конце провода раздавались приглушенный щелчок и тихое бормотание, — Дональд внимательно слушал. Получив сообщение, что его соединили с «до-омом», он докладывал жене, что идет домой: «Я ско-оро буду, ско-оро буду!»

Этот ритуал, который никогда не менялся, был серьезным испытанием для выдержки Альфа. Он разыгрывал сценку перед друзьями в колледже и так заинтриговал Обри Мелвилла, что тот попросился на один день в клинику Дональда Кэмпбелла. Вечером друзья напряженно ждали знаменитого телефонного ритуала. Обри пришел в такое возбуждение, что малейший толчок мог свести его с ума. Напряжение нарастало, и когда Кэмпбелл подошел к аппарату и взялся за ручку, Обри был на грани срыва. По заведенному порядку, тишину прорезал пронзительный крик Дональда: «Вызыва-аю до-ом, вызыва-аю до-ом!» Обри Мелвилл исчез. Он спрятался в шкафу, зарывшись головой в старую портьеру. К моменту «я ско-оро буду, ско-оро буду!» Обри корчился на полу от смеха.

Хотя Дональд Кэмпбелл, сам того не зная, служил источником развлечения студентов, он пользовался большим уважением. Кэмпбелл был первоклассным ветеринарным врачом, и студенты приобретали бесценный опыт, работая под его присмотром.

Альф много наблюдал за работой Билла Уэйперса с мелкими животными, у Дональда Кэмпбелла он имел дело как с мелким, так и с крупным зверьем, но ему хотелось познакомиться с

деятельностью сельского специалиста. В тот период жизни он думал, что станет ветеринаром, лечащим исключительно мелких животных. Тем не менее он хотел покрутиться среди коров и своими глазами увидеть жизнь врача, работающего с крупным скотом. Альф уже работал с коровами. Недалеко от его дома в Скотстаунхилле находилась молочная ферма, которой управлял мистер Стирлинг, и на последних двух курсах в колледже Альф стал там частым гостем. Он наблюдал за коровами, доил их вручную, помогал во время отела и осматривал заболевших животных.

Решив расширить свои познания в этой области, в каникулы он отправился в Дамфрис, город на юго-западе Шотландии, где работал вместе с ветеринаром по имени Том Флеминг. Альф вскоре понял, что жизнь среди крупных животных существенно отличается от работы в чистеньких, аккуратных ветеринарных клиниках Глазго. В этой части Шотландии разводили галловейскую породу коров, и, хотя среди них встречаются очень смирные животные, если их предоставить самим себе, они бурно реагируют на Малейшее вмешательство. Ветеринарный врач часто оказывается невольным участником таких случаев.

Однажды Альф и Том Флеминг отправились на ферму, где им предстояло извлечь послед у галловейской коровы с капризным характером, которую фермер каким-то чудом умудрился привязать в старом, хлипком курятнике. Войдя в темный маленький сарай, они наткнулись на свирепый взгляд своей пациентки, которая выражала недовольство, яростно размахивая хвостом и разбрасывая жидкие навозные лепешки во все стороны. Перспектива войти в контакт с этим животным не вызывала никакой радости.

Том Флеминг сделал широкий жест, предоставив Альфу привилегию извлечь послед. Альф вымыл руки с мылом в ведре с водой, приблизился к корове и осторожно потянул свисавший из-под хвоста послед. И тут началось веселье. Корова с оглушающим ревом рванулась вперед, и цепь на ее шее порвалась. Тогда она увидела путь к свободе. Прямо перед ней было маленькое окошко, и она ринулась к нему. Боднув его головой, она проломила стену и потащила за собой кусок старого курятника. Обломки «здания» рухнули на мужчин, а корова выскочила на огромное поле и поскакала на большой скорости, которой явно не мешали останки сарая, все еще болтавшиеся на ее шее.

Пока все трое смотрели, как остатки курятника с грохотом скрываются за горизонтом, фермер проявил себя человеком, способным мгновенно принять решение в трудную минуту.

— Пусть проваливает, чертовка! — заорал он.

«*Что* это за корова?» — подумал Альф. Она не имела ничего общего с мирными созданиями, которых он доил на ферме мистера Стирлинга. В тот момент он даже не подозревал, что такие внезапные родео станут привычной частью его будущей жизни.

Его поджидали еще несколько сюрпризов. Одной из самых неприятных сторон жизни ветеринара являются разнообразные запахи, — опытные ветеринары их практически не замечают, но новичков они могут шокировать. Альф сталкивался со множеством тяжелых запахов в ветеринарных клиниках Глазго, но оказался совершенно не готов к испытанию, поджидавшему его на живодерне близ Дамфриса, куда они однажды отправились с Томом Флемингом.

Эти заведения — в наше время они прекратили свое существование, — избавлялись от павшего скота и забракованного мяса. Там повсюду были навалены разлагающиеся трупы погибших животные, — в общем, не самое благопристойное место на земле. Молодой Альф Уайт не пробыл на живодерне и нескольких секунд, как его вырвало прямо на пол. Ударивший в ноздри запах не был похож ни на один другой — некая смесь разлагающихся органов и тошнотворного сладковатого запаха свежей крови. Повсюду были навалены горы шкур, внутренностей и костей, дополнял картину лежавший у ног Альфа ярко-зеленый поросенок. Живодер с легким интересом наблюдал за его реакцией. Сам он сидел на туше и с аппетитом жевал огромный бутерброд, держа в руке заляпанную жиром и кровью чашку. Этот человек, окруженный всеми известными человечеству болезнетворными микроорганизмами, был воплощением здоровья.

Его розовое блестящее лицо растянулось в улыбке.

— Что, запах не нравится? — рассмеялся он. — Да не переживай ты, всех выворачивает, кто зашел сюда в первый раз!

Много лет спустя Альф, к тому времени давно дипломированный ветеринар, тоже с улыбкой наблюдал, как другие студенты пытаются не задохнуться от миазмов, которые источала бойня, куда он сам теперь входил совершенно спокойно.

На последних курсах колледжа Альф проходил практику у еще одного ветеринара. Джей-Джей Макдауэлл оказал большое влияние на жизнь Альфа — и до, и после окончания Ветеринарного колледжа Глазго.

Когда Альф приезжал в гости к своим родственникам в Сандерленде, он останавливался у тетушки Джинни Уилкинс. Она не только жила рядом с клиникой Макдауэлла, но и приводила к нему на прием свою собаку Бонзо. По ее предложению Альф

поинтересовался, не может ли он поработать с Макдауэллом, чтобы набраться практического опыта. С этой просьбы, которая была охотно удовлетворена, началась их дружба, продолжавшаяся много лет.

Это происходило до принятия Закона о деятельности ветеринарных врачей 1948 года, запретившего лицам без соответствующей квалификации заниматься ветеринарной практикой. Прежде студенты могли работать с животными без всякого контроля, и Макдауэлл часто позволял Альфу вести прием в одиночку. В письме родителям из Сандерленда в 1938 году Альф рассказывал:

> В клинике (где заведует Уайт) мне пришлось удалить опухоль у собаки двенадцати лет, и когда я сделал разрез, оказалось, что она приросла к семеннику, — пришлось удалить и его… Такой серьезной работы у меня еще не было. Вот уж я пожалел, что Мака нет рядом. Я отправил пса домой с ужасной раной и думал, что больше не увижу его живым. Но, как ни странно, через два дня он явился на перевязку, веселый и игривый, и рана была совершенно чистой. Меня это ужасно обрадовало.

В тот период своей жизни, будучи еще студентом, Альф испытывал эмоции, сопровождающие жизнь обычного ветеринара: тревожное ожидание — выживет твой пациент или нет; радость и удовлетворение от хорошо проделанной работы. Закон о деятельности ветеринарных врачей, безусловно, был необходим. Нельзя, чтобы неопытные люди работали с животным без надлежащего контроля, и закон приняли, чтобы защитить интересы пациентов. И все же, в те далекие годы студенты получали бесценный опыт, когда оказывались один на один с больным животным.

Вернувшись в Глазго, Альф большую часть времени посвящал учебе. Он вышел на финишную прямую, и от профессии ветеринара его отделял лишь экзамен по медицине и хирургии. Но все же он не только работал; ему необходим был отдых от долгих часов зубрежки в его маленькой комнате на Эннисленд-Роуд. Он гулял и играл в теннис, если позволяло время, а в субботу вечером ходил с друзьями в кино или на танцы в танцевальные залы Глазго.

Альф часто ходил с матерью в театр. В Глазго их было великое множество, и он часто бывал в «Королевском», «Да Скала», «Плейхаусе» и «Альхамбре». Там он не только научился

любить классическую музыку, но и приобрел обширные знания в этой области. Он слушал Второй концерт для фортепиано Рахманинова в исполнении самого автора, — это было одно из самых сильных впечатлений его юности. Они с матерью сидели довольно близко и зачарованно смотрели на великого человека, который, склонившись над клавишами, играл самую замечательную музыку, которую они когда-либо слышали.

Почти каждую пятницу на танцах в Ветеринарном колледже можно было услышать музыку рангом пониже, и Альф регулярно посещал эти шумные вечеринки. Руководству колледжа приходилось делать вид, что они ничего не знают о танцах; в противном случае они были бы вынуждены прекратить это необузданное веселье.

Алекс Тейлор слышал о танцах и тоже захотел пойти. Этот вечер он запомнил на всю жизнь. Когда миссис Тейлор узнала, что ее сын собирается на танцы в Ветеринарный колледж, она поинтересовалась у Альфа:

— Я слышала, там творятся нехорошие вещи, Альф, а еще я слышала, что туда приходят странные женщины. Так вот, я хотела бы знать, Алекс не попадет в беду?

Он поспешил успокоить ее:

— Что вы, миссис Тейлор, конечно нет. Мы просто собираемся с ребятами, у нас будет небольшая вечеринка, потом мы прогуляемся в колледж, немного потанцуем и разойдемся по домам. Не волнуйтесь. С Алексом все будет в порядке, все будет отлично.

Этим вечером намечался также «бал первокурсников», что придавало особую пикантность вечеринке, но Альф решил не говорить об этом миссис Тейлор. Все началось, как обычно, в одном из пабов Глазго. Туда набилась толпа студентов, и вскоре Алекс веселился вместе со всеми. Шум стоял оглушительный, все громко смеялись, включая Алекса, которому казалось, что его окружают одни только красные, потные лица. Всякое подобие интеллектуальной беседы испарялось по мере того, как увеличивалось потребление пива и виски.

Когда бар закрылся, они с шумом вывалились на улицу. Алекс смутно помнил, что Альф нес картонную фигуру «Джонни Уокера», пока шатающиеся студенты поднимались по холму к Баклех-стрит. К этому времени все расплывалось у Алекса перед глазами; казалось, Глазго вращается в каком-то безумном танце. Студенты решили прорваться через ворота колледжа, чтобы не платить входную плату, — кстати, весьма умеренную. Попытка оказалась не совсем успешной, и в начавшейся драке Алекс получил мощный удар в челюсть, который свалил его с ног.

Перед Альфом встала дилемма. Вот его лучший друг, Которого он впервые привел на танцы в колледж. Они собирались хорошо повеселиться с ребятами, а вместо этого друг лежит без чувств. Что с ним делать? Неважно, что сам Альф был в состоянии сильного опьянения и вряд ли мог кому-то помочь. Безмятежное выражение на лице Алекса вызвало у его друга подозрение, что не только полученный удар стал причиной такого состояния, — но проблема-то все равно оставалась.

Внезапно Альфа осенило. Танцы, как всегда, устраивали на последнем этаже, а внизу во дворе он видел несколько длинных ящиков с опилками. В этих двухметровых контейнерах привезли новые микроскопы и другое лабораторное оборудование. «То, что нужно! — подумал Альф. — Уложу Алекса в ящик. В опилках ему будет удобно, а я смогу приглядывать за ним сверху».

С сомнительной помощью пьяных приятелей он потащил обмякшее тело Алекса вниз по ступенькам, громко стуча каблуками по железной лестнице. У ящика их ждал неприятный сюрприз: внутри, зарывшись в опилки, лежал Доминик Бойс. Он был в кепке, его лицо приобрело жуткий синюшный оттенок. Один из студентов, увидев его остекленевшие глаза, сказал, что Дом, наверное, умер.

— Не волнуйся, — ответил другой, — он всегда становится такого цвета.

Второй ящик тоже был занят: там уютно устроился другой студент с застывшей полуулыбкой на спящем лице. Альф уже начал беспокоиться, что все ящики оккупировали перепившиеся студенты, но ему повезло. В конце концов свободный ящик был найден, и Алекса аккуратно опустили внутрь. Убедившись, что старый друг мирно спит в постели из опилок, Альф бросил последний взгляд на ряды ящиков с их сопящими обитателями и устремился в танцевальный зал, вибрирующий от шума.

После этого Альф почти ничего не помнил, вроде бы в какой-то момент появилась полиция. Они с Алексом, который остаток вечера провел в гармонии с окружающим миром, каким-то чудом добрались домой. К радости Алекса, матери не было, но через пару дней она сказала ему:

— Полагаю, ты хорошо повеселился на танцах в колледже, Алекс.

— Да, я отлично провел время, — ответил он, — спасибо.

— Знаю, — продолжала она, — я об этом читала!

В который раз студенты Ветеринарного колледжа Глазго попали на страницы газет!

Альф иногда приглашал девушек на танцы в Глазго, но он очень мало рассказывал о своих отношениях с прекрасным полом,

и, соответственно, информации о его юношеских увлечениях практически нет. У него определенно было несколько девушек, но постоянные отношения сложились только на последних курсах колледжа, правда, после отъезда из Глазго все они были забыты.

Еще живя в Йокере, Альф питал нежные чувства к юной леди по имени Джин Уилсон и постоянно встречался с ней во время учебы в Хиллхеде, но он был очень молод, и их отношения никогда не были по-настоящему серьезными. С Шарлоттой Кларк он познакомился во время выходных с «Бригадой мальчиков» и больше года поддерживал с ней связь. Судя по всему, он был всерьез увлечен этой девушкой; в дневнике он описывал ее как «самое милое создание из всех, кого я знаю». Однако Шарлотта бросила его, когда он учился на втором курсе Ветеринарного колледжа, и на этом их дружба кончилась. Альф очень переживал; он всегда был ранимым человеком, способным на сильные эмоции.

В одном из походов в Рознит он познакомился с Марион Грант. Они постоянно встречались в студенческие годы и переписывались после его отъезда из Глазго; Альф продолжал писать ей даже в первые несколько месяцев работы в Йоркшире. Однако он не воспринимал их отношения всерьез, так как в это же время встречался еще с одной девушкой. Ее звали Нэн Элиот, она жила в Найтсвуде, неподалеку от дома Альфа в Скотстаунхилле. Эта юная леди также долгое время поддерживала переписку с Альфом после его отъезда в Йоркшир.

В студенческие годы он, безусловно, с удовольствием общался с девушками, но в его жизни была только одна настоящая любовь, и возникла она не в Глазго.

В июле 1939 года Альф Уайт сдавал выпускные квалификационные экзамены по ветеринарной медицине и хирургии. Он мечтал закончить учебу и приступить к работе, но увы — он сдал медицину, но завалил хирургию. Ему пришлось немного задержаться в Ветеринарном колледже.

Провал на экзамене стал серьезным ударом, но в этом не было ничего удивительного. Его анальный свищ снова воспалился, и Альф мучился с ним несколько месяцев перед экзаменами. Состояние было настолько тяжелым, что он лег на повторную операцию и, по его выражению, «снова привел в порядок свой зад!» Хорошо еще, что ему удалось сдать медицину, несмотря на изнуряющую болезнь.

Его друг Джок Макдауэлл, сандерлендский ветеринар, с восхищением написал ему в августе 1939 года: «Полагаю, ты уже перенес операцию и сейчас чувствуешь себя не очень хорошо.

Вероятно, хирург сделал, что называется, огромные разрезы в больном месте. Жаль, что тебе достались вопросы по желтому телу и везикулярным яичниковым фолликулам на устном экзамене, — не повезло. Я и сам мало что мог бы сказать по этой теме. Однако ты успешно сдал медицину, и это о многом говорит. Боже милостивый, представляю, сколько тебе пришлось трудиться, несмотря на плохое самочувствие! Ты заслуживаешь медали».

Его отец очень расстроился, когда Альф завалил хирургию. Папаша, вечный пессимист, никогда не одобрял решения сына стать ветеринаром. Он считал, что Альф очень рискует, выбрав профессию, основной источник доходов в которой — тягловая лошадь — стремительно вытесняется механизацией, но, тем не менее, горевал вместе с сыном, когда тот не смог сдать выпускной экзамен.

У самого Папаши дела обстояли лучше. Хотя его магазинчик прогорел в 1936 году, он быстро нашел себе другое занятие и стал конторским служащим на верфи Ярроу. В отличие от сына, Папаше хорошо давалась арифметика, у него были аккуратный почерк и высокоорганизованный ум: идеальный человек для такой работы. В связи с угрозой войны с Германией верфи в Глазго стали набирать обороты, так как вырос спрос на корабли, и работа впервые за многие годы приносила Папаше стабильный высокий доход.

Альф начал готовиться к переэкзаменовке по хирургии, которая должна была состояться в декабре, а у Папаши появилось еще больше причин надеяться на успешный исход. Когда Британия и Франция в сентябре 1939 года объявили войну Германии, Папаша понял, что его сыну придется пойти в армию и послужить на благо своей страны. Профессия ветеринара предоставляла бронь — то есть считалась необходимой в тылу, — и Папаша совсем не хотел, чтобы Альф рисковал своей жизнью где-то на чужой земле.

Альф не испытывал ни малейшего сомнения на этот счет и готов был служить своей стране, если потребуется. Тысячи молодых людей из Британии и других стран отчаянно сражались в составе интернациональных бригад в испанской гражданской войне и добровольно отдали свои жизни в борьбе против фашизма. Все это у многих пробудило чувство патриотизма, и Альф не был исключением.

Тем не менее, получить диплом ветеринара было его задачей номер один. Помимо того, что ему хотелось приступить к работе, его также тяготила постоянная зависимость от родителей. Хотя их финансовое положение никак нельзя было назвать

затруднительным, он больше не хотел сидеть у них на шее.

В осеннем семестре 1939 года Альф чувствовал себя немного лучше и лихорадочно работал, чтобы преодолеть это последнее препятствие. После экзамена ему казалось, что он справился, но он все равно ждал дня, когда объявят результаты, с нарастающим напряжением. Этот день настал, и Альф в огромной толпе студентов толкался перед доской объявлений, взволнованно выискивая свое имя в списке сдавших. Фамилии Джеймса Альфреда Уайта там не было. В эту минуту он чувствовал только одно — отчаяние. Глубокое, бездонное отчаяние. Он так старался, но снова потерпел неудачу. Интересно, сколько еще лет он будет прикован к Баклех-стрит?

Альф уже направился к выходу, собираясь вернуться домой и сообщить родителям ужасную новость, когда дверь открылась, секретарь колледжа подошел к доске объявлений и прикрепил новый листок.

— Прошу прощения, джентльмены! — сказал он. — Произошла канцелярская ошибка. К списку добавлена еще одна фамилия.

На листке стояла фамилия Дж. А. Уайта.

Когда потрясенный, но страшно счастливый молодой человек шел по улицам Глазго, у него возникло ощущение, что старый колледж, не желая отпускать еще одного студента в свободное плавание, совершил последнюю отчаянную попытку удержать его.

14 декабря 1939 года Альфред Уайт получил диплом Ветеринарного колледжа Глазго и стал полноправным членом Королевского ветеринарного общества. Он прошел пятилетний курс за шесть с четвертью лет, но по сравнению с другими практически «вечными» студентами он добился своей цели с поразительной скоростью. Альф покидал колледж не без сожаления. Во вступлении к «Историям о собаках» он выразил свои чувства к старой альма-матер:

«Когда я получил диплом и вышел из дверей колледжа в последний раз, меня охватило чувство огромной потери, ощущение, что навсегда ушло в прошлое что-то очень хорошее. В этом ветхом, старом здании я провел несколько счастливых лет, и хотя то, чему меня там учили, во многом устарело уже тогда и в моих знаниях было много пробелов, время, проведенное там, было таким беззаботным и радостным, что оно живет в моей памяти, овеянное золотой дымкой».

Молодой Альф Уайт вышел из стен Ветеринарного колледжа Глазго гораздо более мудрым человеком. Он поглотил огромное количество информации, но обучение только началось. И это обучение никогда не кончится.

Глава 7

На последнем курсе у Альфа был стимул напряженно работать. Для большинства его друзей, получавших диплом вместе с ним, неприятности только начинались, — над ними угрожающе нависала проблема поиска работы. Однако Джеймс Альфред Уайт, член Королевского ветеринарного общества, находился в несколько иной ситуации. Работа ждала его. Родной город позвал его обратно; ему предстояло стать помощником Джей-Джей Макдауэлла в клинике на Торнхилл-Террас, 1 в Сандерленде.

Существует широко распространенное мнение, что настоящий Джеймс Хэрриот начал свою профессиональную деятельность в качестве помощника «Зигфрида Фарнона» в йоркширских холмах. В общем-то, автор сам заставляет нас в это поверить; ни в одной его книге нет упоминаний о том, что он работал где-то еще, кроме той пленительной части Йоркшира, которую он прославил на весь мир.

На самом деле его первое место работы было в Сандерленде, и хотя он проработал у Макдауэлла всего шесть месяцев, это был богатый событиями период его жизни — настолько, что несколько глав в ранних книгах Хэрриота основаны на случаях из этого плодотворного этапа в карьере молодого человека.

Альф многому тогда научился, и большую часть полученных знаний он никогда не забудет. Макдауэлл, опытный и умный человек, одинаково хорошо владел «искусством» и «наукой» ветеринарии, и Альф вскоре понял, что «искусство» не менее, если не более важно, чем «наука».

Когда в январе 1940 года Альф отправился на свое первое место работы в качестве ветеринарного врача, он отлично понимал, что ему необычайно повезло. Он сразу начнет работать, в то время как многие его друзья либо завалили экзамены, либо, получив диплом, имели мало шансов найти работу в обозримом будущем. То были ужасные дни для новоиспеченных дипломированных ветеринаров. Во времена Депрессии рабочие места сократились до минимума, условия труда были примитивными. Работодатели смотрели на будущих работников как на низшую форму жизни и диктовали им свои условия. Те, кто все же сумел получить работу, могли рассчитывать только на мизерное жалованье и долгий рабочий день; в большинстве случаев отпуск даже не обсуждался.

Ситуация была настолько мрачной, что некоторые молодые люди давали объявления в «Ветеринери Рикорд», официальном

журнале Британской ассоциации ветеринаров, предлагая свои услуги бесплатно. «Квалифицированный, сильный, знающий молодой человек. Готов работать за еду и жилье», — такими объявлениями пестрели страницы журнала, и многие друзья Альфа в те тяжелые дни «работали за еду и жилье». Нанимателю это было очень выгодно: накорми человека, дай ему крышу над головой, и он будет пахать на тебя бесплатно.

Сегодня перед будущим помощником открываются совершенно иные перспективы. Работы полно, и новоиспеченный выпускник колледжа может позволить себе выбирать. Достойная плата, цивилизованные условия труда и много свободного времени (в некоторых случаях нет даже ночных дежурств) обеспечивают молодому ветеринару завидный выбор. Какой резкий контраст с жуткими условиями в те далекие годы!

Альф написал родителям из Сандерленда: «Я получил очень смешное письмо от Боба Смита. Он по-прежнему работает на ферме, бедняга, и уже сыт этим по горло, но все-таки не растерял своего чувства юмора. Он говорит, что, указывая свой рост в объявлениях в „Рикорде“, каждый раз добавляет пару сантиметров, и хотя он уже больше двух метров, весы все равно не склоняются в его пользу!»

Боб Смит по крайней мере получил диплом. У других приятелей Альфа дела обстояли гораздо хуже: они никак не могли сдать экзамены в Ветеринарном колледже. Процент неудач оставался на высоком уровне, о чем Альф через несколько месяцев поведал в письме родителям: «Бедняга Обри завалил оба экзамена, и Том Блэк тоже. Ужасно, правда? Хотя их попросту срезали, — Эдди Стрейтон написал мне, что почти 70 процентов завалили экзамены; их не выпустят, пока не хватает рабочих мест. Бедолага Энди Флинн в пятый раз завалил патологию и паразитов. Слава Богу, я больше в этом не участвую».

Неудивительно, что Альф благодарил судьбу, когда начал работать с Джоком Макдауэллом. Он получал 3 фунта 3 шиллинга в неделю — обычная ставка того времени. Сегодня на эти деньги не купишь и галлон бензина, но Альф был счастлив, что хотя бы получает зарплату. К тому же у него было дополнительное преимущество: он жил у тети Джинни на Бичвуд-Террас. Он платил 1 фунт в неделю за квартиру и стол, — выгодная цена, учитывая, что его тетя славилась превосходной стряпней. В следующие несколько недель недоедание не входило в число его проблем.

Однако положение Альфа в клинике Макдауэлла было непрочным. Макдауэлл смог предложить Альфу работу, потому что заключил договор со стадионом в соседнем городке Саут-

Шилдс, где он числился «лечащим ветеринаром» на собачьих бегах. Но финансовое состояние стадиона находилось под вопросом, и Джок предупредил Альфа, что в случае банкротства он будет вынужден его уволить. Вообще-то Макдауэлл предложил Альфу работу в конце 1938 года, и молодой человек обеими руками ухватился за эту возможность. Провал Альфа на выпускном экзамене по хирургии в июле 1939-го спутал карты, но сандерлендский ветеринар был о нем такого высокого мнения, что решил ждать до следующего года, удерживая место за Альфом.

Хотя Альф знал, что может потерять работу в любой момент, он с энтузиазмом взялся за дело. Крещение его было суровым. Всего через пару дней после его приезда Макдауэлл слег с тяжелейшим гриппом и проболел целых две недели. Альфу пришлось в одиночку управляться с практикой, — отличный опыт, но крайне изнурительный с эмоциональной и физической точки зрения. К тому же существовала еще одна проблема. Поскольку Альф не успел получить водительские права, ему приходилось втискивать Уроки вождения в свой и без того насыщенный график, и вдобавок на вызовы он ездил в сопровождении профессионального водителя — пожилого друга Макдауэллов.

Альф всегда называл Макдауэлла «Мак», а тот, в свою очередь, по непонятной причине звал моего отца «Фредом». Подозреваю, ему не нравилось имя Альфред, и он решил воспользоваться его второй половиной. Альф ничуть не переживал, потому что сам никогда не любил свое имя; даже будучи ребенком, я понимал, что он воспринимает имя Альфред как крест, который должен нести всю жизнь.

Он навсегда запомнил приветственную речь Мака, которую тот произнес в его первый рабочий день: «Добро пожаловать в Сандерленд, Фред! Здесь ты увидишь всего понемножку, но я больше люблю работать с собаками и кошками. Именно они приносят прибыль. Здешние жители бегут со своими питомцами ко мне по любому пустяку. Стоит их любимцам кашлянуть, чихнуть или пукнуть, и они тут как тут!»

Джей-Джей Макдауэлл был невысоким краснолицым человеком с густым, сочным голосом и внушительными усами, придававшими ему сходство с военным. Своим лихорадочным цветом лица Мак был обязан регулярному потреблению алкоголя; он никогда не упускал возможности хорошенько повеселиться, при условии, что веселье щедро приправлено спиртными напитками. Мак был лишь одним из бесчисленного множества ветеринаров времен Альфа Уайта, балансировавших на грани

алкоголизма. После пары стаканчиков в конце трудного дня мир, бесспорно, кажется не таким ужасным, но многие его коллеги превратили этот приятный способ расслабиться после трудов тяжких в крестовый поход. Историям о пьющих ветеринарах того времени нет числа, и Альфу предстояло провести с ними много часов — как на работе, так и на отдыхе.

Описывая в письме вечер в баре, проведенный с мистером и миссис Макдауэлл, Альф упоминает о слабости Мака к бутылке: «Мы пошли в „Ринк“, где, как вы знаете, не продают спиртное, и я удивился, что миссис М. удалось уговорить Мака. Однако, когда мне понадобилось в туалет, я обнаружил там Мака с неизменной бутылкой. Он разливал виски своим приятелям — именитым адвокатам, ротарианцам и т. д., причем все они были во фраках!»

Альфу довелось слишком быстро почувствовать неустойчивость своего положения. В середине января, меньше чем через две недели после его приезда в Сандерленд, он получил известие, которого страшился. Маку сообщили, что стадион, где проходили собачьи бега, закрывается, и у него не оставалось выбора, кроме как посоветовать своему молодому коллеге найти другую работу, так как он больше не может ему платить.

Это известие ознаменовало мрачный период в жизни Альфа. Он узнал, что есть работа в Гизборо, городишке, расположенном по соседству с вересковыми пустошами Северного Йоркшира, километрах в тридцати к югу от Сандерленда; Альф без промедления подал заявку, но получил отказ. Оставшись без денег и не имея шансов найти работу, он начал всерьез задумываться, не совершил ли он ошибку, решив стать ветеринаром. Альф оказался в такой же ситуации, что и многие друзья по колледжу: ни работы, ни перспектив, ни денег. Письмо родителям от 14 января 1940 года позволяет понять, какие трудности испытывали молодые ветеринары того времени.

> Дорогие мама и папа!
>
> К сожалению, у меня плохие новости, и лучше сразу с этим покончить. Меня не взяли на работу в Гизборо. Макдональд, тамошний ветеринар, получил заявление от человека из Ская, а так как он сам тоже оттуда, это решило дело. Не переживайте; конечно, это очень досадно, но не забывайте: такие же парни, как я, получают отказы по всей стране. Мак болен и не выйдет на работу еще несколько дней, так что плата еще за неделю мне обеспечена, но что потом?
>
> Если вам все равно, я бы хотел остаться здесь, даже не получая зарплаты. Понимаете, мне дают бесплатные

уроки вождения, я в курсе ветеринарных дел, и, самое важное, я не закисну и не отупею, что обязательно произойдет, если я буду без дела сидеть дома. Здесь я каждый день узнаю что-то новое, и есть небольшой шанс, что Мак будет иногда подкидывать мне какую-нибудь мелкую работу. Не расстраивайтесь из-за работы, что-нибудь подвернется.

Что касается отдыха, у меня его нет. Я еще не виделся пи с друзьями, ни с родственниками. После работы я лишь Успеваю сыграть в карты с Джорджем и рано ложусь спать.

Зарплату я еще не получал, но в начале недели Мак выдал мне фунт в качестве аванса, поэтому я смог купить флакон лавандовой воды к дню рождения тети Джинни.

Целую. Альф.

P. S. Чувствую себя отлично!

Альф не хотел беспокоить родителей, но чувствовал он себя отнюдь не отлично. Болезненные последствия перенесенной в Глазго операции упорно не желали исчезать, и он испытывал постоянный дискомфорт, а временами — мучительную боль. «Старина свищ», как он часто называл свой извечный недуг, причинял ему такие страдания в Сандерленде, что иногда ему хотелось «просто лечь и умереть». Первые дни его профессиональной деятельности — которые должны быть полны воодушевления и оптимизма, — в действительности были едва ли не самыми мрачными днями в его жизни.

Однако всего десять дней спустя его положение внезапно изменилось к лучшему. После консультации в Национальном комитете по собачьим бегам относительно будущего стадиона Саут-Шилдс, Маку предложили работу ветеринара на бегах в составе команды, созданной для воскрешения стадиона. Теперь он мог оставить Альфа на должности помощника, да еще и с повышением зарплаты до четырех фунтов четырех шиллингов в неделю. Вдобавок к этому неожиданному повороту судьбы Альф сдал экзамен по вождению в конце января. Фортуна снова улыбалась молодому человеку.

После столь бурного начала трудовой деятельности Альф решил с максимальной пользой использовать свое время в Сандерленде и получить как можно больше знаний. Он выполнил это решение и именно тогда получил урок «искусства» ветеринарной практики, который запомнил на всю жизнь.

Однажды утром после тяжелой ночи в городе Мак чувствовал себя особенно скверно. Помятое лицо и налитые кровью глаза

свидетельствовали о том, что его организму снова был нанесен сокрушительный удар. Поступил вызов на отел, но Мак был не в состоянии испытывать свои силы в ледяном коровнике. Он мутным взглядом посмотрел на молодого коллегу.

— Фред, — сказал он, — в Хордене телится корова. Они уже больше двух часов пытаются достать теленка, но у них ничего не получается. Заскочи туда и прими роды, ладно?

Альф отправился в путь на своей старой дребезжащей машине, мечтая произвести хорошее впечатление. На ферме он обнаружил двух удрученных фермеров, стоявших рядом с коровой. Корова не подавала никаких признаков родовой деятельности, только из ее вульвы свисал маленький хвостик длиной несколько сантиметров. Альф снял рубашку, тщательно вымыл руки с мылом и осторожно ввел руку во влагалище коровы. Молодой ветеринар быстро выяснил, что теленок лежит неправильно. Он шел спиной, подвернув под себя ноги, а его крестец блокировал родовые пути. Такое предлежание — известное как тазовое, — может оказаться весьма коварным, но молодой ветеринар, будучи студентом, пару раз принимал подобные роды. Он получит настоящее удовольствие; вот он — шанс произвести хорошее впечатление.

Альф работал быстро и четко, и через пятнадцать минут на свет появился живой теленок, а еще через пять минут — второй. Он отлично сделал свое дело, но не услышал ни слова благодарности от фермеров, никто не похлопал его по плечу с возгласом: «Прекрасная работа, молодой человек!» Ответом ему были лишь ледяное молчание и сдержанный кивок на прощание.

Вернувшись в клинику, он разыскал Мака.

— Скверные они люди, Мак, — заявил он, рассказав о проделанной работе. — Что еще я должен был сделать, чтобы доставить им удовольствие? Если бы сотворил им еще несколько телят, они все равно остались бы недовольными.

Мак слегка пришел в себя после вчерашней попойки и выглядел чуть-чуть поживее. Он немного подумал, поглаживая свои усы. Потом посмотрел на несчастного помощника.

— Молодчина, Фред! — рявкнул он. — Не переживай, ТЫ отлично поработал! Но скажи-ка мне, сколько времени тебе потребовалось, чтобы достать этих двух телят? Говоришь, пятнадцать-двадцать минут?

— Да, — ответил Альф. — Я все сделал быстро и хорошо, хоть и не стоит самому себя хвалить.

Мак на минуту задумался.

— Знаешь, что я думаю, Фред? Ты достал их слишком быстро!

— Простите?

— Ты только подумай. Эти два фермера бились больше двух часов, а тут являешься ты — и через несколько минут все кончено! Они чувствуют себя дураками! И вот еще что. Они платят нам хорошие деньги за то, что мы помогаем корове отелиться, а у тебя все выглядело слишком просто! На твоем месте я бы дал им понять, что работа очень трудная. Я бы показал им, что она стоит тех денег, которые они за нее платят. Никогда не делай работу так, чтобы она казалась слишком легкой, Фред.

Альф молча слушал. Он получал свой первый урок искусства ветеринарной практики.

Мак потрепал молодого помощника по плечу.

— Не расстраивайся, ты действительно отлично поработал! — Он немного помолчал, и на его лице заиграла легкая улыбка. — Знаешь, Фред, — продолжал он, — в прошлом у меня было немало случаев, когда я производил всякие манипуляции с телятами внутри коровы, истекая потом и удерживая этих чертенят на месте!

Свою небольшую лекцию Мак закончил фразой, которую Альфред Уайт никогда не забудет и которую сам через много лет будет вдалбливать в головы молодым помощникам, работающим под его началом:

— Запомни, Фред! Важно не то, что ты делаешь, а как ты это делаешь!

Альф быстро начал понимать, что само по себе приобретение знаний не служит гарантией успеха в ветеринарии, но он умел слушать и быстро учился. За те несколько месяцев в Сандерленде он многое узнал о человеческой природе, наблюдая за Маком с его частыми сменами настроения и разными посетителями ветеринарной клиники на Торнхилл-Террас. А еще он понял, как легко тебя могут вернуть с небес на землю именно в тот момент, когда тебе кажется, что ты лучший ветеринар на свете. Работая с Маком, он осознал, что жизнь ветеринарного врача — это долгая непредсказуемая череда взлетов и падений.

Однажды они с Маком оперировали лошадь. Альф чувствовал себя немного подавленным после не совсем удачного дня, и вдруг оказалось, что даже самые уважаемые представители его профессии иногда теряют свой ореол величия. Им помогал местный житель. Он рассказывал, что на его последнем месте работы фермеры пригласили великого профессора Митчелла сделать операцию паре молоденьких лошадок. Уилли Митчелл считался одним из лучших специалистов по лошадям, и Альф был потрясен.

— Повезло вам увидеть его за работой, — сказал Альф, сожалея, что ему не представилось возможности понаблюдать за

этим выдающимся профессионалом. — Должно быть, он весьма впечатляющая личность.

— Ага, — последовал ответ, — парень он умный, это верно. С помощью хлороформа уложил тех лошадок на траву и сделал операцию, быстро и гладко, вот так-то.

— Здорово, наверное, было наблюдать, — продолжал Альф, — за настоящим мастером своего дела, человеком, полностью владеющим ситуацией.

После секундной паузы помощник наклонился вперед. Его лицо расплылось в широкой улыбке.

— Между прочим, одна из лошадок перестала дышать, — видели бы вы, как он скакал на ребрах этой бедолаги!

Хотя Альфу и повезло, что у него была работа, но свою зарплату он отрабатывал сполна. Он работал почти каждую ночь и лишь изредка имел полдня отдыха в воскресенье. Однажды он набрался смелости и попросил выходной на Пасху, потому что из Глазго в гости к родственникам приехала его мать. Мака чуть не хватил удар. Целый день! Он был настолько ошеломлен этой дерзостью, что дал разрешение.

Вдобавок к скудному жалованью молодым ветеринарам выдавали машины весьма сомнительного качества, в которых они ездили по вызовам. Машина Альфа Уайта не была исключением. Поездка в его первом автомобиле, крошечном «Форде», была настоящим приключением — путешествием в неизвестное. Каждый раз, садясь за руль, Альф взвешивал свои шансы добраться до места назначения. Однажды он помял крыло на улице в Сандерленде. Ему на помощь пришли двое мужчин. Они подняли машину и перенесли ее на тротуар, потом что есть силы ударили по кузову и ликвидировали вмятину в считаные секунды. С таким средством передвижения в случае лобового столкновения будущий Джеймс Хэрриот стал бы всего лишь еще одной строчкой в статистическом отчете.

В письме родителям он превосходно описал жизнь за рулем: «Машина, в самом широком смысле этого слова, жутко грохочет, и в деревнях птицы в ужасе взлетают с изгородей, а коровы и лошади на лугах испуганно смотрят мне вслед. При скорости больше 50 км/ч начинается страшная вибрация, — после пары месяцев таких поездок моя печень будет в прекрасном состоянии».

Большую часть жизни Альф провел за рулем. Благодаря тем самым первым дням на дороге он всегда ценил удобства современных автомобилей, удобства, которыми ему доведется пользоваться лишь много лет спустя.

Радость от любимой работы омрачалась налетами немецких воздушных сил. В первые дни войны Сандерленд часто подвергался атакам, главной целью были крупные верфи на реке Уир. В письме от 30 января 1940 года Альф описывает страшный случай, когда он лечил корову в самый разгар воздушного налета: «Наше побережье пользуется особой популярностью у вражеских самолетов. Мы с Маком наблюдали сногсшибательное представление, когда приехали на ферму в Саут-Шилдс, — прямо напротив кораблей, на которые пикировали в атаке вражеские самолеты. Мы видели стрельбу из зенитных батарей и с кораблей, смотрели, как наши бомбардировщики преследовали нацистов. Бедная старая корова не получила должного внимания, потому что после каждого залпа мы бросали ее и выскакивали из коровника!»

Возможно, нацистская Германия и не дала Альфу полностью насладиться жизнью в Сандерленде, но был в его работе один аспект, который он ненавидел всей душой. Хотя Альф понимал, что само существование собак позволило ему получить это место, визиты на собачьи бега в Саут-Шилдс превратились для него в мучение. Он выполнял незавидную обязанность — проверял животных перед каждым забегом. В те дни на бегах заправляли неприятные вороватые личности, готовые на любые уловки, лишь бы победить в гонке. На Альфа Уайта, выросшего в честной, добропорядочной семье и неспособного на обман, обрушивался шквал оскорблений, когда он — обоснованно — не выпускал собаку на беговую дорожку, потому что она больна, перекормлена, или хозяин дал ей допинг. Он не имел ничего против тяжелой работы, но эта напоминала прогулку по минному полю, где его на каждом шагу поджидали обман и мошенничество.

Став знаменитым писателем со стабильным доходом, Альф часто вспоминал те дни на собачьих бегах, когда он был молодым ветеринаром без гроша в кармане. После одного из таких визитов он пил долгожданный чай, сидя напротив букмекера, подсчитывавшего дневную выручку. Букмекер складывал банкноты и монеты в огромные стопки на столе, — Альф в жизни не видел столько денег. Внезапно букмекер прервал свое занятие и окинул взглядом изношенную рубашку и потертые брюки Альфа. Он поднял бровь, широко улыбнулся и, едва заметно кивнув, щелчком послал монету в полкроны по столу, а потом вернулся к своим подсчетам. Позднее, рассказывая о своих приключениях на собачьих бегах от Сандерленда до Йоркшира в книге «Жаль, ветеринары не летают» («Vets Might Fly»), Альф напишет, что благодарен этому человеку, — не только за деньги,

но и за редкое проявление дружеского участия к нему.

Те трудные дни, однако, подарили будущему Джеймсу Хэрриоту множество богатых воспоминаний, которые, годы спустя, он опишет в своих книгах, и Мак станет одним из первых изображенных в них знакомых ветеринаров. В первых двух книгах появляется несимпатичный персонаж по имени Ангус Грайер, и некоторые истории с участием этого человека основаны на случаях из жизни Альфа в Сандерленде. Справедливости ради следует сказать, что Мак ни в коей мере не был таким неприятным, как Ангус Грайер. Моему отцу нравился Мак, и между ними возникла крепкая дружба. Но Мак был подвержен частой смене настроения, не терпел возражений, и когда он пребывал в скверном расположении духа, самым разумным было не привлекать к себе внимания.

Мак с женой часто приглашали Альфа на ужин, после которого они нередко играли в настольный теннис или «Монополию». «Монополия» иногда превращалась в серьезную битву. Если Мак начинал проигрывать, атмосфера в комнате накалялась, дальнейшее ухудшение его положения неизменно заканчивалось криком и слезами детей убегавших наверх спать.

Альф всегда вспоминал этого взрывного, но умного человека с большой симпатией и считал его одним из великих людей, прославивших профессию ветеринара.

Альф никогда не забывал о неустойчивости своего положения у Макдауэлла. Находясь под постоянной угрозой увольнения в случае, если наступят тяжелые для практики времена, он регулярно просматривал «Ветеринери Рикорд» в поисках работы. Мак сам твердил Альфу, что его шансы получить постоянную работу в клинике ничтожно малы. Альф, в общем-то, и не мечтал о том, чтобы стать партнером Мака: Макдауэлл был славным человеком во многих отношениях, но уж слишком любил светскую жизнь. Альф представлял себе долгие годы рабства.

У него была еще одна причина забрасывать сети в далекие воды: он не хотел всю жизнь провести в Сандерленде. Депрессия особенно сильно ударила по Северо-Восточной Англии, и деньги здесь почти не водились. Хотя Альф очень любил родной город, Сандерленд был не самым лучшим местом для работы. Зимой, которая, казалось, длилась целых шесть месяцев, на город набрасывались северо-восточные ветры и с ревом носились по улицам, часто в сопровождении мокрого снега или ледяного дождя. Огромные волны разбивались о прибрежные дороги, и ряды скучных, однообразных домов, мужественно противостоящих стихии, олицетворяли нависшую над городом

депрессию. Мрачное место для начала трудовой деятельности!

В ветеринарных журналах было очень мало предложений работы, но однажды, листая страницы «Рикорда», Альф наткнулся на объявление из Тирска. Он никогда не слышал о таком городе. Где этот Тирск? Внимательно изучив карту, он выяснил, что это в Йоркшире, примерно в восьмидесяти километрах от Сандерленда. В объявлении предлагалась «в основном сельскохозяйственная работа в йоркширском городке», заведовал практикой ветеринарный врач по имени Д. В. Синклер.

Хотя в Сандерленде Альф главным образом работал с собаками и кошками, предложение его заинтересовало. Он уже имел представление о работе с крупными животными, и его увлекла мысль о более длительном знакомстве с ними. Йоркшир не вызвал у него особого интереса. Он почти ничего не знал о нем, представляя себе плоскую промышленную пустошь, утыканную дымящимися заводскими трубами, — но Йоркшир находился не очень далеко, так что можно было поехать и все узнать самому. Альф написал, что хотел бы приехать на собеседование, и, к своему удивлению, получил ответ. Солнечным июньским днем 1940 года он отправился в Тирск.

У многих людей, читавших произведения Джеймса Хэрриота, есть свои любимые книги. Семья и близкие друзья моего отца без особых колебаний выбрали первую книгу — «Если бы они умели говорить» («If Only They Could Talk») и следом вторую — «Это не должно было случиться с ветеринаром» («It Shouldn't Happen to a Vet»). В этих двух книгах, объединенных потом для американского издательства в одну под названием «О всех созданиях — больших и малых», очень много знакомых нам эпизодов, — мы столько раз слышали от отца эти истории.

Помимо всего прочего, повествование привлекает своей правдивостью. Именно в этой первой книге, незаметно появившейся на полках британских книжных магазинов в 1970 году, проявляется волшебный дар автора управлять чувствами читателя. Здесь заложен фундамент хэрриотовской саги, на котором строились его необычайно успешные и популярные книги. Читатель впервые знакомится с местом действия, где будут разворачиваться основные события, — городком Тирском, увековеченным в книгах Джеймса Хэрриота как Дарроуби, и йоркширскими долинами. Здесь, на зеленых пастбищах и высоких, продуваемых ветрами вересковых пустошах, будут развиваться сюжеты его рассказов. Основные персонажи книг Джеймса Хэрриота появляются на страницах этих ранних работ — его партнер Зигфрид, младший брат Зигфрида Тристан и будущая

жена Джеймса Хэрриота Хелен. Читатель также знакомится со многими колоритными йоркширцами, среди которых он работал. Создание живописных и разнообразных литературных образов имеет огромное значения для успеха книги — или телевизионного сериала. Книги Джеймса Хэрриота наполнены незабываемыми персонажами. Ему не пришлось придумывать их. Все они были рядом, благодаря им первые годы в Тирске стали самыми трудными, но и самыми счастливыми в его жизни. Многие случаи, пересказанные в «Если бы они умели говорить», произошли именно так, как их описывал Джеймс Хэрриот. И его первая встреча с Зигфридом не была исключением.

Когда Альф Уайт постучал в дверь клиники в доме 23 на Киркгейт в Тирске, его ожидал первый из множества сюрпризов, которыми была богата жизнь с его будущим партнером. Дональд совершенно забыл о приезде молодого ветеринара из Сандерленда, и его не было дома. Миссис Уизерилл, экономка, казалось, ничуть не удивилась забывчивости своего хозяина; она извинилась, приготовила Альфу чашку чая и предложила чувствовать себя как дома. Меня нисколько не удивляет, что Дональд забыл о встрече. Когда я, двадцать семь лет спустя, тоже пришел работать в клинику, то быстро понял: если Дональд участвует в организации какого-либо мероприятия, это неизбежно приводит к путанице и неразберихе. За прошедшие годы мало что изменилось. Когда он наконец вернулся домой в тот день 1940 года, Альф заснул под старой акацией в саду. Проснувшись, он обнаружил Дональда прямо перед собой. Альф поспешно встал.

Меня зовут Дональд Синклер. А вы, должно быть, Альфред Уайт!

Мужчины обменялись рукопожатием, и в эту минуту между Синклером и Уайтом протянулась незримая связующая нить. Начало было очень непрочным, бывали времена, когда Альф жалел, что связал свою жизнь с таким своеобразным человеком, но эта нить выдержала, не порвалась.

Описание Дональда в первой книге Хэрриота полностью ему соответствует: «Такого воплощения чисто английского типа я в жизни не видел. Длинное, полное юмора лицо с сильным подбородком. Подстриженные усики, растрепанная рыжеватая шевелюра. На нем был старый твидовый пиджак и летние, утратившие всякую форму брюки. Воротничок клетчатой рубашки обтрепался, галстук был завязан кое-как. Этот человек явно не имел обыкновения вертеться перед зеркалом».

Последняя фраза точно соответствует действительности. Дональд был истинным джентльменом, дамским угодником, но за

все годы нашего знакомства я ни разу не видел, чтобы он причесывался, тем более смотрелся в зеркало. Возможно, ему наскучило его отражение, так как он почти не менялся с годами. Альф однажды сказал о своем партнере: «В тридцать Дональд выглядел на пятьдесят, и в семьдесят он выглядел на пятьдесят».

Дональд был полон обаяния. Все его любили, но он также был чудаковатым и непредсказуемым человеком. «Эксцентричный» — пожалуй, слишком мягкое определение для него, но прежде всего он был добрым, веселым и интересным человеком. В роли Зигфрида он стал центральным персонажем в книгах Хэрриота, вокруг которого построено столько рассказов Альфа.

Многие считают, что характер Зигфрида сильно преувеличен в книгах.

— На самом деле он ведь не был таким? — этот вопрос я слышал много раз.

— Вы совершенно правы! — обычно отвечаю я. — Он был совсем не таким. Автор существенно пригладил его характер.

Это мнение разделяют хорошо знавшие Дональда люди, особенно йоркширские фермеры, годами наблюдавшие, как он нетерпеливо носится по их фермам.

— Право слово, ваш отец точно изобразил старика Синклера в тех книгах! — это я слышал не раз в первые годы литературного успеха отца.

Дональд Синклер — единственный в своем роде, и никто не знал его лучше и не изображал столь красочно, как великий знаток человеческой природы Джеймс Альфред Уайт.

Альф впервые столкнулся с импульсивной натурой Дональда во время того самого собеседования в 1940 году. Дональд предложил осмотреть несколько ферм его практики. Он дал Альфу пару секунд, чтобы тот забрался в машину, и рванул по дороге. Они с грохотом неслись по сельским дорогам на головокружительной скорости, а Альф тем временем пытался сохранять спокойствие, так как сиденье под ним каталось взад и вперед. В этой поездке их сопровождали шесть собак, которые, похоже, получали от нее колоссальное удовольствие.

Не только скорость пугала Альфа в этой сумасшедшей гонке; у Дональда была весьма оригинальная манера водить машину: он крутил руль локтями, уперев подбородок в ладони. Он до старости сохранил эту пугающую привычку, вызывая недоумение у более строгих пассажиров.

Альф вскоре понял, что познакомился с человеком, не похожим на других людей. Его ждал еще один сюрприз: после стремительной пробежки по клинике на Киркгейт Дональд

предложил ему работу. Было еще несколько претендентов, но этот импульсивный человек, которому молодой ветеринар с первого взгляда пришелся по душе, не хотел терять времени. Он записался в ВВС, и вскоре ему предстояло отбыть на службу. Вдобавок его тогдашний помощник — молодой человек по имени Эрик Паркер — сообщил Дональду, что тоже оставляет практику и уходит на службу в ВВС. Дональду срочно нужен был человек, который управлял бы клиникой в его отсутствие. Он предупредил Альфа, что работа будет трудной, так как ему придется в одиночку вести дела в течение неопределенного периода времени. У Альфа кружилась голова, он поблагодарил Дональда и вернулся в Сандерленд, чтобы обдумать свое будущее.

События развивались стремительно, и он не мог поверить в свою удачу. Ему предложили работу, когда сотни других кандидатов получали отказы по всей стране. Но какое будущее уготовано ему в Тирске? Дональд Синклер явно был эксцентричной личностью, к тому же Альф почти ничего не успел увидеть, когда они вихрем пронеслись по фермам. Перед ним открывался незнакомый мир, предполагающий совершенно иной образ жизни, однако был один пункт в предложении Дональда, от которого Альф не мог отказаться.

В те тяжелые дни постоянная работа была пределом мечтаний для большинства молодых ветеринаров. Альфу же, как ни странно, предложили должность партнера на окладе еще до того, как он согласился. Пока Дональд служит в ВВС, Альф будет получать не только жалованье, но и пять восьмых от прибыли, забирая себе все деньги, которые он сможет заработать. Дональд обещал после своего возвращения платить Альфу четыре гинеи в неделю в дополнение к доле от прибыли, полученной в результате сверхурочной работы на министерство сельского хозяйства.

Альф понимал: если он согласится, ему придется крутиться, как белке в колесе. В отсутствие Дональда он будет работать за двоих, а еще вести бухгалтерские книги и управлять клиникой на Киркгейт, но все это служило дополнительным финансовым стимулом для молодого человека с пустыми карманами.

Однако его привлекали не только деньги. Альф хотел работать в обстановке, приятной глазу, и первое знакомство с Йоркширом стало для него откровением. Вместо скучного промышленного пейзажа он увидел сочные зеленые поля и милые деревушки, примостившиеся у подножия Хамбелтонских холмов. Ему импонировала мысль работать в столь приятном окружении. В Тирске, с его разномастными домиками, сгрудившимися вокруг рыночной площади, царила атмосфера дружелюбия и тихого

очарования, являя резкий контраст с серыми, открытыми ветрам улицами Сандерленда.

Необычный характер будущего нанимателя не омрачал приятные мысли Альфа. Может, Дональд Синклер и ведет себя немного эксцентрично, но Альф с первой минуты почувствовал к нему инстинктивную симпатию. У Дональда было честное, открытое лицо, он обладал тонким чувством юмора и притягательной личностью.

Нехватка рабочих мест в 1940 году диктовала свои условия, — решение надо было принимать быстро, и Альф его принял. Он рассказал Макдауэллу о предложении Дональда и немедленно написал Дональду о своем согласии.

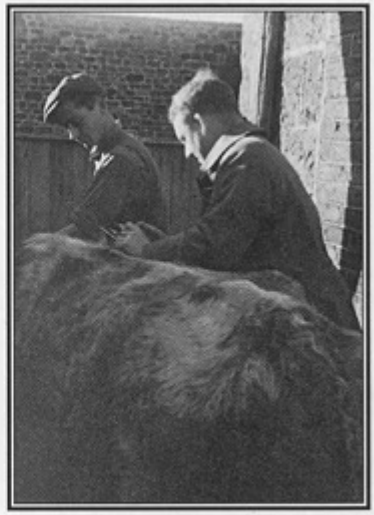
Маку жаль было терять молодого коллегу, но он знал, что Альф все равно надолго не задержался бы в Сандерленде. Мак понимал, почему честолюбивый молодой человек ищет постоянную работу с перспективами, которые сам он вряд ли мог ему предложить.

Альф собрал свои скудные пожитки и отправился в Йоркшир. Он приехал в Тирск 18 июля 1940 года и занял комнату на втором этаже в доме 23 на Киркгейт. Несколько дней он знакомился с практикой, объезжая клиентов вместе с Дональдом и Эриком Паркером, и 24 июля подписал контракт в должности платного партнера. Два дня спустя Альф приступил к работе. Отправляясь на вызовы в тот июльский день, он даже не догадывался, что много лет спустя превратит клинику Дональда Синклера на Киркгейт в самую известную ветеринарную практику в мире.

Альф (справа) с Дональдом Синклером и Эриком Паркером в саду на Киркгейт, 23

Альф за работой

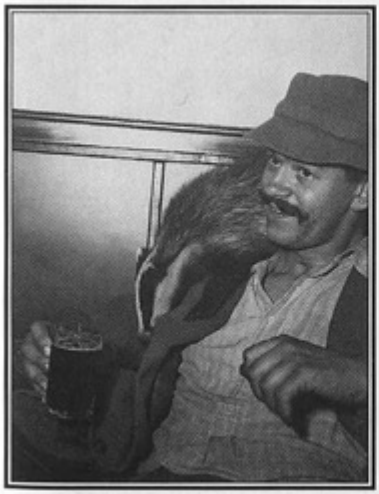
В огороде на Киркгейт, 23



Туберкулинизация
в йоркширских холмах

Фермер любезно расчистил дорогу
от ужасных снежных заносов,
столь частых
во времена работы Альфа

Брайан Синклер,
1948 год



Брайан Нетттлтон, ветеринар с барсуком

Автор со своим отцом — «всегда чувствовал себя уверенно и спокойно в его присутствии»

Папаша (за роялем) и члены музыкального общества Глазго

Глава 8

В самом начале, когда успех только пришел к Джеймсу Хэрриоту, Альф Уайт окутал тайной реальное местонахождение Дарроуби, скрывая от всех личность людей, ставших прототипами его персонажей. Он умышленно изменил описание Дарроуби. По его книгам, Дарроуби находится в высокогорной местности, среди безлюдных холмов и зеленых долин, исчерченных каменными стенами. Попытки Альфа оградить себя, своих друзей и это место в Йоркшире от излишней популярности и любопытных глазах не увенчались успехом. Репортерам не потребовалось много времени, чтобы выяснить: он живет в Тирске и материалы для своих книг черпает в этом маленьком йоркширском городке.

Огромное множество случаев, описанных в книгах, произошло в Тирске и его окрестностях, а не в йоркширских холмах, которые находятся километрах в тридцати от Тирска. Дарроуби — это Тирск, и Альфред Уайт, при всей его любви к этой местности, никогда не занимался практикой в йоркширских холмах.

Судя по открытке с изображением Тирска, которую Альф послал родителям в день своего приезда, город почти не изменился за все эти годы. Старая картинка радует глаз отсутствием автомобилей, но рыночная площадь, окруженная домиками с неровными крышами, кажется очень знакомой. Именно здесь, в сельской местности, далекой от привычной городской суеты, заложил Альф фундамент успешной карьеры ветеринарного врача. Клиника на Киркгейт, 23, которую он прославил как «Скелдейл-хаус», будет его домом в течение следующих двенадцати лет и рабочим местом — на протяжении всей его профессиональной жизни.

Альф ясно выражает свои чувства к дому и саду во второй главе книги «Если бы они умели говорить», где описывает, как впервые увидел его:

> Старинный дом георгианского стиля мне понравился. Дверь была выкрашена белой краской… Краска облупилась, известка между кирпичами во многих местах выкрошилась, но дом оставался непреходяще красивым…
>
> Меня проводили в залитую солнцем комнату. Она была просторная, с высоким потолком и массивным камином между двумя нишами. Одну стену занимала

стеклянная дверь, ведущая в обнесенный высокой стеной сад. Я увидел запущенный газон, каменную горку и множество фруктовых деревьев. В солнечных лучах пылали кусты пионов, а в глубине сада на высоких вязах перекликались грачи…

Старинная кирпичная ограда дышала солнечным теплом, над созвездиями ярких душистых цветов гудели пчелы. Легкий ветерок теребил увядшие венчики чудесной глицинии, заплетшей всю заднюю стену дома. Тут царили мир и покой.

Возможно, на Киркгейт, 23 царили мир и покой, но у Альфа не было времени им насладиться. В первые месяцы в Тирске Альф обнаружил, что жизнь сельского ветеринара может быть увлекательной, напряженной и чрезвычайно тяжелой. «Бесплатное» партнерство, которое он заключил с Дональдом Синклером, было палкой о двух концах. Ему не пришлось искать деньги, чтобы войти в долю, но он отплатил Дональду за его широкий жест тем, чего у него было в избытке, — желанием и готовностью много работать. Он блестяще начал тем летом 1940 года.

Дональд отбыл на службу в ВВС через несколько дней после приезда Альфа, а четыре недели спустя уехал Эрик Паркер. Альф остался один с чужой практикой на руках в местности, которую совсем не знал. До этого он работал в основном с мелкими животными, и теперь ему надо было переквалифицироваться в специалиста по крупным животным — причем в кратчайшие сроки. Дни были долгими, и он очень уставал, но тем не менее получал огромное удовольствие от работы и многому учился.

Интересно рассматривать старые бухгалтерские книги клиники, — по ним видно, как отличался характер работы от наших дней. Большую часть времени Альф ездил по небольшим семейным фермам, и, конечно, в те дни, до появления современных препаратов, его пациенты получали совсем другое лечение. Он постоянно вливал коровам замысловатые микстуры, вроде «Стимулирующих желудочных порошков» или «Универсального средства для скота». Он промывал коровам желудки этими странными смесями, орошал половые пути и вымя акрифлавином, пытаясь избавить корову от бесплодия или мастита. Акрифлавин антисептик — был большим подспорьем для ветеринара, его впрыскивали во все возможные отверстия, которые требовалось прочистить. В те времена ветеринары долгими часами готовили лекарства по собственным «рецептам». Сегодня они, конечно, устарели, но многие были весьма

действенными. И, разумеется, ни дня не проходило без более волнующей работы, наполняющей жизнь ветеринара, — отелы, окоты, наложение швов.

Окружавшая Альфа красота дополняла радость от новой работы. Тирск расположен в Йоркской долине на плодородной пахотной земле, но всего в нескольких километрах к востоку находится западная граница вересковых пустошей Северного Йоркшира. У подножия величественных хребтов теснятся живописные деревушки, и Альф с удовольствием объезжал этот красивейший край, наслаждаясь визитами в Болтби, Тирлби, Килберн, Коксуолд и другие прелестные места. Зачарованный, он взбирался в своей маленькой машине на вершину Хамбелтонских холмов, где пройдет большая часть его профессиональной жизни. В этих холмах, возвышавшихся на 250 метров над равниной Тирска, властвовал фермер, и скудная растительность была испещрена серыми каменными фермерскими домами. Они отважно противостояли воющим северо-восточным ветрам, которые зимой свирепствовали в долине.

В холодные месяцы в этой суровой неприступной местности негде было укрыться от стихии, а летом он видел залитые солнцем вересковые пустоши и торфяники, разделенные лесистыми долинами. Вокруг царила пронзительная тишина, нарушаемая лишь блеянием овец и жалобными криками кроншнепа и золотистой ржанки. Альф всегда любил такие уголки дикой, нетронутой природы, поэтому чувствовал себя легко и уютно среди этих необъятных просторов.

Стоит подняться по крутому склону Саттон-Бэнка, и с его вершины откроется изумительная панорама Йоркской долины до далеких Пеннинских гор. Альф всегда считал, что это «красивейший вид в Англии», и никогда не упускал возможности задержаться там хоть на несколько мгновений и насладиться красотой пейзажа.

Ему не потребовалось много времени, чтобы понять: здесь он будет счастлив. Он всем сердцем полюбил эту чудесную страну холмов и долин, в которой провел всю свою профессиональную жизнь. И он, и Дональд не раз говорили, что им очень повезло: они работают в красивейшей местности, а им за это еще и платят.

Не только работа была новой для Альфа. Он знакомился с совершенно другим типом людей, с образом жизни, непривычным для городского жителя. Он очутился среди йоркширцев, о которых однажды напишет с большой любовью, любовью, рожденной полувековым общением с этими замечательными людьми. Поначалу он чувствовал себя очень неуверенно. Типичный житель сельского Йоркшира — человек недоверчивый

и закрытый, и Альфу пришлось много работать, прежде чем его приняли в их сообщество. Он был приезжим, «чужаком», к нему относились с подозрением, пока он не проявил себя. Прошли годы, прежде чем он почувствовал, что стал среди них своим, о чем свидетельствует отрывок из его письма другу: «По какой-то причине местные фермеры относятся к Уайту с некоторой суровостью. Не могу понять, почему, ведь я — сама любезность и очарование!»

Отношение местных жителей к Альфу отличалось от того, к чему он привык в Глазго. В большом городе все открыто выражали свое мнение, а в Йоркшире люди держали свои чувства при себе. Он не знал, нравится ли он им, или они считают его круглым идиотом. Это оставалось для него загадкой. Еще одно серьезное различие между городской и сельской жизнью заключалось в том, что в деревне все, казалось, всё о нем знали. Лишившись относительной анонимности Глазго, он чувствовал себя как под микроскопом. Ему казалось, что за ним постоянно наблюдают.

Еще одной проблемой было изучение нового «языка». Альф пытался постичь тайны йоркширского диалекта, и в его голове крутились слова типа «выворот», «каменное вымя», «жеребчик» и «живчик». Сегодня на этом старинном наречии говорят не так много людей, но в прошлом новичку было очень сложно. Альф рассказывал, как однажды приехал на ферму, чтобы осмотреть молоденькую телку с уплотнением на соске. Фермер боялся, что уплотнение, если его не лечить, приведет к воспалению вымени, которое может закончиться маститом. Фермер был не из тех, кто говорит тихо; громкий голос часто был важным средством общения на йоркширской ферме среди мычащих коров и визжащих свиней.

— Здрасьте, мистер Уайт! — гаркнул он, приблизив красное лицо почти вплотную к Альфу.

— Доброе утро, мистер Масгроув, — ответил Альф, чувствуя звон в ушах.

— У меня тут животина с шишкой на титьке! — заорал фермер.

— Да, я вижу.

Ага! Вы чего-нибудь ей дайте, пока она не опухла! А то, я думаю, у нее мошна скоро загноится!

Альфу хорошо давались языки, но в первые годы в Йоркшире его лингвистические способности подверглись серьезному испытанию.

Альфу особенно пришлись по душе честность и справедливость йоркширцев. Они много работали, у них была

суровая и трудная жизнь, и хотя некоторые из них казались неприветливыми и мало улыбались, они всегда с уважением относились к тем, кто искренне старался им помочь. А Альф старался, и вскоре у него появилось много друзей среди фермеров. Он описывал местных жителей с большой любовью, и не без оснований. Ему нравились обычаи и традиции этих людей, неприкрытая теплота, чувство юмора и другие черты, прорывавшиеся сквозь непроницаемую стену, которую они воздвигли между собой и окружающим миром. Деревенские жители из тирских окрестностей изучали молодого Альфа Уайта, но и он, в свою очередь, изучал их, — и он их превзошел. Он раскладывал все наблюдения по полочкам в своей памяти и спустя годы поделился ими со всем миром.

Дональд Синклер купил практику у старого ветеринара мистера Вуда, и хотя он существенно повысил ее прибыльность, больших доходов к приезду Альфа она еще не приносила. Фермеры неохотно вызывали ветеринара; денег не хватало, и чтобы вытянуть их из фермеров, требовалось проявить твердость и дипломатию. Судя по некоторым записям в старых бухгалтерских книгах, работа ветеринара явно не была формулой богатства. Вот типичная запись тех лет:

М-р Смиртуэйт, Топклифф-Паркс, Топклифф
25 ноября 1940
Вызов, отел 6 часов
Пессарии, 1 бутыль УСС, 1 инъекция стрихнина
2 фунта

Тогда работы с мелкими животными, приносящей практике прибыль, было гораздо меньше, чем сейчас. В первые месяцы Альф кое-что узнал о финансовой стороне клиники, поскольку Дональд попросил его вести учет всех поступающих денег. В конце каждого дня Альф садился за бухгалтерию. Вскоре он понял, что приносит наибольшую выгоду. Его наниматель, безусловно, не разбогатеет от разъездов по окрестностям и лечения больных животных, а вот туберкулиновые пробы — совсем другое дело.

Одним из величайших достижений в ветеринарной науке была полная ликвидация туберкулеза у племенного скота во всей стране. В 1930-х и 1940-х годах эта болезнь была настоящим бедствием для молочной промышленности. Сегодня многие молодые ветеринары даже не видели корову, зараженную туберкулезом, а в те времена больные животные являли собой печальную картину — костлявые, изнуренные существа с характерным кашлем, который Альф быстро научился

распознавать. Страдали не только коровы; бесчисленное множество людей погибло, выпив молока от зараженной коровы. Джин Уилсон, его бывшая подруга из Йокера, заразилась и умерла совсем молодой женщиной. Дональд Синклер, который женился в начале 1930-х годов во время учебы в Эдинбургском ветеринарном колледже, потерял молодую жену из-за этой болезни. Ветеринары помогали ликвидировать болезнь и получали за это отдельную плату. Они проводили внутрикожные пробы, и всех животных с положительной реакцией отправляли на бойню. Это была тяжелая и утомительная работа, приходилось делать инъекции тысячам строптивых животных, однако она помогала безденежным практикам держаться на плаву.

Судя по записям в главной книге практики Дональда, типичный рабочий день того времени приносил около двух-трех фунтов, а пара дней туберкулиновых проб давала практике доход в 20–30 фунтов. Неудивительно, что ветеринары хватались за пробы при первой возможности.

Но среди них было одно яркое исключение: ветеринар, живший в Лейбурне, в сорока километрах от Тирска. Городок стоял среди йоркширских долин, — это дивный край, изобилующий коровами. Этот ветеринар не хотел заниматься скучной бумажной работой, сопровождавшей туберкулиновые пробы; деньги значили для него гораздо меньше, чем сохранение своего размеренного, приятного образа жизни. Его звали Фрэнк Бингэм, и Альф считал этого нечестолюбивого, но очень талантливого ветеринара-ирландца одним из лучших представителей профессии. Знакомство Альфа с йоркширскими долинами произошло во многом благодаря легкому отношению Фрэнка к жизни.

Практика Дональда Синклера покрывала в то время очень большую территорию. На протяжении ста километров с востока от Хелмзли до Хэйеса, небольшого городка на западной границе Уэнслидейл, было очень мало ветеринарных клиник, в число которых входили практики Дональда и Фрэнка Бингэма. Фрэнк не желал возиться с туберкулиновыми пробами и предложил эту работу Дональду, который, естественно, ухватился за нее обеими руками. Они заключили незамысловатый договор о партнерстве, и в течение нескольких лет оно называлось «Бингэм, Синклер и Уайт».

В первые месяцы работы в Тирске дни Альфа были очень долгими. По утрам он ехал в Лейбурн к Фрэнку Бингэму и брал бесконечные пробы у коров, а днем возвращался в Тирск и выполнял накопившуюся там работу. Он преодолевал огромные расстояния, но при этом имел возможность наслаждаться

волшебными красотами равнин, в которые влюбился с первого взгляда. Альфа очаровала магия холмов, спускавшихся к зеленым долинам, каменные стены, вьющиеся вдоль склонов от самых верхушек до кряжистых деревушек и фермерских домов. Он полюбил сладкий чистый воздух, щебетание птиц — кроншнепа, чибиса, жаворонка и куропатки. Неудивительно, что действие его книг происходит в йоркширских холмах; за свою жизнь Альф повидал много прекрасных мест, но ни одно не любил так, как Йоркшир.

Еще одним преимуществом напряженного режима работы стало близкое знакомство с Фрэнком Бингэмом. Фрэнк, импозантный мужчина со светлыми волосами и голубыми глазами, был почти на двадцать лет старше Альфа. Он много путешествовал, служил в конной полиции в Канаде некоторое время жил в Австралии, где объезжал заборы для защиты от кроликов, проводя много часов в седле, — Фрэнк был настоящим волшебником, когда дело касалось лошадей. Альф Уайт сразу проникся симпатией к этому очаровательному человеку с тихим, мягким голосом. Доброта и радушие Фрэнка и его жены Эмми, швейцарки по происхождению, скрашивали первые годы Альфа в йоркширских холмах.

В те дни Альф постоянно хотел есть. Он выезжал из Тирска в своей малолитражке, взяв на целый день лишь бутерброды с сыром, но если он попадал домой к Бингэмам, там его ожидало царское угощение. Эмми великолепно готовила и кормила его как короля. Альф с наслаждением поглощал восхитительное тушеное мясо, яблочные пироги и кексы, а тем временем Фрэнк садился в кресло и вел неторопливую беседу, словно в их распоряжении была вечность.

Фрэнк подходил к работе спокойно и методично, его ни в коем случае нельзя было подгонять. Он любил говорить: «Сначала нужно хорошенько подготовить конюшню». Молодой, жаждущий знаний ветеринар с удовольствием наблюдал за ним. Некоторые принципы, которых Фрэнк придерживался в работе, — внимательность и скрупулезная чистота — сегодня так же актуальны, как и пятьдесят лет назад. Альф был удивлен, увидев, что Фрэнк кипятит свои инструменты и заворачивает в чистую оберточную бумагу, но потом обратил внимание, что хирургические швы Фрэнка всегда заживают быстро и без нагноений.

Фрэнк отлично умел обращаться с лошадьми и мог с непринужденной легкостью поймать арканом дикого жеребенка. Однажды Альф зачарованно наблюдал, как Фрэнк одной рукой держал на веревке молодую необъезженную кобылку, а другой

скручивал сигарету. С той же сноровкой он управлялся с коровами. Одним из самых тяжелых испытаний для ветеринара является выпадение матки у коров. Нужно протолкнуть огромную бесформенную розовую массу обратно в корову, — это все равно, что пытаться пропихнуть подушку в сухую водопроводную трубу. Такая работа выматывает и деморализует. Однако для Фрэнка она не представляла труда. Однажды на ферме в холмах молодой Альф Уайт в изумлении наблюдал, как Фрэнк обсыпал гигантский мешок плоти сахаром, потом приподнял корову, подставив под нее небольшую скамейку, чтобы она не могла вытолкнуть матку обратно. Сахар вытянул влагу из тканей, сократив размер матки, а Фрэнк тем временем осторожно вправил ее на место. Молодой ветеринар в тот момент думал, что таким вещам не учат в ветеринарном колледже, — они приходят с опытом.

Фрэнк Бингэм появляется в третьей книге Джеймса Хэрриота «Не будите спящего ветеринара» под именем Эван Росс, и в его описании чувствуется восхищение Альфа перед этим человеком. Вероятно, не все разделяли его мнение. Многие считали Фрэнка прекрасным ветеринаром, — он им и был, если оказывался в пределах досягаемости.

У Фрэнка Бингэма была проблема, типичная для многих ветеринаров того времени. Он любил выпить — и выпить много. Существует бесчисленное множество историй о его долгих посиделках в йоркширских барах и пабах, посиделках, которые могли продолжаться несколько дней. Фрэнк работал, только когда ему хотелось, и если он уютно устраивался у зажженного камина со стаканом в руке, выудить его оттуда мог лишь человек, обладающий даром убеждения. Многие йоркширцы принадлежали к методистской церкви и, вероятно, осуждали его пристрастие к выпивке, но Альф запомнил не эту сторону характера Фрэнка. Благодаря дружбе этого беззаботного очаровательного человека Альф всегда вспоминал свои первые дни в йоркширских холмах с теплотой и чувством ностальгии.

Я почти не помню Фрэнка Бингэма. Мне было всего восемь лет, когда он умер в 1951 году, но я хорошо помню один наш поход в кафе вскоре после его смерти. Официанткой там была не кто иная, как Эмми Бингэм, которой пришлось пойти на работу. Отец ужасно расстроился, узнав о ее тяжелом финансовом положении, он даже есть не мог. Он был не в состоянии смириться с мыслью, что нас обслуживает леди, которая была так добра к нему в первые годы в йоркширских холмах.

В те времена ветеринары нередко умирали, оставляя своих жен в нищете. При такой тяжелой работе главным было выжить, и мысли о пенсии или страховых полисах вряд ли приходили им в

голову. Со временем стало известно о прозябающих в нищете семьях ветеринаров, и был создан Ветеринарный благотворительный фонд, обеспечивающий поддержку нуждающимся семьям. Став известным писателем и получая приличные деньги, Альф Уайт вносил крупные взносы в этот фонд, но тогда, много лет назад, он ничем не мог помочь Эмми Бингэм, — ведь ему самому приходилось считать каждый пенни.

Первые четыре месяца в Тирске Альф работал, не щадя сил. Он писал родителям о том, какую жизнь ведет:

> Дорогие родители!
>
> Я давно пытался выкроить минутку и написать вам, но в последнее время мне приходится работать, как никогда в жизни. Дел здесь хватит на несколько человек, и, честно говоря, не знаю, как я справлюсь со всей этой работой. Я встаю в 6.30 утра и работаю до темноты, а потом, вдобавок ко всему, занимаюсь писаниной. А еще счета! Боже, никогда не думал, что они накапливаются с такой скоростью и что жизнь стоит так дорого. Не могу поверить, что я здесь уже четыре месяца. Время летит быстро, когда работаешь, и, кроме выходных в Сандерленде, в самом начале у меня не было ни одного свободного дня, я ни разу не ходил на свидание с девушкой, не сыграл ни одной игры! Это кого угодно сведет с ума!

Сегодня молодой ветеринар ведет более цивилизованную жизнь, он работает в лучших условиях, в его распоряжении целый арсенал современных лекарств и удобные машины, — но я сомневаюсь, что они счастливее тех, вчерашних, работяг. Современный ветеринар окружен всевозможными правилами и постановлениями, а его клиенты становятся все более требовательными. Работа связана с сильным напряжением, как финансовым, так и эмоциональным, и на каждом углу его подстерегает угроза судебного преследования. Молодому Альфу Уайту приходилось много и тяжело работать, но вполне возможно, что его свободная жизнь на свежем воздухе в одном из самых красивых уголков страны сейчас у многих вызывает зависть.

После отъезда Дональда Синклера и Эрика Паркера на службу в ВВС Альфа охватило бесконечное чувство одиночества. Он пытался зарекомендовать себя на новой работе в незнакомом окружении, и, кроме Фрэнка Бингэма в Лейбурне, ему не к кому было обратиться за советом, не с кем было поделиться своими тревогами и надеждами. Ждать поддержки от йоркширских

фермеров тоже не приходилось: многие привыкли доверять Дональду и Эрику, они не могли скрыть разочарования при виде незнакомого и неопытного ветеринара, въезжавшего во двор фермы. Никогда Альф так отчаянно не нуждался в моральной поддержке, как в те первые несколько недель в Йоркшире.

Вскоре у него появилась идея. Альф подозревал, что его друг Эдди Стрейтон, недавно получивший диплом, скорее всего не смог найти работу. Он оказался прав; Эдди уже ни на что не надеялся, и когда Альф предложил ему приехать к нему в Тирск, молодой человек с радостью ухватился за эту возможность. Платить другу Альф не мог, но он предоставил ему крышу над головой и еду, вдобавок Эдди получал возможность набраться практического опыта, помогая Альфу в повседневной работе. Эдди был вдвойне благодарен, так как знал, что при поступлении на другую работу у него будет преимущество, если он скажет, что несколько недель работал помощником ветеринара.

Эдди оказал огромную помощь Альфу во многих отношениях. Теперь у него была хорошая компания в долгих поездках в самые дальние уголки йоркширских холмов, к тому же Эдди оказался толковым помощником. Он вставал рано утром, так как старенький «Форд» нужно было подтолкнуть, прежде чем он соизволит завестись, но истинный талант Эдди проявился на фермах в продуваемых ветром холмах, когда он помогал ловить животных. Взять туберкулиновые пробы было непросто: сильные опасные животные не собирались облегчать им задачу и расшвыривали двух молодых ветеринаров как котят. Эдди не был крупным юношей, но отличался силой и бесстрашием, и в воспоминаниях Альфа сохранилась маленькая фигурка с черными как смоль волосами, мелькающая среди кучи свирепых, разъяренных коров, которую бросает из стороны в сторону, как пробку в океане. Но стоило Эдди просунуть пальцы в ноздри животного, как он вцеплялся в него мертвой хваткой.

Много лет спустя Эдди Стрейтон вспоминал, как работал со своим старым другом из колледжа в холмах и долинах Йоркшира. Он даже сказал, что это были счастливейшие дни в его жизни — трудные и безденежные, но беззаботные и наполненные приятными воспоминаниями.

Помимо туберкулиновых проб в холмах, в Тирске тоже было много работы, и однажды вечером Альф с Эдди испытали на себе превратности судьбы ветеринарного врача: они получили хороший урок, который запомнили на всю жизнь.

Их вызвали к телящейся корове в Нэйтон, деревушку в окрестностях Тирска, и они, охваченные энтузиазмом, отправились туда. Отел — драматичное событие, и успех может

существенно повысить репутацию нового ветеринара. С другой стороны, в случае неудачи ветеринару придется горы свернуть, чтобы вернуть свое лицо.

Альф разделся до пояса и ввел руку во влагалище коровы. Через несколько секунд от его уверенности не осталось следа. Он нащупал только комок шерсти и костей. Ни ног, ни копыт, ни головы. Это теленок? А что еще это может быть? Он исследовал загадочные недра коровы, отчаянно пытаясь отыскать хоть что-то знакомое, но в полости коровы прочно угнездился лишь огромный мохнатый шар. Альф еще немного повозился с безымянной массой и повернулся к другу.

— Эдвард, ты не посмотришь?

— Конечно, Альф, — ответил Эдди и уверенно шагнул вперед.

Надежды Альфа на успешный отел совсем угасли, когда он наблюдал за приятелем, который с мрачной решимостью копался во внутренностях коровы. По всей видимости, Эдди тоже ничего хорошего не обнаружил. В конце концов он вытащил руку и сказал:

— Думаю, тебе следует осмотреть ее еще раз, Альф.

Довольно странный случай.

Альф снова бросился в бой, его мысли лихорадочно метались. Что бы это ни было, оно не собиралось выбираться наружу. В те дни кесарево сечение не было решением проблемы; «теленка» — или что там еще могло быть — необходимо было извлечь естественным путем. Другие варианты не рассматривались. Что было делать? Хорошего ветеринара отличает способность принимать твердые решения; в трудных ситуациях нет смысла тянуть. Альф должен был что-то сделать, и он сделал.

Он повернулся к фермеру и со всей уверенностью, на какую только был способен, сказал.

— Боюсь, эта корова не сможет разродиться. Она может погибнуть, если мы достанем из нее этого гигантского теленка, но если вы немедленно забьете ее и разделаете, то получите хорошую цену за тушу.

Эти уверенные слова противоречили бушевавшим в его груди чувствам.

Фермер растерянно уставился на Альфа, и вдруг гнетущую тишину коровника нарушил чей-то голос.

— Я попробую!

Какой-то мрачный коренастый тип зашел поглазеть и молча, с видимым безразличием наблюдал за конвульсиями двух молодых людей. Фермер дал согласие, а Эдди с Альфом были не в том положении, чтобы возражать. Мужчина закатал рукава,

достал старый нож и, спрятав его в ладони, ввел руку во влагалище коровы и принялся за работу.

Следующий час показался молодым ветеринарам вечностью, пока этот человек доставал теленка — по частям. Наконец плоды его труда оказались на полу коровника, избавив изможденную корову от нежеланного бремени. Он добился успеха там, где дипломированные ветеринары потерпели поражение.

Эдди и Альф пробормотали слова благодарности, выскользнули из коровника и с грохотом покатили по сельской дороге обратно в Тирск. Их переполняло чувство стыда. Они настолько упали духом, что долгое время не могли вымолвить ни слова, но в конце концов Эдди нарушил молчание и произнес фразу, которую мой отец запомнил на всю жизнь.

— Загублены две блестящие карьеры, Альф! — сказал он, мрачно глядя сквозь потрескавшееся ветровое стекло.

— Да, Эдди, наверное, ты прав, — ответил Альф. — Новости здесь расходятся быстро — особенно плохие. О, им это понравится! Фермеру пришлось делать работу за ветеринара! Они будут кричать об этом на каждом углу! Завтра о нас узнает весь Йоркшир!

Следующие дни превратились в муку. Они ждали реакции фермеров, — но ее не последовало. Им стало казаться, что вся эта история приснилась в страшном сне, но они все еще опасались вызовов в радиусе пары километров от места катастрофы. Вскоре такой вызов поступил. Их пригласили на соседнюю ферму осмотреть корову, и они, собравшись с мужеством, отправились на казнь.

Фермер не заставил себя долго ждать и заговорил о том неприятном случае.

— Мой сосед рассказывал мне о вас, ребята, — заявил он.

— Да? — Альф приготовился к худшему.

— Он так переживает из-за того отела. Да уж, скажу я вам!

— Конечно, переживает!

— Ага, он так разозлился, точно.

Наступило напряженное молчание, потом фермер заговорил снова.

— Не надо было разрешать тому полоумному негодяю гробить корову и вырезать теленка ножом!

Альф и Эдди в недоумении уставились на фермера. Молчание нарушил Альф.

— Что вы хотите сказать?

— Ага, — продолжал фермер. — Он пожалел, что не послушал вас, ребята! Если бы он забил корову, как выговорили, он бы получил чуток денег за ее тушу. Корова пала, прежде чем

вы, ребята, вышли со двора. И теперь у него нет ничего. Расстроился он из-за этого дела, скажу я вам! Он считает, что вы, ребята, молодцы! Теперь он всегда будет слушать ветеринара!

Теплая волна окатила молодых людей. Они испытали на себе взлеты и падения, знакомые каждому ветеринару. Оба рассказывали мне эту историю, когда я учился, и каждый произносил одинаковые напутственные слова:

— Если все вокруг кажется тебе мрачным и безысходным, всегда помни, что обязательно наступит новый день!

Способность принимать решения была одной из сильных сторон ветеринара Альфреда Уайта. Много лет назад в том коровнике он принял правильное решение и примет их еще много за годы своей профессиональной жизни.

В ноябре 1940 года Синклер и Уайт воссоединились. Дональд неожиданно вернулся со службы в ВВС, и это означало, что Эдди должен уехать. Но до его отъезда Альф, от его имени, разослал письма по разным объявлениям о работе. Даже в те далекие дни Эдди высоко оценил талант друга к написанию писем: очень скоро ему предложили работу в Колне.

Эдди Стрейтон был очень благодарен, но возможность отплатить другу за его великодушие появится у него не раньше, чем двадцать лет спустя.

На самом деле Дональда выгнали из ВВС, но он этого ожидал. Он уменьшил свой возраст, чтобы его взяли на службу, но уволили его из-за недостаточно быстрой реакции во время учебных полетов. Когда обнаружилось, что Дональду почти тридцать, начальство пересмотрело его дело и решило отправить его домой. Профессия ветеринара, предоставлявшая бронь, тоже сыграла свою роль.

Вернувшись домой, Дональд как одержимый набросился на работу. Это было кстати, так как дел становилось все больше, и оба партнера работали до изнеможения. Однако «помощь» уже была на подходе.

Отец Эдди Стрейтона предлагал машину на продажу, и Дональд решил ее купить. В один прекрасный день он сказал Альфу:

— Альфред, отправляйтесь в Глазго и заберите машину. Возьмите пару выходных, повидайтесь с родителями, а на обратном пути, пожалуйста, захватите моего брата из ветеринарного колледжа, — он едет сюда на рождественские каникулы. Этот негодник сейчас на третьем курсе и наверняка снова завалил экзамены! Да поможет ему Бог, если это так!

Альфу Уайту предстояло познакомиться с Брайаном

Синклером, который станет его близким другом на всю жизнь. Много лет спустя весь мир узнает его под именем Тристана Фарнона.

Глава 9

Брайан Синклер вошел в жизнь Альфа Уайта словно дуновение легкого ветерка. С фотографий 1940-х годов смотрит живое, веселое лицо человека, который действовал как тонизирующее средство на загруженного работой, бедствующего молодого ветеринара. Альф провел в Тирске всего несколько месяцев, но чувствовал себя ветераном; приезд Брайана внес свежую струю в однообразные дни.

Внешне Брайан совсем не походил на старшего брата. Он был ниже ростом и более плотного телосложения, с овальным лицом, готовым в любую минуту растянуться в улыбке. На его открытом и честном лице отражался истинный характер этого человека; большую часть жизни Брайан Синклер смеялся, и Альф провел много часов, смеясь вместе с ним.

Описание Брайана и его проделок в ранних книгах Джеймса Хэрриота дает яркое представление о жизни на Киркгейт, 23. Альф, Дональд и Брайан — когда приезжал на каникулы из ветеринарного колледжа, — жили все вместе в доме на Киркгейт, и Альф оказался в компании двух незаурядных личностей. Братья то любили, то ненавидели друг друга, их отношения дали Альфу превосходный материал для книг, и забавные выходки этой парочки стали сюжетной канвой его ранних произведений.

Комизм ситуации заключался в том, что Дональд чаще всего не видел ничего смешного в перепалках с Брайаном — и не без причины. Он чувствовал ответственность за благополучие младшего брата. Он оплачивал его учебу, но Брайан не был самым прилежным студентом на свете. Он регулярно проваливался на экзаменах, оставляя Дональда практически без гроша в кармане. Вспышки гнева разочарованного Дональда, в большинстве своем обоснованные, подробно описаны в ранних произведениях Хэрриота.

Когда в 1960-х годах Альф писал первую книгу, он много консультировался с Брайаном: ему хотелось воспроизвести их стычки с максимальной точностью. В черновой машинописной рукописи первой книги «Если бы они умели говорить» я заметил несколько вставок и надписей, сделанных от руки. Одна глава привлекла мое внимание.

В ней описывается эпизод, когда Тристан разбил машину брата, несмотря на строгие предупреждения Зигфрида, лежавшего в постели с гриппом. В конце концов Тристан набрался храбрости и рассказал Зигфриду, что его любимый «Бентли» попал в «небольшую» аварию, итогом которой стали помятое крыло и две

оторванные двери. В жуткой тишине старший брат переваривал дурные новости. Внезапно каким-то нечеловеческим усилием он заставил себя сесть в кровати и диким голосом заорал на Тристана, потом без чувств рухнул на подушку.

На соответствующей странице рукописи рядом с описанием этого случая стоит надпись, сделанная, несомненно, рукой Брайана: «Он сказал: „Идиот чертов! Ты уволен!“».

Когда в декабре 1940 года Брайан приехал из Глазго и сообщил брату, что провалил патологию, а с паразитологией «все в порядке», Дональд устроил ему взбучку, которую тот ожидал. Брайан не утратил любовь к шуткам и легкомысленное отношение к жизни, несмотря на постоянные упреки Дональда, который временами обращался с ним крайне пренебрежительно.

Альф вспоминал, как однажды увидел на каминной доске короткое послание: «Брайан! Езжай домой! Дональд». В другой раз Альф с Брайаном зашли на кухню, где Дональд жарил три яйца на завтрак. Он повернулся к брату и небрежно бросил:

— *Твое* яйцо растеклось!

Через некоторое время после знакомства с Брайаном Синклером Альф стал задаваться вопросом, в чем заключается помощь Брайана в управлении клиникой. Дональд постоянно и безуспешно пытался вдолбить в голову брата правила трудовой этики и вымещал на Брайане свою злость, поручая ему самую черную работу. Вскоре стало ясно, что Брайан — фактотум, то есть человек, обязанный готовить и доставлять лекарства, мыть машины, копать в саду, отвечать по телефону, вести бухгалтерию и даже, в крайних случаях, выезжать на вызов.

Во всяком случае, Дональд видел его именно в таком качестве, но у Брайана были другие идеи. Все свое время он посвящал удовольствиям, испытывая отвращение к любым видам физической активности; в сущности, целью всей его жизни было как можно меньше работать. И Брайан в этом преуспел: он провел много долгих и счастливых часов сидя в кресле, решал кроссворды, курил одну за другой сигареты «Вудбайнс» или просто мирно дремал. Старший брат от случая к случаю вытаскивал его из кресла и заставлял работать, но в целом Брайану неплохо жилось в старом доме. Если он не сидел в любимом кресле, значит, беззаботно болтал в местном пабе или устраивал розыгрыши любому, кому в тот момент не посчастливилось оказаться поблизости. Альф часто попадался на розыгрыши Брайана, и редкая неделя проходила без того, чтобы он не стал жертвой парочки озорных проделок друга.

Брайан умел подражать разным голосам, — сколько раз Альф покрывался холодным потом, услышав в трубке голос «фермера»,

которому он срочно потребовался по какому-нибудь ужасному делу, и разумеется, темной промозглой ночью. Альф часто вспоминал один классический случай. Зазвонил телефон, и в трубке раздался голос фермера с характерным йоркширским выговором:

— Это ветеринарщик? Говорит Кил из Хескет-Гранжа. У меня тут здоровенного коня надо бы зашить. Он сильно порезал заднюю ногу. Характер у него отвратительный, и все такое!

Промучив Альфа несколько минут, Брайан со смехом признался в розыгрыше.

Альф много раз пытался отплатить Брайану той же монетой. Он изо всех сил старался изменить голос, звонил другу в любое время дня и ночи, но молодой шутник всегда его переигрывал. Однажды, поздно вернувшись домой после ночного вызова, Альф пережил настоящий шок. В окно его спальни светила полная луна. Он начал раздеваться и вдруг, к своему ужасу, увидел в окне силуэт обнаженного мужчины. Лунный свет придавал видению зловещий вид.

— Кто тут, во имя всего святого? — прохрипел Альф с колотящимся сердцем.

Фигура молчала, казалось, целую вечность. Наконец жуткий загробный голос произнес:

— Бра-а-й-а-а-н!

Удивительно, как Альф Уайт умудрялся работать, имея под боком такого озорника, но он был не единственным, кто испытал на себе острое жало шуток Брайана. Несмотря на уникальную способность жить легко и счастливо, ничего не делая, Брайан, тем не менее, мог вложить всю душу в выполнение какого-нибудь замысла, и он, безусловно, приложил немало сил для создания «Паннальского привидения».

Эта зловещая фигура в белом одеянии на многих наводила ужас. В лунную ночь можно было увидеть, как она плавно плывет через дорогу у деревушки Панналь близ Харрогита. Перепуганные водители резко разворачивали машины и на огромной скорости мчались в обратную сторону — к радости смеющегося привидения, которым, разумеется, был Брайан собственной персоной.

Но однажды ночью два мотоциклиста вместо того чтобы сбежать, решили пуститься в погоню за призраком. Столь неожиданный поворот событий застал привидение врасплох. Оно сорвалось с места и пустилось наутек по вспаханным полям, мотоциклисты следовали за ним по пятам. Для Брайана, непривычного к тяжелым физическим упражнениям, эта отчаянная гонка оказалась тяжелым испытанием, к тому же его

движения сковывали метры развевающейся белой материи. Ему все-таки удалось сбежать, спрятавшись в огромной канализационной трубе, вонявшей кошачьей мочой. И пока Брайан, дрожа от холода и страха, лежал в своем укрытии, по которому с воем носился ледяной ветер, он принял твердое решение: больше никто не увидит «Паннальское привидение».

Одна глава книги «Не будите спящего ветеринара» посвящена тайне Рейнесского привидения, и в ее основе лежит эта история.

У Брайана был целый репертуар пародийных номеров, которые он, если бывал в настроении, исполнял с неистовой страстью. Его любимым номером был «Сумасшедший дирижер», прекрасно описанный в одной из книг Хэрриота, — но был и другой, менее известный, но столь же эффектный. Пародия на Дональда, пьющего «Универсальное средство для скота». Альф часто приводил этот случай в качестве примера сумасбродства своего старшего партнера.

Однажды ночью, возвращаясь домой после позднего вызова, Альф шел по длинному саду позади дома. Лил дождь, было очень темно, и он уже собирался войти в дом, как вдруг услышал тихий шорох на грядке с настурциями. Внимательно приглядевшись, он увидел, как ему показалось в тусклом свете, кучу набросанных мешков. Когда он осторожно ткнул ее ботинком, бесформенная масса дернулась и застонала. Что-то или кто-то лежал, зарывшись в цветочную клумбу.

— Господи, кто здесь? — спросил он, всматриваясь в груду тряпья.

Минуту ничего не было слышно, кроме звука дождя. Затем снова раздался стон, и таинственное существо стало извиваться в темноте.

В этот момент распахнулась дверь, и появился Брайан.

— Слава Богу, ты вернулся, Альф! — воскликнул он. — Помоги мне занести его в дом.

— Кого?

— Дональда!

— *Дональда?* — Таинственная куча тряпья оказалась его старшим партнером. — Что с ним, черт возьми? — спросил Альф. — Такое впечатление, что он умирает!

— И поделом ему! — продолжал Брайан. — Он только что выдул полбутылки «Универсального средства для скота»!

Брайан веселился, но Альфу было не до смеха. Он не мог поверить своим ушам. «Универсальное средство для скота» (УСС) — адская смесь, которую применяли для лечения самых разных болезней у крупного рогатого скота, к тому же оно, по-видимому, обладало стимулирующими свойствами. В состав его,

помимо всего прочего, входили мышьяк и аммиак, в дозировке, рассчитанной на крупную корову, — примерно две десертных ложки. Лишь смельчаки решались понюхать горлышко бутылки, не говоря о том, чтобы попробовать ее содержимое. Когда коровам вливали эту смесь, они несколько минут отфыркивались и отплевывались, но во многих случаях она помогала. Это чудесное средство прописывали для лечения «кашля, простуды, поноса, пневмонии, послеродового пареза, мастита и всех расстройств пищеварения». Если какой-то случай ставил ветеринара в тупик, он всегда мог воспользоваться старым проверенным УСС. В ранних бухгалтерских книгах клиники полно упоминаний о нем; Синклер и Уайт продавали препарат литрами.

Несомненно, это было возбуждающее средство, и оно, безусловно, «возбудило» Дональда Синклера. Молодые люди втащили его в дом и уложили на диван в гостиной. Потом Брайан рассказал Альфу, что произошло.

Дональд вернулся домой пьяным после вечеринки в пабе и решил принять какое-нибудь «лекарство» для поднятия тонуса. Шатаясь, он ввалился в их маленькую аптеку, схватил бутылку УСС и зубами вырвал пробку. Он с дьявольской ухмылкой повернулся к брату и, прежде чем Брайан успел остановить его, сделал несколько больших глотков сильнодействующего средства. Наступило короткое затишье, пока адская смесь спускалась по пищеводу. Внезапно Дональд судорожно подпрыгнул, крепко сжав руками горло. На заплетающихся ногах он вывалился в сад и с хриплым стоном рухнул на огромную клумбу вьющихся настурций, ритмично подрыгивая ногами. Когда его дергающееся тело затихло, Брайан решил вызвать врача.

Дональд, к счастью, поправился, но Брайан, конечно, не мог упустить такой случай и всласть повеселился Красочная пародия на брата, пьющего УСС, стала его коронным номером. Многие посетители питейных заведений Тирска с интересом наблюдали за судорожно дергающейся фигурой с выпученными глазами. Само собой разумеется старший брат никогда не видел этого эффектного представления.

Один старый фермер много лет спустя сказал Альфу:

— Да, видел я, как молодой Синклер выделывал свои кульбиты. В конце он упал на пол «Золотого руна» и так корячился!

Это старое йоркширское слово, обозначающее «корчился». Большинство выступлений Брайана в самом деле заканчивались изображением распростертой на полу фигуры бьющейся в конвульсиях.

Еще одним номером — от которого Альфа пробирала дрожь, был «маниакальный смех» Брайана. Начинался он с тихого утробного хихиканья, которое, постепенно нарастая, заканчивалось дикими приступами зловещего хохота.

Брайан часто без предупреждения оглашал окрестности этими безумными завываниями, особенно после посиделок в местном пабе; ночные улицы Тирска много раз содрогались от его жутких воплей.

С той минуты, как Брайан Синклер появился в его жизни, Альф Уайт понял, что познакомился с уникальной личностью. Никогда раньше не встречал он человека со столь ненасытной страстью к веселью; временами он даже начинал сомневаться, способен ли Брайан хоть когда-нибудь вести себя серьезно.

Не только Альф считал Брайана неординарной личностью. Однажды чиновник из министерства сельского хозяйства сказал Альфу после вечера, проведенного в тирском баре «Золотое руно» в компании Брайана:

— Удивительный человек этот младший Синклер. — Он немного помолчал, словно вспоминая события прошлого вечера. — Однако вам не кажется, что у него *чересчур* развито чувство юмора?

Каким бы эксцентричным человеком Брайан ни был, Альф с удовольствием проводил с ним время. Их объединяло не только чувство юмора, но и множество общих интересов. Вечерами они часто ходили с девушками в кино или на танцы, оба любили дружескую атмосферу баров, где поглощали пиво в огромных количествах.

Когда перед ним стояла кружка с шапкой пены, Брайан по-настоящему раскрывался. Он оставался верным поклонником пива до последних лет своей жизни, — удивительно, сколько пенистого напитка влезало в этого в общем-то некрупного человека! За все годы их знакомства Альф редко видел его страдающим от похмелья после ночи, проведенной за любимым занятием. Даже в молодости, когда они с Альфом частенько предавались разгулу, Брайан пил пиво с уверенностью, выработанной годами практики.

Что у Альфа, что у Брайана было богатое воображение, которое они использовали на полную катушку, покатываясь со смеху над своими выдумками о Тирске и его окрестностях. Через городок протекала маленькая извилистая речушка Кодбек, и в своих фантазиях молодые люди воображали ее огромной судоходной рекой, в устье которой стоит процветающий порт Тирск. Одно из писем Брайана начинается словами: «И когда полностью снаряженное парусное судно „Крипторхид“[3] вошло в

гавань…» К сожалению, Альф не мог вспомнить ничего, кроме этой первой строчки. Плато на вершине Саттон-Бэнка, часть практики, которую Брайан называл «Потерянный мир», было еще одним объектом их фантазий. Они воображали, как колонны ветеринаров и разных других людей бредут по бесплодной земле на помощь больному динозавру. Из письма Альфа Брайану, написанного в 1944 году, когда Брайан служил в ветеринарном корпусе в Индии, становится ясно, как ему не хватало этого весельчака. В нем также упоминаются некоторые выдумки молодых людей:

> Приветствую тебя, старина! Беру в руки перо и сажусь писать тебе письмо, хотя ты меня не очень-то баловал пока я томился в BBC. Но, как видишь, я все тот же милый и великодушный малый, которого ты когда-то знал!
>
> Наш старый город почти не изменился, хотя, должен признаться, без тебя жизнь не стала веселее. Хэнкок, новый «лошадиный лекарь», хорошо держался во время визита в Колд-Кирби. Его вызвали к страдающему запором птеродактилю и динозаврихе с выпадением матки. На него напали аборигены с паяльными трубками, но он прорвался, оставил весь свой запас УСС и вернулся с большой помпой.
>
> Недавно у нас прошли замечательные соревнования в поддержку Красного Креста, и некоторые спортсмены показали очень интересные результаты. Алан и Малютка Джим (так прозвал меня Брайан) пришли первыми в беге на трех ногах среди беззубых младенцев, а в забеге с яйцом в ложке среди женатых мужчин победил Дональд: он умудрился дотащить до финиша огромное яйцо. Майра Хагилл заняла втрое место в стометровке для стариков, а велосипедная гонка и бег в мешках, разумеется, стали подарком для Джима Барли.
>
> Засим прощаюсь, дружище. Постарайся послать весточку к югу от границы, куда-нибудь в направлении Соуэрби.
>
> С приветом,
>
> Альф.

Брайан, безусловно, всегда находил в жизни что-нибудь смешное, но один случай выделяется среди всех прочих: тогда от молодого человека осталась лишь беспомощная, рыдающая оболочка. Это произошло в тот день, когда собаки Дональда выгнали мусорщиков из старого сада на Киркгейт, 23. Альф

много раз рассказывал эту историю своим родным и даже записал ее, но еще до «рождения» Джеймса Хэрриота. К сожалению, рассказ никогда не издавался. Двух братьев здесь зовут не Зигфрид и Тристан, а Эдвард и Генри.

Однажды ласковым августовским днем мы с Генри сидели в гостиной и ждали звонка. Стеклянные двери были распахнуты настежь, лужайки, каменный садик и цветы купались в лучах солнечного света. У наших ног лежали собаки, навалившись друг на друга и тяжело дыша. Вдруг мы заметили, что через маленькую калитку в глубине сада вошли мусорщики.

Мусорщики всегда приводили нас с Генри в некоторое замешательство. Один — очень высокий, худой и мрачный, другой — коротышка с печальным лицом и третий — толстяк в черном берете, надвинутом на уши. Мы ни разу не видели, чтобы они улыбались, похоже, они даже между собой никогда не разговаривали.

Но больше всего нас поражала неторопливость их движений. Когда мы увидели их в первый раз, то подумали, что кто-то из них или все они больны, таким черепашьим шагом они ползли по садовой дорожке. Верзила и коротышка обычно появлялись первыми. Толстяк всегда тащился сзади. Они плелись невообразимо медленно, молча, опустив головы. Скрывшись на маленьком дворе, где стояли мусорные баки, они через некоторое время появлялись снова. Верзила и коротышка, взявшись за ручки по бокам, уныло тащили по земле бак. За ними топал толстяк с коробкой или другим мелким мусором в руках. Скорбная процессия, еле волоча ноги, шаг за шагом перемещалась по дорожке и исчезала за калиткой. Через пару минут они возвращались — в том же порядке — с пустым баком и отправлялись в свое утомительное путешествие на задний двор, с трудом передвигаясь на ватных ногах и уставившись в землю с безысходной обреченностью. Добравшись до двора, они проделывали все то же самое со вторым баком.

Дорожка в саду — очень длинная, метров девяносто, и совершенно прямая. Она проходит мимо высокой стены, с другой стороны разбиты клумбы, огород, и стоят две высокие яблони. Мусорщики всегда тащились по ней очень долго, и мне кажется, что длина дорожки имела

какое-то отношение к их несчастному виду.

В тот жаркий день они плелись медленнее, чем обычно, и мы с Генри зачарованно следили, как они тяжело бредут к нам. Они преодолели три четверти пути и уже собирались свернуть во двор, когда их заметил Джо, собака-ищейка. Его разбудил какой-то шорох, и он сонно поднял голову, но при виде мусорщиков его настроение резко изменилось. Шея его напряглась, он вскинул голову и настороженно уставился на них. Шерсть на спине вздыбилась, и в глотке заклокотало глухое рычание. Медленно ползущая компания, по-видимому, представляла для Джо какую-то угрозу. Не отрывая глаз от мусорщиков, он медленно встал, и другие собаки — среди них маленький вертлявый шотландский терьер Скотти и огромный лохматый зверь неизвестного происхождения — тут же зашевелились.

Все произошло в считаные секунды. Джо пружинистым шагом подошел к открытым дверям, шерсть на его спине и загривке встала дыбом. Оскалив зубы, он с оглушительным лаем бросился в сад. Следом за ним, одним сплошным клубком, выскочили остальные пять собак. Могу себе представить, что почувствовали эти несчастные, когда в мирном, залитом солнцем саду откуда ни возьмись появилась орущая орда и понеслась прямо на них. Должен сказать: они не проявили ни малейших признаков колебания или нерешительности в этот критический момент. В долю секунды они отшвырнули пустой бак и со всех ног бросились по дорожке, словно олимпийские бегуны.

Это неожиданное превращение произвело на нас эффект взорвавшейся бомбы, и мы, не в силах шевельнуться, с отвисшими челюстями наблюдали за происходящим. Высокий худой мусорщик взял хороший старт и улепетывал, размахивая руками, как поршнями. Однако вскоре стало очевидно, что он тратит слишком много сил, так как неправильно работает ногами. Он бежал, высоко задирая длинные ноги, доставая коленями чуть не до подбородка. Коротышка несся как вихрь, обхватив тело руками, мотая головой и делая маленькие быстрые шажки, отчего его ноги мелькали, как спицы в колесе. Но настоящим мастером бега оказался толстяк. Он сорвался с места и побежал красивыми, слегка скользящими скачками, держа тело прямо и двигая руками в классическом стиле. Первые двадцать метров

он продержался на впечатляющей скорости, но ему явно не хватало выносливости, движения стали затрудненными, и он начал отставать. Тут он проявил завидную смекалку, потому что, оглянувшись назад и увидев, что лающая свора вот-вот его настигнет, он с легкостью взлетел на ветку яблони.

Рывок был восхитительный, заслуживающий высочайшей похвалы, к тому же тем самым он не только спас свою шкуру, но отвлек на время внимание преследователей от своих приятелей. Джо резко затормозил, и остальные собаки, мчавшиеся с ужасающей скоростью, налетели на него. Секунды три по земле катался лохматый рычащий клубок, потом они распутались и бросились в погоню за двумя другими мусорщиками. Последние еще держались; они ни разу не оглянулись, все их силы были направлены на достижение одной цели — маленькой зеленой калитки в конце сада. Казалось, им ни за что не успеть. Собаки с Джо во главе и маленьким Скотти с тыла стремительно сокращали разрыв.

Но на последних метрах два бегуна с нечеловеческим усилием прибавили скорость и на всех парах помчались к спасительной калитке. На какое-то ужасное мгновение показалось, что мусорщики застрянут, но они вылетели на улицу, с шумом захлопнув за собой калитку, на которую с яростным лаем набросились собаки.

Я выбежал в сад на помощь сидящему на дереве толстяку. Генри не смог пойти со мной; он лежал на полу, дергая ворот рубашки и издавая странные всхлипывающие звуки. Громко крича и швыряя камнями, я сумел загнать собак в дом и запер их за стеклянными дверями.

Потом я нерешительно подошел к яблоне. Толстяк медленно спускался вниз. Он тяжело дышал и стонал, а когда оказался на земле, прислонился к стволу дерева, хватая ртом воздух. Он ни слова не сказал в ответ на мои невнятные извинения. Через минуту он еще глубже натянул свой берет на уши и заковылял по дорожке к калитке. От недавнего легкого и проворного спортсмена не осталось и следа.

После этой забавной маленькой сценки возникла проблема, которую они не могли решить в течение нескольких недель.

Мусорщики не желали больше заходить в сад (и их можно понять!), и вскоре на заднем дворе скопились горы мусора. В конце концов Дональд решил проблему. Встретив одного из мусорщиков около «Черного быка» в Тирске, он сунул ему в руку фунт и заверил, что собаки впредь будут находиться под строгим контролем.

Брайан Синклер приезжал в Тирск не только на каникулы, но и когда дел в практике было невпроворот. В этих случаях он «отпрашивался» из колледжа и, вернувшись в Тирск, ездил по вызовам на фермы, готовил лекарства, сидел в приемной или выполнял другие задания Дональда. Благодаря столь гибкому расписанию занятий Брайан проучился в ветеринарном колледже больше десяти лет. Начал он свое образование в семнадцать лет в Эдинбургском Королевском ветеринарном колледже имени Уильяма Дика, но из-за регулярных провалов на экзаменах руководство колледжа предложило Дональду перевести брата в другое учебное заведение.

Брайан перешел в Ветеринарный колледж Глазго всего на один год: его выгнали за смех на занятиях великого и ужасного профессора Эмзли (что не укладывалось у Альфа в голове), и Дональд от безысходности снова перевел его в Эдинбург.

Дональд строго предупредил брата, что перестанет платить за обучение, и страшные угрозы возымели свое действие: молодой человек взял себя в руки и в конце концов получил диплом ветеринара в декабре 1943 года.

Всякий раз, когда Альф вспоминал те далекие дни в обществе Дональда и Брайана, на его лице появлялась улыбка. Это было время тяжелого труда и лишений, но его дни были наполнены весельем и радостью, и он проводил их в компании самых удивительных людей, которых ему посчастливилось знать. Много лет спустя, благодаря книгам Джеймса Хэрриота, смех, разносившийся по каменным коридорам «Скелдейл-хауса», зазвучал в домах миллионов читателей.

Глава 10

В 1941 году Брайан Синклер стал участником очень важного события в жизни Альфреда Уайта. Молодые люди были на дружеской ноге с тирским скототорговцем Малкольмом Джонсоном, видной фигурой в городе, с которым они часто встречались за кружкой пива. Этот общительный малый, кладезь информации о местном населении, вращался не только в мужской компании, — он был знаком со многими девушками, в том числе с Джоан Дэнбери.

Однажды Малкольм подошел к ней и сказал:

— Завтра вечером в сельском клубе в Сэндхаттоне будут танцы. Я собираюсь пойти и взять с собой пару приятелей. Вот я и подумал, может, ты с подругами к нам присоединишься?

В то время у Джоан уже сложились довольно серьезные отношения, но она всегда с удовольствием ходила на танцы.

— Что за друзья? Я их знаю? — поинтересовалась она.

— Ребята-ветеринары — Альф Уайт и Брайан Синклер. Они веселые парни, и у них есть машина, так что мы все сможем поехать на танцы.

Малкольм благоразумно опустил подробности; он слишком хорошо знал, что это за машина. Типичная машина Синклера — с дырами в полу, какофонией звуков и густым, легко узнаваемым ароматом фермы.

Джоан согласилась. Дождливым вечером в марте 1941 года Альф, Брайан, Малкольм, Джоан, ее подруга Дорин Гарбат и еще одна молодая женщина выехали с Киркгейт на деревенские танцы в Сэндхаттон.

Джоан Дэнбери, ставшая прототипом Хелен в книгах Хэрриота, не была дочерью фермера, как дает понять автор. Она служила секретарем в фирме «Раймерс Милл», торговавшей зерном в Тирске, а ее отец был чиновником муниципалитета и в то время работал в Йорке. Она была родом из Уинчкомба, живописного городка в Котсуолдских холмах графства Глостершир. Семья переехала в Тирск, когда Джоан исполнилось восемь лет. В период знакомства с Альфом за Джоан увивались толпы поклонников, ухажером номер один считался богатый фермер из окрестностей Харрогита.

Неудивительно, что многие были влюблены в Джоан, судя по фотографиям, сделанным в дни ее молодости, она была очень привлекательной девушкой. Описание Хелен в первых книгах в точности соответствует описанию молодой Джоан Дэнбери: «небольшой прямой нос» и рот «с чуть вздернутыми уголками,

словно она собирается улыбнуться или только что улыбалась. Теплая глубина голубых глаз под изящно изогнутыми бровями удивительно гармонировала с темно-каштановым цветом густых волос».

Первая встреча Альфа с Джоан в компании друзей прошла не очень гладко. Шел проливной дождь, и маленький «Форд» застрял на затопленной дороге, вода просочилась сквозь дыры в полу. Молодые люди выбрались из машины, вытолкали ее на сухое место, с трудом завели мотор и вернулись сушиться на Киркгейт, 23. На танцы они все-таки успели, потом снова вернулись в старый дом и остаток вечера провели за разговорами и выпивкой, слушая бесконечные веселые истории Брайана. Под конец он продемонстрировал парочку эффектных конвульсий.

С первой же встречи Альф решил ухаживать за Джоан Дэнбери, хотя и понимал, что у него много соперников. Он набрался храбрости и предложил встретиться снова. К его радости, она согласилась. Если ей нужен был богатый поклонник, Альф Уайт совершенно не подходил на эту роль. Он был хорошим специалистом, но, как и большинство молодых ветеринаров его времени, ничего собой не представлял в финансовом отношении; он стоил чуть больше одежды, которую носил, и весь его капитал в банке равнялся пяти или десяти фунтам.

Джоан увидела в нем нечто другое. Он был симпатичным молодым человеком, ее привлекала его искренность и честность. А главное — их вкусы и чувство юмора совпадали, и ей нравилось проводить с ним время. Это и есть необходимые компоненты долгой и счастливой жизни.

Их свидания проходили без излишеств. Джоан тоже была небогата, поэтому походы в кино (с билетами на места для влюбленных в последнем ряду), поездки на деревенские танцы и прогулки в холмах истощали их кошельки до предела.

В выходные дни Джоан часто ездила с Альфом в йоркширские холмы на туберкулинизацию и помогала ему, записывая номера коров в журнал. Несмотря на его любовь к йоркширским холмам, взятие туберкулиновых проб было утомительной и монотонной работой, но если в долгих и обычно одиноких поездках его сопровождала молодая леди, которая ему так нравилась, рабочий день приобретал совершенно иную окраску.

Деревенские танцы были знаменательным событием сельской жизни. Сейчас их почти не устраивают, а пятьдесят с лишним лет назад каждый субботний вечер на танцах в деревенских клубах собирались толпы людей, молодых и старых. Пропустив несколько стаканчиков в соседнем пабе, они энергично выплясывали под веселую музыку и наедались до отвала, — в

клубах стояли огромные столы, ломившиеся от йоркширских яств.

Эти вечера, на которых Альфу довелось наблюдать за аппетитами простых йоркширцев, стали для него откровением. Еда, которую обычно готовили местные хозяйки, всегда была высочайшего качества, даже в тяжелые военные годы. Пироги со свининой, студни, горы бутербродов, шарлотки, бисквиты, торты и выпечка — все поглощалось с естественной легкостью. Альф охотно участвовал в поедании этой вкусноты, — и в Джоан он нашел верного соратника. Проработав много лет среди фермеров, Альф не переставал удивляться их способности умять невероятное количество еды. Он сам всегда любил поесть, но эти люди играли в другой лиге; они много работали и аппетит имели соответствующий.

Я помню, как много лет назад был на серебряной свадьбе у одного нашего клиента-фермера в небольшом деревенском клубе. Еды было неимоверное количество, повсюду я видел множество счастливых лиц, и очень скоро зал удовлетворенно загудел, среди общего шума выделялись стук тарелок и радостная болтовня. Гости вереницей подходили к столам за второй и третьей порцией, я тоже ждал своей очереди, когда кто-то похлопал меня по плечу. Это был старый клиент моего отца Герберт Меггинсон, который не пропускал ни одного вечера с деревенскими танцами в те дни, когда еще ходил на них. Особенно ему нравилось танцевать с моей матерью. Как-то вечером в сильном подпитии он шепотом бормотал ей на ухо: «О! У вас такая гибкая фигура!»

В этот раз «Гибкая фигура», как мы его с тех пор между собой называли, отлично проводил время — в окружении еды, выпивки и женщин.

— Эй, ветеринарщик! — сказал он с понимающей улыбкой.

— Здравствуйте, мистер Меггинсон, — ответил я. — Отличная вечеринка. Еды полно!

— Ага, тут вы правы! — Он дернул меня за рукав. Скорость, с которой гости сметали еду, явно произвела на него впечатление. Он кивком показал мне на группу с оживленными потными лицами. — Вы захватили с собой эти ваши инструменты на случай, если кто лопнет?

На этих деревенских праздниках, добавлявших радости в их отношения, Альф и Джоан познакомились со многими людьми, ставшими потом их хорошими друзьями, но ухаживания Альфа имели и серьезную сторону. Он всегда превосходно умел писать письма и добивался расположения Джоан не только пламенными речами, но и лирическими посланиями. Некоторые письма, написанные летом 1941 года, раскрывают его писательский дар и

романтичность натуры:

> Милая моя Джоан!
>
> Зачем я пишу это письмо, если, даст Бог, увижу тебя сегодня вечером? Наверное, потому что в моем странном аналитическом мозгу долго вызревала кое-какая мелочь, и теперь этот пустяк требует выхода. В моей голове бродили разные мелкие мыслишки и наконец оформились в одну большую, но грустную мысль: многие молодые люди пишут любовные письма девице Дэнбери, а Уайт, несмотря на звучащую в его душе музыку, даже не подумал взяться за перо. Это несправедливо.
>
> Но теперь, Джоан, когда я все-таки решился, я оказался в трудном положении, потому что никогда раньше не писал любовных писем. Как это, оказывается, сложно, хотя должно быть легко. Мои чувства к тебе не кипят и не выплескиваются в океан ласковых слов и удачно подобранных комплиментов. Мои чувства напоминают широкую тихую реку, и они настолько искренние, что я, который всегда остерегался искренности, потому что она делает человека уязвимым к боли и разочарованию, даже немного напуган. Только когда я сел писать письмо, я понял, что не смогу найти подходящих слов, чтобы выразить свои чувства; а может, я просто устал.
>
> Да, верно. Каким получится это важное письмо, если у меня закрываются глаза и болят руки? Но я все же закончу свое невразумительное послание, чтобы завтра ты поняла — по крайней мере, я попытался. Буду ждать вторника и думать о тебе — все время. Спокойной ночи, Джоан.
>
> Всегда твой, Альф.

Его искренность и спокойная решимость принесли плоды. В июле 1941 года Альф сделал Джоан предложение, и она ответила согласием. Это был самый счастливый день в жизни Апьфа. Он с восторгом смотрел в будущее, зная, что остаток дней проведет с девушкой, лучше которой нет на свете. Была, однако, ложка дегтя в бочке меда — причем большая, и находилась она за триста километров, в Глазго.

Мать Альфа, умная и жесткая женщина, вовсе не обрадовалась, узнав, что сын собирается жениться. Она считала, что сначала он должен встать на ноги. Вскоре после того, как он сообщил ей новость, у них состоялся напряженный и мучительный разговор по телефону. Мать дала понять, что ни

одна девушка не достойна ее единственного сына, и заявила, весьма категорически, что Джоан отбирает у нее любовь Альфа. Отец тоже не одобрял его решение, но из практических соображений. Папаша, извечный пессимист, беспокоился, что сын не сможет содержать молодую жену, когда сам беден как церковная мышь, и он твердо высказал свое мнение, хотя и не так эмоционально, как его супруга.

Чувства Альфа отчетливо проступают в письмах родителям, написанных в этот трудный период. Первое было отправлено 21 июля.

> Дорогие мама и папа!
>
> Я хочу вам объяснить, что я чувствую, на случай, если вы думаете, будто я легкомысленно отмахиваюсь от любых ваших доводов. Ни у кого нет таких замечательных родителей, как вы, и я часто лежал ночами без сна, думая о том, сколько вы для меня сделали. Смогу ли я когда-нибудь вернуть вам долг? Мне казалось, что никогда не смогу я расплатиться за вашу доброту и самопожертвование…
>
> Мама, тебя интересуют подробности о Джоан, и ты сказала, что будешь строгим критиком. Это меня слегка напугало, потому что если ты настроена критиковать, то найдешь массу недостатков, — ведь она самая обычная девушка, а не образец добродетелей… И вот еще что, мама: никогда больше не говори, что кто-то «займет твое место». Никто его не займет. В моем сердце есть уголок, который принадлежит только тебе.

Хотя Альф был глубоко уязвлен и разочарован реакцией родителей, он не собирался отказываться от брака с любимой девушкой. В августе он повез свою слегка напуганную невесту в Глазго знакомиться с родителями. Его мать, хотя и держалась в рамках приличия, вновь повторила Альфу свои возражения, а Альф, в свою очередь, вновь подтвердил намерение жениться. Папаша, которому Джоан понравилась с первой минуты, был более приветлив, но его подавляла властная и решительная жена. Тот визит ознаменовал собой особенно трудный период во взаимоотношениях между Альфом и его матерью.

Одним из доводов Ханны Уайт против выбора сына было происхождение его будущей жены. Благодаря преуспевающему бизнесу Ханна вращалась в очень влиятельных кругах. Она шила элегантные платья для нескольких свадебных приемов в высшем обществе, и мысль, что ее единственный сын женится на бедной девушке, была для нее невыносима. К тому же Альф сказал

матери, что они с Джоан планируют тихую, скромную свадьбу, лишив ее таким образом возможности участвовать в грандиозной свадебной церемонии, платья для которой, разумеется, шила бы она. Конечно, никаких грубостей в адрес Джоан она себе не позволяла, но скрыть свое разочарование не могла.

Остальные члены семьи Альфа безоговорочно приняли Джоан; оба получили огромную поддержку от сандерлендских родственников. После знакомства с Джоан дядя Боб и дядя Мэтт тотчас проголосовали в ее пользу и сообщили об этом Ханне. Дядя Стэн и тетя Джинни чувствовали то же самое, равно как кузина Альфа Нэн. Джоан никогда не забудет теплое участие и проявление дружбы со стороны родственников Альфа. Многие из этих открытых и дружелюбных жителей Сандерленда стали ее друзьями на всю жизнь.

Однако Ханна выражала свое неодобрение вплоть до самой свадьбы, которая состоялась в ноябре. Чувства Альфа отчетливо проступают в письме, написанном всего за три дня до бракосочетания.

> Дорогие мама и папа!
>
> Как приятно было вчера услышать ваши голоса! Наш разговор немного рассеял черную тоску, которая периодически накатывает на меня в последнее время. Я могу рассказать вам, что чувствую.
>
> Знаете, никогда в жизни вы еще не были мне так близки; я как будто внезапно повзрослел, и жизнь повернулась ко мне совершенно иной стороной. Теперь все встало на свои места и обрело свою истинную цену, и поверх всего этого я вижу своих родителей в окружении множества воспоминаний, которые вдруг стали более яркими и дорогими, чем прежде. Но в то же время я чувствую, что вам кажется, будто я вас подвел, и эта страшная мысль преследует меня с того нашего ужасного разговора по телефону…
>
> Как странно — в голове у меня крутятся разные мысли, обрывки воспоминаний о нашей жизни, как будто все это было только вчера. Я вижу, как ты, папа, приходишь домой после работы в «Ярроуз», а я играю с конструктором. Вот ты, мама, ругаешь меня после того, как я чуть не сломал фонарный столб. Папа учит меня кататься на моем чудесном велосипеде. Я смотрю тебе в затылок, когда ты играешь в «Алексе», а я сижу в первом ряду. Воскресная школа и музыкальные вечера с Гасом. Мама несет меня, завернутого в платок, через

железнодорожный турникет, чтобы меньше платить за проезд. Папа сердится из-за моих занятий музыкой. А те два года страшной боли; что бы я делал без вас в те минуты, когда мне казалось, что я больше никогда не буду здоровым и сильным?

Через все воспоминания красной нитью проходит одна мысль: вы подарили мне жизнь и дали шанс добиться чего-то в этом мире. Сейчас я знаю: всем, что у меня есть, и чем я стал, я обязан вам, и ни один сын не ценит этого больше, чем я… И, ради всего святого, не думайте, что вы меня теряете. В эту минуту я связан с вами крепче, чем в те дни, когда вы одевали меня в шелковые распашонки. И так будет всегда. Вы напрасно переживаете из-за моего выбора. Джоан — не идеальный человек, у нее есть недостатки, как и у всех нас, но лучшей жены мне не найти, даже если я буду искать всю жизнь.

Она тоже безумно переживает из-за своих родителей, так как много помогает им материально. У них нет денег, кроме тех, что зарабатывает ее отец, но у него нет нормальной работы. Когда он служил в муниципалитете, семья жила в достатке, но сейчас они оказались в бедственном положении. Джоан не только помогает им деньгами, но еще и ведет хозяйство. Она ходит за покупками, готовит и делает разную работу по дому… Она могла бы выйти замуж за деньги, и таких предложений было немало. Но она предпочла ютиться в крохотной комнатке со мной, и это о многом говорит.

Уже очень поздно, у меня слипаются глаза, поэтому я закругляюсь. Здесь говорят так: «Все будет хорошо!» Помните об этом.

Это был очень тяжелый период в жизни Альфа. Он разрывался между девушкой, которую любил, и родителями, которым был стольким обязан. Его мать напрасно переживала из-за выбора сына, — его жена всю жизнь прекрасно заботилась о нем. Главное призвание Джоан — забота о людях, и не только Альф, но и его дети жили за ней как за каменной стеной. С первых дней их совместной жизни, когда Джоан готовила еду, поддерживала чистоту в доме и исправно отвечала на звонки клиентов, до последних месяцев жизни Альфа, когда она помогала ухаживать за ним и вместе с ним прошла все тяготы его неизлечимой болезни, она была замечательной женой и верным другом.

Альф ни разу не пожалел о своем решении жениться на Джоан Дэнбери.

Он с восторгом ждал предстоящей свадьбы с любимой девушкой, но в то же время страшно переживал из-за жесткой реакции родителей на его помолвку — а потом и брак с Джоан Дэнбери. Альф думал о том, сколькими обязан родителям, ему казалось, что он никогда не сможет вернуть им долг, и эта мысль так терзала его, что отчасти послужила причиной тяжелейшего срыва, который случился у него двадцать лет спустя. К слову сказать, свой долг он отдал им сторицей.

Джеймс Альфред Уайт и Джоан Кэтрин Андерсон Дэнбери поженились в 8 часов утра 5 ноября 1941 года в тирской церкви Св. Марии Магдалины. Был страшный мороз, и на церемонии в общей сложности присутствовали пять человек. Шафером был не кто иной, как его старший партнер Дональд Синклер, а Джоан вел к алтарю Фред Раймер, хозяин фирмы, где она работала. Проводил церемонию престарелый каноник Янг. Он дрожал от холода и торопился быстрее покончить с формальностями.

На золотой свадьбе моих родителей, отмечавшейся в 1991 году в пабе «Черный бык» неподалеку от Ричмонда, отец произнес чудесную речь, в которой вспоминал их скромное бракосочетание. В его памяти постоянно всплывал образ Дональда, клацающего зубами от холода и бормочущего бесконечные «аминь» через равные промежутки времени. Каноник Янг монотонно бубнил в ледяной церкви и в самый торжественный момент спросил Альфа:

— Согласен ты взять эту женщину в законные мужья?

Наткнувшись на непонимающий взгляд, он быстро исправил свою ошибку. Альф всегда помнил, как был счастлив в тот день, выйдя из церкви с молодой женой. Позже он писал: «Я никогда не забуду эту картину — морозное утро, пустынная улица перед нами и косые лучи солнца».

Много лет спустя Джоан и Альфу забавно было смотреть на свадебную церемонию Джеймса Хэрриота в телевизионном сериале «О всех созданиях — больших и малых». В фильме она проходила с большой помпой: невеста в белом платье с фатой и множество знаменитостей в гостях. В реальной жизни все было совсем иначе; хотя во время войны никто не устраивал пышных свадеб, немногие отмечали ее настолько скромно.

Как ни странно, родители Джоан, безоговорочно принявшие Альфа, не пришли на свадьбу единственной дочери, хотя жили всего в паре километров от церкви. Однако у них были на то причины. Помимо того, что отец Джоан Хорас был серьезно болен

в то время, они знали о проблемах между Альфом и его родителями и, понимая, что Альф с Джоан хотели устроить тихую свадьбу, решили остаться дома. Родители Альфа открыто заявили о своем нежелании присутствовать на церемонии, к тому же в военное время сложно было перемещаться по Британии, и в результате это скромное, но, тем не менее, очень важное событие прошло без родителей жениха и невесты.

Легко понять, почему Альф с Джоан решили устроить тихую церемонию в очень узком кругу. Пышная свадьба, на которую пришлось бы пригласить множество гостей, попросту была за пределами их финансовых возможностей. Материальное положение Джоан Дэнбери было ничуть не лучше, чем положение ее мужа: все ее приданое состояло из половины свиньи, которой она владела на паях с Бобом Бартоном. Этот крупный, сильный человек, развозивший для «Раймерс Милл» товары на грузовике и швырявший пятидесятикилограммовые мешки, как теннисные мячики, отличался мягкостью характера. Когда пришло время зарезать свинью, вспоминал Альф, этот великан с трудом сдерживал слезы. За многие месяцы он успел привязаться к этому симпатичному существу.

— Мистер Уайт, — произнес Боб севшим от волнения голосом, — эта свинья — говорю вам, она была христианкой!

Однако они нашли себе некоторое утешение, получив не только мясо; Альф никогда не пробовал ничего вкуснее. А еще Джоан напекла потрясающих пирогов из вырезки. К ним в гости приехал дядя Альфа из Сандерленда Джордж Уилкинс, считавший себя знатоком по части пирогов из свинины. По его словам, таких вкусных пирогов он не ел никогда. Эта замечательная свинья умерла не напрасно; возможно, приданое Джоан было скромным, но оно доставило незабываемые гастрономические удовольствия.

После свадьбы Альф и Джоан устроили завтрак с шампанским вместе с Дональдом на Киркгейт, 23 и отправились в свадебное путешествие в йоркширские холмы. Они остановились в небольшой гостинице «Пшеничный сноп» в деревушке Карперби округа Уэнслидейл. Эта деревушка необычайно гордится тем, что будущий Джеймс Хэрриот провел здесь двое суток своего медового месяца: на стене висит табличка, сообщающая, что «здесь провел медовый месяц Джеймс Хэрриот». В те годы гостиница славилась хорошей кухней, и молодые супруги, оба любившие поесть, отвели душу, с аппетитом уминая за завтраком копченую селедку, яичницу с беконом и, разумеется, сыр и масло местного производства, которых всегда было в избытке.

В первые два дня медового месяца Альф брал туберкулиновые

пробы у коров на фермах в холмах Уэнслидейла. Такое времяпрепровождение кажется довольно странным, но работы в практике становилось все больше, и он убедил Дональда, что сможет совмещать работу с отдыхом.

На деле эти несколько дней принесли им много радости. Фермеры и их жены, пораженные, что новобрачные проводят медовый месяц в работе, встречали их с истинно йоркширским радушием. В каждом доме их угощали превосходной деревенской едой, а на прощание дарили ветчину, яйца и сыр — настоящие сокровища в военное время, когда такие деликатесы были огромной редкостью.

Жена одного фермера, миссис Ален из Гейла, деревушки на юге Уэнслидейла, часто поддразнивала Альфа, говоря, что ему пора жениться. К ее изумлению, накануне свадьбы он заявил ей:

— Я решил последовать вашему совету, миссис Ален. Я женюсь!

— Вот как? — ответила она. — Я очень рада! Когда?

— Завтра!

— Завтра? Но вы же будете брать пробы на туберкулез у наших коров через пару дней.

— Совершенно верно!

То-то она была удивлена, когда познакомилась с его молодой женой, одетой в старые брюки и записывающей номера коров в журнал.

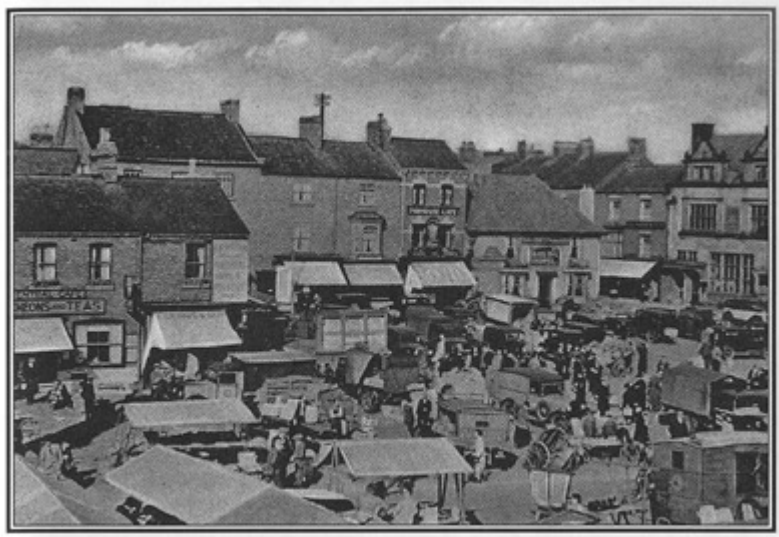
В субботу утром мистер и миссис Альфред Уайт выехали из «Пшеничного снопа» и ненадолго отправились к родственникам Альфа в Сандерленд, — правда, всему персоналу гостиницы пришлось толкать машину Альфа, прежде чем она завелась. В Сандерленде их принимали с восхитительным радушием, и счастье Альфа омрачалось лишь оглушительным молчанием родителей. Он написал им из Сандерленда в последний день медового месяца.

> Дорогие мама и папа!
>
> У меня впервые появилась возможность написать вам после знаменательного события, так как первая часть нашего небольшого отпуска была посвящена работе. Я тщетно пытался до вас дозвониться. Меня беспокоит, что вы ничего не написали, — даже телеграмму в день свадьбы не прислали. Я очень огорчен, так как в субботу торопился в Тирск, рассчитывая получить от вас весточку. Надеюсь только, что не случилось ничего плохого, и я смогу вздохнуть с облегчением, когда вы дадите о себе знать…

У Уилкинсов очень хорошо, жаль только, вас нет с нами рядом. Я очень надеюсь, что в Тирске меня ждет ваше письмо.

Альф был на седьмом небе от счастья, но тем не менее постоянно волновался за родителей, к которым был очень привязан. Он, однако, не сомневался, что поступил правильно, отразив натиск матери, и надеялся, что со временем его брак с Джоан не будет вызывать у нее столь глубокого возмущения. В одном он был твердо уверен: он не позволит этому встать между ним и его женой.

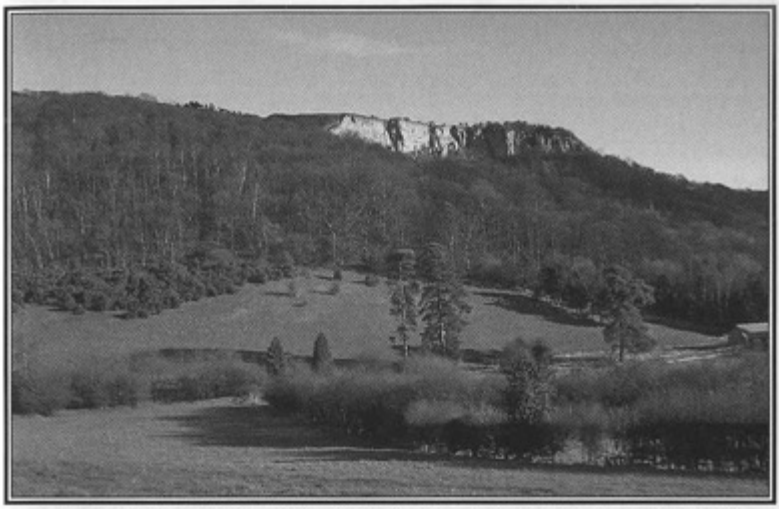
Альфу предстояло решить и другие важные вопросы, и не последним из них было простиравшееся перед ним будущее ветеринарного врача. Через три дня он вернулся на работу в Тирск и вновь наматывал круги по беговой дорожке ветеринарной практики. Его медовый месяц длился ровно шесть дней, и два из них он работал. В следующие десять лет своей жизни Альф будет оставлять практику очень редко и лишь на короткое время.



Базарный день в Тирске в то время, когда Альф приехал в Йоркшир

Открытка с изображением улицы Киркгейт в Тирске с видом на приходскую церковь. Совершенно случайно на снимке оказалась машина Альфа, стоящая у входа в клинику

Сад на Киркгейт, 23, не такой ухоженный, как во времена Альфа



Скалы Уайтстоун на Саттон-Бэнке, которые так любил Альф

Медная табличка на двери клиники: «Мистер Д. В. Синклер и мистер Дж. А. Уайт, ветеринары»

Медная табличка на Скелдейл-хаусе с именами З. Фарнона и Дж. Хэрриота, ветеринаров

Типичный многоквартирный дом в Йокере, где Альф провел первые годы своей жизни

Глава 11

Первый дом Альфа и Джоан Уайт разместился на верхнем этаже в доме 23 на Киркгейт. Из их окон открывался вид на обнесенный высокими стенами сад и хозяйственные постройки, за которыми возвышались огромные вязы с их постоянными жильцами — грачами. Когда Альф попросил Дональда разрешить им с Джоан занять часть большого дома, тот охотно согласился. Это не доставило Дональду никаких неудобств, так как до того времени верхний этаж дома не использовался, и внизу оставалось достаточно места.

«Кухня» Альфа и Джоан под самой крышей имела одно примечательное отличие от своего современного аналога: там была раковина, но не было воды. Каждую каплю приходилось таскать в ведрах с первого этажа, — отличная гимнастика, творившая чудеса с кровообращением Альфа. Готовили на двух газовых горелках, на которые водружали прямоугольную жестяную коробку, — это сооружение служило им плитой. Даже в таких примитивных условиях Джоан прекрасно готовила, что и продолжала делать на протяжении всей их семейной жизни. На первом этаже под кухней располагалась их гостиная. Там был камин, около которого они сидели холодными зимними вечерами, слушая радио, читая книги или играя в свою любимую игру — безик.

Обставить две комнаты оказалось просто. Им не пришлось принимать серьезных решений, так как финансовое положение не оставляло им выбора, и они покупали дешевую, но добротную мебель на многочисленных распродажах в окрестностях Тирска. Альф купил в Лейбурне стол за шесть шиллингов и пару стульев по пять шиллингов каждый у одного клиента-фермера, а мать Джоан отдала им кровать. Они также получили несколько полезных вещей от тирских друзей в подарок на свадьбу.

Но один новый предмет обстановки у них все же был — дубовый журнальный столик работы местного резчика по дереву Роберта Томпсона из Килбурна, деревушки неподалеку от Тирска, на которую смотрит знаменитая Белая Лошадь, вырезанная на соседнем холме. Когда Альф с Джоан покупали столик, мистер Томпсон сказал им, что некоторые его работы выставлены в Вестминстерском аббатстве, а следующую выставку он хочет устроить в Букингемском дворце. Его фирменным знаком была маленькая мышка, вырезанная на дереве, и этот столик по сей день стоит в гостиной моей матери. Я так и вижу отца, как он сидит — всего за три дня до смерти, — облокотившись на дивный

старинный столик, который он купил на последние деньги пятьдесят три года назад.

Женитьба изменила жизнь Альфа. Хотя молодые супруги считали каждый пенни и все деньги уходили на хозяйство, им нравился их новый образ жизни. Джоан с удовольствием наводила порядок, домашняя работа была ей в радость, а Альф по-прежнему был очарован своей работой. Правда, он очень уставал и, возвращаясь домой к жене после трудового дня, не испытывал особого желания «пойти развеяться», что было даже к лучшему, учитывая состояние их банковского счета. Он купил радиоприемник, который назывался «Маленький маэстро», и они слушали его часами. Радио приводило Альфа в восторг, он считал, что это чудо современной технологии, его завораживала мысль, что он слышит людей со всего мира, и их далекие голоса раздаются из маленькой пластмассовой коробочки, как будто они находятся рядом, в старом доме в Тирске.

Без Брайана Синклера, уехавшего в колледж, светская жизнь Альфа свелась к минимуму, но он все же иногда позволял себе выпить пинту-другую, особенно в компании своего тестя Хораса Дэнбери. Альф с самого начала хорошо ладил с родителями жены. Оба были спокойными людьми с легким характером, которым Альф понравился с первого взгляда. К сожалению, Хорас был серьезно болен: у него было тяжелое заболевание легких, которое и стало причиной его смерти всего через несколько лет после знакомства с Альфом. Но до тех пор мужчины нередко встречались за выпивкой, как правило, перед грандиозным обедом, приготовленным матерью Джоан Лаурой.

К огромному облегчению Альфа, его собственная мать вскоре стала спокойнее относиться к Джоан. Они с Джоан изредка ездили на выходные в Глазго, и в результате напряжение между двумя женщинами стало ослабевать. Его мать, видя, что Альф очень счастлив в браке, больше никогда не выражала свои чувства с прежним неистовством, хотя в первые годы их совместной жизни, когда он привозил Джоан в Глазго, между ними возникала некоторая натянутость. Альф, довольный, что дело идет на лад, не позволял этому омрачить счастье первого года супружеской жизни.

Книги всегда доставляли ему огромное удовольствие, и он много читал долгими зимними вечерами. В летние месяцы он предавался новому увлечению — садоводству. Альф очень любил работать в саду, но лучшего места для этого занятия, чем старый сад за домом на Киркгейт, у него никогда не было. Необыкновенно плодородная почва, высокие стены защищали растения от холодных ветров, — там можно было вырастить все,

что угодно. Вскоре в саду появились ровные ряды лука, салата, картофеля, гороха, фасоли и другой радующей глаз зелени, вдоль стен поднимались стебли помидоров, а яблони и груши гордо возвышались над плотно сбившимися шеренгами овощей. В одном конце сада разместилась огромная грядка со спаржей, в другом бешеными темпами рос куст ревеня со стеблями толщиной со ствол дерева. Летом взошла клубника, и на каком-то этапе Дональд, которого периодически охватывал садовый энтузиазм, даже вырастил несколько дынь. Это был рай для садовода.

После того, как семья Альфа переехала из дома на Киркгейт, сад постепенно пришел в запустение, и много лет спустя, когда в клинику повалили толпы поклонников, они выглядывали в сад через стеклянные двери в приемной, но там уже не на что было смотреть. Две яблони, восхитительная глициния и старые стены, неизменные, как сама вечность, — вот и все, что осталось от сада, который с такой любовью описывал в своих книгах Джеймс Хэрриот. Загляни они в сад лет пятьдесят с лишним назад, когда за ним ухаживал мой отец, они увидели бы совершенно другую картину.

Плодородию почвы есть два объяснения. Местные фермы всегда в избытке поставляли навоз, и им старательно удобряли землю: иногда этим с огромной неохотой занимался Брайан, но чаще всего — Альф с пожилым помощником по имени Вардман.

Дональд нанимал Вардмана для мелкой работы в доме, саду, с машинами и для других хозяйственных дел. Он также ухаживал за курами и свиньями, которых одно время держали Дональд и Альф в пристройках на заднем дворе. Вардман прошел Первую мировую войну 1914–1918 годов и больше всего на свете любил предаваться воспоминаниям, рассказывая военные истории любому, кто готов был провести пару часов в его темной берлоге — бывшей конюшне, где он любовно хранил свои инструменты.

Вардман появляется в книгах Хэрриота под именем Бордман. Как пишет автор, в лице Тристана он нашел благодарного слушателя. Брайан действительно часами сидел у Вардмана, курил «Вудбайнс» и доводил старика до слез своим неистощимым запасом шуток. Вардман всегда с нетерпением ждал, когда Брайан приедет на каникулы из ветеринарного колледжа.

Вторая причина плодородия почвы заключалась в том, что глубоко в земле были зарыты трупы умерших животных. В те времена ветеринарному врачу было сложно избавиться от туш животных. Современному ветеринару не о чем беспокоиться — все трупы теперь аккуратно кремируются, — но тогда он мог рассчитывать лишь на сомнительные услуги живодера. Живодер

не только собирал павший скот на фермах, но и заезжал в клинику за трупами животных, которым делали вскрытие, которые умерли своей смертью или которых пришлось усыпить. Если живодеру не удавалось приехать в клинику — что случалось довольно часто, — ветеринары закатывали рукава и сами закапывали трупы в землю. Постепенно сад превратился в гигантское кладбище, на котором росли гигантские овощи.

Однажды вечером лет двадцать назад мы с отцом сидели в итальянском ресторане в Ярме (он всегда любил блюда из пасты), и, как часто бывало, он вспоминал старые времена. Разговор зашел о саде и жизни с Дональдом. Мне казалось, что я знал обо всех невероятных подвигах Дональда Синклера, но, как выяснилось, у отца в рукаве была припрятана еще пара историй.

Дональд удивительный человек, и я много писал о нем в своих книгах, но есть некоторые вещи, которые я никогда не предам гласности, — сказал он.

— Почему? — поинтересовался я.

Ну, Дональд немного болезненно относится к образу Зигфрида. Он не считает себя эксцентриком, и я не хочу осложнять ситуацию, рассказывая о его еще более экстравагантных выходках.

Я был удивлен. Я знал, что Дональд — очень необычный человек, но думал, что слышал уже все истории.

Я когда-нибудь рассказывал тебе о «горячих костях»? — искоса посмотрел на меня отец.

Начало показалось мне интересным. И тогда он рассказал мне один случай, который служит превосходной иллюстрацией импульсивной и сумасбродной натуры его старшего партнера.

Однажды, в первые годы работы в Тирске, Альфу пришлось усыпить маленькую собачку. Он понимал горе хозяйки и выполнил эту печальную процедуру с глубоким сочувствием и уважением к ее горю. Он считал дело закрытым, но недели через три женщина пришла поблагодарить его за доброту и задала очень деликатный вопрос.

— Мистер Уайт, — сказала она, — вы были так добры ко мне, и я вам очень благодарна, но с того грустного дня мне не дает покоя одна мысль. — Она немного помолчала, собираясь с духом, потом продолжила. — Не могли бы вы сказать, что случилось с телом моего бедного маленького песика?

Мозг Альфа лихорадочно заработал. Вопрос был сложный. Как он мог сказать хозяйке, что ее песика скорее всего забрал живодер и теперь его труп может быть где угодно? Внезапно Альф почувствовал чье-то присутствие у себя за спиной. В комнату вошел Дональд, — он пребывал в самоуверенном и приподнятом

расположении духа.

— Мне очень жаль вашу собаку, — сказал он, источая обаяние, — и вам не стоит беспокоиться. Ее кремировали!

Леди пришла в восторг.

— О, спасибо вам большое! — воскликнула она. — Именно это я и хотела услышать. Подождите, пожалуйста, минутку, я сбегаю к машине. Я захватила салфетку для пепла.

Под гробовое молчание двух ветеринаров она вышла за дверь. Альф почувствовал, как его внутренности стягиваются в тугой узел.

— Она его получит! — внезапно вскрикнул Дональд и выскочил из комнаты.

Прошло несколько напряженных минут. Альф пытался угадать, что задумал партнер, и готовился к его возвращению. Долго ждать не пришлось. Через пару минут Дональд проскользнул в дверь, торжественно неся перед собой совок для мусора, в котором лежала кучка серого пепла и кости. На заднем дворе стоял уличный котел, в котором Вардман варил пойло для свиней. Под ним всегда лежали кучи пепла и костей. Туда-то и бегал Дональд. Вернулась хозяйка и протянула салфетку, в которую Дональд ссыпал пепел. Альф уставился на партнера. Он не мог поверить, что это действительно происходит, но фарс еще не закончился. Внезапно леди громко вскрикнула и подбросила салфетку в воздух; в считаные секунды комнату заволокло пеплом. Песик умер несколько недель назад, а его «останки» до сих пор обжигали руки!

В первые годы брака Альф вел довольно спокойную жизнь, но с таким партнером, как Дональд Синклер, скучать не приходилось. Однажды вечером они зашли в «Золотое руно». В этом пабе все располагало к приятному отдыху после тяжелого дня: хорошее пиво, легкая беседа и потрескивание огня в камине, — в такие минуты мир казался лучше. (В книгах Хэрриота этот паб называется «Гуртовщики».)

В тот вечер рядом с ними сидел человек по имени Скотт Инглз. Он работал в Военном сельскохозяйственном комитете. Комитет учредили во время войны, он давал советы фермерам по наиболее эффективному производству продуктов для страны. Скотт Инглз был приятным человеком с хорошими манерами, потом он стал профессором животноводства в Ветеринарном колледже Глазго, — я учился у него в начале 1960-х. Помню, однажды на лекции он сказал:

— Семью девять. Так, посмотрим, это будет примерно шестьдесят три.

Временами Скотт бывал рассеянным, при этом он был

очаровательнейшим и безобидным человеком.

В тот раз он принес с собой круглый стальной шлем, который необычайно заинтересовал Дональда.

— Что это такое, Скотт? — отрывисто спросил он.

— Мой защитный шлем, — ответил тот.

— Для чего он? — продолжал Дональд.

— Скажем, иду я мимо разрушенного здания, и сверху падает кирпич. Шлем защитит меня от удара.

— И что, в самом деле защитит?

— О да. Он очень прочный.

— Насколько прочный?

— Так, дай подумать. Если ты ударишь меня по голове вон той кочергой, что стоит у камина, мне ничего не будет, — шлем меня защитит.

— Можно попробовать?

— Конечно, Дональд. Можешь ударить меня кочергой по голове и увидишь, что он действует безотказно, — с уверенностью заявил Скотт и водрузил шлем на голову.

Дональд подошел к камину, схватил кочергу и пару раз взмахнул ею, со свистом рассекая воздух. Внезапно Альфу стало не по себе. Он знал, что его старший партнер часто ведет себя странно, но не был готов к его следующему шагу. Неожиданно Дональд высоко поднял массивную кочергу и, вложив в удар всю свою силу, опустил ее на голову Скотта Инглза. Раздался страшный треск. В шлеме появилась огромная вмятина, и бедняга молча сполз на пол.

Альф в ужасе уставился на неподвижную фигуру. «Господи! — подумал он. — Дональд его убил!»

Через несколько мучительных минут Скотт осторожно поднялся на ноги, но потребовался не один восстановительный глоток, чтобы полностью привести его в чувства. Его шлем только что прошел суровое испытание.

Помню, много лет спустя в Глазго профессор Инглз поинтересовался, как поживают его тирские знакомые.

— Как ваш отец? — спросил он.

— Очень хорошо, спасибо, — ответил я.

— Рад это слышать! Пожалуйста, передайте ему привет от меня. — После небольшой паузы он задал следующий вопрос: — А мистер Синклер?

— У него тоже все хорошо.

Скотт Инглз снова немного помолчал.

— Интересный человек, — наконец произнес он, задумчиво глядя перед собой.

Не только Альф находил Дональда Синклера забавным.

Многие другие, в том числе фермеры, не могли сдержать улыбку при упоминании его имени, и разговор неизменно заканчивался на юмористической ноге.

Много лет спустя отец очень веселился, когда я рассказывал ему о визите в деревню Инглби Кросс на ферму сэра Хью Белла. Сэр Хью Белл, открытый и очень приятный человек, появляется в книге Хэрриота «Жаль, ветеринары не летают» в образе лорда Халтона. Меня вызвали к свиньям, и сэр Хью, друживший с Дональдом, спросил, как у него дела.

— Как поживает Дональд? — лукаво ухмыльнулся он.

— Очень хорошо, сэр Хью, — ответил я.

— Рад это слышать, — продолжал он. Его живое подвижное лицо расплылось в широкой улыбке, в проницательных глазах заплясали веселые искорки. — Занятный человек, — хмыкнул он, — только *слегка* сумасшедший!

У Альфа был замечательный партнер, ему приходилось много трудиться, но он никогда не забывал, как ему повезло, что у него есть работа. Некоторые его друзья из Ветеринарного колледжа оказались менее удачливыми. В июле 1942 года он писал родителям:

> Я слышал невероятные вещи о некоторых знакомых ребятах. Помните Макинтайра с моего курса? Так вот, он все еще там, бедолага, в сотый раз пересдает хирургию. А Энди Флинн никак не сдаст патологию. С ума сойти! Обри не выдержал в Корнуолле — называл своего хозяина «жалкий старый ублюдок» — и теперь работает в Сассексе. У одного только Эдди Стрейтона дела, похоже, идут хорошо. Джимми Стил говорит, Эдди работает с шести утра до девяти вечера каждый день и дойдет до нервного срыва, если не будет заботиться о себе. Зарплаты, говорят, тоже ужасные, и хотя я иногда ворчу и жалуюсь на свою судьбу, мое положение гораздо лучше во всех отношениях. В нашей профессии слишком много «рабов» и «надсмотрщиков». Джимми большую часть работы выполняет на велосипеде.
>
> Я хохотал до слез над его рассказом о последнем месте работы у некоего Бенджамина П. Бойла в Стаффордшире. В его обязанности входило подстригать газоны и изгороди, рубить дрова, собирать уголь, но когда ему велели прочистить камин, он гордо развернулся и ушел!

На самом деле Джимми Стил получал баснословные деньги

— 100 фунтов в год. Хотя положение с рабочими местами в ветеринарной области постепенно улучшалось, недавние выпускники колледжей по-прежнему работали в примитивных условиях. Альф, считая, что ему повезло, твердо решил максимально использовать свои возможности в Тирске. Вскоре он понял, что больше всего его привлекает лечение сельскохозяйственных животных, особенно коров. В одном из писем родителям он рассказывает о своих чувствах:

> Интересно, как человек создает себе репутацию в разных отраслях. Сейчас Дональд считается специалистом по лошадям, а я коровий доктор. К тому же в Тирске я занимаю прочное положение врача, специализирующегося на мелких животных. Все дамы вызывают к своим кошкам и собакам мистера Уайта. Дональд не очень хочет с ними возиться, а моя практика в Сандерленде оказалась весьма полезной, — но в душе я коровий лекарь. Поначалу мне казалось, что я никогда не смогу полюбить этих на первый взгляд скучных и меланхоличных животных, но сейчас они вызывают у меня большой интерес и симпатию.
>
> Я мечтаю в будущем завести собственную практику в каком-нибудь милом городке — больше Тирска, — который обеспечивал бы мне достаточно работы с мелкими животными. А за городом пусть будет крупный молочный район, и много-много коров. Конечно, это неисполнимая мечта: мне ни за что не накопить денег на практику.

Письмо иллюстрирует честолюбивые замыслы Альфа, и со временем он воплотит их в жизнь. Работа всегда оставалась его самой большой любовью, и даже в годы всемирной славы он не уставал утверждать, что он «на девяносто девять процентов ветеринар и на один процент — писатель». Наверное, трудно поверить в эти слова, но он, бесспорно, принадлежал к числу тех счастливчиков, которым работа приносит радость.

Хотя большинство поклонников полюбили Джеймса Хэрриота за теплое и внимательное отношение к его маленьким пациентам, реальный человек — Альфред Уайт — был прежде всего ветеринарным врачом крупных животных. Лишь с конца 1960-х годов лечение домашних животных стало вносить существенный вклад в бюджет практики.

Это не значит, что его не интересовала работа с мелкими животными; она ему нравилась. В те первые трудные годы, когда он брал туберкулиновые пробы, кастрировал и срезал рога, когда

он долгими часами, раздевшись до пояса, принимал роды у коров и овец, лечение собак и кошек вносило приятное разнообразие в повседневную работу. Став дипломированным ветеринаром, Альф почти сразу понял, что с годами процветающее отделение мелких животных будет иметь большое значение для практики.

Однако в 1940-е годы, когда преобладала работа с крупными животными, Альф иногда с тоской посматривал на запад, где в зеленых долинах раскинулась практика Фрэнка Бингэма. Они являли собой резкий контраст с пахотными землями в окрестностях Тирска, — здесь полей, засеянных сахарной свеклой, ячменем и картофелем, было гораздо больше, чем пастбищ для животных. Йоркширские долины казались Альфу ветеринарным раем, — никаких распаханных полей, только трава и коровы повсюду. Он часто и с удовольствием ездил брать туберкулиновые пробы для Фрэнка Бингэма. Работа ему нравилась, но ему приходилось нелегко, а зимой к тому же было очень холодно.

Первое, на что Альф обратил внимание в Йоркшире, — здесь намного холоднее, чем в Глазго. В огромной Йоркской долине практически негде было укрыться от завывающих северных ветров, которые часто сюда налетали, принося с собой обильные снегопады. Приходилось проявлять чудеса героизма, чтобы добраться к заболевшему животному. Его допотопный маленький автомобиль создавал дополнительные неудобства, и, проехав километров сорок по холмам, Альф часто промерзал до костей. На месте ему предстояло справиться с невероятно трудной задачей — не выронить замерзший шприц из онемевших пальцев. Готовясь к этим тяжелым поездкам, он первым делом относил в машину лопату. Ему все время приходилось откапывать машину из огромных снежных заносов, но это, по крайней мере, помогало ему согреться. Альф считал себя мастером копания — летом копал землю в саду, а зимой — снег. Он писал родителям:

> Последние несколько недель повсюду господствует снег. Что за погода! В первые дни снегопада я совершал настоящие подвиги в борьбе со снегом в холмах. Это серьезное испытание, можете мне поверить. Утром, когда я добрался до первой фермы в холмах на вершине Уэнслидейла, я в буквальном смысле окоченел, и мне пришлось отогреваться у огня, прежде чем приступить к работе. Потом я мотался по склонам от коровника к коровнику, с трудом пробираясь в пурге. И так весь день. Первая неделя меня доконала, я промерзал до костей и даже есть не мог, когда возвращался вечером домой. Но

вторая неделя прошла нормально; наверное, я закалился.

Однако последняя неделя всех перещеголяла. Во вторник утром мы проснулись и обнаружили, что даже главные дороги засыпало снегом высотой около полутора метров. Мы с Дональдом больше часа откапывали двери гаража, чтобы вывести машины, но все равно не смогли поехать по вызовам.

В те времена йоркширские холмы славились своими снежными заносами, но в горных районах тирской практики было не лучше. Если в Тирске шел дождь, в деревнях на вершине Хэмблтонских холмов, к примеру, в Колд-Кирби или Олд-Байленд, бушевала вьюга. Альфу был хорошо знаком пронзительный визг покрышек, отчаянно скользящих по обледенелой дороге, или вид сугробов изысканной формы красивых, но опасных, безжалостно заметавших его следы на снегу. Много раз, сражаясь за жизнь животных на далеких фермах, Альф задавался вопросом, доберется ли он домой целым и невредимым по снежным, занесенным дорогам. Сейчас зимы в Йоркшире стали менее суровыми, они мало похожи на те недели бушующей стихии, среди которой много лет назад пришлось работать Альфу.

Его знакомство с местностью, которую он со временем полюбит, было весьма прохладным, но йоркширское лето могло быть столь же восхитительным, сколь жестока была зима. Разъезжая по вызовам в машине с открытыми окнами и поднятой крышей, Альф не переставал радоваться своему счастью — как ему повезло, что он работает среди такой красоты!

Однако и зимой, и летом ему приходилось бороться с одной из главных трудностей в профессии ветеринара того времени — нехваткой действенных лекарств для лечения болезней. Альф, Дональд и — когда приезжал в Тирск — Брайан долгими часами смешивали разные микстуры: бальзамы от колик, настойки от вздутия живота и желудочные порошки. Названия некоторых компонентов — к примеру, спиртовой раствор селитры, сублимированный йод, серный цвет, — звучали для них как музыка. Современные препараты не обладают подобной харизмой, но они, безусловно, произвели переворот в лечении болезней.

На случай острой токсической мастопатии у коровы современный ветеринар располагает целым арсеналом всевозможных лекарств для лечения серьезного шока, нанесенного организму. В прежние времена, до изобретения антибиотиков и противовоспалительных средств, ветеринар

полагался только на свою голову. Распространенным лечением было надрезать один сосок и выпустить гной. Корову для тепла накрывали большими мешками и вливали в нее разные стимулирующие средства. В случае пневмонии животному на грудь лепили горчичные пластыри, а кожные болезни лечили самым отвратительным способом — щедро намазывали дегтем или соляркой.

Крайне тяжелым заболеванием телят на пастбище был паразитарный бронхит, или «глист», как его называли фермеры. Его вызывает червь, который поселяется в бронхах несчастного животного и часто приводит к смертельному исходу. Сегодня есть вакцина от этой болезни и современные препараты для ее лечения, но у ветеринаров прошлого было только одно средство — инъекции скипидара и прочих варварских жидкостей прямо в трахею в надежде на уничтожение червя. Одни животные умирали на месте, другим везло, и они выживали.

Неудивительно, что в те времена фермеры стоически относились к лечению заболевшего скота; во многих случаях им приходилось мириться с неизбежностью. «Раз теряешь, значит, есть что терять!» — сколько раз слышал Альф эту эпитафию животным! Старые йоркширцы отличались суровым нравом, и в этом нет ничего удивительного, учитывая их тяжелую, полную лишений жизнь, — но и пошутить они были не прочь.

Альф любил вспоминать историю о двух старых фермерах, встретившихся на скотном рынке. Один из них, Альберт, был немногословным человеком.

— Слушай, Альберт, — говорит его приятель. — У моей животины глист.

— Да? — отвечает Альберт.

— Вроде недавно у твоей животины тоже был глист?

— Ага.

— Ты вводил ей в трахею скипидар?

— Ага.

— Я, наверно, тоже попробую что-то вроде этого.

Через неделю друзья встречаются снова.

— Эй, Альберт, — говорит фермер приятелю, — помнишь, на прошлой неделе я рассказывал тебе о своей животине?

— Ага.

— Той, у которой глист?

— Ага.

— Ну так вот, я впрыснул ей скипидар, как и ты своей.

— Да?

Да, так я и сделал, — и она сдохла. Прямо не сходя с места!

— Да? И моя тоже!

Как далеко ушла ветеринария в борьбе против болезней! Альф часто говорил, что раньше работать было интереснее, но, вероятно, и разочарований было намного больше.

Сегодня иногда можно поставить диагноз, не прикасаясь к животному. Анализ крови, рентген, ультразвук и прочие вспомогательные средства существенно облегчают работу, но современный ветеринар ни в коем случае не должен терять основные клинические навыки. В первые годы работы ветеринаром Альф не имел этих современных преимуществ, у него были лишь его глаза, руки и голова. Возможно, именно благодаря этому он стал первоклассным врачом. Все годы, что я работал вместе с ним, меня поражала его природная способность ставить точный диагноз и находить верный способ лечения.

Альфу требовалось хорошенько «заправиться», чтобы не протянуть ноги. В лице Джоан он нашел жену, которая заботилась о поддержании его энергии на высоком уровне, уставляя стол аппетитными лакомствами. Одно из главных отличий супружеской жизни заключалось в великолепном разнообразии бутербродов, которые Альф обнаруживал каждый день, уезжая на работу в холмы. Раньше он жил на скучных бутербродах с сыром, но теперь все было иначе. Всякий раз, открывая коробку с завтраком, он словно бы пускался в гастрономическое приключение — сочные пироги, вкусное печенье и бутерброды с домашним хлебом. Наслаждаясь изумительной пищей, приготовленной Джоан (нормирование продуктов, введенное в военное время, мало сказывалось на ее кулинарном мастерстве), Альф часто уносился мыслями в свои холостяцкие дни на Киркгейт, 23, когда ему, Дональду и Брайану часто приходилось готовить самим. В отсутствие экономки, миссис Уизерилл, Дональд поджаривал огромные куски баранины, и мужчины ели их несколько дней подряд. Желудок Альфа, который никогда не любил ни баранину, ни ягнятину, наливался свинцом, когда он вспоминал эти бесконечные куски холодного серого мяса с толстым слоем жира.

Не только Альф оценил, насколько хорошо он устроился в браке. Его студенческие друзья Джимми Стил и Боб Смит, которые нашли работу в соседних городках Нэрсборо и Боробридж, несколько раз приезжали в гости к Альфу в Тирск. Молодые люди не только обменивались историями о своих победах и неудачах, но и имели удовольствие познакомиться с кулинарным искусством Джоан. Пережитое наслаждение, как уверял Альфа Джимми, убедило его, что ему тоже пора найти себе жену.

Ежедневное потребление кулинарных шедевров Джоан имело

и обратную сторону. Альф, впервые в жизни, стал набирать вес. Он поглощая столько еды, что даже постоянная ходьба вверх-вниз по склонам холмов и изматывающие отелы, когда ему приходилось кататься по холодному полу коровника, не сжигали калории. Дональд являл собой полную противоположность. Фигурой он напоминал стручковую фасоль — с тощими длинными руками и тонкой талией. Как сказал один клиент: «На ручке лопаты больше жира!» Другой клиент, Джим Флетчер, однажды, вспоминая мистера Синклера и мистера Уайта, заметил мне:

— Когда ваш отец раздевался, мы обычно говорили: «Откуда он взялся?» А когда мистер Синклер снимал рубашку, мы говорили: «Куда он делся?»

Жизнь сельского ветеринара заметно укрепила здоровье Альфа. Благодаря активной жизни на свежем воздухе — отелы, окоты, трудные подъемы к коровникам в йоркширских холмах, — он чувствовал себя намного лучше, чем прежде. Альф очень ценил свою удачу. Оглядываясь назад на наполненные болью дни в Сандерленде, он с трудом мог поверить, что за такой короткий срок целительная рука времени вместе со свежим воздухом Йоркшира сотворили чудо.

В июле 1942 года счастье Альфа достигло новых высот, когда он узнал, что Джоан ждет ребенка. Скоро он будет не только мужем, но и отцом, и мысль о том, что он станет семейным человеком, привела его в восторг. У него была любимая работа, жена, с которой он был очень счастлив, а скоро должен был появиться ребенок.

Однако над ним нависала грозовая туча. Месяцев шестнадцать назад, всего за пару недель до знакомства с Джоан, Альф записался на службу в Военно-воздушные силы Великобритании. Поскольку он был дипломированным ветеринаром — а эта профессия давала бронь, — никто не заставлял его идти в армию, но воодушевленный волной патриотизма, прокатившейся по Британии, он с энтузиазмом смотрел на перспективу послужить своей стране в это трудное время. Шли месяцы, и Альф стал сомневаться, что его вообще когда-нибудь призовут, поэтому они с Джоан не стали откладывать свадьбу. Когда в октябре 1942 года в день его рождения — ему исполнилось двадцать шесть лет, — повестка наконец пришла, Альф впал в уныние. Теперь он был совсем не тем беззаботным холостяком-ветеринаром, что шестнадцать месяцев назад. Он стал женатым человеком с беременной женой и обязательствами. К тому же он начал зарабатывать себе репутацию в практике и считал, что отъезд на службу нанесет

ущерб не только его карьере, но и практике.

Через семь недель, 16 ноября 1942 года, Альф Уайт сел на поезд в Тирске и отправился служить своей стране. Теперь в документах он числился как Уайт, Дж. А. 1 047 279 АС2. В тот день он из незаметного ветеринара превратился в крошечное орудие Второй мировой войны.

Глава 12

Помимо желания служить своей стране в то время, когда Британия противостояла всей мощи нацистской Германии, у Альфа была еще одна веская причина записаться на службу. В марте 1941 года немецкие «люфтваффе» совершили жестокий воздушный налет на город Глазго. Главной целью был Клайдбэнк и крупные верфи на реке Клайд. Погибли сотни людей. Альф страшно волновался, потому что его родители жили недалеко от Клайдбэнка. Они остались живы, но их дом на Эннисленд-Роуд, 694, куда они переехали совсем недавно, серьезно пострадал. Дональд отпустил Альфа в Глазго повидать родителей. В письме Джоан он описывает ужасное состояние города.

> Моя дорогая Джоан!
>
> Полагаю, ты знаешь, что мой дом попал под бомбежку. Я осмотрелся вокруг и понял, что найти другое место невозможно, так как все тут в одинаковом положении. Поэтому остается только сделать обломки старого дома более или менее пригодными для жилья и построить надежное укрытие в саду на случай повторного налета.
>
> Дом 694 напоминает аббатство Риво в миниатюре, но мы сумели наполовину восстановить две комнаты, правда, дверями хлопать опасно — потолок может обвалиться. Все это ужасно, но я так рад, что родители живы, поэтому материальная сторона меня не волнует. Мама ночует в одном из немногих сравнительно безопасных домов в округе, а мы с папой спим на полу под обеденным столом на случай, если потолку надоест держаться. Мы постоянно смеемся, так что с нами все не так уж плохо. У моего обожаемого рояля оторвало ножку, но я ее укрепил, и, к моей великой радости, на нем все еще можно играть. Представляю, что думают люди, слыша звуки музыки, доносящиеся из руин!

Нападение на любимый город привело Альфа в ярость, и он записался в Военно-воздушные силы. Разве мог он знать, что пройдет целых двадцать месяцев, прежде чем он приступит к подготовке? В стране не было недостатка в молодых мужчинах, желающих стать летчиками-истребителями; ВВС испытывали острую потребность в самолетах, а не в тех, кто мог бы летать на них. К тому же человек с профессией, предоставляющей бронь,

стоял далеко не во главе списка призывников. Ветеринары нужны были дома: они вносили свой вклад в развитие британского сельского хозяйства и увеличение объемов производства продовольствия. Пытаясь исполнить свой гражданский долг, Альф, помимо всего прочего, столкнулся со своим старым недругом — математикой.

Для поступления на службу в BBC ему пришлось снова сдавать экзамены по основам математики, и он ходил на занятия в вечерней школе Тирска, чтобы освежить свои скудные знания по предмету. После череды неудач Альф все-таки набрал необходимое количество баллов, и когда пришла повестка, мог с чистой совестью отправляться на службу.

Тот день в ноябре 1942 года, когда Альф отправился на курсы подготовки военных летчиков, стал, по его описанию, «самым черным днем в его жизни». Сцена отъезда из дома 23 по Киркгейт и лицо беременной жены, со слезами на глазах машущей ему из окна, навсегда врезались в его память.

Дни, проведенные на службе в Военно-воздушных силах, мало отличались один от другого. Альф прослужил чуть больше года, но, по иронии судьбы, информации об этом печальном периоде его жизни — великое множество. Они с Джоан писали друг другу почти каждый день, и она сохранила в буквальном смысле сотни писем.

В первый день разлуки Альф написал Джоан:

> Моя любимая Джоан!
>
> У меня есть всего несколько минут, чтобы написать тебе до наступления темноты. День прошел в суете, и я страшно устал. Сейчас мне гораздо лучше, чем утром. Я думал, что чувствую себя отвратительно из-за холода, но это не так.
>
> Я оставил любимую жену — вот в чем было дело. Правда, Джоан, никогда в жизни я не чувствовал себя так мерзко, и, поверь мне, я получил хороший урок. Я больше никогда не расстанусь с моей дорогой женой. Странно, я знаю тебя не так давно, но ты стала моей жизнью. Покинув Тирск, я оставил там частицу себя.

Он, конечно, упал духом, — но и Джоан была в ужасном состоянии. Как большинство других жен, она боялась, что ее мужа убьют, — жуткая мысль для молодой женщины, носящей своего первого ребенка. Она знала, что будет видеть его очень редко, кроме того, ситуация осложнялась еще и тем, что ему платили жалкие три шиллинга в день, — заметное понижение после четырех-пяти фунтов в неделю, которые он зарабатывал в

клинике. Альф посылал жене сколько мог, но это были сущие крохи. У родителей денег не было, и муж остался без гроша за душой, поэтому Джоан жила на военное пособие и пособие по беременности, получая примерно 2 фунта 10 шиллингов в неделю.

Огромное количество писем Альфа и Джоан посвящены одной теме: Альф, несмотря на боль от разлуки с женой, твердо решил добиться хороших результатов на службе в ВВС, а Джоан отчаянно мечтала, чтобы муж вернулся домой. Каждое утро печальная молодая женщина с надеждой ждала письма от мужа, которое поднимало ей настроение.

Первый месяц Альф провел в Риджентс-Парке в Лондоне, где его обследовали, сделали ему необходимые прививки, и там же он прошел строевую подготовку перед переводом в начальное учебное авиакрыло. Альф часами тренировался и ходил строем в любую погоду. Потом, когда его перевели в Скарборо, он с удивлением наблюдал, как все это действует на других курсантов. Молодые мужчины падали без сил, некоторые почти не спали, а перед экзаменами выстраивались длинные очереди в туалеты.

Альф был старше большинства курсантов, имел за плечами богатый опыт сдачи экзаменов, и поскольку достиг «преклонного» возраста двадцати шести лет, многие его товарищи видели в нем скорее отца, чем друга, и часто обращались к нему за советами.

В одном письме домой Альф дает понять, каким был интеллектуальный уровень некоторых новобранцев. Во время экскурсии по Вестминстерскому аббатству один молодой пилот, увидев на полу табличку со словами: «Здесь покоится офицер и джентльмен», — заметил: «Странная идея — похоронить двух людей в одной могиле!»

Однако было много и образованных людей — врачей, учителей и бухгалтеров, входивших в круг общения Альфа.

В Риджентс-Парке ему удалили один зуб; в ВВС большое внимание уделяли здоровью зубов, так как зубная боль в полете могла помешать летчикам сконцентрироваться. Стоматолог, однако, оказал Альфу сомнительную услугу. Он выдернул не тот зуб огромными щипцами, которые сильно смахивали на щипцы для рабочих лошадей. До армии у Альфа почти не было проблем с зубами; после службы все изменилось.

Не зная, куда его отправят для прохождения начальной подготовки, Альф подал рапорт о переводе в Скарборо на йоркширском побережье. Его просьбу удовлетворили, и 19 декабря 1942 года он переехал туда. Альфа прикомандировали к начальному учебному авиакрылу № 10 второго звена четвертой

эскадрильи. Он воспрянул духом: теперь он будет в каких-нибудь шестидесяти километрах от Джоан в Тирске.

Альф провел в Скарборо пять месяцев, и это было его самое счастливое время в ВВС. Он много тренировался и вскоре обрел прекрасную форму, долгие пробежки по пляжу и приморским скалам, бесконечные марш-броски, строевая подготовка и упражнения превратили его в жилистую выносливую машину весом шестьдесят три килограмма. Курсантов разместили в «Гранд-отеле», где через раскрытые окна в спальни пробирался ледяной северо-восточный ветер. Несмотря на столь суровый режим, Альф не подхватил воспаление легких, лишь несколько раз переболел простудой и чувствовал себя лучше, чем когда-либо.

Помимо физической подготовки, он изучал навигацию, азбуку Морзе, оружие, гигиену и право, вдобавок он научился разбираться в двигателях и приобрел основные технические навыки. Альф с легкостью сдал экзамены и чувствовал, что у него все получается. Он с нетерпением ждал следующего этапа обучения — мечтал сесть за штурвал самолета и подняться в воздух.

Однако самое чудесное время в Скарборо Альф провел, когда ездил к Джоан в Тирск, и этот отрывок жизни отца кажется мне особенно интригующим. Он всегда строго придерживался правил, любое нарушение закона было для него немыслимым. За все годы работы ветеринаром он не утаил ни одного пенни от налогового управления, не провез и глотка вина через таможню во время отпусков за границей. Что касается закона, Альф был настоящим конформистом, тем не менее, в январе и феврале 1943 года он несколько раз самовольно ездил к жене.

Должно быть, он отчаянно хотел ее увидеть, так как последствия, если бы он попался, были бы очень серьезными. Потребность увидеть Джоан усиливал необычный факт: отец испытывал странные боли в животе по мере приближения дня рождения его первого ребенка. В письмах Джоан того времени он упоминает об этих загадочных болях.

В третий раз Альф «сбежал» 13 февраля 1943 года, в тот день, когда родился я. Как он потом писал в «Жаль, ветеринары не летают», он испытал сильнейшее потрясение, впервые увидев сына. Отец привык к виду новорожденных животных — как правило, очаровательных и милых маленьких созданий, — но человеческое существо, только что появившееся на свет, являло собой совершенно иную картину. Акушерка, сестра Белл, отнеслась к его изумлению с ядовитым возмущением и тотчас

отвела его в соседнюю комнату, где показала еще один столь же нелепый маленький комочек. Только тогда отец немного успокоился.

Вскоре после рождения сына Джоан вернулась к родителям в Соуэрби, деревню неподалеку от Тирска. Альф навещал ее, как только появлялась возможность. Впоследствии он вспоминал о восхитительных блюдах, которые жена для него готовила. Его любимым были яйца с жареной картошкой.

В военное время остро чувствовалась нехватка еды. Продукты распределялись по карточкам, яиц и масла не хватало, но Джоан договаривалась с местными фермерами, да и Дональд иногда подбрасывал ей немного масла и яиц.

Альф всегда любил поесть — и в далеком будущем побывает в лучших ресторанах мира, — но ни одно блюдо не смогло затмить в его памяти свежие яйца с жареной картошкой.

В окрестностях Тирска нашлись предприимчивые личности, извлекавшие выгоду из дефицита продуктов, и здесь появились процветающие предприятия, особенно среди фермерских хозяйств. Яиц, масла, бекона и ветчины было предостаточно, если знаешь, где искать, и готов платить. Позже Альф заметил: «Да, для некоторых ферм настал черный день, когда объявили мир в 1945-м!»

После рождения сына Альф чувствовал себя счастливым, но скоро ему предстояла новая разлука с Джоан. Его переводили в другую эскадрилью, где должны были начаться учебные полеты. 20 мая с распухшим лицом — стоматологи ВВС совершили новый набег на его рот, выдернув два зуба мудрости и поставив несколько пломб, — Альф прибыл на аэродром Уинкфилд неподалеку от Виндзора. К тому времени ему присвоили звание рядового ВВС второго класса, и его жалованье взлетело до семи шиллингов в день. Не только сбывалась его мечта о полетах, но и финансовое положение заметно улучшилось: на его счете в банке было 9 фунтов, а Джоан сумела накопить целых 14. Хотя Альф боялся высоты, и на вершине горы у него неизменно кружилась голова, он не испытывал страха, когда поднимался в воздух в Виндзоре. Он учился летать на небольших одномоторных самолетах «Тайгер Мот» и был в восторге от полетов. Только четверым из пятидесяти человек разрешили совершить самостоятельный полет уже через две недели. Альф был в их числе. В первый раз он самостоятельно поднялся в небо 7 июня и посадил самолет с первого захода. Другие несколько раз заходили на посадку, а с земли за ними с возрастающим волнением следили инструкторы.

Альф делал большие успехи на службе в BBC, и его радость омрачали лишь тоска по дому и тревога за жену, которая, он знал, сильно по нему скучала. Вдобавок, единственный брат Джоан, которого она очень любила, служил на Гибралтаре, и о нем она тоже беспокоилась. Альф пытался поднять жене настроение, заставляя думать о счастливых временах, которые наступят, когда он вернется к гражданской жизни. Письмо из Виндзора, написанное всего за пару дней до отпуска, служит яркой иллюстрацией его воспоминаний о жизни дома.

> Джоан, любимая моя!
>
> Завтра 1 июня, и на меня нахлынули воспоминания о двух прошедших июнях. Два года назад в это же время я понял, что встретил свою единственную, я парил от счастья и жил в стране волшебных грез. Деревенские танцы и ночи под луной, ситцевое платьице и золотой ракитник. Солнечные дни, наполненные мечтами и муками ревности, исступленным восторгом и страшной тоской. Какое дивное было лето! А на следующий год — тихие счастливые дни, выращивание помидоров, мелкие ссоры и «игра в молчанку», поездки в Йорк, брокколи по воскресеньям и превыше всего восхитительное ощущение покоя и счастья.
>
> Я должен идти спать. Как бы мне хотелось, чтобы моя жена была рядом, чтобы я мог крепко прижать ее к себе, но ничего ждать осталось недолго! Спокойной ночи, милая.

В Виндзоре Альф достиг кульминации своей карьеры в BBC, но дни успеха и личных побед были сочтены. С того момента начнется период опустошения и разочарования.

Из Виндзора его перевели в Сэлфорд близ Манчестера, где он должен был получить классификацию пилота. Именно там дала о себе знать его ахиллесова пята. Анальный свищ причинял Альфу страшную боль, и он с неохотой обратился за медицинской помощью. Хотя его состояние всерьез обеспокоило врачей, он сумел убедить начальство, что достаточно здоров и может перейти на следующую ступень обучения. Альф по-прежнему хотел добиться успеха, но его надежды не оправдались; руководство BBC требовало, чтобы все пилоты военных самолетов были здоровы на сто процентов, и Альфа теперь взяли на заметку.

Его перевели в Ладлоу, в Шропшире, где курсанты проходили курс «усиленной подготовки» — рыли траншеи, строили заборы, копали котлован и помогали фермерам собирать урожай. Вскоре Альф снова чувствовал себя крепким и здоровым, как в Скарборо.

Однако его надежды на продолжение летной карьеры рассыпались в прах, когда в июле его вызвали к специалисту в Херефорд. Через три дня ему прооперировали анальный свищ в госпитале ВВС в Криден-Хилле, Херефорд.

Альф, слишком хорошо помнивший боль тех операций, часто задавался вопросом, смог бы он сделать карьеру в ВВС, если бы врачи попросту оставили его в покое. Операция в Херефорде прошла неудачно. Она не только не улучшила его состояние, но и усилила боль, и Альф быстро понял, что никогда уже не сделает успешную карьеру в армии. Он смотрел, как его товарищи по летной подготовке без него уезжают в Канаду для продолжения учебы, и его охватывало чувство поражения и безысходности.

Альфа отправили в санаторий при госпитале Падлстон-Корт близ Леоминстера, где он приятно, но бесцельно проводил время. Падлстон-Корт размещался в старинном деревенском доме, и старая заведующая велела Альфу много отдыхать, что он и делал, — гулял по чудесному парку, изредка играл в малый гольф, теннис или крокет, или просто сидел в шезлонге на лужайке. Еда была превосходной, — докладывал он Джоан, — и он имел возможность каждый вечер принимать горячую ванну.

Альф провел там две недели. Он занимал себя тем, что учил некоторых пациентов игре на фортепиано и часами копался в саду. Благодаря работе на участке за домом на Киркгейт он стал искусным садовником, и заведующая была потрясена результатами его труда.

Спокойная жизнь в Падл стон-Корте резко отличалась от строгого режима в Скарборо, но с каждым днем Альф все больше падал духом. По-прежнему чувствуя себя неважно, он прошел обследование в госпитале в Криден-Хилле, где, к его отчаянию, ему сделали еще одну операцию. Операция обернулась очередной болезненной неудачей. В дополнение ко всем его несчастьям оказалось, что после того злополучного удаления зуба восемь месяцев назад в десне остался обломок корня. Понимая, что в глазах ВВС он — инвалид, Альф знал, что никогда уже не сможет служить своей стране. С него было достаточно, — он хотел вернуться домой.

23 августа его отправили в Хитон-Парк, в Манчестере, где приписали к «складам». Он отвечал за запасы обмундирования и распределение одежды и обуви. К счастью, это продлилось недолго. В книге «Ветеринар в панике» («Vet in a Spin») Альф превосходно описывает свои чувства: «Где-то на задворках сознания тихий голосок постоянно спрашивал, как Джеймс Хэрриот, член Королевского ветеринарного общества и летчик-курсант, оказался в таком положении».

В Хитон-Парке Альфа снова вызвали на медкомиссию, и на этот раз приняли решение отстранить его от полетов. Его официально признали «негодным к летной службе», и 28 октября его отправили в Истчерч, Кент. Здесь находился сортировочный лагерь, огромный «фильтр» ВВС. В письме Джоан он описывал свои впечатления: «Здесь собралась самая пестрая компания из ВВС, полно хапуг и тяжелых случаев, но и много смеха, должен сказать».

Несмотря на веселых товарищей, с которыми он целыми днями играл в футбол или ходил в кино, Альф пребывал в глубокой депрессии. Как последнее оскорбление, ему снова урезали жалованье до трех шиллингов в день, и когда он провел ревизию своих финансов, оказалось, что за душой у него осталось четыре пенса!

К чувству отчаяния добавилась боль от известия о смерти его любимой старой собаки Дона. Когда Альф уехал на юг работать ветеринаром, Дон остался в Глазго. Ему тяжело было расставаться с псом, но он решил, что Дону лучше остаться в знакомом доме. Родители Альфа хорошо о нем заботились, он дожил до пятнадцати лет и умер от почечной недостаточности. В письмах домой Альф всегда спрашивал о Доне и, получив печальное известие, с грустью вспоминал свои многокилометровые прогулки со «старым прохвостом».

Глядя на плоский серый пейзаж Истчерча, Альф думал о счастливых днях, проведенных в зеленых долинах Йоркшира и прекрасных горах Шотландии. Он дошел до нижнего предела, дальше идти было некуда.

Решив, что с него хватит этого бессмысленного существования, Альф подал рапорт об увольнении из ВВС. К его ужасу, ему отказали. Он отчаянно стремился снова начать жизнь, наполненную смыслом и надеждой, и подал новый рапорт. В конце концов его мольбы были услышаны, и 10 ноября 1943 года, к его огромному облегчению, он демобилизовался. Рядовой ВВС второго класса Уайт Дж. А. завершил военную службу на благо своей страны. Он прослужил чуть меньше года.

В своих книгах Альфред Уайт с юмором писал о последних неделях в ВВС, но в действительности они были едва ли не самыми тяжелыми в его жизни. Он стал изгоем, — честолюбивому человеку, гордившемуся своими делами, было трудно это принять.

Было очень трогательно читать старые письма Альфа. В посланиях родителям во время ухаживаний за Джоан звучит крик о помощи и понимании, а письма жене во время службы в ВВС отражают душу человека, раздираемого противоречивыми

чувствами. Первые дни службы были полны надежд и ожиданий, но когда летная карьера начала рушиться, с каждым письмом все отчетливее проступало чувство безысходности. Альф хотел в трудное время послужить своей стране, но из этого ничего не вышло — не по его вине. Во всяком случае, он хотя бы попытался.

Его служба резко отличается от службы его старых приятелей из Глазго, Алекса Тейлора и Эдди Хатчинсона. Обоих призвали в армию, и оба провели несколько лет за границей: Алекс — в Северной Африке и Италии, а Эдди служил в Азии. Они с гордостью и чувством удовлетворения вспоминали свои армейские дни, но Эдди заплатил высокую цену за свою службу. Сражения с японцами в джунглях Бирмы оставили незатягивающиеся шрамы в его душе, и он больше не был тем беззаботным пареньком, с которым Альф и Алекс провели столько счастливых часов в Глазго.

Служба в BBC, сколько бы разочарований она ему ни причинила, не оставила никаких шрамов в душе у Альфа. Судя по теплому и юмористическому описанию службы в его книгах, он не считал ее напрасной потерей времени. Он познакомился с интересными людьми разных профессий и испытал чувство товарищества, известное многим, кто служил своей стране во время войны.

Если бы Альфа не комиссовали, вся его жизнь могла бы измениться. Помню, он говорил мне много лет спустя: «Сколько я проклинал этот свищ, а кто знает — может, он спас мне жизнь!»

Дома Альфа ждала работа. Он поддерживал переписку с Дональдом, который с помощью Брайана — *все еще* не получившего диплом, — сумел сохранить практику и теперь ждал возвращения Альфа. Дни муштры, строевой подготовки и футбола подошли к концу. Перед ним простирались многие годы тяжелого труда, но это будут годы радости и свершений. Он больше не был изгоем и мог заново начать жизнь ветеринарного врача — жизнь, которую он так любил.

Глава 13

После демобилизации Альф Уайт сразу поехал в Глазго. Его родители по-прежнему жили в доме 694 на Эннисленд-Роуд, который восстановили после немецкого воздушного налета двухлетней давности. Джоан с крохотным сыном и тетя Джинни из Сандерленда были у них в гостях. К тому времени мать Альфа смягчилась по отношению к Джоан, которая дважды навещала родителей мужа во время его службы в BBC. Она гордо предъявила своего сына бабушке и дедушке, и это тоже внесло свой вклад в потепление отношений между Джоан и свекровью.

Альф, хоть и радовался воссоединению с семьей, чувствовал себя ужасно. Напряжение последних недель в BBC вместе с болью, вызванной серьезной реконструкцией его пищеварительного тракта сразу с обеих сторон, привели его к физическому и моральному истощению. Но он не мог долго оставаться в Глазго; он остался без средств к существованию, поэтому должен был вернуться в Тирск и заняться строительством надежного будущего для своей семьи. В Тирске он увидел, что дел в практике стало еще больше. Спустя много лет, вспоминая боль и усталость того времени, Альф говорил: «У меня было простое и самое эффективное лечение — работа!»

В Тирске Альфа ждала работа, — но не дом. В июне 1943 года, пока Альф еще служил в BBC, Дональд Синклер женился во второй раз и жил с женой на Киркгейт, 23. Не имея возможности вернуться в свои бывшие комнаты на верхнем этаже в доме на Киркгейт, Альф вместе с Джоан поселился у ее родителей в Соуэрби.

Альфу это было не в тягость. Дом, «Блейки Вью», стоял на главной тенистой улице этой очаровательной деревушки, которая почти не изменилась с тех пор. В «Блейки Вью» было очень уютно, за домом раскинулся прелестный, обнесенный стеной сад, к тому же он весьма удачно располагался рядом с пабом «Корона и якорь». Альф выпил немало кружек пива со своим тестем и друзьями в его располагающей обстановке.

Женитьба Дональда стала неожиданностью для Альфа, так как он всегда считал старшего партнера типичным дамским угодником, который никогда не остепенится. В книгах Джеймса Хэрриота Зигфрид описывается как необычайно обаятельный мужчина, который нравится женщинам, а Тристан предстает этаким ловеласом, но в искусстве обольщения прекрасного пола старшему брату не было равных.

Экономка Зигфрида постоянно говорит посетителям

Скелдейл-хауса, что ее хозяин уехал в Бротон навестить свою мать. Джеймс Хэрриот списал этот вымышленный город с Харрогита, где жила мать Дональда, но, очевидно, не одна она наслаждалась компанией настоящего Зигфрида Фарнона во время его частых отлучек из клиники.

Однако Дональд женился весьма удачно. Его женой стала Одри Адамсон, и они прожили счастливо больше пятидесяти лет. В отличие от импульсивного и нетерпеливого Дональда, она была воплощением спокойствия. Многие считали, что она прекрасно уравновешивает непоседливого Дональда.

Не только новое семейное положение старшего партнера — и, соответственно, перемены на Киркгейт — стали сюрпризом для Альфа после его возвращения. Дела в тирской практике шли в гору. Основной вклад в возрождение британского сельского хозяйства внес Адольф Гитлер: в годы войны стране требовалось много продовольствия. Повысилась ценность продуктов земледелия и домашнего скота, соответственно, доходы фермеров стали расти, а вместе с ними и доходы ветеринаров.

Альф работал все больше, и, хотя работа, несмотря на усталость, приносила ему радость, он чувствовал, что пора принимать решение о своем будущем. Будучи партнером на жалованье, он не только работал больше Дональда, но и выезжал почти на все ночные вызовы, и считал, что заслужил равную долю в прибылях. Кроме того, он не чувствовал уверенности в завтрашнем дне. Альф хотел стать полноправным партнером. Поскольку выгоду от возросших прибылей получал только Дональд, между доходами двух ветеринаров образовалась пропасть, и она с каждым днем увеличивалась.

Альф часто вспоминал те дни. «Я страстно мечтал работать на одного человека — Дж. А. Уайта. Дональд мне очень нравился, но мне была нужна стабильность. Я работал до изнеможения, наполняя его карманы». В январе 1944 года он обратился к Дональду, сказав, что хотел бы приобрести равноценную долю и стать полноправным партнером. Хотя Дональд испытывал искреннюю привязанность и уважение к младшему коллеге, он не имел никакого желания делиться с ним своей безграничной властью, и Альф получил категорический отказ.

Альфу не составило труда восстановить свою репутацию в практике после возвращения со службы в ВВС, и он чувствовал, что мог бы прожить долгую и счастливую жизнь в Тирске. Ему нравились фермеры с их жестким и честным отношением к жизни, и он хорошо ладил со своим старшим партнером, несмотря на его непредсказуемость. Горько разочарованный отказом Дональда Альф начал обдумывать варианты.

Он не хотел составлять конкуренцию Дональду. Он считал его своим другом, к тому же трудовой договор запрещал ему заниматься бизнесом в радиусе пятнадцати километров от Тирска. Альф обсудил ситуацию с Джоан. Она, хоть и не хотела покидать город, который за столько лет стал для нее родным, была готова уехать с мужем туда, где он сможет обрести независимость, что для человека в столь бедственном финансовом положении имело первостепенное значение. У Альфа не осталось выбора, и он начал искать другое место.

За все эти годы высказывалось много противоречивых мнений о Дональде Синклере. Некоторые журналисты в своих статьях обвиняли Альфреда Уайта в излишне жестком отношении к Дональду, они утверждали, что образ Зигфрида Фарнона не дает справедливого представления о Дональде, что он был не просто эксцентричным чудаком, у него было множество чудесных качеств, которые не отражены в книгах. Другие, наоборот, намекали, что Джеймс Хэрриот слишком пригладил персонаж Зигфрида, что настоящий Дональд нещадно эксплуатировал своего младшего партнера на протяжении всей его профессиональной деятельности.

Правда находится где-то посередине. Дональд, в первую очередь, был веселым и добрым человеком, которого невозможно было не любить, и Джеймс Хэрриот изобразил его именно таким. Многочисленные письма читателей это подтверждают. Миллионы поклонников считают Зигфрида Фарнона необычайно привлекательным и обаятельным персонажем. В этом отношении читатели Джеймса Хэрриота не заблуждались, но Альф скрыл от поклонников другую сторону своего партнера. Дональд, безусловно, был очень интересной и занятной личностью, но в то же время он был крайне тяжелым человеком, и многие придерживались мнения, что их партнерство выжило только благодаря терпению и мягкому характеру Альфреда Уайта.

Постоянная, повседневная работа была не для Дональда. Его никак нельзя назвать ленивым, — надо сказать, он все время чем-то занимался, — но его переменчивая натура не давала ему планомерно работать. В первые годы, когда они работали вдвоем, Альф выезжал практически на все ночные вызовы. Только когда партнер изредка уезжал в свой короткий отпуск, Дональд брал ночные вызовы на себя. Тяжелая, однообразная и утомительная ветеринарная рутина была не для Дональда Синклера.

Об этом знали только его близкие знакомые, и в старости отец иногда приводил нас в изумление своими воспоминаниями о нежелании Дональда работать. «Мы с Дональдом немного по-разному относимся к ночной работе, — много лет назад говорил

он мне. — Мне не нравится ночная работа, но я ее делаю. Он же ее любит, но не делает!»

Дональд периодически говорил мне, как он сам любит работать в неурочное время, и мягко упрекал меня, если я, промучившись всю ночь с тяжелым случаем на какой-нибудь ферме в то время, как все спали, включая Дональда, с утра был слегка раздражительным.

— Ты должен благодарить судьбу, Джим, — терпеливо втолковывал он мне. — Какое удовольствие — проснуться ранним летним утром и кататься по таким чудесным местам! Как будто ты в оплаченном отпуске!

Как ни странно, сам Дональд крайне редко наслаждался этой прекрасной стороной жизни ветеринара.

«Зовите ребят!» — как часто мы слышали этот призыв. Он очень гордился, что мы предоставляем наши услуги быстро и в любое время суток, и постоянно повторял клиентам: «Если у вас возникли какие-то сомнения, звоните без колебаний. Зовите ребят днем и ночью!»

«Ребята», одним из которых был я, не рекламировали свои услуги с подобным энтузиазмом. За двадцать пять лет, что я проработал с Дональдом, я ни разу не видел, чтобы он ездил на ночные вызовы, кроме одного периода в середине 1970-х. По какой-то необъяснимой причине он вдруг решил регулярно выезжать на фермы по ночам, — чего *никогда* раньше не делал. А ведь ему в то время было уже далеко за шестьдесят. Может, он чувствовал себя немного виноватым? Не думаю. Уверен, это было просто еще одно проявление его уникальной, непредсказуемой личности.

Нежелание Дональда работать в нормальное время на протяжении всей его профессиональной жизни служило поводом к веселью не только для Альфа, но и для многих молодых ветеринаров, трудившихся в нашей практике. На лице отца всегда появлялась легкая улыбка, когда он произносил классическую фразу, превосходно передававшую суть отношения его партнера: «Хочет работать… но не будет!»

Альф не только работал больше партнера, он еще взвалил на себя все обязанности по управлению практикой. Ему не с кем было разделить эту ношу, так как Дональд упорно отказывался взять дополнительных партнеров. Многие молодые ветеринары стремились к партнерству в Тирске, но всем им было отказано, и мне в том числе. Дональд не хотел никаких хлопот, связанных с партнерством, считая его потенциальным источником неприятностей внутри практики. Вероятно, в этом есть доля истины, но в то же время из-за упрямства Дональда практике

Синклера и Уайта не хватало стабильности, и выгодным клиентам приходилось привыкать к частой смене помощников, приезжавших к ним на ферму.

Джеймс Хэрриот был крайне лоялен в изображении своего партнера, он не показал тяжелую сторону его характера, хотя справедливости ради должен сказать, что хорошие качества Дональда всегда перевешивали его менее привлекательные черты.

Когда в 1976 году мне отказали в партнерстве, я не особенно переживал. Я знал, что однажды унаследую долю отца, но в 1944 году отец оказался в совершенно иной ситуации.

В то время у Альфа не было недостатка в предложениях. Он поддерживал связь со своим первым работодателем, Джоком Макдауэллом из Сандерленда, много общался по работе с Фрэнком Бингэмом из Лейбурна. Оба, узнав о проблемах Альфа, проявили заинтересованность в сотрудничестве с ним. Кроме того, старый друг по колледжу Эдди Стрейтон, который в тот период разворачивал крупную практику в Стаффордшире, еще в ноябре 1943 года писал ему о возможности партнерства.

В феврале 1944-го Альф поехал на разведку в Стаффорд, и ему понравилось то, что он увидел. Эдди хорошо организовал дело, и его практика процветала. Работать приходилось много — как с мелкими, так и с крупными животными. Коровы были повсюду. Стаффордшир с его бескрайними зелеными лугами, на которых паслись многочисленные коровы, был воплощением мечты Альфа. Он вернулся в Тирск, чтобы все обдумать и обсудить возможность переезда с Джоан. Эдди не торопил его, и Альфа это устраивало, так как ему требовалось время: слишком серьезным было решение, которое он должен принять. Стаффордшир хотя и чудесный край, но не мог занять место Йоркшира в сердце Альфреда Уайта. Альф отчаянно хотел остаться здесь, в графстве, которое полюбил. Следующие несколько месяцев он ни о чем другом не мог думать. В редкое свободное время он ездил по окрестностям, осматривая места, где можно было открыть практику.

Он побывал в Уитби на побережье Йоркшира. В то время там не было ветеринара, и Альф решил, что это его шанс. Однажды днем он стоял на возвышенности рядом с аббатством Уитби и смотрел на море. Ледяной северо-восточный ветер хлестал его по лицу, и, глядя на бьющиеся о берег волны, Альф подумал: «В Тирске, конечно, холодно, но здесь еще хуже!» Он снова взглянул на море. В голову ему пришла еще одна мысль: «А здесь ведь только половина практики!» Северное море не принесет ему доходов, и Уитби был вычеркнут из списка.

Альф побывал в Камбрии, где ему предложили партнерство,

но ему не понравился тамошний ветеринар. Его не привлекала перспектива провести жизнь бок о бок с человеком, который ему несимпатичен, и он отклонил предложение.

Альф лихорадочно прокручивал в голове разные варианты. Предложения Джока Макдауэлла и Фрэнка Бингэма по-прежнему оставались в силе, но он не рассматривал их всерьез. Ему не хотелось возвращаться в Сандерленд. Кроме того, что Альф полюбил прекрасную природу Йоркшира, он, вкусив жизни сельского ветеринара, больше не хотел работать только с мелкими животными. К тому же он понимал, что его рабочий день будет очень долгим, если только старый Мак не бросил пить. Предложение Фрэнка Бингэма привлекало Альфа возможностью жить среди коров в одном из красивейших уголков Англии, но при всей его любви к Фрэнку он не мог принять это предложение, понимая, что ему придется самому делать почти всю работу. Фрэнк мог часами просиживать со стаканом в руке, и Альф, зная его достаточно хорошо, чувствовал, что тот никогда не изменится. Фрэнк Бингэм очень ему нравился, но партнерство между беззаботным ирландцем и молодым честолюбивым Альфом было бы односторонним.

Предложение Эдди Стрейтона тоже немного его беспокоило. Хорошо зная Эдди, он догадывался, что тот работает как машина. Сколько Альф продержится в таком ритме? Некоторые письма, полученные от Эдди в 1944 году, дали ему пищу для размышлений.

«Я пытался выбрать время и ответить тебе, Альф, но последние две недели здесь творится настоящий кошмар. Десять дней назад с семи до восьми утра к нам поступило 14 телефонных звонков: все вызовы к крупным животным, а три из них — отел». В другом письме Эдди рассказывал: «Слава богу, наконец закончил с жеребятами (кастрация). В прошлое воскресенье я за утро кастрировал семерых. Хочу приобрести для тебя более-менее мощную машину, потому что территория большая, и эти слабенькие машинки не выдерживают нагрузки». Еще в одном он писал: «Жена видит меня всего один раз в день, часов в 6–7 утра. Одного человека хватает только на это, но вдвоем можно сделать в три раза больше».

Эдди очень хотел, чтобы Альф работал вместе с ним. Мечтая о создании партнерства Стрейтона и Уайта, он не только предложил Альфу равную долю в прибыли, но и готов был предоставить ему отсрочку для выкупа доли в практике. Этого было достаточно, чтобы склонить Альфа на его сторону. Полностью осознавая, что погружается в бурлящий котел адского труда, Альф не мог отказаться от возможности работать в

практике с огромным потенциалом. Весной 1944 года он принял предложение Эдди. Он никогда не боялся тяжелой работы и стал готовиться к партнерству со своим приятелем-трудоголиком в Стаффорде.

Сообщив Дональду о своем решении, Альф заверил его, что не уйдет, пока новый помощник не займет его место. Тот прибыл через несколько недель, и только благодаря стараниям Альфа. Во время службы на базе ВВС в Скарборо он познакомился с коллегой-ветеринаром Джимом Хэнкоком. Они вместе работали в подвале «Гранд-отеля», и Джим тогда заметил, что необычно видеть двух дипломированных ветеринаров, перелопачивающих горы кокса. Руководство ВВС, видимо, решило, что из них получилась хорошая команда, и они пошли на повышение: их поставили чистить вонючие свинарники.

Альф с Джимом Хэнкоком стали друзьями, и, приняв решение покинуть Тирск, Альф написал Джиму и предложил ему работу. Джим согласился и приехал в июле 1944 года.

Именно в тот момент планы Альфа совершенно неожиданно рассыпались в прах. Проект с Эдди Стрейтоном провалился. Эдди прислал Альфу письмо, в котором сообщил несколько тревожную информацию. Хотя ветеринарам предоставляли бронь, но, поскольку война еще не кончилась, писал он, если Альф войдет в долю в его стаффордширской практике, одного из них — по его сведениям, — могут призвать в армию.

Неожиданный поворот событий поставил двух молодых ветеринаров в сложное положение. Потратив много месяцев изнурительного труда на создание своей практики, Эдди не мог рисковать. Если бы его призвали, последствия для его процветающей, но все еще некрепко стоящей на ногах практики могли быть катастрофическими. С тяжелым сердцем он предложил Альфу отложить их планы до окончания войны — то есть на неопределенный срок. В письмах Эдди к Альфу того времени чувствуется искреннее, глубокое сожаление, но у него не было выбора.

Оставшись без работы, почти без денег и с женой и сыном на руках, Альф должен был найти хоть какой-то заработок — причем быстро. Но он не слишком упал духом. Британское сельское хозяйство было на подъеме, а значит, можно было найти хорошо оплачиваемую работу. Альф стал просматривать вакансии в «Ветеринери Рикорд», но ни одна из них его не заинтересовала. Несмотря на проблемы из-за партнерства с Дональдом, он очень хотел остаться в Тирске. Ему казалось, что это желание неосуществимо, но он ошибался.

Через несколько дней появилась возможность возобновить

карьеру в городе, который он считал своим домом, и предоставил ему такую возможность его друг Джим Хэнкок. Проработав в Тирске всего пару недель, Джим понял, что такая жизнь не для него. Он не смог приспособиться к эксцентричным методам руководства Дональда, кроме того, он лелеял идею заняться преподавательской и научной работой. Узнав о затруднительном положении Альфа и понимая, что Дональд охотно примет его обратно (мужчины оставались друзьями, несмотря на напряженность последних месяцев), Джим благородно отказался от места, предоставив Альфу возможность заново начать карьеру в Тирске.

Этот бескорыстный жест Джима Хэнкока, словно ниспосланный свыше, стал поворотным пунктом в судьбе Альфа Уайта. С того момента он занял прочное положение на лестнице финансовой стабильности, и за годы тяжелого труда и здравого смысла поднялся очень высоко. Впереди его еще ждали периоды денежных затруднений, но он никогда больше не представал в глазах своей семьи человеком, у которого ничего нет.

После отъезда Джима Хэнкока Альф чувствовал, что перст судьбы указывает ему на Тирск. Он по-прежнему не мог стать полноправным партнером Дональда, но его любовь к Тирску росла с каждым днем, а вместе с ней пришло понимание, что именно здесь он хочет построить свой дом и воспитывать своих детей.

Несмотря ни на что, Альф не мог не любить Дональда. Он хорошо его знал и сумел разглядеть в его тяжелом характере черты, которые считал жизненно необходимыми для коллеги: чувство юмора и полное отсутствие неискренности. Оставалась только одна проблема — убедить Дональда принять его в качестве полноправного партнера.

Благодаря женитьбе на Одри Адамсон стиль жизни Дональда претерпел существенные изменения. Одри, происходившая из семьи богатых судостроителей, купила прелестный загородный дом, «Саутвудс-Холл», и в 1945 году они с Дональдом туда переехали. Женившись на девушке со средствами, Дональд мог позволить себе приятно проводить время — охотиться, ловить рыбу и гулять по поместью, расположенному в чудесном месте в холмах в нескольких километрах к востоку от Тирска. Поскольку Дональд больше не испытывал финансовых затруднений, ему не было нужды напряженно работать на Киркгейт, 23. К тому же в лице Альфа Уайта он нашел старательного работника и коллегу.

Однако в конце 1945 года Альф решил, по его собственным словам, что ему «хватит быть простофилей». Теперь у него была прочная репутация среди фермеров, и, чувствуя, что положение

позволяет ему требовать от Дональда более справедливого соглашения, он снова заговорил с ним о партнерстве.

На этот раз Дональд, хоть и опять отказал ему в полноправном партнерстве, согласился предоставить Альфу равную долю в прибылях практики начиная с 1946 года, что привело к колоссальному повышению его доходов. В 1945 году он получил всего 464 фунта, — около 9 фунтов в неделю, а после разделения прибылей пополам с Дональдом он заработал 1229 фунтов за 1946 год, — скачок на 265 процентов. Эти деньги достались Альфу тяжким трудом, но он ничего не имел против. Он был на пути к успеху.

Говорили много всяких глупостей о том, что Альфа Уайта нещадно эксплуатировали на протяжении всех лет его работы ветеринаром, что он получал жалкие гроши и относился к своему старшему партнеру со смешанным чувством страха и подобострастия. Его 9 фунтов в неделю в 1945 году, безусловно, никак нельзя назвать жалованьем бедняка, а 20 фунтов в неделю в 1946-м перенесли его в разряд высокооплачиваемых работников. В 1946 году, когда Альф зарабатывал 20 фунтов в неделю, дипломированный бухгалтер, к примеру, получал вдвое меньше.

2 мая 1949 года Альф Уайт окончательно пустил корни в Тирске: он стал полноправным партнером Дональда. Альф не заплатил за это ни пенса, но ему пришлось отрабатывать свою долю другими способами, что подтверждает соглашение между партнерами: «Пункт 11. Названный Джеймс Альфред Уайт посвящает все свое время делам партнерства и усердно работает, а также прилагает все силы для соблюдения интересов упомянутого партнерства. Названный Дональд Вон Синклер уделяет делам партнерства столько времени, сколько считает нужным».

В намерения Дональда явно не входило работать не покладая рук, однако из следующего пункта становится ясно, что партнерство не было таким уж односторонним, как могло показаться: «Пункт 12. Названный Дональд Вон Синклер имеет право на две трети от платы, причитающейся ему или партнерству за профессиональные услуги, оказанные им в рамках названной практики, или на одну треть от чистой прибыли названной практики, в зависимости от того, какая сумма окажется меньше. Названный Джеймс Альфред Уайт имеет право на получение остальной суммы чистой прибыли партнерства».

Это означало, что Альфред Уайт станет зарабатывать больше Дональда Синклера, — так и будет до конца их профессиональной деятельности. Альф всегда работал больше

Дональда, но и зарабатывал больше. Он продемонстрировал терпение и решимость в достижении своей цели, — спустя больше двадцати лет эти два качества снова проявят себя, когда он будет добиваться успеха в совершенно иной области деятельности.

Договор, по всей видимости, устраивал обе стороны, так как они следующие сорок лет оставались друзьями и партнерами.

Альф всегда считал, что ему очень повезло, что он знал такого человека, как Дональд Синклер, а Дональду, в свою очередь, судьба подарила честного и трудолюбивого коллегу. Альф стал верным и бескорыстным партнером Дональда, и Джеймс Хэрриот был столь же великодушен в изображении Дональда в образе незабываемого Зигфрида Фарнона.

Альф в форме ВВС с грудным сыном

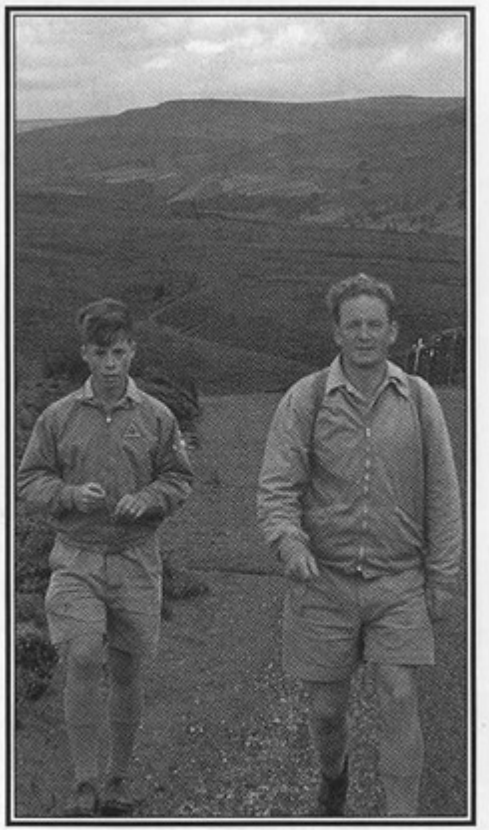
Джоан на пляже в Лландудно с Дэнни, 1951 год

Папаша и Альф с Рози и Джимми в саду на Киркгейт, 23

С матерью в Кэмпси-Феллс

Альф с Джимми и Рози, Алекс Тейлор с Линн

На пикнике с Папашей
и бабулей Уайт



Альф и Джимми в походе близ Рита в йоркширских холмах, 1957 год

Глава 14

Когда летом 1945 года Дональд и Одри Синклер переехали из дома 23 на Киркгейт в «Саутвудс-Холл», Альф с семьей вернулись из Соуэрби в старый дом в Тирске и прожили там восемь лет. Вместе с ними переехала теща Альфа Лаура Дэнбери. Его тесть, Хорас Дэнбери, умер в январе того же года, и Лаура не хотела оставаться одна в «Блейки Вью». Следующие тридцать лет «Лап», как все ее называли, будет жить с нами.

Лал не была типичной сварливой тещей из анекдотов. Это была спокойная, доброжелательная дама, с которой мы ни разу не ссорились. Она не доставляла никаких хлопот напротив, оказалась ценным приобретением, поскольку всегда охотно выполняла обязанности няньки, когда Альф с Джоан куда-нибудь уходили. Она также очень помогала Джоан управляться с большим домом — вместе с дочерью занималась готовкой и уборкой.

Несмотря на помощь Лал, содержать дом на Киркгейт в чистоте оказалось тяжелой ношей для Джоан. Альф постоянно переживал, видя, как жена днем и ночью надрывается в этом огромном доме. Она была просто одержима домашней работой и упрямо боролась, стараясь, чтобы все в доме сверкало и было в идеальном порядке. «Ради всего святого, Джоан! Перестань скрести эти каменные полы!» — этот крик мы слышали почти каждый день. Видя, что его мольбы остаются без ответа, Альф понял, что единственный способ остановить саморазрушение жены — это найти другой дом и уехать с Киркгейт. «Домомания» матери станет главной причиной нашего переезда из старого дома в 1953 году.

Все три этажа были в распоряжении семьи. Верхний этаж, где сначала жили Альф и Джоан, почти не использовался. На втором этаже располагались три спальни и ванная, а внизу — гостиная, столовая, кухня и кладовая.

В те дни работы с собаками и кошками было очень мало, и приемных и кабинетов врача попросту не существовало. Клиенты заходили прямо в дом, где их животных осматривали на маленьком деревянном столике.

Просторные и прекрасно оборудованные кабинеты, показанные в сериале и фильмах по книгам Хэрриота, были сильным преувеличением. Настоящий «Скелдейл-хаус» никогда не выглядел столь внушительно, и наши комнаты часто превращались в своего рода приемные и кабинеты. Дом с его длинными извилистыми коридорами и прелестным садом,

безусловно, обладал определенным шармом, но, в общем-то, в нем не было ничего особенного. К тому же он был ужасно холодный.

Жизнь современных специалистов по крупным животным остается нелегкой, им приходится сражаться со сложными случаями в мороз и холод, но они, по крайней мере, возвращаются в теплые помещения с центральным отоплением. Молодой Альф Уайт был лишен этой роскоши. Он возвращался на Киркгейт, 23. Мы провели там много счастливых лет, но старый дом никогда не отличался комфортом. Зимние ветра пробирались в каждую щель, сквозняки гуляли по коридорам, выложенным каменными плитами. В детстве я ходил в коротких штанишках и часто мерз. Отец в ответ на мои жалобы обычно советовал: «Бегай, Джимми, бегай!» — и я носился по всему дому, чтобы согреться.

Сейчас зимы в Йоркшире кажутся тропическими по сравнению с суровыми морозами моего детства. Снег шел почти каждый день, и с водосточной трубы свисали огромные сосульки. Окна покрывались ледяной коркой, и в моей памяти сохранились красивые зимние узоры на стеклах, — сегодня в наших теплых домах с центральным отоплением такое нечасто увидишь. Единственными источниками тепла в доме были два камина на первом этаже, топившихся углем, и жутко своенравная печь в кабинете.

Все приходилось делать очень быстро: любое промедление приводило к гипотермии. Зимой по утрам, выбравшись из-под теплого одеяла в промерзшей комнате, отец бежал вниз на кухню, чтобы разжечь камин. Его никогда, даже с натяжкой, нельзя было назвать рукастым человеком, и он был совершенно неспособен выполнять какую-либо работу по дому. Если он пытался повесить картину на стену, она неизменно падала на пол. Когда его просили поменять электрическую вилку, он долго и сосредоточенно с ней возился, потом во все стороны летели искры, и дом погружался во тьму. С тем же успехом он разжигал камин, и когда домашние по утрам спускались на кухню в поисках тепла, их ждало разочарование. Я так и вижу эту картину: из глубины камина вырываются черные клубы дыма, среди них изредка вспыхивают крошечные дрожащие языки пламени и через несколько секунд исчезают так же внезапно, как появились.

То ли дело огонь, разведенный матерью в гостиной. Она могла в считаные минуты разжечь адское пламя, и мы сидели в этом оазисе тепла, а гулявшие по комнате сквозняки теребили шторы на окнах.

Конечно, я никогда не забуду пробирающий до костей холод, царивший на Киркгейт, 23, но те морозные снежные дни навевают мне теплые и ностальгические воспоминания. Все дети любят снег, и я не был исключением. Отец относился к нему немного иначе. Для меня снег означал катание на санках и игру в снежки, ему же снег доставлял неприятности, не позволяя добраться на отдаленные фермы. Сильный снегопад 1947 года, когда с января по апрель снег шел почти каждый день, вынуждая отца по несколько дней сидеть дома, означал для него финансовые потери, которые он не мог себе позволить.

Если дома Альф жил без особого комфорта, то в машине удобств было и того меньше. Быстрые современные автомобили с теплыми уютными салонами имеют мало общего с маленькими машинками, на которых ездил Альф. Зимой долгие поездки на фермы требовали от него неимоверной выносливости. В машине не было обогревателя, и в особенно морозную погоду стекла покрывались снежной коркой, поэтому ему приходилось ехать, высунув голову из окна, чтобы не сбиться с дороги. С практически неработающими у машины тормозами и лысыми как коленка покрышками, эти поездки были не только неудобными, они были просто опасными. К счастью, движение в те дни было гораздо менее интенсивным, чем на современных дорогах.

Я вспоминаю, как мальчиком ездил вместе с отцом и мучительно страдал от холода. Я всегда был довольно шумным ребенком, и в ответ на мои возмущенные вопли он советовал пошевелить пальцами в сапогах или хлопать в ладоши, чтобы разогнать кровь.

Отсутствие подогрева лобового стекла создавало огромные неудобства, но, помню, однажды отец с гордостью продемонстрировал мне свое последнее приобретение. Это был кусок проволоки, прикрепленный к лобовому стеклу двумя присосками. Конец проволоки шел к аккумулятору, и стоило щелкнуть переключателем, как на стекле через некоторое время оттаивал небольшой квадратик.

— Смотри, Джимми! — воскликнул он, всматриваясь сквозь крошечное окошко. — Мне все видно! Разве это не чудесно?

Альфу приходилось мириться не только с дискомфортом своих первых автомобилей, но и с недостатком их мощности. Его старенький «Остин-7» разгонялся максимум до 50–55 миль в час, но при этом страшно гремел и вибрировал. На скорости 50 миль в час Альфу казалось, что он преодолевает звуковой барьер.

Эти маломощные двигатели создавали массу неудобств для тех, кто работал в холмистой местности. Одним из самых тяжелых холмов в практике был Саттон-Бэнк, крутой склон

которого представлял серьезную преграду для любого, кому надо было подняться на вершину Хэмблтонских холмов. Современный автомобиль спокойно взлетает наверх на высшей передаче, но в те годы требовалось применить инженерную смекалку, чтобы взобраться по склону. Машинам Альфа было не по силам одолеть Саттон-Бэнк, но вскоре он справился с этой задачей, разработав собственную методику. Маленькие автомобили с задним приводом — как его старенький «Остин-7», — назад ехали на первой передаче, поэтому, добравшись до подножия холма, Альф в три приема разворачивал машину и карабкался в гору задним ходом.

Несмотря на все неудобства, Альф был счастлив. Он работал в местности, которую очень любил, и в практике, которую с полным основанием мог называть своей.

В 1946 году произошло радостное событие для Альфа: его старинный друг Алекс Тейлор вернулся с войны и приехал жить в Тирск. Он воевал в африканской пустыне и в горах Джим Уайт Италии и после демобилизации надеялся найти работу в Йоркшире, рядом со старым приятелем. Алекс был помолвлен с американкой по имени Линн. Они познакомились в Риме, и девушка скоро должна была приехать к нему в Тирск.

Альф был счастлив снова видеть Алекса. Он питал особую симпатию к своему лучшему другу из Глазго. Когда родился я, он написал Алексу в Африку и попросил стать моим крестным отцом. Меня назвали Джеймсом Александром в честь человека, которого отец считал своим ближайшим другом.

Когда Алекс вернулся в Британию, он был молод, здоров, собирался жениться и готовился начать новую жизнь дома. Существовали только две маленькие проблемки: у него не было ни гроша в кармане, и он не имел ни малейшего представления, что будет делать. В этот период ему на помощь пришел Альф. Алекс несколько недель жил на Киркгейт, 23 и вместе с Альфом ездил по вызовам на фермы. Ему так понравилась жизнь на свежем воздухе, что он решил заняться фермерством.

Альф поговорил с местными фермерами, и Алекс с Линн, которые поженились в мае того же года, в скором времени поселились в Олдстеде у Томми Бэнкса, славного, уважаемого фермера с большим стадом молочных коров. Работникам на фермах платили очень мало, но Алекс получал средства к существованию и к тому же приобретал ценный практический опыт.

До внедрения механизации, когда большую часть работы выполняли вручную, каждая ферма нанимала работников. Им

приходилось косить траву, собирать урожай и чистить загоны для скота, — все это требовало тяжелого физического труда. Старое слово «батрак» имело именно такое значение. Тело у работников становилось крепким, как тиковое дерево, и хотя Алекс считал себя сильным и здоровым — за пять лет службы в армии он прошел много километров по горам Италии, — он был не готов к типичному рабочему дню йоркширского фермера.

Для начала Томми Бэнкс поручил ему перетаскать стокилограммовые мешки с зерном к дверям амбара. Сыновья Томми, Фред и Артур, легко взбегали по лестнице с тюками на плечах, но когда Алексу на плечи взгромоздили первый мешок, у него подогнулись колени, и он рухнул на пол, дрыгая руками и ногами под своей огромной ношей, будто придавленный жук. Парни на ферме повеселились от души.

После ухода с фермы Бэнкса Алекс и Линн сняли жилье в Тирске, где провели три года. Альф сумел подыскать для Алекса работу еще у нескольких фермеров, которые были хорошими клиентами ветеринарной практики.

После Томми Бэнкса Алекс устроился на работу к Бертраму Бозомуорту. Эта работа оказалась не легче, чем в Олдстеде. Она была тяжелее. В пору расцвета Берт — он жив до сих пор, — был воплощением жесткого йоркширского фермера, человека, вся жизнь которого проходит в тяжелом труде. Он работал «от заката до рассвета» и ждал того же от своих работников. Строгий, но справедливый человек.

Алекс с оттенком сухой иронии вспоминает, как в колючий мороз вставал в шесть утра и ехал за пять километров на ферму Берта на старом проржавевшем велосипеде Джоан. Там, помимо обычного каторжного труда — дойки коров, кормления животных и чистки коровника, он часами выдергивал свеклу из мерзлой земли. Каждый вечер Алекс возвращался домой в состоянии полного истощения. Он, еле волоча ноги, вваливался в дом и падал на стул, и так сидел, уронив голову и бессильно свесив руки. Когда Альф смотрел на его обмякшее тело, на потрескавшиеся руки с окровавленными пальцами, то часто думал, хорошую ли услугу оказал другу, познакомив его с жизнью фермера.

Однажды Альф приехал по вызову на ферму Берта Бозомуорта, и тот сказал ему:

— Мне нравится Алекс. Отличный малый. Знаете, я не думаю о нем как о работнике, он скорее компаньон!

Алекс Тейлор, «компаньон» Берта, от души смеется, когда мы вспоминаем те старые времена, но пятьдесят лет назад ему было не до смеха.

Есть старая поговорка: «Тяжелая работа еще никого не убивала». С этим можно поспорить. Тяжелая работа искалечила многих фермеров и ветеринаров, но такие люди, как Берт Бозомуорт, пожалуй, служат подтверждением этой поговорки. Неудивительно, что отец глубоко уважал йоркширских фермеров своего времени; некоторые из них казались ему несокрушимыми.

Хотя изнуряющий труд на йоркширских фермах едва не сломал Алекса Тейлора, он стал первым шагом молодого человека на пути к успешной карьере в области управления недвижимостью. Он никогда не забудет, какую помощь ему оказал его друг Альф Уайт в те тяжелые, суровые дни в Тирске.

9 мая 1947 года стал памятным днем для Альфа и Джоан. В тот день на свет появился их второй ребенок — дочь Рози. Альф, Дональд, Алекс и еще несколько друзей решили с размахом отметить ее рождение. Они собрались в тирском пабе «Черный конь» (питейное заведение, которого, как и многих других, больше не существует), и Альф впоследствии описал эту бурную вечеринку в своей седьмой книге «Всех их создал Бог».

Продажа спиртных напитков после определенного часа была строго запрещена, и пирушку грубо прервал местный полицейский, который внезапно ворвался в паб, угрожая всех вызвать утром к магистрату. Однако под воздействием тонкой дипломатии Альфа и его друзей служитель закона решил поучаствовать в празднике и спустя несколько часов все еще сидел в пабе. Только на рассвете компания отправилась по домам в машине Альфа, зигзагами катившей по рыночной площади Тирска. Алекс сидел сзади, отчаянно пытаясь утихомирить пьяного полицейского, выкрикивавшего непристойные ругательства в адрес машины полицейского инспектора, припаркованной под городскими часами.

Рождение Рози ознаменовало начало периода, в течение которого Альф все больше времени проводил с семьей. Несмотря на напряженный рабочий ритм, он всегда находил время для нас, особенно летом, когда в практике наступало относительное затишье. Он возил нас на море, ходил с нами в походы по холмам в окрестностях Тирска, а еще мы много ездили вместе с ним на фермы. Этот период он часто называл «одним из самых счастливых в своей жизни». Альф Уайт был не только прекрасным ветеринаром, он был любящим мужем и отцом.

С 1945-го по 1950 год в его жизни, однако, доминировала работа. Став полноправным партнером, Альф все силы отдавал практике. То были годы не только тяжелого труда, но и колоссальных перемен в его профессии, когда новые технологии

и лекарства постепенно вытесняли старые методы лечения. Хотя жизнь ветеринара стала чуточку легче, это все равно была работа не для слабака.

Однажды — я тогда еще учился в начальной школе, — отец сидел напротив меня за столом. Глаза его запали от усталости. Он полночи провозился с тяжелым отелом и выглядел более изможденным, чем обычно.

— У тебя измученный вид, Альф, — заметила мать.

Он откинул голову, посмотрел в потолок и глубоко вздохнул.

— Так и есть, — ответил он. — Утром мы попали в настоящую мясорубку!

Неудивительно, что он устал. После тяжелой ночи в коровнике они с Дональдом пережили мощный стресс, который так часто случается в жизни ветеринара. Их вызвали на ферму близ Бидейла кастрировать огромного коня. В те дни Дональд и Альф делали эту работу «стоя» — оперировали животное под местной анестезией. Этот метод требовал большой осторожности и сноровки. Многие ветеринары получали серьезные увечья и даже погибали от жестоких ударов, нанесенных пациентом.

Потеря семенника, естественно, не входила в планы этого животного, и он оказался трудным пациентом. Дональд только приступил к делу, как почувствовал легкое дуновение ветерка у своего лица. Нож, который он держал в руке, волшебным образом испарился. Молниеносный удар, выбивший нож из рук Дональда, прошел всего в нескольких сантиметрах от его головы. Вот тогда и началось настоящее представление.

Альф с Дональдом, благодарившим Бога за то, что остался жив, вывели коня на поле и надели ему намордник с хлороформом, — было решено провести операцию под общим наркозом. Конь бурно отреагировал на эти манипуляции, взвился на дыбы и пулей понесся по полю, потащив за собой Альфа, мертвой хваткой вцепившегося в веревку. Зрелище, по-видимому, было занятным, но вскоре услуги Альфа оказались ненужными. Хлороформ начал действовать, и огромный конь проломил забор, огораживающий сад, разровняв в процессе цветочную клумбу. Наконец все было кончено: Альф сидел на голове коня, а Дональд быстро оперировал среди смятых цветов.

За этим увлекательным спектаклем наблюдал хмурый хозяин сада, — судебное разбирательство вполне могло стать еще одним пунктом повестки дня.

Помню, отец говорил мне, когда я был еще очень молод:

— Удалить тестикулы у коня очень просто. Настоящее искусство — убедить его с ними расстаться! — Помолчав несколько секунд, он добавил: — Однажды — не знаю когда, —

кто-нибудь придумает препарат, который будет помещаться в небольшой шприц. Одна инъекция — и конь мирно падает на землю. К нему подходит ветеринар и делает свое дело, — никаких криков, никаких мелькающих перед лицом копыт, просто спокойная, профессиональная операция!

Пророческие слова! Сейчас в нашей практике мы вводим пациенту небольшую дозу анестетика, а потом благополучно выполняем свою работу. Какой контраст с теми захватывающими приключениями, которыми «наслаждался» Альф в свои лучшие годы! Часто цитируют его слова, сказанные в 1992 году: «Мне нравится писать о моей работе, потому что я ее любил, и во времена моей молодости она была особенно интересной. Для меня она была чем-то вроде оплачиваемого отпуска. Мы много смеялись. Сейчас в ней больше науки, но меньше смеха». Как известно читателям Джеймса Хэрриота, смеха действительно было много, и было забавно вспоминать разные веселые случаи, — но в то время они не казались такими уж смешными. Помню, мальчиком я громко смеялся, когда мне рассказали о приключении с конем, но я не помню, чтобы отец разделял мой восторг.

Огромные перемены в профессии ветеринара происходили на глазах Альфа Уайта. Проработав больше сорока лет, он, как никто другой, имел полное право писать об изменившемся облике ветеринарной практики. В те времена работа требовала больших физических усилий. Ее мог выполнять только мужчина, и чем сильнее он был, тем лучше. Помимо принятия родов у коров и лошадей, день ветеринара был заполнен такими процедурами, как обрезка копыт, туберкулинизация и удаление рогов, и хотя многие задачи сегодняшних ветеринарных врачей тоже требуют тяжелого физического труда, они располагают более эффективными лекарствами и современным оборудованием.

В 1950-х сельскохозяйственная промышленность решила, что крупному скоту лучше будет без рогов, и Альф провел много часов, отпиливая их или отрубая с помощью так называемой гильотины. Это была тяжелая работа. Рога часто были твердыми, как гранит, и обезроживание больше напоминало бойню, чем хирургическую операцию. Однако эта процедура требовала определенных навыков, и многие ветеринары гордились хорошо и профессионально выполненной работой. Альф урчал от удовольствия, когда через шесть-восемь недель видел плоды своего труда — гладкие ровные бугорки на голове в том месте, где раньше красовалась пара зловещего вида рогов.

Ампутация рогов была грубой и трудной работой, но роды у коровы и лошади иногда проходили еще тяжелее.

Сельскохозяйственные животные, которые никогда не отличались склонностью к сотрудничеству с ветеринаром, почему-то предпочитают рожать в темное время суток. Соответственно, в начале своей ветеринарной карьеры Альф работал в те часы, когда большая часть страны спала. Помимо прочих неудобств, ему часто приходилось раздеваться до пояса. Колючий ветер набрасывался на обнаженное тело, и работа в столь жестких условиях сыграла свою роль. Дыхательная система Альфа давала сбои с цикличной закономерностью: он начинал кашлять в ноябре и переставал только в следующем мае.

Его самая первая книга неслучайно начинается с отела. Некоторые впечатления, полученные в холодных коровниках, сохранились в его наиболее ярких воспоминаниях о трудных старых временах.

Один из самых тяжких моментов карьеры Альфа случился утром в первый день нового года. В два часа ночи он забрался в постель, бурно отпраздновав Хогманей[4], — не зря же он столько лет прожил в Шотландии! Ровно в шесть утра тишину прорезал пронзительный телефонный звонок. Альф нащупал трубку и услышал резкий голос йоркширского фермера. Новый год мало значил для этих людей, и они не тратили времени на поздравления.

— Говорит Стэнли Даффилд из Килбурн-Паркса. У меня корова телится. Приезжайте скорей!

Стэн Даффилд, верный клиент практики, олицетворял собой честных трудолюбивых йоркширцев, которых любил и уважал Альф, но в то утро у него не было никакого желания с ним встречаться.

Помимо физической нагрузки на организм, одной из главных проблем ветеринара в те дни было ограниченное число лекарств для борьбы с инфекциями. Единственным средством были сульфаниламиды химической компании «Мей и Бейкер», появившиеся в начале 1940-х годов, и записи в старых журналах Синклера и Уайта свидетельствуют о широком использовании сульфаниламидов. Их производили в форме порошка, который смешивали с водой и вливали животным в глотку. Много жизней было спасено с помощью этого препарата.

Огромным шагом вперед стало появление сульфамидных препаратов для инъекций. Один, известный под названием «Пронтозил», был намного эффективнее вливаний, но настоящий переворот в лечении инфекций произошел через пару лет, когда изобрели антибиотики. В первые годы их использования результаты часто превосходили ожидания: на следующее утро после одного укола в крестец животное с высокой температурой

чудесным образом выздоравливало. В период с конца 1940-х до начала 1950-х Альф испытывал колоссальное удовлетворение от своей работы, к тому же ему удавалось произвести грандиозное впечатление на клиентов. Вооруженный шприцем ветеринар приобрел статус волшебника в глазах некоторых пожилых фермеров.

Интенсивное сельскохозяйственное производство в наши дни привело к появлению болезней, о которых много лет назад даже не слышали, — эти болезни часто плохо поддаются лечению антибиотиками. Ветеринара больше не считают «волшебником с иголкой», но Альфу посчастливилось работать в золотые годы антибиотиков, наслаждаясь удивительными результатами после простого «укола в зад».

Дональд Синклер не замедлил воспользоваться ситуацией. Однажды его вызвали к свинье с рожистым воспалением — острым инфекционным заболеванием, бурнореагирующим на инъекцию пенициллина. Хозяином свиньи был мелкий фермер Томми Барр, и Дональд решил немного покрасоваться. Каждый случай он всегда «представлял в черном свете». «Никогда не говорите, что животному станет лучше, — обычно наставлял он молодых помощников. — Скажешь, что оно поправится, а оно умрет — все, ты влип! Скажешь, что оно умрет, и оно действительно умрет — что ж, значит, ты был прав. Но если оно выживет, ты — герой!» Та свинья была очень больна. Сплошь покрытая багровыми пятнами, она безжизненно лежала на боку, но Дональд знал, что после его инъекции она станет как новенькая. Он сделал мрачный прогноз, но на следующий день свинья, как и следовало ожидать, с аппетитом жевала все подряд. Томми Барр был потрясен.

Неделю спустя Томми пришел оплатить свой счет. Когда Альф выдал ему расписку, он, широко открыв глаза, с глубоким почтением произнес:

— Мистер Уайт, говорю вам, это было чудо!

Альф был доволен и немного удивлен. Он не привык слышать, чтобы работу ветеринара описывали в столь пылких выражениях.

— Рад за вас, мистер Барр, — ответил он.

Но Томми еще не закончил.

— Ага, мистер Синклер зашел в свинарник, а она там, бедняжка, вся в пятнах. Я думал, она умрет, и он тоже. — Томми перевел дыхание. — Он посмотрел на меня, и я посмотрел на него, потом он посмотрел на свинью. Я видел по его лицу, что дело плохо. Потом он покачал головой и сказал: «Эх, Томми! Боюсь, мы опоздали!» — Глаза Томми открылись еще шире. — Но

мы не опоздали, мистер Уайт! Он вколол свинье лекарство! Это чудо, говорю вам!

После того случая применения искусства и науки в повседневной работе ветеринара Томми Барр смотрел на Дональда как на бога.

Кроме появления антибиотиков, помощи отец получал мало. Но, по крайней мере, он объезжал фермы не один. Я с двух лет сопровождал его, и моей основной работой было открывать ворота и подавать инструменты. Я считал эти обязанности чрезвычайно важными. Уверен, те дни, когда я «помогал» отцу, повлияли на мое решение пойти по его стопам. Его любовь к работе не могла не произвести впечатления на такого мальчика, как я.

Моя сестра Рози тоже скоро стала его сезонным компаньоном. Как и я, она потом выразила желание стать ветеринарным врачом, но отец не разделял ее энтузиазма. Он считал, что эта работа слишком тяжела для женщины. В те времена среди ветеринаров было очень мало женщин, хотя сейчас все изменилось. Большинство выпускников — женщины, и те из них, кто специализируется на крупных животных, прекрасно справляются, но я понимаю чувства отца. Его отнюдь не привлекала мысль, что дочь будет в одиночестве ездить по далеким фермам и лечить какую-нибудь норовистую корову весом в полтонны в заляпанном навозом коровнике. Он прекрасно знал — по собственному опыту, — что коровы не питают особого уважения к людям, будь то мужчина или женщина.

По поводу меня отец не испытывал беспокойства и был рад, что я в столь раннем возрасте проявляю интерес к его работе, но ему приходилось быть очень терпеливым. Моя «помощь» в машине была весьма сомнительного свойства. Я в буквальном смысле не умолкал ни на минуту, засыпая его глубокомысленными вопросами, к примеру?

— Папа, что быстрее — скорый поезд или гоночная машина?.. Пап?.. *Пап?..* ПАП?!

Вероятно, необходимость отвечать на эти сложные вопросы ему мешала, так как голова у него была занята совсем другим. Помню, как он ехал по холмам с остекленевшим взглядом, прокручивая в голове детали тяжелых случаев и разные другие проблемы, к примеру, как дальше развивать практику, или как скопить денег на покупку собственного дома? Думаю, он уставал от громких рассуждений своего шумного маленького сына, прерывавших его мысли, но обычно ему удавалось найти удовлетворительный ответ, за которым, правда, следовал новый залп вопросов.

Рози и я много ездили с отцом, но был еще один пассажир, который редко пропускал визиты на ферму. Верный товарищ, больше десяти лет сопровождавший его днем и ночью, — заядлый путешественник, который дулся несколько дней, если отец опрометчиво оставлял его дома. Звали его Дэнни.

Глава 15

— Альф, где Дэнни? — Джоан Уайт в упор смотрела на мужа, в ее голосе слышалось напряжение.

— Дэнни? О Боже! Я оставил его в Айсгарт-Фоллс!

Альф только что вернулся с йоркширских холмов, где целый день брал туберкулиновые пробы, и мечтал отдохнуть, но он, не раздумывая, вернулся в машину и среди ночи помчался в Айсгарт, за сорок километров от дома. У него было столько дел, что он совершенно забыл о своем маленьком товарище. Он только надеялся, что сможет найти его.

В годы литературной славы Альфа — Джеймса Хэрриота — часто спрашивали: «Какое ваше любимое животное?» Он неизменно давал один и тот же ответ: «Определенно собака».

Собаки всегда играли важную роль в жизни Альфа. С первых дней работы лохматые четвероногие друзья сопровождали его в поездках. В его книгах много рассказов о собаках, и в 1986 году вышла антология «Истории о собаках».

В напряженные рабочие дни Альф всегда находил время, чтобы погулять с собаками. Остановив машину, он вместе с любимыми животными бродил по холмам и долинам. Эти прогулки доставляли ему огромную радость и снимали напряжение, накопленное за день. Как бы занят он ни был, он всегда находил время для своих питомцев.

Первый год в практике он работал без собаки, но недолго. Приданое Джоан состояло не только из половины свиньи. У нее был пес, который стал первым в череде четвероногих товарищей, изъездивших тысячи километров с ее мужем и исходивших сотни. На поиски именно этого маленького белого существа загадочной породы Альф отчаянно мчался среди ночи в йоркширские холмы около пятидесяти лет назад.

Дэнни был комком мышц и шерсти, его подарил Джоан один из ее ухажеров. Никто не знал, какой он породы. Мы всегда считали его уэст-хайленд-уайт-терьером, но в его жилах текла густая кровь многих неизвестных пород.

Излучавший самоуверенность Дэнни был бесконечно предан моему отцу. Смысл своего существования он видел в поездках с отцом — куда угодно. Оставить его дома — означало нанести ему страшное оскорбление. В этих редких случаях он дулся, причем весьма эффективно: из-под кровати выглядывал маленький нос, распространяя вокруг волны обиды и негодования, и отец неизменно чувствовал себя виноватым.

На Киркгейт, 23 машины стояли в гараже в самом конце

длинного сада, и Альфу приходилось пробираться к нему в темноте, когда его вызывали среди ночи. Ему не нужно было звать Дэнни. Он знал, что маленькое щетинистое существо уже трусит рядом. В темном гараже он на секунду приоткрывал дверь, и Дэнни тихо проскальзывал внутрь. Альф никогда не чувствовал себя одиноким, выезжая на ночные вызовы в начале своей карьеры.

Альф в ужасе катил по дороге в Айсгарт-Фоллс на поиски пса: как он мог так поступить со своим верным другом? Ему не стоило волноваться. Когда он подъехал к мосту через реку, фары высветили маленький белый комочек, терпеливо сидевший на обочине. Дэнни, по всей видимости, не сходил с места после того, как отец оставил его там несколько часов назад. Запрыгнув в машину, он гордо сидел рядом с отцом всю дорогу до Тирска. Своим упорядоченным маленьким умом он воспринимал это происшествие как непонятное отклонение от привычного распорядка.

Дэнни не выглядел худым; напротив, он казался круглым, как мячик. Однако под густой белой шерстью скрывалось сильное, жилистое тело. В редкие случаи, когда его мыли, мы с ужасом смотрели на тощее существо, которое выскакивало из ванны и с презрительным видом исчезало в саду.

В те дни собак свободно выпускали на улицу, и Дэнни знал каждый темный закоулок в Тирске. Он стал ветераном многих сражений. Здесь его плотная шерсть была преимуществом. Похоже, сам он никогда не провоцировал драку (обычно его задирали большие собаки), но умел за себя постоять. Наблюдать за Дэнни в действии было очень интересно, — он демонстрировал чудеса тактического искусства. Часто казалось, что неприятель одерживает верх, но ему удавалось выхватить лишь клок белых волос, а тем временем его маленький противник, проскочив под брюхом большого пса, кусал его снизу. Эти короткие яростные сражения обычно заканчивались тем, что более крупная собака, истекая кровью и прихрамывая, убегала прочь, а маленький Дэнни, весь покрытый слюной, небрежно отряхивался и трусил дальше по своим делам.

Он был не только опытным бойцом, но и искусным крысоловом. Этому занятию он с восторгом предавался на заднем дворе. Отец держал кур в старой конюшне, которую осаждали крысы. Они забирались в клетки и бегали среди кур, пожирая весь корм, — это наносило серьезный удар по кошельку отца. Он, Дэнни и я работали в команде. Я светил фонарем, а отец затыкал крысиные норы, чтобы они не сбежали. Потом длинной палкой выгонял крыс из клеток.

Крысы выпрыгивали на пол, где, дрожа от нетерпения, их поджидал маленький пес. Одного укуса ему было достаточно. В своих детских воспоминаниях я отчетливо вижу Дэнни, с горящими глазами поджидающего следующую жертву.

Этот самоуверенный маленький пес всегда ездил с нами в Глазго, и в моей памяти сохранилась такая картина: белая фигурка трусит одна по улице рядом с домом бабушки и дедушки. Он не испытывал никакого страха в незнакомом городе.

Дэнни придерживался спартанской диеты, сохраняя крепкую, жилистую форму. Он никогда не был обжорой и презрительно отворачивался от сочных кусков мяса, которые другие собаки проглотили бы в одну секунду, но у него было одно любимое блюдо — оладьи с молоком и сахаром. Джоан много лет кормила его этим лакомством, изредка он любил погрызть сахарную косточку, и на таком необычном рационе Дэнни дожил до преклонного возраста. Производство собачьего корма теперь стало огромной индустрией, разрабатываются специальные диеты, чтобы собаки оставались здоровыми до самой старости. Не знаю, что сказал бы современный диетолог о диете Дэнни, но она определенно подходила нашему маленькому другу.

Еще один старый друг вскоре вновь появился в жизни Альфа. В конце 1949 года Альф с радостью узнал, что Брайан Синклер возвращается в Йоркшир.

Брайан в конце концов окончил Эдинбургский ветеринарный колледж и записался в военный ветеринарный корпус. Его отправили в Индию, где он, по его словам, «занимался изучением бесплодия и большую часть времени проводил, хлопая по заду водяных буйволов».

Хотя Брайан много часов потратил на исследование этих темных неизведанных уголков, его заинтересовала проблема бесплодия, и он продолжил ее изучение, перейдя на работу в министерство сельского хозяйства на севере Шотландии, в Инвернессе. Там он провел три года, потом вернулся в Йоркшир и, вновь под эгидой министерства сельского хозяйства, трудился в диагностической ветеринарной лаборатории Лидса. Здесь он оставался до самой пенсии.

Поскольку Брайан и Альф теперь обзавелись семьями, шальные выходки десятилетней давности остались в прошлом, но поскольку Брайан купил дом в соседнем Харрогите, они с Альфом часто встречались, — для Альфа это был глоток свежего воздуха в его напряженной жизни. С тех пор друзья не теряли связи друг с другом.

Примерно в то же время, когда вернулся Брайан, другой

большой друг Альфа, Алекс Тейлор, покинул Тирск. Альф узнал о вакансии на должность помощника главы муниципалитета, Алекс подал заявление, и его взяли. Через некоторое время они с Линн переехали в Уитби на побережье Йоркшира. Вскоре Алекс сдал экзамены и получил квалификацию управляющего фермами в крупных имениях. Он уехал из Йоркшира в 1954 году, и хотя работал в разных отдаленных уголках Британских островов, всегда поддерживал связь со своим старым другом.

Спустя годы Алекс с благодарностью вспоминал, что многим обязан Альфу, который помог ему устроиться на работу и поддержал в трудный финансовый период его жизни:

— Он направил меня по верному пути и всегда был мне хорошим другом.

В первые послевоенные годы Альф жил по жесткому графику. Он работал семь дней в неделю, почти каждую ночь и в выходные выезжал на вызовы, но все же находил время для своих многочисленных увлечений.

Одним из них была музыка. Хоть он и не стал профессиональным музыкантом (правда, прекрасно подбирал мелодии по слуху), музыка всегда составляла важную часть его жизни. Он любил музыку самых разных жанров и мог с равным удовольствием слушать дома Бинга Кросби или Фрэнка Синатру и, сидя в концертном зале, упиваться волшебными звуками оперы Пуччини.

В 1949 году Альф купил радиолу. Это устройство, объединяющее радиоприемник и проигрыватель, было самым роскошным предметом обстановки, на который он долго копил деньги, — и он сидел перед ним долгими зимними вечерами, наслаждаясь музыкой любимых композиторов: Бетховена, Моцарта, Брамса, Чайковского и многих других. Альф завороженно слушал божественный голос своего любимого тенора Беньямино Джильи — точно как его отец, который без конца слушал великого Карузо на своем стареньком граммофоне в Глазго.

Страсть к спорту тоже обеспечивала Альфу благословенные перерывы в работе. Его футбольная команда, «Сандерленд», была слишком далеко, но он мог смотреть футбол первого дивизиона на матчах местной команды «Мидлсбро». Вместе с другими болельщиками — Сирилом Дейлом, Биллом Спенсом, Морисом Пекитом, Реем Хартом — он часто ездил на стадион «Эйрсом-Парк» и вскоре стал ярым болельщиком «Мидлсбро».

Дядя Стэн, однако, позаботился, чтобы Альф никогда не забывал о своей приверженности красно-белым полоскам

«Сандерленда», и во время сезона каждую неделю отправлял в Тирск «Футбольное обозрение Сандерленда». После смерти дяди Стэна традицию продолжил его зять Джон Ивз, и Альф всегда был в курсе событий.

Через любовь к футболу он познакомился с человеком, который стал его другом на всю жизнь. Гай Роб, фермер из деревни Каттон в окрестностях Тирска, вместе с Альфом мотался за тысячи километров, чтобы посмотреть футбол. Эрудированный и остроумный Гай был намного старше Альфа, и они провели много часов в приятных беседах, пока добирались по изъезженным дорогам на футбольные площадки.

Гай был хорошим наездником и часто охотился, но в то же время фанатично болел за крикет и футбол, что довольно необычно для любителей охоты. Этот истинный джентльмен одинаково свободно чувствовал себя на местном балу охотников, потягивая дорогое вино, и на залитых дождем трибунах стадиона, отхлебывая водянистый бульон из кружки и обсуждая игру с другими болельщиками.

Сестра Гая, Китти, тоже ставшая добрым другом Альфа, была известным заводчиком пембрукских, или уэльских, корги и клиентом практики. Однако она была полной противоположностью Гаю. Эта маленькая, кругленькая леди не вынимала изо рта сигарету, пила как сапожник и не задумывалась о том, что говорит и кому говорит. Гай был спокойным и сдержанным, Китти же открыто высказывала свое мнение.

Она обладала острым умом, и Альф провел немало забавных минут во время визитов в ее питомник. Он любил вспоминать, как однажды она вступила в жаркий спор с одним врачом по поводу здорового образа жизни. Этот врач, высокий и худой, в отличие от Китти, никогда не пил и не курил, ел умеренно и только здоровую пищу.

Спор дошел до критической точки, когда врач окинул взглядом стоявшую перед ним плотную, коренастую фигуру.

— Мисс Роб, — сказал он, — должен признаться, если бы вы пришли ко мне на прием, я был бы просто обязан посадить вас на строжайшую диету!

Смерив ледяным взглядом его худощавое тело, Китти мгновенно парировала:

— Доктор, если бы вы заглянули ко мне в питомник, первое, что я сделала бы, — это вывела у вас глистов!

Альф, как и Гай Роб, был страстным крикетным болельщиком и, когда мог, ездил на стадион «Хедингли», где проходили домашние турниры Йоркширского крикетного клуба, или на ежегодный крикетный фестиваль в Скарборо.

Альф был не только болельщиком. Он и сам участвовал в спортивных состязаниях по теннису, в который хорошо играл с детства. Он регулярно ходил в Тирский спортивный клуб и играл в местной Теннисной лиге. Пока Алекс Тейлор жил в Тирске, он тоже был членом клуба, и они с Альфом стали грозной командой, выигравшей множество матчей. Джоан тоже неплохо играла. В школе она всегда превосходно играла в хоккей и теннис, и благодаря ее отличной реакции они с Альфом провели много интересных матчей на корте клуба.

Первые десять лет работы Альф позволял себе только полдня отдыха в неделю. Четверг считался его выходным. Эти несколько часов он проводил в Харрогите. Они с Джоан полюбили этот очаровательный курортный город, который фигурирует в книгах Хэрриота под названием Бротон. До последних лет жизни Альфа они следовали традиции и каждый четверг ездили в Харрогит. В ранние годы их визиты проходили по определенной схеме. Первым пунктом стояла еда.

Альф и Джоан всегда любили поесть, но то, как они орудовали ножом и вилкой в выходной Альфа, производило особое впечатление. Четверг, как обычно, начинался с плотного завтрака. Потом оба нагуливали аппетит: Альф — разъезжая по вызовам, а Джоан — надраивая до блеска и без того чистые каменные полы на Киркгейт. Днем они отправлялись в Харрогит, останавливаясь по пути в «Красном льве», известной гостинице в Саут-Стейнли, которая славилась своей кухней. После обильного обеда из трех блюд они ехали дальше в Харрогит и следующие пару часов бродили по магазинам. Потом голодные спазмы вели их в кафе «У Бетти». Там они непринужденно поглощали салаты, рыбу с жареной картошкой и аппетитный десерт. Им было удивительно хорошо в чистеньком, уютном кафе с улыбчивыми официантками и тихим позвякиванием изящной фарфоровой посуды, разительно отличавшемся от суровых будней на холодных йоркширских фермах.

Следующим пунктом в программе было кино. На выходе из темного зала кинотеатра их атаковали волшебные ароматы, сочившиеся из «Луи», соседнего ресторанчика.

Луи, маленький веселый итальянец и искусный повар, держал небольшое кафе. Здесь чета Уайтов ставила последнюю точку, с удовольствием уминая огромные тарелки спагетти или других восхитительных блюд итальянской кухни. Харрогит был чудесным убежищем для Альфа и Джоан: там они могли забыть о шуме и суете Киркгейт с разрывающимся от звонков телефоном. В 1979 году Альф с любовью писал об этом городе в фотоальбоме

«Йоркшир Джеймса Хэрриота»: «Я люблю свою работу, но она очень напряженная, и мы с Хелен испытывали невероятное чувство освобождения, когда бродили по улицам этого прелестного городка. Даже сейчас, стоит мне выйти из машины в Харрогите, и я тотчас расслабляюсь, чувствую, как меня отпускают напряжение и усталость».

Однажды в кафе «У Бетти» к Альфу и Джоан подошел мужчина и спросил, обращаясь к Альфу:

— Простите, вы не Джордж Дональдсон?

— Нет, — удивился Альф. — А почему вы спрашиваете?

— Вы очень похожи на Джорджа Дональдсона, — ответил тот. — Мы вместе учились в школе Страталлане.

— Я знаю только одного человека из Страталлана. Это Гордон Рэй, ветеринар из Боробриджа. Но я никогда его не встречал.

— Теперь встретили, — сказал мужчина. — Это я!

Гордон Рэй засмеялся — и будет еще много лет смеяться вместе с Альфом. Эта встреча положила начало дружбе между Гордоном с его женой Джин и Альфом с Джоан. Следующие двадцать пять лет они встречались в Харрогите почти каждый четверг.

Если бы мне пришлось считать самых лучших друзей отца по пальцам одной руки, Гордон Рэй непременно оказался бы в их числе. Родом с северо-запада Шотландии, он управлял практикой в Боробридже, городке неподалеку от Тирска, и относился к тому типу людей, которые нравились моему отцу. В Гордоне не было «второго дна»: его дружелюбное лицо светилось честностью и порядочностью, и после нескольких минут общения казалось, что знаешь его всю жизнь.

Несмотря на более прочное финансовое положение, чем у моего отца, Гордон не тратил время на роскошь. Больше всего он любил ходить по горам и жить в палатках со своими детьми. Я отчетливо помню, как Гордон, тихо насвистывая, бросает в багажник сапоги и рюкзак, и его улыбающееся лицо светится от удовольствия. В отличие от моего отца, он не увлекался спортом или музыкой, но, кроме того, что им было весело вместе, оба любили дикие высокогорья Британии, где они проводили много времени, гуляя и смеясь. Это так сцементировало их дружбу, что Джин и Гордон несколько раз ездили с нами в отпуск.

Как и Альф, Гордон в то время работал в практике не покладая рук и рассказывал много забавных историй. Альф весело смеялся над рассказами Гордона о его победах и поражениях, и его успокаивала мысль, что многие его коллеги-ветеринары ведут такую же трудную жизнь, что и он. Альф

никогда не скучал в обществе Гордона Рэя.

В 1949 году ветеринарная практика в Тирске стала слишком оживленной для двух ветеринаров, и Дональд с Альфом наняли своего первого служащего — Гарольда Уилсона, железнодорожного клерка на пенсии. До этого времени Джоан — кроме того, что почти постоянно отвечала на звонки, — помогала вести бухгалтерию, но с увеличением семьи и работы по дому нагрузка стала для нее непосильной. Срочно требовалось привести все бумаги в порядок. Кабинет был усеян обрывками бумаг с каракулями Дональда, деньги торчали из ящиков стола и из горлышка стоявшего на каминной решетке литрового горшка, который Джеймс Хэрриот потом опишет в своей первой книге.

Гарольд Уилсон, в отличие от своих нанимателей, с арифметикой дружил и довольно быстро привел дела в порядок, но ему стоило больших трудов добиться сотрудничества со стороны Дональда. В книге «Если бы они умели говорить» Джеймс Хэрриот описывает первого секретаря практики «мисс Харботтл», которая ведет войну с Зигфридом, пытаясь свести дебет с кредитом. Этот персонаж был весьма приблизительно списан с Гарольда Уилсона и может служить примером, как Альф скрывал прототипов своих героев, меняя их пол.

Между Гарольдом и Дональдом часто происходили стычки. Гарольд не выносил неорганизованность Дональда в управлении делами, а Дональда раздражала привычка Гарольда громко покашливать, привлекая его внимание, — как правило, в самый неподходящий момент. Дональда никогда не отличался терпением, и в такие моменты он реагировал особенно бурно, но, несмотря на эти вспышки, Гарольд оставался ценным и преданным работником практики больше десяти лет.

Хотя Гарольд взял на себя все делопроизводство, работы в практике становилось все больше, и вскоре стало очевидно, что двоим с ней не справиться. Вдобавок Дональд пускался в разные предприятия, пытаясь найти другие способы заработать денег, и проводил много времени вне практики. Альфу приходилось нести дополнительную нагрузку.

За всю жизнь у Дональда Синклера было множество самых разных интересов. В 1950-х и начале 1960-х он увлекался стрельбой, рыбалкой и охотой, а также держал свору биглей, а потом гончих.

Одним из самых стойких его увлечений были голубиные гонки. В «Саутвудс-Холле» он держал очень хорошую стаю и считался признанным знатоком голубей. Любители голубей со всей Северной Англии спрашивали у него совета. Однажды я

поинтересовался, нравится ли ему быть голубиным доктором, после того как он был специалистом по лошадям.

— Очень, — ответил он. — Голуби не лягаются!

Помимо этих увлечений, Дональд пускался в разные авантюры, способные, по его мнению, принести огромную прибыль, — иногда он добивался успеха, а иногда его авантюры заканчивались полным провалом. Самым успешным его предприятием было выращивание елок на холмах в окрестностях «Саутвудс-Холла», которое началось больше тридцати пяти лет назад и до сих пор приносит прибыль, спустя годы после смерти Дональда.

Его ранние деловые начинания в то время, когда они с Альфом еще работали вдвоем, не были столь прибыльными. В конце 1940-х годов с помощью Одри он купил две фермы в окрестностях Тирлби, Бампер-Касл и Лоу-Кливз, и, соответственно, стал по совместительству фермером. Естественно, управлял он фермами в свойственной ему эксцентричной манере, и обе несли убытки. Дональд вернулся к фермерству в 1970-х и держал в Саутвудсе стадо коров с подсосными телятами; на этот раз его предприятие оказалось чуть более успешным.

В конце 1940-х годов, помимо ферм, он вынашивал другие необычные замыслы. Одним из них было изобретение сложной проволочной конструкции, предназначенной для защиты кур на свободном выгуле. Она открывала курам вход в безопасный загон, где их не могла достать лисица. Оригинальное приспособление Дональда не только преграждало путь хищнику, но и не давало курам выбраться из убежища. Он окрестил свое изобретение, на которое возлагал большие надежды, «Патентованная предохранительная дверца Синклера».

К его великой радости, он получил заказ на большую партию этих устройств. Он договорился в местных механических мастерских об их изготовлении, и как-то в понедельник утром повез их на тирский рынок, чтобы заключить сделку с покупателем. Нетерпеливо вышагивая около огромной кучи металла, Дональд прождал несколько часов, но его «клиент» так и не появился.

Альф хорошо запомнил тот день. Ближе к вечеру Дональд, перегрузив свой товар, подъехал к двери дома 23 на тракторе с горой металлолома в прицепе.

— Боже мой, Альфред! — закричал он. — Я чуть не надорвался, притащив сюда эти чертовы дверцы, а мерзавец так и не явился за ними! Что мне теперь делать со всеми этими железками?

«Предохранительные дверцы» вернулись в «Саутвудс-Холл», где мирно ржавели в течение многих лет. Но Дональд не падал духом и вскоре принялся воплощать в жизнь другие замыслы. Он решил создать передвижной магазин, продающий жареную рыбу с картошкой, дав ему многообещающее название «Золотая рыбка». Этот теоретически доходный магазин колесил по окрестным деревням, но, к сожалению, не оправдал своего названия. Дональд нес огромные убытки, а вот у нанятых им работников дела шли гораздо лучше. Они реализовали весь товар, прикарманили деньги и исчезли. «Золотая рыбка», как и ржавеющие дверцы, скоро была забыта.

Многие говорили, что партнерство Дональда Синклера и Альфа Уайта было гармоничным. Дональд всегда был полон идей — иногда хороших, иногда безумных, а Альф доводил их «до ума». На протяжении всех лет их совместной работы выходки Дональда служили неистощимым источником веселья для Альфа, но временами ему совсем не хотелось смеяться, особенно в тот напряженный период в конце 1940-х, когда Дональд часто отсутствовал, занимаясь своими делами.

Им была нужна помощь, и в июле 1951 года она пришла. Молодой человек по имени Джон Крукс стал первым из длинной череды помощников, вошедших в клинику на Киркгейт.

Глава 16

«Чудесно иметь помощника, особенно такого хорошего, как он. Он всегда внушал мне симпатию, но когда меня вызвали на отел в три часа утра, и я передал вызов ему, а сам повернулся на другой бок и снова заснул, моя симпатия переросла в чувство глубокой привязанности», — эти слова из последней книги Джеймса Хэрриота «Все живое» имеют особое значение для ветеринарных врачей, удостоенных сомнительной чести мчаться на рассвете на холодную ферму, выскочив из теплой постели.

Появление Джона Крукса внесло новый смысл в жизнь Альфа Уайта. В первые десять лет работы ветеринаром он почти каждую ночь ездил по вызовам, и возможность послать на далекую ферму кого-то другого вызывала в нем ощущение восторга и чуда: «Впервые в жизни кто-то работает на меня!»

Джон не только хорошо знал свое дело, он был приятным человеком и нравился клиентам. Для Альфа начало 1950-х годов было очень счастливым. Они с Джоном стали большими друзьями, и в клинике царила атмосфера веселья и юмора. В то время практика процветала. Сельское хозяйство бурно развивалось, фермеры стали более образованными, и ветеринары должны были соответствовать, — идеальные условия для такого умного молодого человека, как Джон Крукс.

Джон провел в Тирске почти три года. Он уехал в мае 1954-го и основал собственную практику в Беверли. В конечном счете он добился признания своих заслуг, став президентом Британской ветеринарной ассоциации в 1983 году. Однако, несмотря на высокое положение, он не забыл свое скромное начало в Тирске и смотрел на годы, проведенные с Альфом и Дональдом, как на самые счастливые в жизни. Старшие коллеги давали ему дельные советы и оказывали огромную поддержку, столь необходимую молодому человеку, делающему первые шаги на профессиональной стезе. Работа в Тирске произвела на Джона столь глубокое впечатление, что, уезжая, он взял с собой бутылку, наполненную «воздухом» с Киркгейт, 23, в надежде воссоздать в своей новой практике эту атмосферу дружбы и доброго юмора.

Джон и его жена Хитер оставались большими друзьями Уайтов, и Альф стал крестным отцом их первой дочери Аннет. Много лет спустя, когда Джон стал президентом Б В А, он попросил Альфа выступить на церемонии, посвященной его вступлению в должность. В своей речи Альф поделился воспоминаниями о «совсем молоденьком ветеринаре», как называли Джона фермеры. Именно тогда Альф Уайт, осознав, что

он уже не самый молодой человек в практике, почувствовал, что начинает стареть.

Появление помощника изменило стиль жизни Альфа. Попробовав вкус более цивилизованного существования, но видя, что жена по-прежнему надрывается на Киркгейт, 23, он твердо решил перевезти семью из большого холодного дома. Кухни в фермерских домах поражали его воображение. Теплые, с печками или огромными плитами, занимавшими почти все пространство, они казались Альфу душой дома, где происходят только хорошие вещи. Он долго мечтал об уютном доме с большой теплой кухней, где вся семья будет собираться за столом. Этот образ резко отличался от спартанских условий, в которых он жил уже столько лет.

Хотя последние пять лет Альф прилично зарабатывал, ему удалось скопить очень мало. Кроме того, что ему приходилось кормить и одевать всю семью, он взял на себя дополнительные финансовые обязательства. Я учился в частной начальной школе Айви-Дин, а в помощь матери по поддержанию порядка в доме он нанял энергичную маленькую женщину. Начав свой трудовой путь без гроша за душой, Альф начал поиски нового дома так же, практически без денег.

Это его не остановило, и вскоре ему приглянулся дом на Стоктон-Роуд в Тирске. Это было именно то, что он искал: дом стоял в красивом месте и идеально подходил для семьи по размеру. Его продавали с аукциона, проходившего в гостинице «Золотое руно», и Альф, вооруженный мечтой и очень маленькой суммой, отправился туда с твердым решением приобрести дом во что бы то ни стало. Этот аукцион он не забудет никогда. Цена поднялась до 3000 фунтов — о такой сумме он мог только мечтать, — но он упрямо торговался, думая только о том, что должен вывезти семью из холодного дома с каменными полами. Напряжение в зале нарастало с каждой секундой, и когда остались только два претендента — он и его соперник, Альф не выдержал. Твердая решимость внезапно испарилась, и он сдался. Из «Золотого руна» он вышел опустошенным и сломленным человеком.

Этот случай не прошел для Альфа бесследно. Выходя из гостиницы, он бросил взгляд в зеркало, но с трудом узнал свое мертвенно-бледное лицо, — мрачная, бледная тень человека, который шел на аукцион, окрыленный надеждой. Он чувствовал себя столетним стариком. Этот эпизод настолько врезался ему в память, что он описал его в книге «Все живое».

Потеря дома на деле обернулась удачей. Через некоторое время после ожесточенной торговли Альф купил участок земли

на Топклифф-Роуд, где построил свой собственный дом. Он обошелся на 1000 фунтов дешевле, к тому же его построили по чертежам Альфа и Джоан. Благодаря прочному положению в практике Альф сумел получить кредит на 2000 фунтов и теперь мог рассчитывать на уют для своей семьи. В новый дом мы переехали зимой 1953 года. Отец назвал его «Роварденнан» в честь красивого маленького холма на берегу озера Лох-Ломонд. Здесь мы проведем следующие двадцать пять лет нашей жизни.

Я хорошо помню день нашего переезда. В память врезались комнаты без сквозняков и покрытые коврами полы. Здесь не было центрального отопления, но по сравнению с Киркгейт это было самое теплое и уютное гнездышко на свете. Больше всего Альф восторгался кухней. Там господствовала плита «Ага», внушительное, надежное хранилище тепла, которому Альф будет поклоняться следующие двадцать пять лет. У Альфа — так и вижу его сгорбленную фигуру в халате с чашкой чая в одной руке и поджаренным хлебцем, намазанным пастой «Мармайт», в другой, — было много причин благословлять эту плиту.

1953-й стал для Альфа годом счастья и побед. Он построил свой дом, его дети учились в прекрасной школе, а дела в практике шли настолько хорошо, что они могли позволить себе помощника. Жизнь налаживалась.

Одно грустное событие все же произошло вскоре после переезда в «Роварденнан». Нашего маленького песика Дэнни сбила машина на дороге около дома. У этого к тому времени четырнадцатилетнего пса было крепкое тело и здоровое сердце молодой собаки, возраст сказался на нем только в одном — он стал глуховат. Он не услышал машину, которая оборвала его жизнь, но, к счастью, смерть наступила мгновенно. Нам казалось, что Дэнни будет жить вечно, но незнакомое окружение и глухота погубили его.

Я помню, как отец вошел в нашу комнату и сказал нам с Рози, что Дэнни больше нет. Мы плакали, не стыдясь своих слез. Мы считали его членом семьи и несколько недель не могли привыкнуть к тому, что наш лохматый маленький друг не бежит рядом.

Альф даже помыслить не мог о поездках в машине без собаки, и сделал то, что всегда советовал клиентам, потерявшим любимца, — нашел другого. В то время Дональд держал биглей, и одна сука в помете оказалась очень маленькой и слабой. Она с трудом поспевала за остальными, и Дональд с радостью подарил ее Альфу. Так это очаровательное маленькое существо, которое мы назвали Диной, стало вторым собачьим компаньоном Альфа в его долгих поездках.

Дина была полной противоположностью своему предшественнику. Вся ее жизнь крутилась вокруг миски с едой. Быстро умяв свою порцию, она хотела еще и, чтобы получить добавку, использовала свое главное оружие. У этой неотразимой маленькой гончей была умильная мордочка с влажными коричневыми глазами, и стоило ей взглянуть на нас, как все наши твердые решения не перекармливать ее куда-то исчезали. Когда мы садились за стол, она неизменно крутилась рядом, а поскольку моя бабушка больше всех поддавалась на чары Дины, сочные куски регулярно падали прямо в пасть занявшей стратегическую позицию собаки. Из-за такой роскошной жизни Дина стала очень толстой, несмотря на долгие прогулки с Альфом. Он постоянно внушал теще, чтобы та перестала закармливать Дину, но собака вертела старушкой, как хотела, и в результате Альф Уайт, ветеринар, к своему стыду, был хозяином одной из самых толстых собак в Тирске.

Мы все считали Дину, как и Дэнни, членом семьи и очень переживали, когда она погибла в 1963 году в возрасте одиннадцати лет, проглотив крысиный яд. Ненасытный аппетит привел ее к смерти.

Джеймс Хэрриот писал о своем первом «автомобильном псе» в четвертой книге «Ветеринар за работой». Там он фигурирует как бигль по кличке Сэм.

> Его общество удивительно обогатило короткие минуты отдыха, которые я позволял себе между вызовами. На фабриках и в учреждениях устраивают перерывы, чтобы выпить чашечку чая, а я просто останавливал машину и окунался в великолепие, которое всегда было рядом: прогуливался в лабиринте живых изгородей, углублялся в рощу или — вот как теперь — просто шел туда, куда вела тропка на вершине холма.
>
> Я поступал так с самого начала, но благодаря Сэму эти недолгие минуты приобрели особый смысл. Те, кто когда-нибудь гулял с собакой, знают, какую глубокую радость получаешь, доставляя удовольствие верному четвероногому другу, и, глядя, как Сэм весело бежит впереди, я начинал понимать, чего мне раньше не хватало во время таких прогулок.

На примере бигля Сэма видно, что Джеймс Хэрриот часто использовал в книгах собирательные персонажи, наделяя их чертами разных людей или животных. Сэм, скажем, объединяет в себе характеры Дэнни и Дины.

Альф очень любил собак и никогда не мог понять, как кто-то может жить без четвероного друга, а тем более гулять. Однажды мы с ним выгуливали Дину на берегу реки Кодбек, — это было популярное место среди любителей собак. Мимо прошел незнакомый мужчина, и отец сказал мне:

— Подозрительный тип! Интересно, что он замышляет?

— С чего ты взял? — удивился я. Мне тот человек показался совершенно обычным. — Что в нем подозрительного?

Отец посмотрел вслед удаляющейся фигуре и улыбнулся.

— Он без собаки!

Все хорошее когда-нибудь кончается, и весной 1954 года Альф с сожалением узнал, что Джон Крукс уезжает в другой район Йоркшира, где собирается открыть собственную практику. Альф с грустью с ним попрощался, и на смену Джону прибыл другой молодой ветеринар, — с тех пор помощники часто сменяли друг друга на Киркгейт, 23.

Джеймс Хэрриот рассказывает в книгах только о трех помощниках — Джоне Круксе (которому он оставил настоящее имя), Калуме Бьюкенене (настоящее имя — Брайан Неттлтон) и Кармоди (он предстает в образе студента в третьей книге «Не будите спящего ветеринара», но на самом деле работал помощником и звали его Оливер Мерфи). Разумеется, были и другие. За сорок восемь лет в практике сменилось тридцать молодых помощников, и все они обладали богатым разнообразием характеров.

Джеймс Хэрриот пишет, как грустно ему было расставаться с Джоном Круксом, но его грусть развеял незабываемый Калум, прибывший со своими барсуками и остальным зверинцем. Брайан Неттлтон, настоящий Калум, приехал только в 1957-м, и до него в Тирске работали еще четыре помощника, — о них Альф никогда не упоминал в своих книгах.

Помощника, сменившего Джона, звали Джим Чедуик. Если бы отец написал еще одну книгу, он вполне мог стать ее персонажем. Изучая жизнь отца, я наткнулся на кое-какие заметки для будущей книги, записанные на диск, и в них много информации о Джиме.

Джим Чедуик был привлекательным молодым человеком, который быстро завоевал расположение женщин. Он отличался не только привлекательностью, но и обаянием, и оказался настоящим сокровищем для практики. Джим был очень хорошим ветеринаром, но в первые недели ему недоставало уверенности, и в трудных ситуациях он постоянно обращался за советом к Альфу. Через много лет он сказал мне, что очень высоко ценит помощь,

которую ему оказывали в те первые трудные недели.

Альф ничего не имел против. Он предпочитал иметь дело с молодыми людьми, готовыми слушать и учиться. Я помню другого помощника, который относился к этому иначе. Полагая, что знает все, он отказался следовать совету старших коллег. В результате он совершил несколько страшных ошибок, стоивших Альфу и Дональду многих бессонных ночей.

У старого друга отца Эдди Стрейтона, с которым я проработал пятнадцать месяцев, не было времени на молодых помощников, считавших, что они все знают лучше других. Он весьма категорично выразил свое мнение.

— Я скажу тебе, что с ними не так, — однажды заявил он мне. — Они слишком мало знают, чтобы знать, что они ни черта не знают!

Джиму Чедуику, однако, хватило ума понять, что ему еще многому надо учиться. Я попросил его рассказать о времени, проведенном в Тирске.

— За шесть месяцев у Альфа Уайта и Дональда Синклера я узнал больше, чем за пять лет в университете. Практика Синклера и Уайта была эталоном, к которому я всегда стремился впоследствии. У меня было два идеала, которым я старался подражать: Дж. Г. Райт, декан факультета Ливерпульского ветеринарного колледжа, и Альф Уайт.

Джим написал об одном случае, живо напомнившем о жизни в Скелдейл-хаусе с несравненным Зигфридом:

«Я ни разу не видел, чтобы Альф Уайт выходил из себя, но у Дональда Синклера были свои причуды. Помню, он задал мне хорошую головомойку, когда я уронил стеклянный шприц, который, естественно, разбился. Представьте мое удивление, когда несколько дней спустя мистер Синклер сделал то же самое. Я счел благоразумным промолчать, но заметил веселый огонек в глазах Альфа».

Работы с туберкулинизацией становилось все больше, нагрузка увеличивалась, и Альф с Дональдом взяли еще одного помощника — Кена Хиббита, студента из Бристоля. Он приехал в ноябре 1954-го, и они с Джимом Чедуиком стали большими друзьями. Теперь Альф полностью избавился от ночной работы, — для него это была неслыханная роскошь. В начале 1950-х он чувствовал себя очень

счастливым: он много времени проводил с семьей, работал с людьми, которые ему нравились, и занимался полезным и увлекательным делом.

Иен тоже написал мне о том времени, когда работал в Тирске:

«Альф был потрясающим человеком. Я многому научился, пока ездил с ним по вызовам. Он с пониманием относился к выпускникам, только начинающим свой профессиональный путь. Он не ограничивал своих молодых коллег одними туберкулиновыми пробами, ампутацией рогов или другими обычными процедурами. Он позволял им заниматься более интересными случаями и никогда не вмешивался. При этом с ним всегда можно было обсудить проблемы и получить у него хороший совет. Если животное умирало, Альф проявлял сочувствие и пытался внушить расстроенному коллеге уверенность в своих силах. Я хорошо помню, как в первые месяцы в Тирске потерял корову, у которой был жировой некроз. Альф поддержал меня, уверяя, что я больше ничего не мог сделать. Ему понадобилось небольшое поле, — заметил он, — чтобы закопать все свои неудачи».

Хотя молодые люди с удовольствием вспоминают проведенное в Тирске время, им приходилось очень много работать. Они получали выходной один раз в месяц и часто работали внеурочно.

Альф знал, что Иен не останется в Тирске. У него был академический ум, и он мечтал заниматься преподаванием и наукой. В феврале 1956 года он уехал в Бристольский университет, где читал лекции по биохимии и получил степень доктора философии в области нарушений обмена веществ.

После отъезда Кена пришлось искать нового помощника, и в том же месяце прибыл Оливер Мерфи. Если назвать его имя старым клиентам нашей практики, уверен, они его не вспомнят, однако он — один из немногих помощников, вошедших в рассказ Джеймса Хэрриота.

Оливер, серьезный молодой человек, также видевший свое будущее в науке, проработал в практике всего четыре месяца. Он имел небольшое представление о том, как обращаться с сельскохозяйственными животными, и не раз участвовал в ужасающих родео, но был приятным молодым человеком и пользовался уважением у фермеров. Фермерам он нравился, потому что боролся до конца и никогда не сдавался. Альф обыграл это качество в книгах, описывая Оливера в образе студента Кармоди — молодого человека, который упрямо цеплялся за веревку, обмотанную вокруг шеи рассвирепевшего зверя, пока тот тащил его по навозу.

Альф любил слушать смешные истории своих коллег, и Оливер, несмотря на серьезное отношение к жизни, был не лишен чувства юмора. Однажды он вернулся с фермы весь в грязи после жаркой схватки с разбушевавшимися молодыми бычками. Он

безуспешно гонялся за своими пациентами по двору и в конце концов свесился вниз головой с перекладины с арканом в руке, надеясь зацепить животное, когда оно понесется мимо. Огромные животные были взбудоражены, и если бы Оливеру удалось поймать одного из них, мы бы, вероятно, его больше не увидели. Провисев несколько минут вверх ногами, Оливер получил представление о сдержанном йоркширском юморе.

Снизу появился фермер и заглянул ему в лицо.

— Мистер Уайт делает это по-другому! — заметил он, невозмутимо раскуривая трубку.

Оливер был лишь временным помощником, но он провел в Тирске достаточно времени, чтобы оставить яркий след в душе будущего Джеймса Хэрриота.

В конце 1956 года стали собираться тучи. Джим Чедуик хотел остаться в Тирске, но, будучи человеком женатым, нуждался в определенной стабильности. Альфу он очень нравился, он мечтал, чтобы Джим стал его партнером, но, поскольку Дональд ни в какую не соглашался, у Джима не осталось выбора: в январе 1957 года он уехал. В то время мне было всего четырнадцать, но я помню, как подавлен был отец из-за отъезда коллеги. Он чувствовал, что мог бы проработать с Джимом всю жизнь. Он долго переживал, но потом осознал, что жизнь продолжается, и подготовил себя к встрече со свежим лицом, с новым человеком, которого он будет обучать методам Синклера и Уайта.

Через несколько дней после отъезда Джима Альф стоял на платформе Тирского вокзала, встречая его преемника. Когда тот сошел с поезда, Альф не поверил своим глазам. Он в недоумении уставился на высокого человека с черными усами и темными сверкающими глазами, — на его плечах, словно пушистый воротник, лежал барсук, а рядом шагал гигантский пес. Альф всегда знал, что профессия ветеринара скучать не дает, как и обещал ему старый директор Ветеринарного колледжа Глазго доктор Уайтхаус, и это представление было тому подтверждением.

Прибыл Брайан Неттлтон. Альф решил, что новый помощник окажется интересной личностью. Он не ошибся. Брайан оставит о себе богатую память и возродится в образе Калума Бьюкенена, персонажа, очаровавшего миллионы телезрителей много лет спустя.

Уверен, что ни один старый фермер из нашей практики не забыл Брайана Неттлтона — «ветеринара с барсуком». Брайан был уникальным человеком и в то же время прекрасным ветеринаром, одним из лучших среди всех, кто ходил по извилистым коридорам на Киркгейт, 23. Он был не только крупным, сильным

мужчиной, поражавшим клиентов своим серьезным, практичным подходом к делу, но и искусным хирургом, способным делать сложные операции любому виду животных. Брайан щепетильно относился к чистоте, и его аккуратные швы быстро заживали. Он отлично ладил с животными — ценное качество для человека его профессии. Это производило впечатление на клиентов, и многие видели в нем «доктора Айболита».

Однажды он осматривал стадо коров в Амплфорте, где лечил многих из них от сезонного заболевания. Брайан неправильно рассчитал дозу лекарства и ввел каждому животному в десять раз больше рекомендуемого количества.

Скотовод был потрясен. Через пару дней встретив Альфа, он сказал:

— Никогда ничего подобного не видел! Он сделал уколы всем коровам, и все, как одна, поднялись. Думаю, секрет в усах!

В Брайане было что-то цыганское, и на природе он чувствовал себя как дома. Я часто составлял ему компанию, когда он рано утром отправлялся в окрестные холмы, где мы наблюдали за разными дикими животными, — об их существовании я даже не догадывался, пока Брайан не позволил мне заглянуть в их темный и загадочный мир.

Он был одним из самых популярных помощников, удостоивших своим присутствием практику Синклера и Уайта, но иногда он бывал и одним из самых трудных. Его душа не принимала ничего, что хотя бы отдаленно напоминало рутину. Даже такая основная потребность организма, как еда, удовлетворялась нерегулярно. Однажды Альф наблюдал, как Брайан, который накануне ничего не ел, слопал два фруктовых пирога целиком, а я сам видел, как он проглотил двух с половиной жареных уток в один присест. Брайан был вольным человеком — казалось, он вечно пытается вырваться на свободу, — и талантливым ветеринаром, но создавалось впечатление, что одной ветеринарной практики ему недостаточно, он как будто все время находился в поиске.

Его необычное отношение к жизни, безусловно, не вписывалось в упорядоченную работу практики. Предпочитая просыпаться рано, Брайан как-то спросил Альфа, нельзя ли ему начинать работу в шесть часов утра и заканчивать в три часа дня, — и получил отказ. Он также имел привычку надолго исчезать, никому не сообщая, где он. Дональд приходил в ярость от жуткой вони, разносившейся по всему дому, когда Брайан варил потроха для своих барсуков. Бегающие по саду лисы и летающие по коридорам дома на Киркгейт совы отнюдь не повышали настроение его нанимателя.

Рабочим машинам тоже доставалось от Брайана. Он выжимал из них последние силы, гоняя по вызовам, а его барсуки бесчинствовали на задних сиденьях, от которых в буквальном смысле ничего не оставалось после нескольких таких поездок. Однажды Брайан вернулся на машине, у которой напрочь отсутствовало переднее крыло. Увидев ужас на лице Альфа, он широко улыбнулся.

— О, извините, мистер Уайт. Я думал, вдруг вы не заметите!

Благодаря огромному обаянию Брайану все сходило с рук.

Невзирая на эти мелкие сложности, Альф очень привязался к Брайану и со смешанным чувством воспринял его отъезд в ноябре 1958 года. У Альфа уже был один весьма неординарный коллега в лице Дональда Синклера, и, как бы он ни восхищался Брайаном, присутствие этой парочки в одной клинике создавало серьезные проблемы. Тем не менее, Альф с грустью попрощался с Брайаном, когда тот уехал на работу в Галифакс в канадской провинции Новая Шотландия. Он был одним из самых интересных и популярных ветеринаров практики и оставил незабываемый след в душе будущего Джеймса Хэрриота.

Да, Брайан Неттлтон раздражал Дональда своей эксцентричностью, но и Дональд, в свою очередь, испытывал терпение целой армии работавших на него помощников.

Чаша терпения Дональда переполнялась очень быстро. Он не мог долго говорить по телефону, и клиенты часто не успевали передать свое сообщение полностью. Ощущение безысходности, когда приходится выслушивать бесконечный монолог, льющийся из трубки, хорошо знакомо каждому ветеринару. Дональд нашел простое решение. Устав от разговора, что происходило довольно быстро, он, очень мягко и самым учтивым тоном, говорил «до свидания». В результате помощник приезжал на ферму без необходимых инструментов, потому что Дональд не успел узнать, какая предстоит работа. После этого несчастный молодой ветеринар имел «серьезный разговор» с фермером.

При неизменной вежливости с клиентами Дональд был не столь учтив с членами своей семьи. Его брат Брайан однажды рассказывал Альфу, что имел несчастье позвонить Дональду, когда тот смотрел свою любимую передачу по телевизору. Дональд, как обычно, схватил трубку на первом звонке. Разговор был короткий.

— 206! Кто это?

— Брайан.

— «Старая гвардия»[5] идет! — рявкнул Дональд и бросил трубку.

Еще он имел обыкновение — когда бывал в соответствующем

настроении, — браться за огромное количество вызовов. В ответ на протесты коллег Дональд уверял, что справится. Естественно, он не успевал, и дежурному помощнику приходилось вечером выезжать на его оставшиеся вызовы.

Дональду это всегда сходило с рук. Он рассыпался в извинениях, приглашал помощника на чашку чая и всякий раз получал полное прощение. Его спасало природное обаяние.

— Знаешь, — сказал однажды Альф, размышляя о своем партнере, — у каждого человека есть врожденное качество, которое помогает ему в жизни. У Дональда — это его природное обаяние. Что бы он ни делал, ты просто не можешь долго на него сердиться. Сколько я его знаю, он всегда обладал даром окружать себя людьми, готовыми на него работать. Хотел бы я тоже так уметь!

Однако больше всего в Дональде подкупало его отношение к детям. Этот феноменально нетерпеливый человек кардинально менялся, когда дело касалось маленького ребенка. Он уделял массу времени своим детям Алану и Джанет (Рози и я часто играли с ними в огромном, волшебном поместье «Саутвудс-Холл») и с тем же терпением относился к другим детям.

Помню, однажды Дональд разговаривал с клиентом в нашей конторе, и вдруг его прервала маленькая девочка. Она нарисовала лягушку и мечтала кому-нибудь ее показать. Малышка сделала правильный выбор.

Дональд отвернулся от клиента и наклонился к ребенку.

— Очень интересно! Дай-ка посмотреть. — Он внимательно разглядывал рисунок, а малышка приплясывала от восторга. — А как ты назвала эту лягушку? — мягко поинтересовался он.

— Фрэнсис! — крикнула девчушка, высоко подпрыгивая.

— Лягушка Фрэнсис! Какое чудесное имя! — восхитился Дональд.

Потом девчушка начала с восторгом рассказывать Дональду о своей лягушке, а он внимательно слушал. После этого Дональд взял девочку за руку и повел в сад показать какие-то цветы — совершенно забыв о клиенте, который, между прочим, платил ему деньги. Потрясающий человек! Ему не хватало терпения на своих коллег, но он располагал всем временем в мире для маленького ребенка.

У отца было еще два «помощника» — моя сестра и я, и в 1950-х мы часто ездили вместе с ним на вызовы. В одном мы действительно ему помогали — открывали и закрывали ворота. На современных фермах гораздо меньше ворот, большинство из них сменили решетчатые ограждения, но тогда ветеринар много

времени тратил на ворота. Во время его визитов на ферму братьев Эйнсли из Невистон-хауса Альфу приходилось четырнадцать раз вылезать из машины, чтобы открыть и закрыть ворота, причем створки были связаны старой веревкой. Каждый визит превращался в бесконечный марафон, и Альф даже описал эту ферму с допотопными воротами и разбитым проселком в первой главе книги «Всех их создал Бог».

Рози очень серьезно относилась к своим обязанностям. Когда она пошла в школу в 1952 году, то искренне переживала, что отец без нее не справится.

Во время учебы в школе, когда я уже решил стать ветеринаром и всерьез присматривался к своей будущей профессии, мне довелось наблюдать за работой отца. Я обратил внимание на его добросовестное и внимательное отношение. Особенно мне нравилось смотреть, как он принимает роды у коров и овец, — все манипуляции он производил с чрезвычайной мягкостью. Отец много раз говорил, что отел — его любимая работа, которую он может выполнить быстро и аккуратно. Однажды ему поступило шестнадцать вызовов на окот. Он справился с ними за три часа.

Так же ловко отец управлялся со свиньями. В подростковом возрасте у меня не было сомнений в выборе профессии, но визиты к свиньям вместе с отцом подвергали мое решение серьезному испытанию. Я страшно боялся свиней.

В те дни, когда домашний бекон входил в основной рацион питания йоркширцев, во дворе у многих мелких фермеров стояли покосившиеся развалюхи, в которых жили огромные жирные свиноматки. Эти грозные животные не любили, когда их тычут иголками, и вели себя особенно агрессивно, если ветеринар прикасался к поросятам. У свиней полон рот зубов, но отец, казалось, ничуть их не боялся. Он входил в их логово с обычной доской или старой метлой и ловко делал инъекции, не обращая внимания на возмущенные вопли.

Когда лечение требовалось поросятам, свинью выманивали каким-нибудь лакомством, дверь запирали, и ветеринар спокойно делал свое дело. Свинья считается трудным в обращении животным, которое «бурно реагирует на малейшее посягательство». Это правда. Поросята рождаются с мощными голосовыми связками. В юности я часто помогал отцу делать инъекции визжащим поросятам. Пока он возился с ними в свинарнике, разъяренная свиноматка, обезумев от воплей своих детенышей, бешено кидалась на наше жалкое убежище. Моей единственной задачей во время этих оглушительных мероприятий было обеспечить пути отхода на случай, если рассвирепевшая

мамаша ворвется в сарай.

Однажды отец попросил меня сделать укол свиноматке. Мне тогда было около пятнадцати лет. Дрожа от страха, я воткнул иглу ей в ногу. Громадная свинья с ревом взметнулась с подстилки, а я пулей выскочил из свинарника, оставив иглу в ее бедре. Отец задал мне хорошую трепку.

— Черт возьми, Джим! — кричал он. — Ты никогда не станешь ветеринаром, если будешь убегать от своих пациентов!

— Я не хочу остаться без ноги! — отвечал я. — Ты видел, какие у нее зубы?

— Нужно действовать быстро! — кричал он. — Нечего бояться этих чертовых свиней!

Будучи доброжелательным человеком, отец жестко критиковал меня, если считал, что я не «соответствую», и досадливо бурчал, если мне не удавалось схватить молодого бычка за ноздри с первого раза. Если корова брыкалась, потому что я неумело доил ее, он очень возмущался.

— Не стой сзади! — орал отец. — Подойди поближе! Останешься без головы, если будешь стоять сзади!

Он постоянно внушал мне, что на ферме я буду выглядеть круглым дураком, если не смогу правильно обращаться с животными. Потом его наставления, безусловно, очень помогли мне. В 1975 году я с изумлением увидел в «Дейли Экспресс» фотографию Джеймса Хэрриота, гоняющегося за поросенком. Совершенно очевидно, что снимок сделали исключительно ради статьи. Альф первый бы сказал, что бегать за свиньями бессмысленно. Эти удивительно юркие животные способны развивать невероятную скорость. Поймать их можно только хитростью.

Нам с отцом часто приходилось делать инъекции сразу дюжине проворных свинок. Столкнувшись с розовой визжащей массой, носящейся по двору, он загонял их в угол и перекрывал выход огромной створкой ворот. Оказавшись в ловушке, свиньи пронзительно верещали, а отец говорил: «Подожди, через минуту они успокоятся». И ни разу не ошибся. Внезапно визг прекращался, и свиньи замирали. Он быстро вводил всем лекарства, и ни одна свинья даже не шелохнулась. Вот так все просто.

Хотя Альф Уайт в основном занимался коровами, овцами и свиньями, иногда ему приходилось работать и с лошадьми. В первые годы практики в Тирске он накопил богатый опыт, обрезая хвосты жеребятам и кастрируя диких жеребцов. Выжеребка рабочих кобыл требовала особенно сильного напряжения. С лошадьми обычно работал Дональд, имевший репутацию

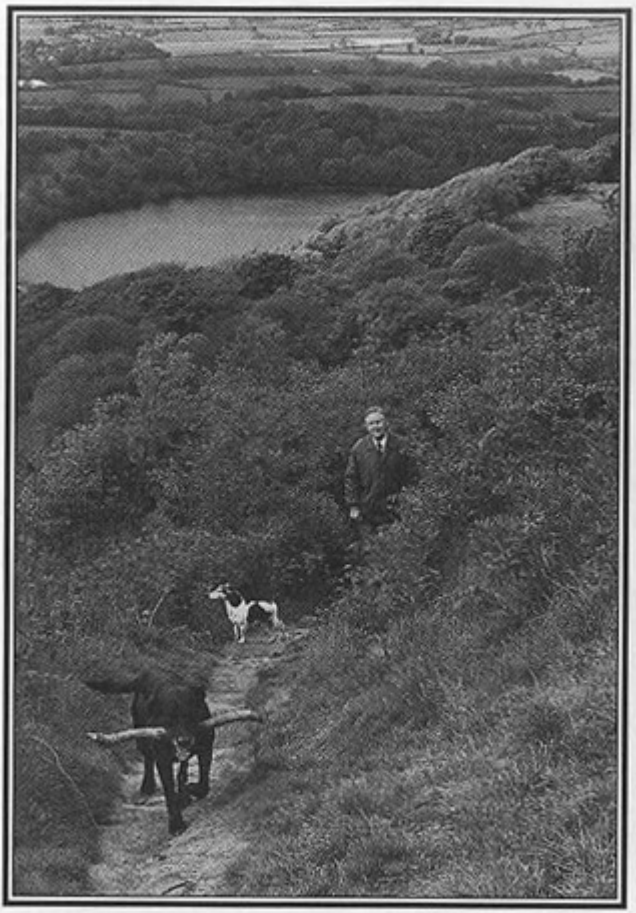
превосходного конского доктора: он больше сорока лет занимал должность ветеринара на тирском ипподроме. Но и Альф не был новичком в этом деле.

Да, Альф не был крупным специалистом по лошадям, но с домашними питомцами ситуация была абсолютно другой. В 1950-х годах работы с мелкими животными становилось все больше, и мне представилась возможность наблюдать, как отец действует в этой совершенно иной области. Здесь в полной мере проявился его талант опытного, знающего ветеринара, и здесь, как и среди йоркширских полей и ферм, он встретил немало удивительных персонажей, которых потом с таким мастерством и юмором увековечил в книгах.

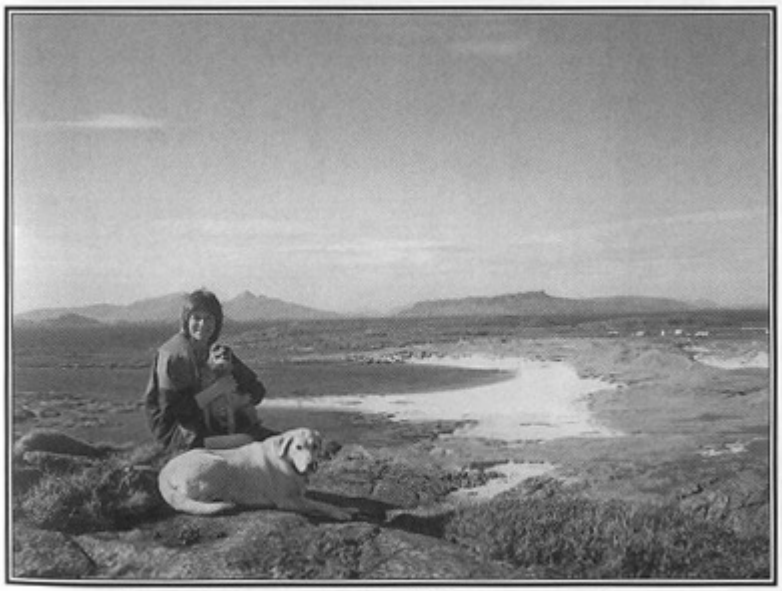
Альф не мыслил свою жизнь без собак

Джек-рассел Гектор сам хотел вести машину, а Дэн был вполне доволен ролью пассажира

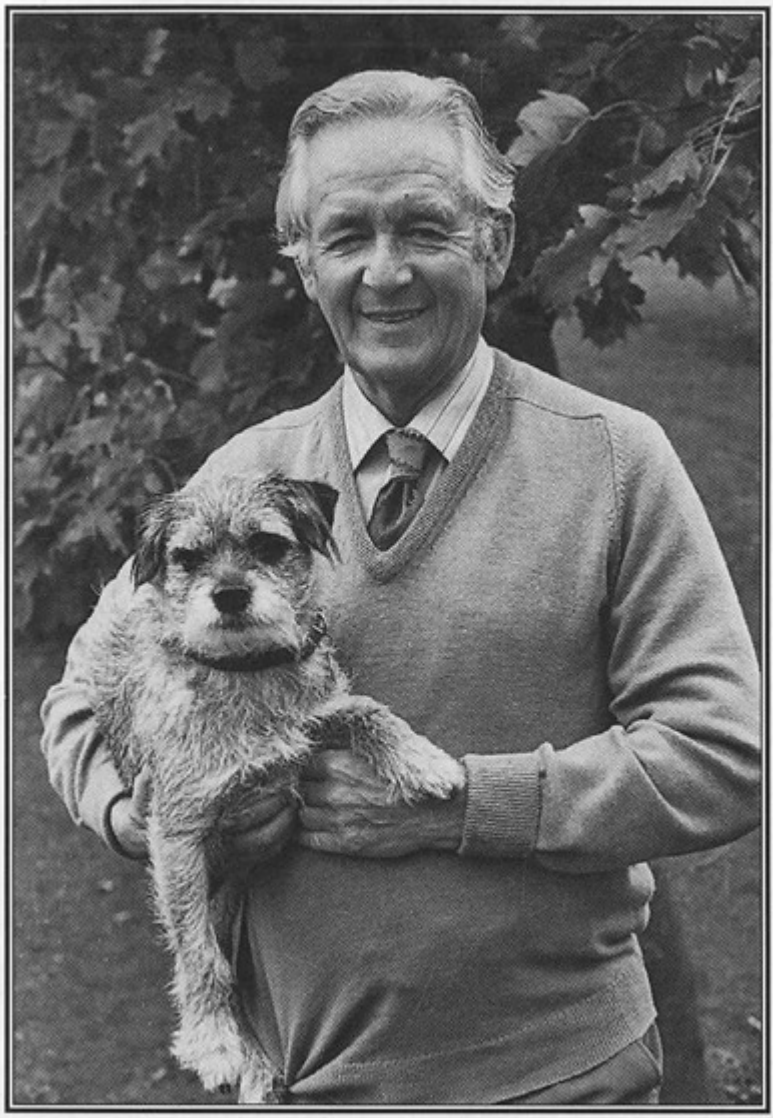
Джоан любила собак не меньше, чем Альф



Прогулка на Саттон-Бэнк с Гектором и Дэном, внизу остались озеро Гормайр и Йоркская долина



Рози с Боди и своей собакой Полли в заливе Санна на полуострове Арднамурхан



Бордер-терьер Боди, последняя собака Альфа

Глава 17

В 1950-е годы, невзирая на то, что в практике Синклера и Уайта работа с крупным скотом оставалась на первом месте, Альфа Уайта высоко ценили как крупного специалиста по мелким животным. Он понимал, что эта область ветеринарии может со временем приобрести приоритетное значение и что доброжелательное отношение к пациентам играет огромную роль.

Альф всегда следовал постулату: «Важно не то, что ты делаешь, а как ты это делаешь», — который постоянно вдалбливал в головы помощников. Сочувственное и внимательное отношение к пациенту сегодня так же важно, как и много лет назад. В марте 1992 года в информационном бюллетене Королевского ветеринарного колледжа вышла статья:

«Джеймс Хэрриот — критерий, по которому оценивается вся профессия. Возможно, по сегодняшним стандартам его ветеринарная наука устарела, но только не его ветеринарное искусство. Ветеринария приобрела огромную популярность благодаря Альфу Уайту, что остается предметом зависти всех других профессий».

Альф всегда тщательно думал, прежде чем что-то делать, и к каждому случаю подходил с большой осторожностью. Несмотря на обширный клинический опыт, он никогда не стремился стать специалистом в области ветеринарии мелких животных. Когда появились новые методики, он считал, что они не для него. Более того, он с подозрением относился ко многим современным анестетикам, предпочитая, чтобы пациент, по возможности, оставался в сознании.

Сохранив глубокое уважение к общему наркозу в 1960-х и 1970-х, Альф предпочитал делать относительно крупные операции под местной анестезией. Он удалял большие опухоли грудной железы у сук и много раз оперировал собак с энтропионом — заворотом века, который устраняется с помощью восстановительной хирургии, — исключительно под местным наркозом. Он всегда испытывал особое удовольствие, когда видел облегчение пса, освободившегося от боли и неприятных ощущений после операции на энтропионе.

Альф в совершенстве владел одним приемом — «пеленанием» кошек. С помощью одной лишь старой простыни он в считаные секунды превращал разъяренную шипящую кошку в туго скрученный кокон. Он особенно гордился своим мастерством в этой «области ветеринарии» и однажды сказал мне после того, как молниеносно проделал этот трюк:

— У меня нет особых заслуг, чтобы вспоминать меня после смерти, Джим, но ты, по крайней мере, сможешь сказать, что твой старик прекрасно делал одну вещь: умел спеленать кошку!

Благодаря своему доброжелательному отношению Альф завоевал любовь многих клиентов, но самыми преданными его поклонниками были мисс Марджори Уорнер и ее маленький песик Бамби. Эта леди и ее очаровательный пекинес жили в большом красивом доме в Соуэрби, и Джеймс Хэрриот увековечил эту парочку в своих ранних книгах. Миссис Памфри и Трики-Ву стали самыми известными его персонажами.

Бамби Уорнер был прелестным псом, который всех любил, — а мы его просто обожали! Каждый раз, когда это смышленое маленькое создание отправлялось в отпуск — что бывало довольно часто, — мы получали великолепные корзины с подарками, адресованные просто «дядюшке Уайту». В корзинах были деликатесы, которые раньше нам и не снились: икра, гусиный паштет, обжаренные в меду куски свинины, экзотические консервы и другие аппетитные лакомства. Если Бамби уезжал на йоркширское побережье, нам доставляли огромные коробки копченой сельди из Уитби. Неудивительно, что Альф, обожавший копченую селедку, с такой любовью писал о Бамби и мисс Уорнер. Альф лакомился подарками, не забывая посылать благодарственные письма.

К несчастью, он совершил две серьезные ошибки, из-за которых мы едва не лишились этих чудесных даров. Он адресовал первое письмо самой мисс Уорнер. После того, как Бамби выразил свое недовольство, Альф быстро исправил положение, отправив маленькому пекинесу письмо с извинениями. Вторую ошибку он допустил, когда адресовал еще одно письмо «мастеру» Бамби Уоррену. Правильно было написать на конверте, конечно же, «Бамби Уоррену, эсквайру». Терзаясь чувством вины, Альф тут же отправил другое письмо, но на этот раз ответа не получил. Вся семья замерла в ожидании, — шли недели, а нам не доставили ни одной корзины! К счастью, по прошествии времени и после нескольких визитов Бамби простил Альфа, и аппетитные корзины стали прибывать снова. Альф усвоил урок: в будущем он с должным почтением относился к статусу Бамби.

Джеймс Хэрриот столь красочно описал миссис Памфри и Трики-Ву, что мисс Уорнер сразу поняла, кто стал их прототипом, но не обиделась. Альф всегда питал искреннюю симпатию к ней и ее маленькому песику, и в его рассказах она предстает добросердечной женщиной, чья любовь к собаке иногда «зашкаливает».

Альф Уайт был популярным ветеринаром, но всегда признавал, что не может вылечить всех. Было несколько ферм, где, как бы он ни старался, все его усилия оканчивались неудачей. Он называл их «проклятыми фермами» и под любым предлогом уклонялся от визитов туда.

Однажды Дональд сказал ему:

— У коровы на ферме Фернесса что-то с глазом, Альфред. Тебе по пути, может, заедешь к ним?

— Нет, — твердо ответил Альф, — прости, но я бы не хотел. Всякий раз, как я появляюсь на этой ферме, какое-нибудь животное падает замертво! Фрэнк Фернесс — чудесный человек, и, несмотря на длинный список скота, павшего после моих визитов на его ферму, он все равно, похоже, неплохо ко мне относится. Я не хочу больше испытывать его терпение.

— Но ты же едешь мимо, Альфред. Зачем посылать кого-то туда специально? У коровы всего лишь слезятся глаза, и тебе надо просто наложить мазь. Ничего плохого не случится!

Дональд оказался прав. Это был легкий случай конъюнктивита. Альф неохотно согласился и поехал на ферму, где помазал корове глаза. Простой, незамысловатый случай.

На следующий день раздался телефонный звонок. Корове стало хуже, у нее распухли суставы. «Какая связь между распухшими суставами и слезящимися глазами?» — думал Альф, торопясь на ферму.

На самом деле корове стало значительно хуже. Она едва передвигала ноги, дыхание было затруднено, а из носа текли обильные выделения. С мрачной решимостью Альф испробовал все, что мог, для ее спасения. Он сделал ей инъекцию антибиотиков, ввел внутривенно стероиды, сделал укол витаминов и перед отъездом с фермы лично укрыл ее попоной. Когда он вернулся домой, в его голове билась одна мысль: «Какое это имеет отношение к конъюнктивиту?»

Злая судьба вновь посмеялась над Альфредом Уайтом. На следующий день его пациентке стало еще хуже: у нее запали глаза, и она не могла подняться. В тот же день приехал живодер и избавил ее от страданий.

Этот случай еще больше укрепил уверенность Альфа в том, что «проклятые фермы» существуют, и он еще долго объезжал эту ферму стороной. Фрэнк Фернесс никогда не винил Альфа, и много лет спустя, когда о книгах Джеймса Хэрриота стали писать в газетах, прислал ему чудесное письмо с поздравлениями.

Альф понимал, что не может всегда побеждать, и это касалось не только крупных животных. Была одна дама в Соуэрби, которая считала его идиотом — милым, но, тем не менее, идиотом.

Всякий раз, когда он лечил ее собаку, обязательно что-нибудь случалось. В свое время у собаки развилась неизлечимая болезнь, почечная недостаточность, и хозяйка попросила безболезненно усыпить ее любимца. Понимая, что ходит по тонкому льду, Альф решил сделать инъекцию барбитурата в брюшную полость, а не вводить его внутривенно, что было менее простым, но более надежным способом. К его ужасу, препарат не подействовал: через тридцать минут собака все еще ходила по кабинету.

Женщина возмущенно повернулась к нему.

— Мистер Уайт! За все те годы, что я приводила к вам своего пса, вам ни разу не удалось улучшить его состояние.

А теперь, когда я хочу его усыпить, вы даже это не можете сделать как надо!

В середине 1950-х полостные операции мелким животным делали крайне редко. В конце десятилетия Альф проводил операции по удалению матки у кошек и собак, но более сложные случаи направляли к специалисту по мелким животным, практиковавшему за сорок километров от Тирска, в Дарлингтоне. Дентон Петт, импозантный талантливый ветеринар мелких животных, стал одним из ближайших друзей Альфа, — это его он через много лет увековечит в образе Гранвилла Беннета, впервые появившегося в четвертой книге Хэрриота «Ветеринар за работой».

Данное в книге описание идеально подходит этому человеку: «Он был не очень высок, но весьма внушителен… ни дряблостей, ни складок жира, ни округлого брюшка. Передо мной стоял широкоплечий, плотного сложения силач».

Прежде всего, Дентон Петт выделялся своими внушительными размерами. Его жена Ева, которая до сих пор дружит с моей матерью, однажды рассказывала, что ее подруга, никогда не видевшая Дентона, спросила кого-то, как она его узнает. «Ищи человека, похожего на шкаф!» — прозвучал ответ.

Альф, под псевдонимом Джеймс Хэрриот, с большой симпатией писал о своем друге, подробно останавливаясь на способности Дентона наслаждаться жизнью. Этот невероятно щедрый человек угощал всех выпивкой, но, учитывая его могучее телосложение и способность много часов подряд поглощать неимоверное количество спиртного без видимого эффекта и вдобавок вести непринужденную беседу, только очень крепкий человек мог выдержать гостеприимство Дентона Петта.

Альф и Джоан провели много незабываемых вечеров в компании Евы и Дентона, и часто к концу вечера Альф падал без чувств. Я тоже провел много приятных часов с этими чудесными людьми, — как и отец, я практически каждый раз выходил от них

с остекленевшими глазами и в невменяемом состоянии. Моей матери часто приходилось садиться за руль и везти нас, отца и меня, домой после бурной вечеринки с Дентоном и его друзьями.

— Что бы подумали поклонники Джеймса Хэрриота о своем герое, если бы увидели тебя сейчас? — однажды ночью сказала мать, с улыбкой глядя на обмякшее тело на заднем сиденье.

Несмотря на бурную светскую жизнь, которую я наблюдал, когда проходил у Дентона стажировку во время учебы, на следующее утро он всегда выглядел безупречно — в элегантном костюме, со сверкающими запонками. Слушая его густой, обволакивающий голос, видя, как клиенты внимают каждому его слову, я понимал, что он — очень успешный человек.

Дентон был хирургом от Бога. Его короткие толстые пальцы, казалось, просто поглаживают ткани во время работы, и оперировал он с молниеносной скоростью. Однажды, когда я работал в Тирске, я привез к нему в Дарлингтон маленькую собаку на глазную операцию. Дентон заглянул в свой график, — у него были запланированы три операции по удалению матки. Я сказал, что часок-другой погуляю по городу и вернусь позже.

— Подожди, паренек! — ответил он. — Я освобожусь через двадцать минут!

— Но вам нужно удалить яичники у трех сук, Дентон! — воскликнул я.

Обычный хирург делал такие операции — овариогистерэктомии — минимум за полчаса.

— Двадцать минут! Сначала выпьем кофе! Хочешь мне ассистировать?

Дентон провел три операции ровно за семнадцать минут. Если бы я сам не видел, то никогда бы этому не поверил. Дентон был невероятно одаренным хирургом — быстрым и в то же время мягким. Джеймс Хэрриот точно описал своего друга в образе Гранвилла Беннета как талантливого, колоритного человека широкой души, которого мы все знали. В конце 1950-х, наблюдая за работой Дентона, Альф понимал, что одним глазком заглянул в будущее, — он был уверен, что в скором времени ветеринар большую часть времени будет отдавать лечению домашних питомцев. Несмотря на восхищение Дентоном, сельская жизнь среди йоркширских фермеров все же казалась Альфу предпочтительнее.

Джеймс Хэрриот много раз говорил, что в первые годы практики его жизнь была намного тяжелее, чем в последние два десятилетия. Конечно, работа ветеринара в те времена требовала большого напряжения физических сил, но Альф всегда признавал, что в других отношениях она была гораздо спокойнее.

Современный ветеринар ходит по минному полю, одна ошибка может обернуться тяжелыми судебными последствиями. Он должен просчитывать каждый свой шаг, чтобы, не приведи Господь, не нарушить многочисленные правила и распоряжения, а в конце дня вынужден заполнять бесконечные формы. Современный ветеринар просто завален бумажной работой.

Альф в лучшие годы профессиональной карьеры был избавлен от этих мучений, вдобавок ему не приходилось подолгу сидеть в кабинете, принимая больных, что является нормой для сегодняшнего ветеринара. Большую часть времени Альф разъезжал по небольшим семейным фермам, его рядовой рабочий день, хотя и напряженный, обычно заканчивался довольно рано, и в пять-шесть часов он уже пил чай в кругу семьи. В это время день современного ветеринара в крупной городской клинике, как правило, только начинается, и его приемная полна пациентов.

В 1970-х работы с мелкими животными стало значительно больше, и даже в Тирске мне редко удавалось выпить чаю со своей семьей. Вероятно, поэтому ни один из троих моих детей не выразил ни малейшего желания стать ветеринаром. В моих воспоминаниях о работе отца в 1950-е годы преобладает такая картина: загорелый человек вместе со своими собаками едет в машине с открытым верхом по самой красивой сельской местности в Англии. Неудивительно, что он с таким чувством писал о тех временах.

Семья, для которой у Альфа всегда находилось время, тоже была счастлива. 1950-е годы врезались мне в память прогулками по окрестностям Тирска или в йоркширских холмах, где я облазил каждый уголок. Поездки на море — в Уитби, Скарборо и Марек — стали для нас царским подарком. Когда мы, дети, подросли, то ездили на молодежные турбазы с Альфом, а также играли в крикет, футбол и теннис. Он не был просто отцом — он был одним из нас.

Вскоре после переезда в 1953 году Альф купил еще один участок земли за домом и соорудил там теннисный корт. Строительство вымотало ему все нервы — он писал об этом в своей последней книге «Все живое», — но его мучения того стоили. Мы проводили на корте уйму времени.

Мы с ним устраивали настоящие игровые марафоны. Подростком я много играл в теннис и считал себя очень неплохим игроком. Я не раз побеждал в школьных турнирах по теннису, — но мне редко удавалось выиграть у отца. Наши игры представляли собой жаркие схватки между энергией молодости и мастерством зрелости. Он контролировал игру с дальнего конца

корта, посылая мощные удары вдоль белых линий, а я только бегал и бегал. После матча отец хлопал меня по спине, обтянутой мокрой от пота футболкой, и говорил:

— Не расстраивайся, Джим, ты с каждым разом играешь все лучше. Однажды ты с легкостью разгромишь в пух и прах своего старика!

Я так и не смог этого сделать.

Помимо тенниса, в 1950-е Альф регулярно играл в гольф, а так как летом в практике наступало затишье, у него было для этого время. Джоан тоже увлеклась и стала неплохим игроком. Они играли со многими людьми и очень сблизились с одной парой — Дугласом Кэмпбеллом и его женой Хьюлен. Их познакомил Алекс Тейлор, в то время живший по соседству. Дуглас, крепко сбитый мужчина с учтивыми манерами, всегда выглядел безукоризненно. Он производил впечатление серьезного человека строгих взглядов, но за этим фасадом скрывалось тонкое чувство юмора. Он любил выпить и посмеяться, и чем ближе Альф узнавал этого человека с заразительным смехом, тем больше тот ему нравился. Они с Джоан очень подружились с Кэмпбеллами, часто проводили вместе вечера и выходные, а в 1956 году наши две семьи даже отдыхать поехали вместе.

Именно Дуглас морально поддержал Альфа в тот страшный день в «Золотом руне», когда он отчаянно, но безуспешно торговался за дом своей мечты. И потом, в 1951-м, когда Альф и Джоан чертили планы для своего будущего дома, его профессиональная помощь (он был дипломированным землеустроителем) им очень помогла.

Гольф-клуб Тирска и Норталлертона, в котором состояли Альф и Джоан, имел одну особенность. Поскольку клуб приобрел небольшое поле в девять лунок вместе с правом выпаса, почти весь год здесь обитали овцы. Еще это место облюбовали собаки, и только два члена клуба в полном объеме пользовались этой несколько необычной концессией — Альф и Гарри Аддисон. Альф Уайт, возможно, ничего собой не представлял в глазах комитета гольф-клуба, но с Гарри Аддисоном они вынуждены были считаться.

Гарри Аддисон, наш семейный врач, упоминается в книгах Джеймса Хэрриота под именем доктора Аллинсона. Рози и я появились на свет с его помощью, и мы все знали, что этот врач никогда не причинит вреда. Высокий лысеющий человек в очках не только был лучшим игроком клуба, но и обладал сильным характером, внушавшим глубокое уважение, поэтому никто особенно не возражал против присутствия его собаки на поле для гольфа. Альф с удовольствием совмещал прогулки с собакой с

игрой в гольф, и такое удачное положение дел продолжалось в течение многих лет, но потом все изменилось. Гарри Аддисон перенес инфаркт и решил выйти на пенсию и переехать в Сент-Эндрюс. Примерно в это же время комитет клуба принял решение запретить прогулки с собаками на поле для гольфа.

Отъезд Гарри очень огорчил Альфа. Ему нравилось смотреть, как мастерски играет доктор, он восхищался его плавным свингом, после которого маленький белый мяч отлетал прямо на площадку и, весело подскакивая, останавливался у самой лунки. Альф понимал, что, лишившись своего могущественного соперника, он вряд ли сможет оспорить запрет на прогулки с собаками по полю для гольфа. Регулярная игра в гольф для него кончилась: когда пришлось выбирать между прогулкой с собаками и игрой в гольф, его верные четвероногие друзья одержали безоговорочную победу.

Оглядываясь назад, Альф понимал, что собаки на игровой площадке — не самая хорошая идея, и не держал обиды на комитет, хотя жалел, что его гольф столь неожиданно остался в прошлом. Но, по крайней мере, у него было десять счастливых лет, когда он мог играть в свое удовольствие.

Свободное время Альфа было занято не только гольфом и теннисом или семьей. Он всегда с трепетом относился к родителям и регулярно навещал их в Глазго. Его мать тоже старалась, чтобы он не забывал город своего детства, и отправляла в Тирск аппетитные посылки с шотландскими лакомствами, которых здесь не было: пироги с бараниной, ломтики шотландской колбасы, картофельные сконы (лепешки) и кровяную колбасу. Альф сохранил любовь к традиционной шотландской пище и жадно набрасывался на эти деликатесы.

Вместе с едой родители присылали «Санди Пост», традиционную шотландскую газету, которую Альф прочитывал от первой строчки до последней. Он с интересом изучал отчеты о футбольных матчах и хохотал до слез над нескончаемыми комиксами «Семья Брунов» и «Наш Уилли».

Короткие каникулы в Глазго шли Альфу на пользу. Сельская тишина Йоркшира казалась ему почти нереальной, когда он слышал голоса оживленных улиц, крики лоточников, пронзительные гудки автомобилей и мелодичные протяжные звонки трамваев, которые, покачиваясь, катили по Сокихолл и другим, таким знакомым ему, улицам города.

Во время семейных поездок в Глазго нашу компанию часто разбавляла двоюродная сестра отца Нэн. Она была крестной матерью мне и Рози. Всю жизнь отец общался с Нэн, дочерью тети Джинни Уилкинс, больше, чем с другими родственниками. Альф,

моложе ее всего на тринадцать лет, относился к ней как к старшей сестре. Нэн, незабываемая женщина, воплощала в себе характерные черты Беллов. Она поглощала спиртное в огромных количествах, курила сигареты одну за другой и при этом прожила больше восьмидесяти лет. Однажды она сказала нам, что курение — одна из главных радостей ее жизни и она не собирается отказываться от этой привычки. «В конце концов, я скручиваю сигареты с одиннадцати лет, с какой стати бросать это сейчас?»

Нэн была замужем за Тони Эрроусмитом, улыбчивым добродушным человеком с тонкой полоской усов, словно нарисованных карандашом. Он постоянно острил и сыпал анекдотами. С такой женой, как Нэн, успех ему был обеспечен: Нэн громогласно хохотала над любым анекдотом, даже не очень смешным. Из-за курения голос у Нэн стал низким и сипловатым, и во время наших визитов в Глазго мы постоянно слышали ее хриплый смех. Остроты Тони и хохот Нэн действовали на всех нас как тонизирующее средство.

До 1950 года Альф мог позволить себе лишь редкие поездки в Глазго. Но вскоре появился помощник, дела в практике уверенно шли в гору, и в 1950-х годах у него появились деньги и время для ежегодного отпуска с семьей.

В 1951 году мы впервые все вместе отправились отдыхать в Залив Робина Гуда, маленький городишко на побережье Йоркшира. Вместе с нами отдыхали Алекс и Линн Тейлоры, которые в то время жили неподалеку. Два раза, в 1951-м и 1953-м, мы ездили в Лландудно в Северном Уэльсе, а в 1954-м провели отпуск в Озерном крае. Мы остановились в Скелуит-Бридж близ Амблсайда. Там все время шел дождь, но это не помешало Альфу влюбиться в величественную красоту озер, и он много раз возвращался в этот чудесный край.

После отдыха в 1955 году на севере Ирландии, в Баронскорте, где Алекс Тейлор тогда управлял имением герцога Аберкорна, следующие пять лет мы отдыхали в Шотландии. Два отпуска за это время, в 1958-м и 1959-м, в Аллапуле и на острове Скай, были незабываемыми благодаря семье Гордона Рэя.

Гордон, знаток природы, поражал нас знанием птиц и полевых цветов во время наших прогулок по холмам. Отец был потрясен. Он вырос в городе и почти ничего не знал о флоре и фауне родной земли, поэтому с изумлением слушал Гордона, который безошибочно определял название каждого цветка, даже самого маленького.

Гордон был помешан на физических упражнениях. В Аллапуле он будил нас рано утром, заставляя бежать на пирс и

нырять в море до завтрака. Отец, хотя и сам стремился держать себя в форме, к тому времени более спокойно относился к своему здоровью. Холодные ванны давно остались в прошлом, и он вежливо отказывался от утреннего купания.

В те дни Альф и Джоан даже не помышляли об отдыхе за границей; тогда никто об этом не думал. Позже они несколько раз побывали за рубежом, но самые счастливые отпуска они проводили с семьей и друзьями на побережье родной страны.

Альф считал 1950-е годы самыми счастливыми в своей жизни. Практика процветала, он мог проводить время с семьей, и вдобавок он вновь стал расширять свои горизонты, как когда-то в юности. У него появилось несколько хобби — одни серьезные, другие не очень.

Одним из самых кратковременных было увлечение «здоровым» образом жизни. Он купил книгу Гейлорда Хаузера «Диета тебе поможет» и был уверен, что, следуя советам на ее страницах, сохранит прекрасное здоровье на многие десятилетия. Гейлорд Хаузер рекомендовал каждый день есть четыре «суперпродукта», о которых в те времена никто не слышал. На кухонных полках стали появляться йогурты, ростки пшеницы, витаминные дрожжи и сырая меласса (черная патока), и Альф упорно поглощал их, правда, не всегда с удовольствием.

Однажды, проглотив ложку патоки, он вспомнил одного старого фермера, который рассказывал ему, что хозяин кормил его самой дешевой едой — клецками с патокой. По словам старика, «клецки застревали в животе на неделю, а патока сразу выходила наружу». Не знаю, какое действие оказывала эта диета на пищеварительную систему отца, но через несколько месяцев он от нее отказался.

Его решение следовать диете Гейлорда Хаузера подвергалось серьезному испытанию в так называемые «фруктовые дни», когда он пытался выполнить другие рекомендации своего гуру. В этот день нельзя было есть ничего, кроме фруктов, смысл заключался в «очищении и детоксификации» организма. Проголодавшись после утренних визитов на фермы, отец приходил домой и получал на обед пару яблок и апельсин. А вся семья тем временем уплетала жаркое из говядины, йоркширские пудинги и картошку, политые ароматным густым соусом. Мне казалось, что матери нравилось его мучить и она умышленно готовила все эти аппетитные блюда в его «фруктовые дни». Он, конечно, не выдерживал напряжения и присоединялся к нам и нашим соусным озерам.

В 1958 году Альф вдруг увлекся игрой на скрипке. Он всегда

любил слушать музыку и за год до этого вступил в Тирское музыкальное общество, но теперь решил, что хочет играть сам.

Скрипка всегда была любимым музыкальным инструментом Альфа. У него были пластинки со всеми великими концертами для скрипки, особенно он восхищался такими знаменитыми исполнителями, как Альфредо Камполи и Яша Хейфец. Много лет спустя Джеймс Хэрриот выступал по радио в программе «Пластинки на необитаемом острове»[6]. Он без колебаний выбрал свою любимую пластинку на все времена — Скрипичный концерт Элгара.

Увлечение скрипкой продолжалось два или три года. Альф играл со Стивом Кингом, директором местной школы, и благодаря общей любви к музыке и спорту они стали большими друзьями. Инструментом Стива была виолончель, и они часами играли дуэтом, а также выступали в составе школьного оркестра. В 1958 году Альф писал родителям о своем новом хобби:

«Старый скрипач делает успехи, я стал играть намного лучше. Сейчас я почти так же хорош, как те бедолаги, которых вы слышите на улице. Но мне это нравится! Я хватаюсь за инструмент при любой возможности. Забавно, комната мгновенно пустеет, как только я начинаю пиликать».

Больших успехов он не добился, и семья не особенно поддерживала это его увлечение. Нужно очень хорошо играть на скрипке, чтобы она сносно звучала, и зимними вечерами нам иногда приходилось слушать скрипучие концерты у камина. Работы становилось все больше, и отец не мог много времени посвящать своему хобби; и хотя непродолжительное знакомство со скрипкой доставляло ему удовольствие, в 1960-м его увлечение плавно сошло на нет.

1950-е годы принесли Альфу радость и удовлетворение, но ближе к концу десятилетия начался темный период его жизни. Ситуация постепенно ухудшалась, почти незаметно, но одно событие 1960 года повергло Альфа в бездну депрессии, которая продолжалась около двух лет. Это был единственный период в моей жизни, когда отец стал незнакомым для меня человеком.

Глава 18

Пятница 8 апреля 1960 года началась чудесно для Альфа Уайта. Вместе со своим другом Гаем Робом он отправился в Глазго на международный футбольный матч между Шотландией и Англией. Матч проходил в Хэмбден-Парке, и с ними собирался пойти отец Альфа. Альф всегда радовался этим поездкам. Он не только снова увидит родителей, но и сможет поговорить о футболе с Папашей, — это всегда была самая любимая тема их разговоров.

Письма, которые Папаша писал Альфу и Джоан, неизменно начинались с формальных вопросов о семье, потом он в одном-двух коротких предложениях рассказывал о себе и бабуле Уайт, а остаток письма посвящал подробным отчетам о футбольных матчах, обзорам о состоянии Футбольной ассоциации Сандерленда или своим последним впечатлениям об английской команде по крикету. Эти послания пестрели спортивным сленгом, и письма Альфа родителям, хоть и не настолько перегруженные терминологией, были написаны в том же духе. Джоан обычно читала первые пару строчек и, дойдя до начала четырехстраничного отчета о матче между «Рейнджерз» и «Селтик», передавала письмо мужу.

Приезд сына в Глазго был для Папаши главным событием года, и Альф тоже всегда радовался встрече с ним. Ему никогда не было скучно в компании отца.

Но тот день 1960 года обернулся трагедией. Приехав к дому родителей на Эннисленд-Роуд, Альф задохнулся от ужаса: перед дверью стоял катафалк. Пока они с Гаем ехали из Тирска, отец скоропостижно умер от сердечного приступа. Вместо того чтобы наслаждаться матчем между Англией и Шотландией, Альф готовился к похоронам, а несчастный Гай Роб следующим поездом вернулся домой.

Этот неожиданный сокрушительный удар сбил Альфа с ног. Он потерял дорогого человека и больше года не мог прийти в себя, скатываясь все ниже в своем отчаянии. В конце концов он погрузился в глубокую и серьезную депрессию.

Моя мать, Рози и я приехали в Глазго на похороны Папаши, и я помню выражение лица моего отца в крематории Марихилл. Он был в полном замешательстве, отчаянно пытался сдержать слезы, а все вокруг, и я в том числе, плакали, скорбя о потере близкого и дорогого для нас человека. В тот момент горе раздавило Альфа.

В письме матери вскоре после смерти отца он, пытаясь утешить ее, рассказывает о своих чувствах: «Я знаю, сейчас ты все

время думаешь о нем и ощущаешь ужасную пустоту. Я тоже, как ты понимаешь. Но, знаешь, у меня возникло чувство близости с Папашей. Временами я ловлю себя на мысли, что говорю с ним о футболе или других вещах, которые были нам интересны. Все это теперь в прошлом, но я знаю одно: любовь и воспоминания не умирают никогда и служат утешением для живых».

Неудивительно, что внезапная смерть Папаши нанесла Альфу сокрушительный удар: их связывали крепкая дружба и любовь. Для меня смерть Папаши тоже стала сильным потрясением. Мне тогда исполнилось семнадцать, и в сентябре следующего года мне предстояло переехать к бабушке с дедушкой на Эннисленд-Роуд, так как я поступил на ветеринарное отделение Университета Глазго. Мне ужасно жаль, что Папаши не было со мной в мои университетские годы, но самое печальное — он не дожил до литературных успехов своего сына. Он бы необычайно им гордился, с жадностью проглатывал бы все его книги и был бы самым большим почитателем таланта Джеймса Хэрриота.

Он бы гордился всемирной славой своего сына. Альф тоже жалел, что Папаше не довелось почитать его произведения, но он считал, что один знак отличия доставил бы его отцу особую радость.

Однажды, больше тридцати лет спустя, в то время, когда Альф был в зените славы и популярности, они с Алексом Тейлором гуляли и говорили о последней награде Альфа: ему присвоили титул почетного президента футбольного клуба «Сандерленд».

— Знаешь, Алекс, — сказал он, — Папаша был бы в восторге от моих литературных успехов, но главным моим достижением он бы считал именно это звание!

Внезапная смерть Папаши стала своего рода катализатором: Альф по спирали катился в пропасть и в конце концов вошел в штопор глубокой депрессии, но не только это стало причиной его срыва. Его эмоциональное состояние стало ухудшаться еще до смерти отца. Нервные расстройства очень сложно распознать, а в его случае сказалось влияние многих факторов.

В некоторых отношениях Альф был идеальной «почвой для нервного срыва». Когда он поправился, мне часто говорили: «Странно, что у вашего отца произошел нервный срыв. Он всегда выглядел таким спокойным и, казалось, ничего не принимал близко к сердцу». Этим многое объясняется. Альф действительно производил впечатление человека, который держит ситуацию под контролем, но он всегда скрывал свои чувства; он подавлял эмоции вместо того, чтобы открыто поговорить о них.

Альф вечно о чем-то беспокоился, но при этом был замкнутым человеком, который редко делился своими сокровенными мыслями. Он беспокоился о Джоан и ее каторжной работе по дому. Он беспокоился о нас с Рози, терзаясь сомнениями, что он мало для нас делает. Он переживал из-за родителей: что, если он потеряет работу? Справятся ли они? Ведь Папашина должность в конторе не приносила стабильного дохода. Постепенное, но неуклонное исчезновение пастбищных угодий в окрестностях Тирска вызывало у него тревогу не только за будущее практики, но и за профессию ветеринара в целом. Будут ли люди и через много лет вставать ни свет ни заря, чтобы подоить корову, или какой-нибудь умник запустит в производство искусственное молоко, и это окажется проще и дешевле? Не имея никаких сбережений, Альф полностью зависел от финансовых успехов своего бизнеса. Когда в конце 1950-х возникли трения с помощниками, он сам взялся разобраться с ними, не попросив никого о помощи. Он не обсуждал свои проблемы с семьей: замкнутая натура не позволяла ему делиться с кем-либо своими тайными страхами и надеждами.

В конце 1950-х он очень переживал из-за образования детей. Мы с сестрой ходили в местную школу, но отец страстно мечтал, чтобы мы учились в частном учебном заведении. Его родители многое приносили в жертву, чтобы отправить его в платную школу, и в душе он винил себя в том, что не смог предоставить нам такую же возможность.

Начальное образование мы получили в частной школе Айви Дин, и отец намеревался оплачивать нашу учебу в средней школе, но у матери были другие идеи. Она категорически настаивала, чтобы мы учились в Тирске. В пользу ее доводов говорил тот факт, что Альфу было бы трудно найти деньги на оплату частного обучения. Он мог бы себе это позволить, перейдя на режим строжайшей экономии, и то, что он этого не сделал, лишь усугубляло чувство вины.

В действительности ему не о чем было беспокоиться. Тирская средняя школа под руководством своего директора, приятеля отца Стива Кинга, добилась поразительных результатов для сельской школы. Благодаря высокому уровню обучения в сочетании со строгой дисциплиной, мы с Рози получили прекрасное образование, но, несмотря на наши успехи, отец продолжал терзаться сомнениями: сделал ли он для нас все, что мог?

Его коллеги, Дональд Синклер и Гордон Рэй, отправили детей в платные школы, как и многие другие состоятельные жители Тирска. Ему казалось, что он — едва ли не единственный

ветеринар, отдавший детей в местную школу. Что, если они не смогут добиться успеха? Сможет ли он когда-нибудь себе это простить?

Отец внимательно следил за нашей учебой, и когда на втором году я стал хуже учиться, помню, он сурово меня отчитал. Думаю, если бы я не подтянулся и не повысил успеваемость в следующем классе, он бы душу заложил, но отправил меня в платную школу.

Его беспокоило не только образование. В те времена акцент считался чем-то вроде клейма, он мог даже стать препятствием на пути к профессиональному успеху. Я рос в Йоркшире и общался с другими йоркширскими мальчишками, поэтому, естественно, говорил с акцентом, — это так беспокоило отца, что он отправил нас с Рози на занятия риторикой в соседний городок Райпон. Отец был убежден, что занятия приносят мне пользу, а я их ненавидел. У меня ничего не получалось, и в конечном счете он сдался. Сейчас все изменилось, и сельский выговор ни у кого не вызывает осуждения, но тогда отец был уверен, что мой йоркширский акцент будет мне мешать. Это лишь еще один пример его одержимости нашим благополучием, — он был преисполнен решимости во что бы то ни стало поставить нас на ноги.

Его тревоги не ограничивались лишь самыми близкими родственниками. С тех пор, как он окончил Ветеринарный колледж в 1939 году, он нес на своих плечах тяжкое моральное бремя — считал, что он в огромном долгу перед родителями и никогда не сможет его вернуть. С самых первых дней работы ветеринаром, когда он еле-еле сводил концы с концами, он регулярно посылал деньги родителям, добросовестно писал им каждую неделю и обязательно навещал их несколько раз в год. Его преданность родителям вызывала восхищение, но она имела свою цену. Я хорошо помню день окончания Ветеринарного колледжа при университете Глазго в 1966 году. Приехали мои родители. Они остановились у бабушки на Эннисленд-Роуд. Мы отмечали это радостное событие, и бабушка сказала мне:

— Джим, никогда не забывай, что ты в неоплатном долгу перед своим отцом. Он многим жертвовал ради тебя. Ты всем обязан ему.

Я никогда не забуду выражение отцовского лица и его последующие слова. Он вывел меня в другую комнату.

— Ты *ничего* мне не должен! Понятно? Абсолютно ничего!

Он даже немного напугал меня своей горячностью. Я всегда знал его как сдержанного и мягкого человека, и мне было странно слышать от него такие откровенные слова. Вообще-то я считал,

что очень многим ему обязан, о чем и сказал ему.

Он немного помолчал, глядя мне прямо в глаза.

— Ты ничего мне не должен — ни мне, ни твоей матери!

Больше он не сказал ни слова.

С течением 1960 года болезнь прогрессировала, и я заметил незначительные изменения в поведении отца, когда его самые темные воображаемые страхи стали приобретать угрожающие размеры. Один из худших его страхов вызывала мать: он подозревал, что она интересуется другими мужчинами.

В то время моя мать была привлекательной и — под настроение — кокетливой женщиной, которая, несомненно, вызывала восхищение у многих друзей и знакомых отца. С самой первой встречи отец любил ее до безумия, и я уверен, его выдуманные опасения, что она может оставить его ради другого, в значительной мере способствовали ухудшению его состояния. Я помню его неприкрытую враждебность к любому мужчине, который, по его мнению, оказывал ей слишком много внимания. Он не был похож на человека, которого я знал.

Я учился в шестом классе, и тогда, единственный раз в жизни, между нами возникло отчуждение. Отец постоянно давил на меня, предъявлял мне бесконечные требования: я должен причесываться, каждый день бриться, правильно говорить и в целом вести себя так, как он считает правильным. Я чувствовал, что отец следит за каждым моим шагом, и мне это не нравилось. Напряженные занятия в школе отвлекали меня, и он тоже много работал, поэтому мы ни разу открыто не поссорились, но впервые между нами пролегла пропасть. В то время я этого до конца не осознавал, но передо мной был человек, находившийся на грани нервного истощения, несущий на своих плечах все тревоги мира.

В начале лета 1960 года, когда его состояние ухудшалось с каждым днем, Джоан, по совету врача, отвезла его в Йорк к психиатру. Для нее это было очень тяжелое время. Она жила с мужем, у которого происходило постепенное изменение личности, но она поддерживала его — несмотря на неразумное поведение, совершенно не свойственное человеку, за которого она вышла замуж. Он постоянно к ней придирался — как и ко мне, — но она все стойко сносила. Я восхищался ей. Я был достаточно взрослым, чтобы понять: с моим отцом творится что-то неладное, — и пытался представить, в каком напряжении жила она.

В результате электрошоковой терапии отцу стала изменять память. В день рождения Рози мы всей семьей отправились в Райпон на фильм Уолта Диснея «Белая пустошь». Отцу фильм

явно понравился, но когда я упомянул о нем следующим утром за завтраком, он посмотрел на меня словно во сне. Его глаза, казалось, были прикованы к какой-то точке в нескольких километрах у меня за спиной.

— Фильм? Какой фильм? — спросил он.

Он забыл предыдущий вечер.

Предполагали, что депрессия Альфа связана с многократными приступами «мальтийской лихорадки». Он заразился, когда лечил коров с бруцеллезом, распространенным в те дни заболеванием молочного скота, — оно вызывало выкидыши и рождение мертвого плода у коров и телок. Как большинство других ветеринаров, Альф сотни раз извлекал послед из зараженных коров, и после этого у него иногда появлялись симптомы лихорадки и бредового состояния. В этих случаях он несколько дней лежал в постели.

Эта болезнь считается депрессивной, но на Альфа она оказывала противоположное действие. Он становился легкомысленным и счастливым, лежал в постели и отпускал шутки, над которыми сам же дико и истерично хохотал. Через много лет он описал свои симптомы в книге «Все живое». Приступы были короткими, и он быстро возвращался к работе. К счастью, болезнь не оказывала на него длительного воздействия — в отличие от его коллег, у которых развивались симптомы артрита и продолжительной депрессии. Не следует полностью сбрасывать со счетов влияние бруцеллеза на болезнь Альфа, но не только бруцеллез виновен в его тяжелом душевном расстройстве. Причины были намного сложнее.

Несмотря на явное ухудшение после смерти Папаши, он умудрялся скрывать свою депрессию от других, и коллеги по работе не догадывались о его состоянии. Он делал вид, что все в порядке, но утаить проявления болезни от семьи ему удавалось не всегда.

В октябре 1960-го он поехал к матери в Глазго и взял с собой Рози. Когда они были уже недалеко от города, он вдруг схватил дочь за руку и прижал ее к рычагу переключения передач. Ей тогда было всего тринадцать, но она до сих пор помнит напряженное лицо отца, мертвой хваткой вцепившегося в ее руку на подступах к дому матери.

Что это было — нахлынули воспоминания о смерти отца? Или вышел на поверхность врожденный страх перед матерью? Когда он пришел в себя после нервного срыва, то стал гораздо спокойнее относиться к матери, но в тот день около своего старого дома он отчаянно сжимал руку Рози, и в его душе,

очевидно, бушевали сильные и разрушительные эмоции.

К чести отца, он, насколько мог, скрывал от нас свои чувства, и в письмах к матери нет и намека на царившее в его душе смятение. Он боролся с болезнью единственным известным ему способом — продолжал работать. Практика процветала, и, благодаря увеличению объемов работы по туберкулинизации, в 1960-е в клинике постоянно трудились три помощника. Однако весной 1961-го двое из них ушли. Это был очень тяжелый период для отца, ему снова пришлось выезжать на ночные вызовы, и он работал больше, чем когда-либо. Возможно, это была своего рода терапия, помогавшая ему отвлечься от тревожных мыслей.

В марте 1961 года он писал матери: «Утром я принимал роды у овцы на залитом солнцем склоне холма неподалеку от Эмплфорта и думал, что у меня самая замечательная профессия на свете». Очевидно, в тот трудный период своей жизни он находил утешение в любимой работе.

Несмотря на напряженный график, Альф находил время для своих увлечений — работал в саду, играл в теннис и на скрипке — и никогда не забывал о своей семье. В 1960 году мы отправились в очередной отпуск, как обычно, с Алексом и Линн Тейлорами, которые тогда жили в Гленливете на северо-западе Шотландии. Не забывал Альф и о матери, которой по-прежнему писал раз в неделю, помогая ей справиться с потерей мужа. Он оставался все тем же заботливым отцом и преданным сыном.

В октябре 1960-го Эдди Стрейтон приехал в Тирск на заседание местного ветеринарного клуба и заметил, что его старый друг болен. Шесть месяцев спустя, узнав, что улучшений нет, он предложил Альфу и Джоан отдохнуть в его доме в Баньялбуфаре на острове Майорка, а сам выразил готовность заменить Альфа в практике на время — причем за свой счет. Альф всегда с благодарностью вспоминал этот широкий жест дружбы.

В июне 1961 года Альф с Джоан впервые провели отпуск за границей. Полная смена обстановки, красивая природа и теплое радушие местных жителей пошли отцу на пользу, и этот отпуск стал переломным моментом в его болезни.

Я помню, как встречал родителей на вокзале в Тирске после их возвращения с Майорки. Я не видел отца три недели и был потрясен его видом. Он сильно похудел, — экзотические фрукты и овощи, против которых он не мог устоять, оказали стимулирующее действие на его пищеварительную систему. Его сухопарое тело словно бы съежилось под широкополой белой шляпой от солнца.

Я подошел к нему и пожал руку.

— Рад тебя видеть, папа! Как отдохнул?

С белого лица на меня смотрели запавшие глаза. Должно быть, он думал, как хорошо я выгляжу. В Йоркшире стояла жара, и я играл с Эдди в теннис, а также объезжал с ним фермы в его открытой спортивной машине. Я был больше похож на человека, который отдыхал на залитой солнцем Майорке, чем стоявшая передо мной бледная фигура.

— Превосходно, Джим! — ответил он и широко улыбнулся.

В тот момент я понял, что отец на пути к выздоровлению. Вид у него был изможденный, но тот обращенный внутрь себя взгляд исчез, и в глазах мелькали столь знакомые мне огоньки юмора и любви. Он выглядел ужасно, но я знал, что кризис миновал.

Вернувшись из отпуска, Альф обнаружил, что один помощник болен, и хотя сам еще был очень слаб, немедленно окунулся в работу — испытанное средство от нервных болезней. Однако временами он вновь уходил в себя, и в конце концов мы уговорили его взять еще один отпуск.

Отец мог это себе позволить, так как в практике работали еще два молодых помощника. Мыс Рози и ее школьная подружка отправились вместе с ним в поход по йоркширским холмам. Ему становилось лучше с каждым днем, и этот отпуск навсегда врезался в мою память.

Прогулки на свежем воздухе заметно укрепили его здоровье. Вместо того, чтобы беспокоиться обо всем на свете, ему приходилось напрягать все силы, чтобы не отставать от молодежи. Мы прошли Уэнслидейл, Суэлдейл и Дентдейл. Мы забирались на высокие холмы и шагали по зеленым речным долинам. Останавливались на молодежных турбазах и спали в палатках. После прогулок на свежем воздухе сон был крепким, и просыпались мы бодрые и полные сил. Хотя отец стер ноги до волдырей и разбил колено, спускаясь с горы Грейт-Шаннер-Фелл, но отпуск доставлял ему огромное удовольствие. Его физическое и психическое состояние постепенно улучшалось, словно чистый йоркширский воздух очищал его душу от терзавших ее тревог.

18 августа, когда мы еще бродили по холмам, стали известны результаты моих экзаменов. Отец несколько недель переживал из-за них, зная, что в случае неудачи меня не примут в Университет Глазго. Напряжение достигло апогея, когда я позвонил директору Стиву Кингу из паба «Куропатка» в Гарсдейл-Хед.

Я сдал экзамены лучше, чем ожидал, и когда мы с отцом отмечали это радостное известие за кружкой пива, его лицо светилось от счастья. С тех пор он никогда не беспокоился из-за образования своих детей. Рози добилась еще больших успехов: ей предложили место сразу в двух университетах — Оксфорде и Кембридже. Тирская школа могла нами гордиться.

После отпуска в йоркширских холмах Альф быстро пошел на поправку. Он так и остался замкнутым человеком, но с тех пор редко позволял своим чувствам брать над ним верх. Он побывал в аду и вернулся оттуда более мудрым. Вспоминая те страшные дни, он понимал, что на самом деле ему не о чем было беспокоиться. У него была крепкая семья, прочное финансовое положение, практика процветала, и ничто не омрачало его будущего. Осознав, что ему следовало больше нам доверять, в середине 1960-х отец превратился в доброго самаритянина и выслушивал других людей, позволяя им дать выход своим эмоциям.

Люди помогали ему бороться с болезнью. Моя мать — твердой поддержкой, Эдди Стрейтон — замечательным дружеским жестом, и мы с сестрой, по-своему, тоже помогали ему — хорошей учебой в школе уменьшали его тревоги. Но главная заслуга принадлежит одному человеку — самому Альфреду Уайту.

Было бы проще отказаться от работы, но он этого не сделал. Он почти не брал выходных и, несомненно, жил в постоянном кошмаре, но не сдавался и отважно искал дорогу к свету. Меня всегда восхищало то, как отец боролся с болезнью и победил ее. В конце 1960-х бывали дни, когда мы боялись, что он никогда не станет прежним, но он поправился.

Потом в некоторые периоды его жизни у него появлялись настоящие поводы для беспокойства, но он хорошо усвоил урок. Альфред Уайт больше никогда не позволял тревогам поработить свою душу.

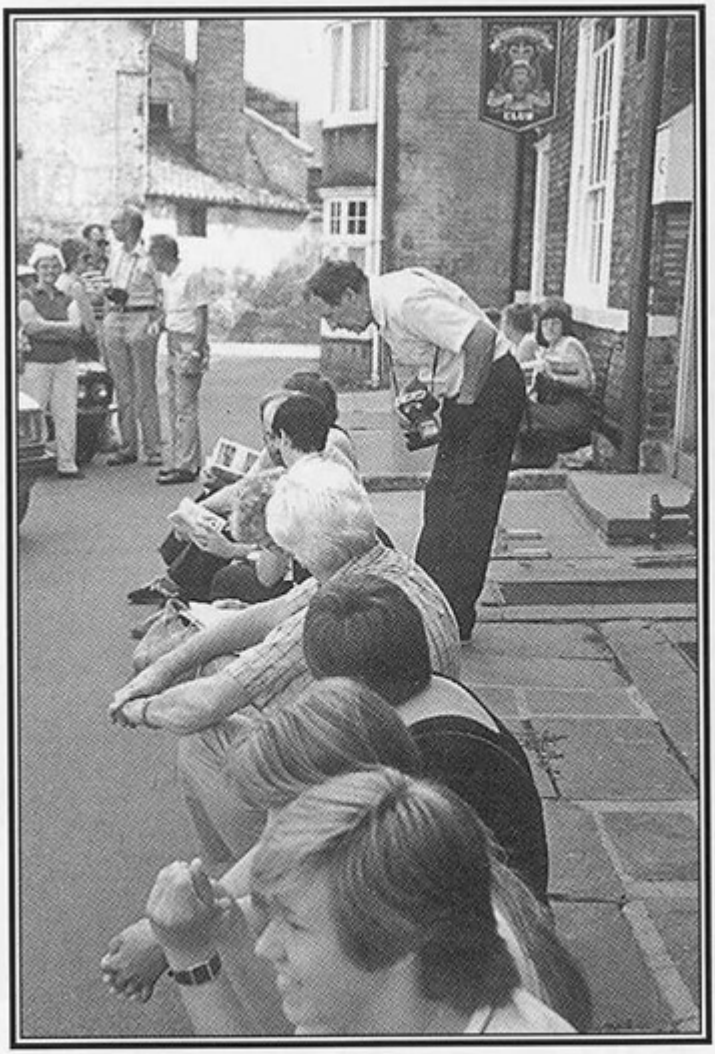
Дик Фрэнсис и Дональд Синден с Альфом
на приеме «Писатели года»

Антея Джозеф, издатель Альфа, и леди Каберри
на литературном приеме «Йоркшир Пост»

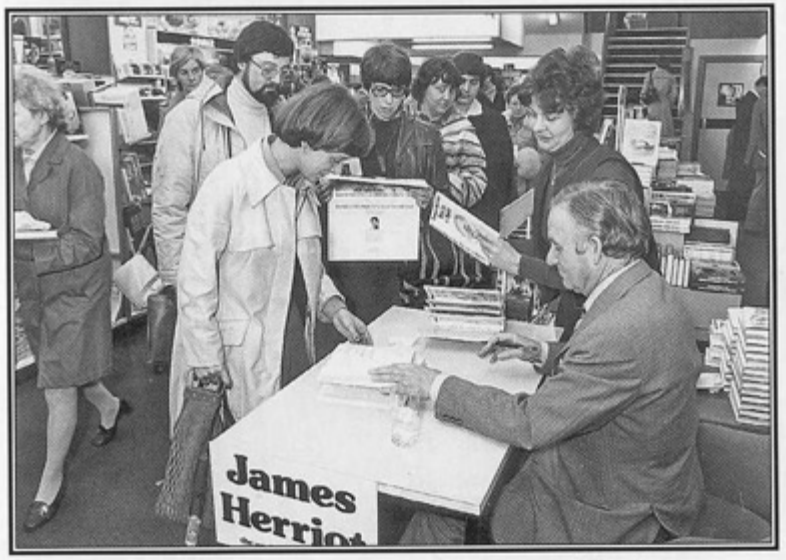
Автографы раздавались в любой обстановке

Альф подписывает книги для фермера Остина Белла из Уэзеркота в своей приемной

Животным срочно нужна моя помощь, или вы все за автографами?



Очередь терпеливо ждет открытия клиники на Киркгейт, 23



Очередь в магазине Смита, Харрогит, 1977 год

Великая честь:
в Букингемском дворце после получения ордена Британской империи
в 1979 году

Глава 19

Хорошо, что после болезни Альф стал крепче духом. В последующие годы на него навалилось много проблем финансового свойства. Пахотные земли постепенно вытесняли зеленые поля, фермеры, разводившие крупный скот, стали образованнее, и многие сами лечили своих животных. Альф воспринимал это как неизбежное последствие прогресса в сельском хозяйстве, но поскольку работа с мелкими животными все еще считалась второстепенной, денежные потоки практики немного оскудели.

Дел по-прежнему было много, и он получал доход, достойный его профессионального уровня, но забот у него было достаточно.

Одним из факторов стресса была необходимость присматривать за молодыми помощниками. Дональд и Альф всегда с удовольствием нанимали выпускников ветеринарных колледжей. Они делились свежей информацией с двумя партнерами, а те, в свою очередь, предоставляли молодым людям бесценный практический опыт, накопленный за долгие годы.

Одних знаний недостаточно для работы в практике: желание учиться и изрядная порция здравого смысла — вот главные качества успешного ветеринара. Большинство молодых выпускников быстро приспосабливались к новой жизни, но некоторым это давалось нелегко.

На Киркгейт, 23 всегда царила атмосфера добродушного юмора, что создавало благоприятные условия для молодых ветеринаров, только начинающих свой трудовой путь. У партнеров был список «правил», которые они внушали каждому помощнику. Хотя правила были составлены с иронией, каждое содержало долю здравого смысла.

Помню, в начале 1960-х я, будучи студентом, объезжал с Дональдом фермы, и он излагал мне свои «Золотые правила». Его голос до сих пор звучит у меня в ушах, как будто он сидит рядом со мной.

«Всегда оказывай помощь! Неважно, что фермер звонит среди ночи и вызывает тебя к животному, которое болеет уже шесть недель. *Ты обязан оказать помощь!*» Самого Дональда, разумеется, редко об этом просили.

«Веди себя учтиво! Если просишь ведро теплой воды, говори „пожалуйста“. Не говори свысока с йоркширским фермером. Как все люди, они ценят хорошие манеры».

«Сгущай краски! Если ты скажешь, что животное поправится,

у тебя возникнут проблемы, если оно умрет!» Дональд Синклер был виртуозом в этом деле.

«Обязательно что-нибудь делай! Никогда не уезжай с фермы, не назначив какого-нибудь лечения! Сделай укол витаминов… все, что угодно!»

«Веди себя уверенно и всему давай названия. Никогда не говори, что не знаешь, в чем дело!» Сегодня это, возможно, покажется смешным, но у правила была определенная логика — особенно в те годы, когда работали со старыми клиентами. «Больше не присылайте ко мне этого новичка! Он не мог сказать, что с моей коровой!» — Альф с Дональдом не раз слышали подобные крики.

Свои наставления Дональд завершил последним правилом, которое он явно выучил на собственном горьком опыте: «Всегда ставь машину поближе к выезду с фермы!»

Однажды он давал советы помощнику, которому предстояла незавидная задача — оценивать лошадей на выставке. Это одно из самых неблагодарных занятий ветеринара: если двадцать участников претендуют на один приз, у тебя есть все шансы заиметь девятнадцать врагов. Дональд дал помощнику разумный совет.

— Держись уверенно! — сказал он. — Веди себя дружелюбно, но твердо. Тщательно осматривай каждое животное и никому не позволяй влиять на твое решение. И не выключай двигатель в машине!

Дональд всегда настаивал (и был совершенно прав) на профессиональном подходе к клиенту. Он подчеркивал, что ветеринар обязан выглядеть опрятно, несмотря на грубую и грязную работу. Особенно он сердился, если кто-то из его работников приходил без галстука.

Помню, в один очень жаркий день я вошел в клинику в рубашке с расстегнутым воротом.

— Где твой галстук, Джим? — рявкнул он.

— Извините, Дональд, — ответил я, — я оставил его в машине.

— Я хочу, чтобы ты надел галстук! — заявил Дональд. Он направился к выходу, но внезапно остановился и показал на меня пальцем. — Ты позоришь нашу профессию!

Альф выучил эти «правила», веселые уроки ветеринарного «искусства», в первые годы своей карьеры, но одно искусство он освоил после выздоровления от болезни — искусство расслабляться.

Он всегда считал обед самым важным приемом пищи за день,

и как бы много ни работал, всегда находил время пообедать. Во время этого перерыва он и научился искусству «короткого сна». Когда я работал и жил с родителями в конце 1960-х и начале 1970-х, я видел, как он после обеда садился в кресло, закрывал глаза и мгновенно проваливался в глубокий сон, который длился не больше десяти минут. Он уверял меня, что потом чувствует себя посвежевшим и готовым к работе, добавляя, что некоторые великие люди — к примеру, Уинстон Черчилль — тоже имели обыкновение восстанавливать силы с помощью короткого сна в середине дня.

Самое главное — в то время он был в ладу с самим собой. Понимая, что всего несколько лет назад он пережил тяжелейшую депрессию, которая едва его не уничтожила, отец теперь все видел в перспективе. Его работа в практике, безусловно, была нелегкой, но теперь он больше, чем когда-либо, мог благодарить судьбу.

Многие годы собаки были его неизменными спутниками, без которых жизнь казалась ему пустой и скучной, поэтому после преждевременной смерти его бигля Дины в 1963 году он поспешил найти ей замену. Услышав, что у Джона Бамби, фермера из Топклиффа, есть щенки джек-рассел-терьера, он тут же взял Рози и поехал на ферму. Один из щенков подбежал к Рози и стал с неистовой страстью облизывать ее лицо. Несколько минут спустя они уехали с фермы с крошечным черно-белым сгустком энергии, скакавшим по машине. Его назвали Гектор.

Гектор будет первой собакой, появлявшейся на многих фотографиях Джеймса Хэрриота в первые годы его литературной славы. Он стал важной частью жизни Альфа и повсюду сопровождал его. Пес получал огромное удовольствие от жизни; он всех любил, и все любили его. Когда Альф приезжал на ферму в открытой машине, первое, что видел фермер, была, как правило, остроносая мордочка Гектора. Этот пес требовал к себе внимания и обычно получал его. «Доброе утро, мистер Уайт! Привет, Гектор! Славный песик!» — так обычно их приветствовал фермер, отбиваясь от дружелюбного носа, тыкавшегося ему в лицо.

В поездке Гектор ничего не упускал из вида. Он с интересом смотрел по сторонам, сидя в своей любимой позе — передние лапы на руке Альфа, лежащей на рычаге переключения передач. Ни одна собака в мире не переключала скорости так часто, как Гектор!

Он был самым шумным из всех четвероногих друзей Альфа. До женитьбы я жил с родителями и часто ехал на работу следом за машиной отца. Я видел очертания его головы, а рядом —

силуэт его маленького спутника, упиравшегося лапами на переключатель скоростей и ритмично разевавшего пасть. Он всю дорогу лаял в левое ухо отца, и, должно быть, в машине стоял оглушительный шум, но Гектору было дозволено все.

Гектор обладал неистощимым запасом энергии. На фермах его часто выпускали из машины, и большие местные псы, чувствуя его открытый и дружелюбный нрав, с удовольствием с ним играли. Но их сумасшедшая беготня длилась недолго. Я не раз наблюдал, как какой-нибудь огромный пес, тяжело дыша, без сил лежит на земле, а маленькая черно-белая торпеда безжалостно наскакивает на него. Вежливый рык или подрагивающая верхняя губа служили сигналом для Гектора, что игра окончена.

Фермерские собаки любили провожать машины, выезжавшие с хозяйского двора, и к этой игре они относились очень серьезно. Эти погони были светлыми моментами, оживлявшими их дни. Мы с отцом часто видели, как они крадутся между хозяйственными постройками, наблюдая за нами и дожидаясь своего звездного часа, и когда этот час наступал, они развивали бешеную активность. На некоторых фермах наш отъезд вызывал настоящий хаос. Как только мы заводили мотор, изо всех щелей вылезали поджарые лохматые создания и бежали за нами по сельской дороге с выражением напряженной сосредоточенности на мордах. Это покушение на его территорию сводило Гектора с ума, и он отчаянно метался в машине, с остервенением лая на бегущих собак.

Эта сумасшедшая игра была небезопасной для собак. Они бросались на машину, пытаясь укусить колеса, и иногда получали серьезные травмы. Остудить пыл нападавших можно было только одним способом — направить на них струю воды. Эту работу выполнял я. Я набирал воду в большой шприц и, когда они подбирались слишком близко, выстреливал прямо в пыхтящие морды.

Действовало безотказно. Получив холодной струей по носу, пес резко останавливался и с обиженным видом трусил обратно на ферму. Временами я чувствовал себя виноватым, особенно когда собака трясла головой и смотрела на меня с укором, словно бы говоря: «Зачем ты так? Мы же просто хотели немного повеселиться!»

Я часто с улыбкой вспоминаю те дни, когда «служил охранником» у отца. Сельские собаки разыгрывали сцену, а Гектор обеспечивал звуковое сопровождение.

Гектор был в целом крепким, здоровым животным — и в округе пользовался популярностью как пес-производитель, — но в

пять или шесть лет он полностью ослеп. У него была ксерофтальмия, медленное, постепенное высыхание конъюнктивы, приводящее к возникновению черных пятен на роговице. Сейчас эту болезнь можно вылечить, но тогда, не зная причин заболевания, мы могли лишь попытаться облегчить его страдания и беспомощно смотрели, как окно Гектора в окружающий мир становится все темнее. Несмотря на боль и подступающую слепоту, наш маленький друг был полон энергии, с любопытством выглядывая из окна машины и оглашая округу заливистым лаем.

Гектор, бесспорно, был самой любимой собакой Альфа. За прошедшие годы много писали о благотворном влиянии домашних питомцев, приводили множество примеров их положительного воздействия на здоровье своих хозяев. Ни одно животное не оказывало более живительного эффекта на своего хозяина, чем Гектор, чья неистощимая и заразительная жажда жизни послужила для Альфреда Уайта прекрасной терапией в последние годы его болезни.

Понимая, что ему повезло выбраться из болезни относительно без последствий, Альф решил снова жить на полную катушку. Он всегда считал, что в жизни существует не только работа, и вновь стал проявлять интерес к окружающему миру. В начале 1960-х он решил путешествовать.

В 1961-м и 1962 году Альфред Уайт побывал в России и Турции в качестве сопровождающего ветеринара от министерства сельского хозяйства, ответственного за доставку свиней, овец и рогатого скота. В этих поездках он вел дневник, и некоторые записи вставил потом в книгу «Всех их создал Бог». Россия произвела на него такое впечатление, что он стал учить русский язык; турецким языком он решил не заниматься. После отдыха на Майорке на вилле Эдди Стрейтона Альф и Джоан еще дважды ездили на остров: в 1965 году они на машине пересекли Францию и Испанию, и в то время Альф тоже вел дневник. В 1965 году он учил испанский в тирской вечерней школе.

Чувствуя себя гораздо лучше физически, он снова начал много играть в теннис — даже выступал за сборную команду Тирска в возрасте сорока шести лет, когда они с Рози играли в парном турнире. Вдобавок зимой он стал кататься на лыжах. Альф по-прежнему много гулял, копался в саду, читал книги и смотрел футбол, — от этих увлечений он никогда не отказывался, так что теперь его жизнь снова стала насыщенной и разнообразной.

К нему вернулся былой энтузиазм. Альф знал, что у него

хороший, крепкий брак, он сам и его близкие здоровы, и благодаря этому он стал смотреть на жизнь с большим оптимизмом. Он с воодушевлением окунулся в работу, и от недавней изнурительной болезни остались лишь воспоминания.

Альф не только находил время для обучения помощников, он и мне оказывал громадную помощь. Летом 1965 года он договорился с Эдди Стрейтоном и отправил меня к нему в Стаффордшир на стажировку. Я провел там два чудесных месяца. За это время я многому научился у Эдди, который был первоклассным ветеринаром. Когда Эдди ненадолго уехал на Майорку, я продолжал работать с помощью, если требовалось, его коллег из соседних районов — и моего отца.

Я звонил в Тирск каждый день, спрашивая, как лечить понос у свиней, кашель у лошадей и хромоту у коров. Я спрашивал совета по поводу отела, консультировался с ним относительно того, как помочь телятам с воспалением легких, и каждый раз получал неоценимую помощь. Отцу хватало собственной работы, и, вероятно, его утомляла необходимость давать советы молодому зеленому студенту, находившемуся за двести пятьдесят километров, — но он ни разу не отказал мне, а я внимал каждому его слову.

Однажды мне предстояло внутривенно ввести лекарство корове. Если бы я что-то сделал неправильно, последствия могли быть очень серьезными, поэтому я очень волновался. В очередной раз я позвонил отцу и спросил у него совета:

— Папа, меня вызвали к корове с послеродовым маститом.

— Она не встает? — спросил он.

— Нет. Думаю, я должен сделать ей внутривенную инъекцию?

— Разумеется! — ответил он.

— В какую вену? Молочную или яремную?

Наступила небольшая пауза.

— Яремная вена — более чистый участок для работы.

— А в какую проще сделать инъекцию? — спросил я.

— Даже Гектор смог бы найти молочную вену, — последовал мгновенный ответ.

В 1966 году я получил диплом ветеринара и уже официально работал у Эдди Стрейтона. В октябре того же года я позвонил родителям из Стаффордшира. Приближалась их серебряная свадьба, и я хотел выяснить, как они планируют отметить эту годовщину. Я считал, что у родителей вполне удовлетворительное финансовое положение, и предвкушал встречу с семьей и друзьями на приеме в их честь. Однако меня ждал сюрприз.

— Вряд ли мы куда-нибудь пойдем, — ответил отец. — Сейчас довольно дорого ходить по ресторанам!

Мне это показалось странным. Двадцать пять лет семейной жизни — крупная дата, заслуживающая праздника, но мистер и миссис Альфред Уайт не собирались устраивать ужин при свечах.

Ответ был прост: Альф оказался на мели. Он встретился со своим бухгалтером, полагая, что у него есть 820 фунтов на счете, но получил жестокий удар. Ему сообщили, что он должен 800 фунтов налоговому управлению, соответственно, у него осталось всего 20 фунтов.

В день, когда отец получил это отрезвляющее известие, он отправился смотреть матч «Лидс Юнайтед» на стадион «Элланд-Роуд», куда его пригласили два молодых человека, жившие напротив клиники в Тирске. Потом Альф часто рассказывал о своих тогдашних чувствах. «Я был там, но матча не видел. Все словно расплывалось в тумане. Я думал: „Боже мой! Я горбатился в этой практике больше двадцати пяти лет, и что я имею? Жалкую двадцатку!“».

Трудно поверить, что Альфред Уайт, профессионал с прекрасной репутацией в округе, не смог наскрести денег на празднование серебряной свадьбы. Но на то были веские причины, и сказалось влияние многих факторов.

Большую часть своей профессиональной жизни Альф прилично зарабатывал, но не настолько, чтобы стать богатым человеком. Когда я выбрал профессию ветеринара, он сказал мне: «У тебя будет достойная жизнь сельского ветеринара, но состояние ты не сделаешь», — и оказался прав.

В отличие от большинства современных ветеринаров, Альф почти всю жизнь занимался сельской практикой. Долгие поездки в машине, хоть и доставляли ему много радости, приносили весьма ограниченный доход. Сегодня основная часть прибылей нашей практики поступает от лечения домашних питомцев и лошадей, но в 1960-х Альф все еще зависел от сельскохозяйственных животных.

Накладные расходы были очень высоки. Нужно было платить жалованье и обслуживать машины. Покупка дорогих лекарств и предоставление жилья помощникам тоже добавляли расходов, а неподалеку всегда маячил призрак сборщика налогов. Многие крупные современные практики приносят стабильный доход, и владельцы нанимают опытных управляющих, а тогда Альф и Дональд Синклер, как и большинство их коллег, сами управляли практикой.

Ни тот, ни другой не могли похвастаться деловой хваткой, да и заниматься бумажной работой в конце долгого трудного дня

было, наверное, очень утомительно.

Альф никогда не дружил с цифрами, Дональд тоже не был выдающимся математиком. Только в 1976 году, когда я стал партнером на зарплате, я получил некоторое представление об их жарких схватках с бухгалтером Бобом Рикаби. Альфу Боб очень нравился, но он всегда боялся его ежегодного визита, тема которого из года в год оставалась неизменной.

Альф с Дональдом сидели за старым деревянным столом в приемной и слушали финансовый отчет. У Дональда были проблемы с пищеварением, которые обычно обострялись во время визитов Боба. Он сидел, согнувшись и крепко держась руками за живот, — на каждое плохое известие от бухгалтера он отвечал тихим постаныванием.

Альф занимал другую позицию. Он сидел прямо, уставившись в окно на старый сад, с застывшим лицом и отстраненным взглядом и, словно во сне, говорил «да-а-а» в ответ на вопросы бухгалтера.

Я хорошо помню, как впервые оказался за этим столом. Я сидел рядом с Дональдом, у которого из кармана торчал хвост огромной трески. Отец остекленевшими глазами смотрел на Боба. Тот, подробно объяснив, откуда взялись все цифры, спросил, понял ли он его.

— Нет, — ответил отец.

Бухгалтер подходил к делу очень основательно, для него было крайне важно, чтобы его клиенты вникли в свое финансовое положение. Глубоко вздохнув, он снял очки, протер их салфеткой и начал медленно объяснять все снова.

— Послушай, Альф, — сказал он, водрузив очки на нос и терпеливо глядя на отца, — позволь, я объясню тебе самым простым способом. Скажем, ты идешь к мяснику и покупаешь два фунта колбасы… пока понятно?

— Да.

— Хорошо, — продолжал Боб. — Колбаса стоит пять шиллингов за фунт, следовательно, ты заплатил мяснику десять шиллингов. Так?

— Да.

— Отлично! Так вот, твоя колбаса на самом деле стоит больше десяти шиллингов, верно?

— Почему?

— Потому что ты заплатил за нее из налогооблагаемого дохода. — Отец молча уставился в окно. Боб внимательно посмотрел на него и двинулся дальше. — Ты уже заплатил налог на те деньги, которые отдал мяснику. Ты видишь аналогию с темой, которую мы обсуждаем?

— Нет.

Боб снова глубоко вздохнул.

— Что ж, давай посмотрим на это с другой стороны, Альф. Мясник просит меньше десяти шиллингов…

В этот момент отец очнулся.

— Все в порядке, Боб! Послушай, мы тебе доверяем! Просто делай свое дело! Ты меня хоть режь, но я никогда не пойму эту арифметику.

Боб посмотрел на ничего не выражающие лица и после недолгого колебания перешел к следующему вопросу. Вопрос был неприятный.

— Очень хорошо. Так, посмотрим, ах да. Боюсь, ты, Дональд, задолжал практике четыреста фунтов.

Дональд издал глухой стон и качнулся вперед.

— За что? — вполне осмысленно поинтересовался он.

— Ты превысил кредит!

Дональд резко выпрямился.

— Черт тебя дери, Боб! — заорал он. — Ты всегда приносишь нам плохие новости! Почему бы тебе не сказать нам что-нибудь хорошее для разнообразия?

Боб даже бровью не повел.

— Если ты посмотришь на прибыли, Дональд, то поймешь, что есть и хорошие новости…

— Только не для меня! — перебил его Дональд, крепче прижимая руку к животу.

По выражению его лица я видел, что его пищеварительная система пришла в волнение.

Боб продолжал объяснять, что дела в практике «идут неплохо», но расходы надо покрывать, и сборщик налогов ждет своей доли.

— Неплохо, говоришь? — взорвался Дональд. — По-моему, мы на грани банкротства. Мы оплачиваем громадные счета, а поступлений нет. Мы идем ко дну! Что ты думаешь, Альфред? Тебе не кажется, что мы вылетели в трубу?

Он нервно пощупал рыбу в кармане.

Отец продолжал смотреть в окно, но по его лицу пробежала мгновенная судорога. Несколько минут мы сидели молча, героически пытаясь вникнуть в факты и цифры.

— Сколько я могу получить, Боб? — неожиданно вскрикнул Дональд. — Сколько стоит моя доля?

Я чувствовал, что ограниченный запас терпения моего старшего партнера на исходе.

— Ну, после вычета этих четырехсот фунтов… посмотрим…

— Неважно! Сколько?

Бухгалтер подсчитывал цифры, а Дональд тем временем раскачивался взад и вперед на стуле. Получив ответ, он быстро вскочил.

— Мне пора идти! Одри ждет эту рыбу. Рад был повидаться, Боб. Передавай привет Гвен! Пока!

Наше финансовое заседание закончилось.

Хотя ни Альф, ни Дональд не были знатоками в области данных и цифр, практика приносила прибыль, но существовало много неблагоприятных факторов, и не последним из них была проблема безнадежных долгов. Требовалось особое искусство, чтобы получить деньги с большинства старых йоркширских фермеров. За некоторыми клиентами долги тянулись годами.

Помню, как-то за обедом рассказывал отцу об утренних визитах.

— Сегодня познакомился с двумя отличными парнями. Они такие веселые и беззаботные!

— Как их зовут? — спросил он.

Я сказал. Он криво усмехнулся.

— Знаешь, почему они так радуются жизни? Они регулярно пользуются нашими услугами, а платят крайне редко. У них бессрочный кредит в нашей практике, причем без всяких процентов.

Альф любил свою работу, но ему никогда не нравилась ее деловая сторона — рассылка счетов и напоминаний должникам. Многие современные ветеринары с удовольствием управляют собственными предприятиями, но он не получал от этого никакой радости.

— Почему я не могу просто ездить по округе и делать работу, которую люблю? А в конце недели получать свою зарплату? — часто сетовал он. — Мне не нужно много, — лишь бы я мог и дальше наслаждаться жизнью. Я хочу чувствовать уверенность в завтрашнем дне, а больше мне ничего не надо, — все остальное у меня уже есть.

Безусловно, в большинстве случаев фермерам действительно было сложно оплачивать счета, и хотя многие клиенты вносили плату вовремя, просроченные долги, несомненно, наносили практике серьезный ущерб.

Не одни фермеры затягивали с оплатой счетов. Значительная часть клиентов с мелкими животными выходили из кабинета, не рассчитавшись с ветеринаром. Многие вообще ничего не платили, и можно только догадываться, сколько стоила бы фирма Синклера и Уайта, если бы все платили по счетам.

Ни Дональд, ни Альф не были жесткими бизнесменами. Им не только трудно было потребовать денег, они еще и часто

работали по сниженным ценам. Пенсионерам и всем, кто оказался в бедственном положении, предоставлялось дешевое, а иногда бесплатное лечение. Когда хозяин молочной фермы в Азенби неподалеку от Тирска умер, оставив хозяйство на вдову и двоих маленьких детей, сына и дочь, Альф целый год не брал с них денег за ветеринарные услуги. Такой «робингудский» подход (кстати, так поступали многие коллеги Альфа и Дональда), безусловно, заслуживал восхищения, но существенно снижал прибыли практики.

Легко понять, почему старые фермеры столь неохотно отдавали свои деньги: каждый пенни они заработали непосильным трудом. Но нет худа без добра, и много лет спустя Альф в лице Джеймса Хэрриота написал не одну хорошую историю о нежелании йоркширцев «расставаться со своими медяками».

Еще одна статья расходов, наносившая серьезный удар по бюджету практики, — это автомобили. Помощникам выделяли машины, и почему-то все взяли себе за правило носиться на максимальной скорости. Эти несчастные развалюхи гоняли по сельским дорогам, часто улетали в канавы, кувыркались по полям и возвращались без масляного поддона, который вырывало с корнем на неровных проселках в холмах. Другими словами, содержание машин обходилось очень дорого.

Как-то в начале 1960-х я приехал домой на каникулы и сидел вместе с отцом в его кабинете, как вдруг на улице раздался безумный рев, а следом — пронзительный визг. Я подбежал к окну, но ничего не увидел.

— Господи, что это за шум? — спросил я.

Судя по всему, на отца это не произвело никакого впечатления.

— Да это Рон поехал по утренним вызовам, — ответил он, подошел к окну и с тоской выглянул на улицу. — Сейчас он уже подъезжает к первой ферме!

Отец явно махнул на это рукой.

Рон Ривз, очень способный и популярный среди клиентов помощник, установил новый рекорд в практике. Он умудрился всего через 5000 километров пробега отполировать до блеска абсолютно новые покрышки.

Через несколько лет Альф купил подержанную машину, серый «Рено-16». Раньше, всякий раз меняя машину, он покупал новую, но возникли другие приоритеты, к примеру, пенсионное обеспечение, и ему пришлось пустить свои финансовые средства на другие нужды. Одно его утешало: ему больше не придется выслушивать колкости от фермеров.

Временами отец чувствовал себя очень неловко. Стоило ему появиться в новой машине, как со всех сторон сыпались замечания вроде: «Ничего себе! Вы только посмотрите! Опять новая машина! Похоже, работа ветеринара — прибыльное дело!» Люди просто добродушно подшучивали над ним, но он каждый раз съеживался от смущения. «Теперь-то я в безопасности», — думал Альф, въезжая во двор фермы на своем подержанном автомобиле. Из дома выскочила жена фермера, настроенная весьма агрессивно. Ему не повезло: он приехал с визитом к одной из самых противных фермерских жен в районе.

— Вот это да! Вся округа говорит о ваших счетах! — заверещала она. — Вы только посмотрите! У него опять новая машина! И все это на деньги бедных фермеров!

Ответ у отца уже был наготове.

— Вообще-то, это всего лишь подержанная машина. Сейчас я не могу себе позволить новую.

Она минуту разглядывала «Рено» и снова перешла в наступление.

— Да? Значит, это просто много шума из ничего, а?

Отец не ответил. Он знал, когда следует признать себя побежденным.

Несмотря ни на что, в начале 1960-х дела отца шли неплохо, — он даже не мог претендовать на получение гранта от муниципалитета на мое образование. Однако к концу десятилетия финансовое положение практики стало постепенно ухудшаться.

Число животноводческих ферм в округе сокращалось, и работы по туберкулинизации — хотя она по-прежнему составляла основную статью доходов практики, — становилось все меньше. В начале 1970-х правительство запустит новую программу по уничтожению бруцеллеза, что принесет доходы сельским практикам, но до этого пока было далеко. К тому же еще не пробил час ветеринарии мелких животных.

Вдобавок ко всему в соседней деревушке Маунби открылась новая ветеринарная практика. Альфу и Дональду пришлось нелегко, — некоторые клиенты ушли от них и стали пользоваться услугами нового ветеринара. То время стало для них периодом открытий. Среди клиентов, перешедших к другому ветеринару, оказались люди, которых Альф считал своими друзьями; и наоборот — те, кого он знал не столь близко, сохранили верность Синклеру и Уайту. Альф всегда с благодарностью вспоминал этих клиентов. Их конкурент продержался недолго и свернул дела в 1968-м, но некоторые клиенты были навсегда потеряны для практики.

При внимательном изучении счетов практики за 1960-е годы вырисовывается интересная картина. В конце десятилетия Альф заработал 4685 фунтов — на 1000 меньше, чем в 1960-м. В те годы, при невысоком уровне инфляции, легко было забыть о том, что деньги постепенно обесцениваются, и незаметно растущие расходы неуклонно сокращают прибыли практики. Именно тогда Альф и Дональд поняли, что их тарифы — хотя некоторые клиенты считали их непомерно высокими, — не растут вместе с расходами.

Хотя Альф никогда не ладил с цифрами, он был разумным человеком, и здравый смысл помогал ему в годы финансовой неустойчивости. Несмотря на множество факторов, способствовавших снижению прибылей практики, он все равно хорошо зарабатывал: в 1966-м — когда он не смог позволить себе празднование серебряной свадьбы, — он получил приличный доход в размере почти 5000 фунтов. Так почему же тогда у него не было денег?

Ответ прост. Альф много зарабатывал, но вместо того, чтобы копить, — тратил. Он всегда был щедрым человеком и легко расставался с деньгами; это, в сочетании с высокой стоимостью жизни, и стало главным препятствием к накоплению капитала.

Прежде всего, его щедрость распространялась на собственную семью. У нас с сестрой было счастливейшее детство. Мы хорошо питались, несколько раз в год ездили отдыхать и, когда учились в школе, редко пропускали платные экскурсии. Даже если отец и испытывал денежные затруднения, мы никогда об этом не знали.

Его щедрость сказывалась не только на детях. Он постоянно стремился облегчить жизнь Джоан. Хотя в «Роварденнане» было проще поддерживать порядок, чем в старом большом доме на Киркгейт, Альф все равно нанимал помощниц по хозяйству. В 1956 году он купил Джоан «Моррис майнор», первый из череды новых автомобилей.

После 1961 года ему приходилось оплачивать мое обучение в университете, а через четыре года — обучение Рози, но самым ярким примером его щедрости была финансовая поддержка родителей. С первых дней работы у Джока МакДауэлла, когда Альф зарабатывал три фунта в неделю, он посылал им деньги, и даже во время службы в BBC, получая жалкие три шиллинга в день, он все равно ухитрялся помогать родителям.

Об этом свидетельствуют его письма. В 1940 году он писал из Сандерленда: «Вот 30 шиллингов из моего жалованья. Купи себе десяток „Вудбайнов“, Папаша!» И из Тирска в 1941-м: «Надо же, как трудно экономить деньги! Я трачу немного, а послал вам всего сорок фунтов с тех пор, как приехал сюда. Хотелось бы

побольше». В более поздние годы, посылая родителям деньги, он называл их «пенсией». За все это время, должно быть, набралась приличная сумма, — ведь Альф не пропускал почти ни одной недели.

В 1958 году он купил родителям дом в Глазго. Прежний дом они арендовали, и владелец решил продать его, поэтому перед ними встала необходимость найти себе новое жилье. Альф заплатил за него 1000 фунтов — приличная сумма по тем временам. Он сторицей вернул родителям свой долг.

Всю свою жизнь Альф Уайт не получал никакой финансовой помощи. Учитывая его щедрость и чувство ответственности, нетрудно понять, почему в то время он испытывал денежные затруднения, — впрочем, как и большинство его коллег. Естественно, он переживал, узнав, что на его счету всего 20 фунтов, но он не позволил этому портить его жизнь, наполненную смыслом и многообразием интересов.

Однажды, в начале 1960-х, приехав домой на каникулы, я наткнулся на небольшую рукопись в одном из ящиков стола. Это был короткий рассказ о футболе, и назывался он «Левый крайний». Я сел и сразу же прочитал его. Машинописный текст пестрел пометками, сделанными знакомой рукой отца. Я обратился к нему.

— Очень хороший рассказ, — сказал я. — Его написал ты?

— Да, — смущенно ответил он. — Тебе правда понравилось?

— Очень! Почему ты не пошлешь его в издательство или в какой-нибудь журнал?

— Я посылал, — сказал он. — Сразу в несколько.

— И что?

— Похоже, никому это не интересно. — Он задумался и добавил: — Но тебе он понравился? — Казалось, его чрезвычайно волновало мое мнение.

— Да, понравился!

По-видимому, мой ответ его удовлетворил, и он оставил эту тему.

Отец писал уже пару лет, и я решил, что это одно из его новых «увлечений». Правда, у него обнаружились незаурядные способности, и относился он к своему последнему хобби несколько серьезнее, чем к другим. Однако я по-прежнему думал, что — как и со многими другими интересами — его пыл скоро остынет, и он увлечется чем-нибудь еще. Я ошибался.

Глава 20

— Можно взять твой журнал, Джоан? — однажды с непривычным смущением спросил Альф свою секретаршу. Джоан Дрейк поступила на работу в клинику сразу после школы, в 1959-м, и ей казалось, что за четыре года она хорошо узнала своего шефа. Она легко могла представить его с кружкой пива в компании друзей или на переполненном стадионе, но он определенно был не из тех, кто читает женские журналы. Просьба показалась ей странной, и она внимательнее всмотрелась в лицо шефа.

— Прочитаю и сразу верну! — заверил он. Заметив недоумение секретарши, он добавил чуть тише: — Хочу взглянуть на рассказы.

Многие, в том числе и Джоан Дрейк, не знали, что Альф вот уже несколько лет все больше времени посвящает писательству, черпая идеи и информацию везде, где только можно. Примерно в конце 1950-х он накупил книг по искусству слова и в свободное время неуверенно стучал одним пальцем на пишущей машинке.

Альф давно мечтал написать книгу. Я помню, как он говорил об этом, когда я еще учился в школе. В письме Джоан его родителям от 2 октября 1955 года я обнаружил интересный факт: «Должна сказать, дома царит необычайное волнение, — ведь завтра у Альфа день рождения. Угадайте, что я купила ему в подарок? Пишущую машинку! Уверена, теперь он будет писать вам гораздо чаще; может, даже возьмется за книгу, о которой говорит вот уже больше тринадцати лет!»

Джоан практически с первого дня знала о желании Альфа написать книгу, однако прошло больше двадцати лет, прежде чем он всерьез задумался о воплощении своей мечты.

Почва была подготовлена: он очень много читал, прекрасно владел словом и писал замечательные письма. Альф был свидетелем колоссальных изменений в ветеринарии и горел желанием написать об этом. Ему хотелось рассказать о необычных людях, с которыми он встречался, об их удивительных старомодных традициях и обычаях. Он считал, что обязан описать старый Йоркшир, который так полюбил. Этот образ жизни стремительно исчезал, и он хотел сохранить его прелесть для других поколений. Дональд и Брайан Синклеры, друзья, с которыми он провел столько веселых минут, могли бы внести юмористическую нотку в его истории.

Альф начал писать всерьез после того, как оправился от нервного расстройства, но быстро понял, что это не так просто,

как ему казалось. Года полтора он так и сяк переделывал свою историю и, в конце концов, пришел к заключению, что ходит по кругу. Его книга — набор длинных предложений с цветистыми определениями — напоминала, по его выражению, «школьное сочинение, притом плохое». Надо было подумать.

Страницы первого опуса Альфа сплошь покрыты исправлениями, — вероятно, у него ушло много часов на переписывание книги. В итоге получился немного бессвязный сборник рассказов о фермерах и его друзьях-ветеринарах, Дональде и Брайане, которых он назвал Эдвардом и Генри Вернонами. Некоторые эпизоды войдут в его первую опубликованную книгу, но они — лишь слабая тень того отточенного мастерства, которое появится спустя годы.

Альф печально подводил итог своих усилий, и вдруг ему в голову пришла одна мысль. Его книга, в сущности, была сборником рассказов, практически не связанных друг с другом. Его всегда восхищало искусство короткого рассказа, он всю жизнь зачитывался такими мастерами жанра, как Конан Дойл, Герберт Уэллс и О'Генри. Альф решил на время отложить идею большой книги и попробовать себя в коротком рассказе. Объезжая фермы, он внимательно слушал рассказы по радио в машине и думал: «Я ведь могу не хуже». К нему вернулось чувство уверенности в своих силах, и он с волнением взялся за дело.

Около года Альф писал истории о футболе, гольфе, активном отдыхе и человеческих отношениях в целом. Перечитав их много раз, он решил, что они неплохо получились и его слог совершенствуется. Альф был доволен плодами своих трудов. Ему стало интересно, что о них скажут другие люди. Он решил рискнуть и послал несколько рассказов в разные журналы и газеты, а также Британской радиовещательной корпорации Би-Би-Си. Может, какой-нибудь напечатают.

Существует распространенное мнение, что Джеймс Хэрриот написал бесчисленное множество рассказов, которые так и не увидели свет. На самом деле их было немного. При напряженной работе в практике отцу удавалось писать лишь урывками, и результатом его трудов стали семь или восемь рассказов. После его смерти я нашел в кабинете один из них, который никогда не читал. Он назывался «Именины» и описывал чувство неловкости, которое испытывал мужчина средних лет во время субсидируемого похода со своей юной дочерью. Я долго читал рассказ: я рыдал от смеха, и мне приходилось прерываться, чтобы вытереть слезы.

В то время мне очень нравились рассказы отца, но, видимо,

не все разделяли мое мнение. Издательства не желали публиковать его сочинения. Рукописи приходили обратно, и он научился, по его словам, «распознавать омерзительный глухой звук, с которым рукопись падает за дверь через щель почтового ящика». Похоже, никому не были нужны его работы. К тому же отец не получил ни одного комментария или ободряющего слова. Он упал духом. Никто не проявил ни малейшего интереса к рассказам Джеймса Альфреда Уайта, никто не разглядел в нем потенциального писателя.

Альф почти никому не рассказывал о своем увлечении. Поскольку он не ожидал головокружительных успехов в литературе, то держал эти отказы в тайне. Он был разочарован, но не сломлен. Ему нравилось писать, и он не воспринимал это занятие слишком серьезно, — стучал на машинке в свободное время, и никто на него не давил. Но в глубине души зрело ощущение неудовлетворенности. Альф искренне верил, что его рассказы ничуть не хуже тех, что он читал или слышал по радио. Понимая, что что-то делает неправильно, он снова взялся за изучение искусства слова.

Однажды за обедом отец развлекал мать очередным забавным эпизодом, произошедшим во время его утреннего визита.

— Получится хорошая история для моей книги! — заметил он.

Мать посмотрела на него.

— *Твоей* книги, Альф? Ты говоришь о книге последние двадцать лет. Ты никогда ее не напишешь!

— Почему это? — спросил он.

— Скоро наша серебряная свадьба, — ответила она, — а ты до сих пор ее не написал. В пятьдесят лет не начинают писать книги!

Альф попытался оправдаться за эти двадцать лет бездействия, заявил, что он не импульсивный человек и ему нужно время, чтобы сотворить шедевр. Но его жена осталась при своем мнении.

Однако Альфа задели ее замечания, и в тот самый день на него снизошло озарение. Он понял: надо писать о том, что хорошо знает, а не просто о том, что ему интересно. Альф был знатоком только в одной области — ветеринарной практике. Он с самого начала шел по верному пути. Нужно откопать ту старую книгу и начинать заново.

Чем больше Альф об этом думал, тем крепче становилась его уверенность. У него появились свежие идеи, он купил еще книг по писательскому мастерству и взялся за их изучение. Он держал в голове множество смешных случаев и чувствовал, что на этот раз, когда он «попрактикуется» год-другой, у него все получится. На

него нахлынула волна воодушевления.

Альф начал писать книгу осенью 1965 года и закончил ее примерно восемнадцать месяцев спустя. Дело продвигалось медленно, так как он целыми днями работал, а иногда и выезжал на ночные вызовы. Отказавшись от использования выразительных и сложных слов, он полностью переписал несколько глав из первоначальной книги, без конца меняя сюжет, и наконец в начале 1967 года понял, что сделал все, что мог. Книга, написанная незамысловатым разговорным языком, читалась, по его мнению, гораздо лучше, чем предыдущая.

Альф завершил работу. Он чувствовал, что это не только большой шаг вперед по сравнению с его первой пробой пера, но и что книга должна понравиться людям любого возраста. С чувством глубокого удовлетворения он понял, что воплотил мечту своей жизни.

Несколько недель Альф отдыхал и наслаждался своей победой. Он написал книгу, которая останется на память его семье, славную историю для внуков — и на некоторое время выбросил ее из головы. В практике дел было невпроворот — началась суматоха весеннего окота, — и ему было чем занять свои мысли, но прошло немного времени, и его стало одолевать беспокойство. Один мучительный вопрос так и остался без ответа: «Настолько ли хороша его книга, чтобы заинтересовать издателя?» Ему просто нужно было знать.

Альф был настроен не слишком оптимистично. Пережив разочарование с первой работой, он и теперь не особенно рассчитывал на удачу, поэтому долго и напряженно обдумывал свой следующий шаг.

Джоан высказала предположение. Ей очень нравилась серия «Рассказы врача» Ричарда Гордона — в том числе «Врач в доме» и «Врач на свободе». Книги этой серии описывали забавные случаи из жизни врача, и она подумала, что книга ее мужа написана в том же ключе. Почему бы в таком случае не послать рукопись издателям этих книг? Альф был полностью с ней согласен и, выяснив, что их выпускает «Майкл Джозеф Лтд.», решил отправить свою книгу в лондонское издательство.

Но внезапно у него появилась другая идея. Он позвонил своему другу Эдди Стрейтону. Несколько книг Эдди вышли в издательстве «Фарминг-Пресс», и у него были связи в издательском мире. Эдди с радостью согласился помочь, но предложил не отправлять пока рукопись Майклу Джозефу, сказав, что свяжется с приятелем по имени Джон Моррисон, работающим в крупной издательской фирме «Коллинз».

Альф послал рукопись Эдди, который прочитал ее перед

отправкой своему приятелю. Джон Моррисон прочитал книгу, и она ему понравилась. Он связался с Эдди, и тот, в свою очередь, предложил всем встретиться в Лондоне. Альф был на седьмом небе от счастья. Влиятельный человек прочитал его книгу, и она ему действительно понравилась!

В большом волнении Альф отправился в Лондон на встречу с Эдди и Джоном Моррисоном. Они договорились пообедать в ресторане «Дольче Вита» в Сохо. Там Джон Моррисон подтвердил ожидания Альфа и сказал, что намерен передать рукопись в «Коллинз» для рассмотрения вопроса о публикации. Для Альфа эти слова звучали как музыка.

Через несколько дней после возвращения в Йоркшир 27 марта 1967 года он получил теплое послание от Джона Моррисона:

> Я решил черкнуть вам несколько строк. Просто хочу подтвердить, что отправил вашу трехтомную рукопись с курьером господам Коллинзам в Сент-Джеймс-Плейс. Это гарантирует, что ее прочтут внимательно и доброжелательно. Как я говорил вам с Эдди, ваша книга мне очень понравилась. У вас есть два самых важных качества для хорошего рассказчика — красочное описание природы и запоминающиеся персонажи… Сейчас я редко читаю романы и не очень хорошо знаком с современными направлениями этого жанра, но я надеюсь, что для такой чистой, хорошей и нравственной (полезной) книги, как ваша, всегда найдется место!

Оптимистический настрой Джона Моррисона вместе с его короткой запиской — первые настоящие слова одобрения, полученные Альфом помимо поддержки его семьи, — вызвали у него огромный душевный подъем. Его книгу прочтут в одном из крупнейших издательств страны, и он надеялся, что, может, в этот раз добьется успеха…

Книга написана в форме романа. На первой странице рукописи, которая до сих пор хранится в семье, стоят слова: «Искусство и наука: роман Дж. А. Уайта». В основу романа легли случаи из его ветеринарной практики, и главный герой, Джеймс Уолш, имеет некоторое сходство с Альфом.

Испытываешь удивительное чувство, сравнивая эту книгу с его ранними и поздними работами. Как и в первом романе, Альф вставил воспоминания о днях, проведенных в Ветеринарном колледже. Здесь появляются два выдуманных персонажа — Хью Миллз и тихий сообразительный Берни Хилл. Оба окончили колледж вместе с Уолшем, и с ними происходят разные забавные

истории. Дональди Брайан Синклеры тоже там есть. Альф впервые называет их Зигфридом и Тристаном, но оставляет фамилию Вернон. Через весь роман проходит любовная линия между Уолшем и дочерью фермера.

Альф написал чудесное произведение. В нем проглядывает изобразительный дар, который станет отличительным признаком будущего Джеймса Хэрриота, и некоторые смешные эпизоды очень хорошо написаны. Однако для не очень большого романа в нем слишком много главных героев-ветеринаров, и самому сюжету, который словно бы перепрыгивает от одного персонажа к другому, не хватает связности.

Альф с надеждой ждал известий из Лондона. Он ждал очень долго — и ничего. Но он не упал духом, наоборот, молчание вселяло в него надежду. Все его предыдущие рукописи, как бумеранг, возвращались с обратной почтой, и, возможно, думал он, это оглушительное молчание означает, что его книгу внимательно изучают.

Наконец, через шесть долгих месяцев, Альф получил письмо от Джона Моррисона. Из него он узнал, что рукопись передали одному из лучших рецензентов «Коллинз» Джулиане Уэдхем. Она написала положительную рецензию и вернула рукопись в редакционный отдел издательства, где ее «внимательно изучили». Этим объяснялось долгое ожидание, но конечный результат стал очередным разочарованием: «Коллинз» не захотели издавать книгу. Он снова получил отказ.

Однако письмо Джона от 11 сентября 1967 года вселило в Альфа надежду:

> Вернувшись из отпуска, я обнаружил вашу рукопись и сопроводительные письма. Думаю, вы согласитесь, что эти письма внушают оптимизм и объясняют причину такой задержки. Надеюсь, вы внимательно рассмотрите предложения Джулианы Уэдхем и незамедлительно выполните ее рекомендации!
>
> В любом случае, полагаю, вам будет приятно узнать, что, по мнению некоторых ведущих авторитетов в одном из крупнейших издательств в мире, вы находитесь на полпути к успеху писателя.

К своему письму Джон также приложил записку от рецензента. Она сообщала, что ей понравилась книга, но издательство, хоть и нашло «материал очень хорошим», пришло к заключению, что «книга не соответствует требованиям романа». Но в записке было кое-что еще — совет от Джулианы Уэдхем. Это был лучший совет из всех, что когда-либо получал Альфред Уайт.

Она спрашивала: «Почему вы написали книгу в формате романа? Совершенно очевидно, что в основе этих историй лежат реальные события, так зачем делать из них беллетристику? Почему бы вам не переписать их от первого лица и представить в виде автобиографических заметок? Рассказы еще больше привлекут читателей, если они будут знать, что в их основу положены реальные события!»

Отец снова и снова перечитывал письмо. Чем больше он думал о совете рецензента, тем больше смысла в нем видел, и он взялся за переделку книги с удвоенным энтузиазмом. По иронии судьбы, его самое первое произведение было написано от первого лица — как и советовала теперь Джулиана Уэдхем!

В сентябре 1967 года, когда я еще работал у Эдди Стрейтона, мне позвонил отец. Он хотел, чтобы я вернулся и помог ему в тирской практике.

Его просьба не вызвала у меня особого восторга. Мне нравилось в Стаффордшире, и я хотел накопить побольше опыта, прежде чем возвращаться домой. Я сказал, что серьезно подумаю, но мне хорошо там, где я есть, и отец — самоотверженный, как всегда, — не стал настаивать.

Однако потом позвонила мать, и я изменил свое решение. Практика переживала трудные времена, и штат сократился до трех человек. Соответственно, отец, которому было уже за пятьдесят, часто работал по ночам, чередуясь с оставшимся помощником Тони Келли по графику сутки-двое. Мать добавила, что финансовое состояние практики оставляет желать лучшего, поэтому мой приезд был бы для них хорошим подспорьем. Тем более, что отпадала проблема с жильем для нового ветеринарного помощника, так как я мог жить дома. Я вернулся в Тирск в октябре 1967 года. Кроме того, что я взял на себя ночные вызовы отца, у него появилось больше времени для переписывания книги.

Для меня всегда оставалось загадкой, как отец умудрился написать роман, целый день работая в практике, причем с августа 1966-го он каждую вторую ночь выезжал на вызовы. Какая же нужна сила воли, чтобы после рабочего дня сесть за стол и писать книгу в то время, когда большинство людей мечтают только об одном — вытянуть ноги и отдохнуть!

Я помню, как отец переделывал свою книгу. Кабинета у него не было, поэтому он просто садился в гостиной и стучал на машинке, при этом мы все находились там же. Ту книгу он написал перед телевизором. Он обладал способностью отключаться и сосредоточиться на работе, но если на экране происходило что-то интересное, он прерывался и внимательно

смотрел, а потом с легкостью снова переключался на книгу. Удивительно!

К лету 1968 года книга была готова. На этот раз она представляла собой полуавтобиографические заметки о первом годе ветеринарной практики Альфа в Йоркшире. Хотя теперь повествование велось от первого лица, многие истории перекочевали из предыдущей книги. Как и прежде, главные герои были списаны с братьев Синклеров. Альф изменил название с «Искусство и наука» на «Если бы они умели говорить».

Это название ему предложил в ноябре 1967 года Артур Данд, клиент, живший на маленькой молочной ферме у подножия Белой Лошади близ Килбурна. Этот фермер был не такой, как другие. Он тоже увлеченно писал и рассылал свои сочинения по разным издательствам — как и Альф, без особого успеха. Если Альф оказывался на ферме Артура Данда, его визит затягивался надолго, так как мужчины сравнивали свои заметки и обсуждали свои честолюбивые мечты о литературной славе. Альф всегда думал, что Артур, пожалуй, один из тысячи писателей, чьи работы, как ни печально, никогда не увидят свет. Однако именно Артур придумал название для первой книги Альфа.

В июле Альф снова послал свою уже отредактированную книгу в «Коллинз». Ее передали миссис Уэдхем, но дело застопорилось, так как она в тот момент работала над другими рецензиями и, к тому же, собиралась в отпуск в Ирландию. В начале сентября она написала Альфу, заверив его, что взялась за рукопись с тем же воодушевлением, что и в прошлый раз, и постарается в кратчайший срок сообщить ему свое мнение. Три месяца длилось молчание. Альф, как и прежде, не терял надежды. Может, они всерьез обдумывают возможность публикации? В практике вновь царило оживление, и ему было чем занять свои мысли, но в конце ноября любопытство взяло верх, и Альф послал им письменный запрос.

Ему немедленно пришел вежливый ответ: издательство с сожалением сообщало, что «издательский план уже составлен». Так они в корректной форме говорили, что им не нужна его рукопись. Альф вновь получил отказ, но теперь это не стало для него неожиданностью. По тому, сколько времени занял ответ, и учитывая тот факт, что пришлось напоминать им о рукописи, ее, по всей видимости, никто даже не удосужился прочитать.

Через два дня, однако, он получил письмо с извинениями от Джулианы Уэдхем. Она с удовольствием прочитала рукопись, но издательство не разделяло ее восторгов. В письме от 29 ноября 1968 года говорилось:

Я пришла в ужас, узнав — сегодня, — что вы до сих пор не получили никакого ответа от «Коллинз», хотя я отправила им вашу книгу несколько недель назад. Любых извинений будет мало, ведь вы были так добры и терпеливы, а я сама, как вам известно, восторженный поклонник «Если бы они умели говорить».

Полагаю, сейчас вы уже знаете, что, по мнению «Коллинз», ваша книга не вписывается в издательский план… Лично мне очень жаль, что «Коллинз» не собирается издавать ее, и надеюсь, что в будущем вам повезет больше.

Оставался еще крошечный проблеск надежды. Редакционный отдел «Коллинз» передал его рукопись в другое издательство — «Джеффри Блее Лтд.» на Дафти-стрит. Через три недели Альф получил хорошо знакомый ответ: они тоже не могли вставить его в свой издательский план. На этом этапе Альф потребовал, чтобы ему вернули рукопись. Потом он вспоминал: «Стук *этой* рукописи, когда она упала через щель в двери, был громче всех!»

Этот отказ, казалось Альфу, поставил последнюю точку. С него было достаточно. Надо смириться с тем фактом, что он ветеринарный врач, а не писатель, и в конечном счете он признал свое поражение. Он пытался, пытался изо всех сил, но проиграл.

Альф все равно гордился своей работой. Он написал книгу, которая будет передаваться из поколения в поколение в его семье. Кроме того, его работу оценили Джон Моррисон и Джулиана Уэдхем, два высококвалифицированных рецензента, и если они восхищались его книжкой, значит, действительно считали ее хорошей.

Альфред Уайт постучался в издательский мир, но ему не разрешили войти. Он добился успеха, если ему удалось зайти так далеко, но это был конец пути. Он спрятал свою несчастную рукопись в ящик и с головой окунулся в работу, которую делал хорошо и которую любил больше всего, — ветеринарную практику.

В практике тогда были хорошие времена. Тони Келли, помощник, дольше всех проработавший у Синклера и Уайта, был приятным человеком и хорошим ветеринаром с большим чувством юмора, и наши дни были наполнены не только тяжелым трудом, но и веселым смехом.

Отвергнутая книга мирно лежала в ящике, и я о ней даже не вспоминал. Однажды, глядя, как отец смеется над последней проделкой Тони, я решил, что он и думать о ней забыл и наконец отказался от мечты об издании книги. Теперь он сидел перед

телевизором без машинки, и мне казалось, что его последнее увлечение осталось в прошлом. Я снова ошибся.

Как-то весной 1969 года Джоан вдруг ни с того ни с сего сказала Альфу:

— Что, если послать рукопись Майклу Джозефу, как мы собирались с самого начала?

Хорошо зная своего мужа, она чувствовала, что, даже забросив книгу в ящик, он не мог не думать о ней. Ее слова вновь разожгли тлеющий огонек мечты. Альф открыл ящик и достал книгу.

Он не стал сразу отправлять ее Майклу Джозефу. У него появилась другая идея. За пару лет до этого Альф купил брошюру «Как убедить их издать твою книгу», написанную неизвестным автором Джин Лерой. Она советовала всем, кто хочет опубликовать свою работу, сначала найти агента, — а она знала, о чем говорила, так как, судя по биографическим данным на обложке, сама была литературным агентом.

До сих пор Альф не думал о том, чтобы послать книгу агенту, но внезапно эта идея показалась ему разумной. Он нашел брошюру на переполненной книжной полке, лег в постель и стал перечитывать. Книга воодушевила его, и когда он читал ее во второй раз, его мысли приняли новый оборот. Он не просто отправит рукопись агенту, он отправит ее самой Джин Лерой.

Той ночью, лежа в кровати, Альф, наверное, думал о том, добьется ли он когда-нибудь успеха. Ветеран многих отказов, он не был настроен слишком оптимистично. Однако он знал: его книга легко читается, она должна понравиться людям любого возраста, поэтому в его сердце все еще теплилась надежда.

Тот весенний день 1969 года, когда Альфред Уайт открыл ящик и достал свою потрепанную рукопись, стал судьбоносным. Побывавший в разных издательствах пакет направился к мисс Джин Лерой для передачи в агентство «Дэвид Хайгем Ассошиэйтс» по адресу: Лондон, Сохо, Дин-стрит, 76, а в голове Альфа роились вопросы.

Дойдут ли забавные истории о Дональде и Брайане Синклерах, которые столько раз слышали его родные и друзья, до широкой аудитории? Прочтет ли агент книгу, и если да, понравится ли она ей? Каким будет мнение агента: достойна ли его книга, чтобы быть изданной? На этот раз ему не пришлось долго ждать ответа.

Глава 21

Однажды утром в апреле, всего через неделю после отправки рукописи, я спустился завтракать и обнаружил отца сидящим за столом. Дрожащими руками он теребил только что пришедшее письмо.

Посмотрев на меня, он очень тихо сказал:

— Джим, я не могу поверить, но мою книгу, возможно, напечатают! После стольких лет! Я просто не могу в это поверить!

Он протянул мне письмо. Оно было от Дэвида Болта, директора «Дэвид Хайгем Ассошиэйтс». Он писал, что ему «ужасно» понравилась книга и, по его мнению, у нее есть все шансы быть напечатанной.

Это был прорыв. После стольких отказов Альф получил положительный ответ — да еще так быстро. На это он даже не смел надеяться. В конверт было вложено приглашение в лондонское литературное агентство, что оказалось весьма кстати: он как раз собирался в столицу на футбольный матч между Англией и Шотландией, который проходил на стадионе Уэмбли. В тот день Альфред Уайт смотрел, как сборная Шотландии обыгрывает «старого врага», но мысли его были далеко.

Когда рукопись доставили в контору «Дэвид Хайгем», Джин Лерой забрала ее домой и сразу начала читать. Прочитав всего пару глав, она поняла, что наткнулась на необыкновенно талантливого писателя. Его удивительные описания Йоркшира, яркие персонажи, юмор и легкий, приятный язык убедили ее, что ей в руки попала настоящая жемчужина.

Книга привела ее в восторг, и утром она в волнении вбежала в контору «Дэвид Хайгем», размахивая рукописью и крича: «Это находка!» Поскольку сама она занималась правами газет и журналов, а не продажей книг в издательства, то передала рукопись Дэвиду Болту. Он тоже пришел в восторг и был уверен, что они вытащили счастливый лотерейный билет. Вскоре в Йоркшир полетело письмо неизвестному автору.

На встрече в Лондоне Джин Лерой и Дэвид Болт сказали Альфу, что они уверены в книге и у них есть на примете подходящее издательство.

— Какое? — поинтересовался Альф.

— «Майкл Джозеф», — ответил Дэвид Болт.

То самое издательство, куда Джоан предлагала послать рукопись три года назад!

Когда рукопись книги «Если бы они умели говорить»

доставили в издательскую компанию Майкла Джозефа в Блумсбери, самое сердце издательского мира Лондона, миссис Антея Джозеф, заместитель председателя правления и один из директоров компании, не прочитала ее в тот же день. В этом не было ничего необычного. Каждый день в издательство приходили сотни работ разных авторов. Рукописи, направленные агентами, заслуживали больше внимания, чем сочинения, присланные по собственной инициативе авторов. Лишь незначительная часть рукописей выходила в печать. Антея Джозеф с большим уважением относилась к агентству «Дэвид Хайгем Ассошиэйтс» и считала, что их авторы заслуживают пристального внимания, но в компании уже вышли три «ветеринарных» романа, и Антея сомневалась, что им следует издавать еще одну книгу по схожей тематике. Эти три книги — «Жизнь ветеринара», «У ветеринара девять жизней» и «Ветеринары на колокольне» — написал Алекс Дункан. На самом деле это был псевдоним автора остросюжетных романов Маделин Дьюк, которая также издавалась в компании.

Антея Джозеф отдала почитать «Если бы они умели говорить» своей секретарше Дженифер Кац. Молодые люди из редакционного отдела часто брали рукописи домой, а потом писали свои отзывы. Таким образом младший персонал издательства, получавший мизерные зарплаты, имел возможность дополнительно заработать. Дженифер взяла рукопись домой на выходные и, как Джин Лерой, вернулась в понедельник, размахивая ею и крича: «Мы должны издать эту книгу! Я давно не читала такой *смешной* книги!» Дженифер была в таком восторге, что Антея Джозеф положила рукопись, вместе с еще несколькими, в свой портфель и взяла домой.

Антея Джозеф, вдова основателя компании, отличалась проницательностью, у нее был «нюх» на хорошую книгу, — она чувствовала, будет книга иметь литературный успех или коммерческий. На следующем заседании редакционного совета она спросила своих коллег: могут ли они издать еще одну книгу ветеринарной направленности и запустить нового автора с нуля? Дик Дуглас-Бойд, тогдашний коммерческий директор, не сомневался, что смогут.

Однако на судьбу «Если бы они умели говорить» повлиял еще один фактор. Несколько лет спустя Антея Джозеф рассказал Альфу, что принять решение об издании неизвестного ветеринара из Йоркшира ей помогли слова Кларенса Паджета, директора издательства «Пан Букс». Кларенс и Антея были старыми друзьями и часто встречались за обедом, чтобы обсудить авторов, которых издавали вместе, — сначала «Майкл Джозеф» выпускал книгу в оригинальном твердом переплете, а потом «Пан Букс»

издавали ее в мягкой обложке. Восходящей звездой обоих издательств в то время был Дик Фрэнсис.

Антея высоко ценила издательское чутье Кларенса, и вполне возможно, что за обедом упомянула о ветеринаре из Йоркшира и о своих сомнениях по поводу издания еще одной книги с ветеринарным сюжетом. Во всяком случае, Антея, по-видимому, отправила Кларенсу отрывок из рукописи, потому что, по словам Альфа, он вернул ее почти сразу, решительно заявив: «Из этого может получиться бестселлер!»

Люди, связанные с издательским миром, относятся к этой истории с некоторым скептицизмом. Антея Джозеф была очень прозорливым издателем, и вряд ли ей мог понадобиться чей-то совет. Как бы там ни было, Альф верил в правдивость этой истории. Одно остается очевидным: Кларенс Паджет наряду с Антеей Джозеф навеки займут особое место в его памяти как два игрока команды, склонившей удачу в его сторону в этой долгой игре случая на дороге к успеху.

Получив очередное письмо от Дэвида Болта, Альф Уайт снова открывал его трясущимися руками. В этом письме от 18 июня 1969 года Дэвид Болт сообщал, что книга определенно будет издана. Слова письма сладкой музыкой отзывались в душе Альфа:

> Уважаемый мистер Уайт!
>
> ЕСЛИ БЫ ОНИ УМЕЛИ ГОВОРИТЬ (Дж. Уолш)
>
> С радостью сообщаю вам, что мы получили предложение от первого же издателя, к которому обратились, — превосходного издательского дома Майкла Джозефа. Утром я говорил по телефону с заместителем председателя правления Антеей Джозеф и после короткого обсуждения договорился с ней о следующих условиях, которые, безусловно, потребуют вашего одобрения… Как вам, возможно, известно, «Джозефу» особенно хорошо удаются «книги о животных», и, думаю, с вашей книгой у них тоже все должно получиться.
>
> Мы с вами остановились на псевдониме «Джеймс Хэрриот», не так ли? После того, как вы выяснили, что в ветеринарной практике существует настоящий Джеймс Уолш.

Это письмо было одним из лучших мгновений в жизни Альфа. Еще мальчишкой он любил рассматривать книги в магазинах Глазго, и его будоражила мысль о том, что его собственное сочинение будет стоять на книжных полках.

Вскоре его снова пригласили в Лондон, на этот раз на встречу с Антеей Джозеф. Она показалась ему очаровательной женщиной, и они с первого взгляда почувствовали взаимную симпатию. За обедом Антея Джозеф сообщила, что ей очень понравилась его книга, и рассказала о других похожих авторах, печатающихся в издательстве. Как и говорил Дэвид Болт, они успешно издавали книги о животных: помимо Алекса Дункана, были еще Пол Гэллико, Ричард Гордон и Моника Диккенс. Затем Антея объяснила Альфу условия контракта и сообщила, что он получит аванс в счет будущего гонорара. После этих слов она еще больше понравилась Альфу.

Ему пришлось быстро принять одно решение — то, о котором упоминал в письме Дэвид Болт. Альф не имел права публиковаться под собственным именем — Альфред Уайт, — так как это могло быть истолковано как реклама. В то время Королевское ветеринарное общество очень строго относилось к этому вопросу. Любой вид рекламы расценивался как нарушение профессиональной этики, и Альф, естественно, не хотел, чтобы его временно дисквалифицировали или вообще лишили лицензии. Пришлось ему выбирать себе псевдоним.

Как ни странно, найти подходящее имя оказалось сложной задачей. Он привык к «Джеймсу Уолшу»: этим именем он подписал свой первый роман, и рукопись «Если бы они умели говорить» он рассылал по издательствам тоже под этим именем. Но теперь, когда издание книги стало реальностью, псевдоним следовало изменить. В ветеринарном реестре уже значился некий Джеймс Уолш.

Вечером 11 февраля 1969 года Альф смотрел по телевизору матч на «Кубок Футбольной ассоциации» между «Бирмингем Сити» и «Манчестер Юнайтед» и услышал, что вратаря «Бирмингема» зовут Джим Хэрриот. Отцу, который постоянно ломал голову над псевдонимом, понравилось это имя. Оно показалось ему необычным. Он снова заглянул в ветеринарный реестр, и, к его удивлению, ветеринара с фамилией Хэрриот там не оказалось. Он решил использовать это имя, даже не подозревая, что фамилия вратаря-шотландца из команды «Бирмингем Сити», шесть раз игравшего за сборную своей страны, однажды станет известной всему миру. В тот февральский вечер Альф Уайт нашел свой псевдоним.

Через много лет, в 1988 году, газета Глазго «Санди Мейл» опубликовала статью о происхождении литературного псевдонима Альфа и пригласила настоящего Джима Хэрриота, который в то время работал строителем в Ларкхолле, графство Ланаркшир, в тирскую клинику. Он читал мало, но смотрел

сериал, поставленный по книгам. Он не знал, что знаменитый йоркширский ветеринар позаимствовал его имя, и очень удивился, узнав, что прославленный автор мечтает о встрече с ним.

Мужчины отлично поладили. Встретившись со своим тезкой, Альф Уайт протянул ему руку со словами: «Джеймс Хэрриот, полагаю!» Естественно, они много говорили о футболе, и отец подарил бывшему вратарю книгу со своим автографом. Джим Хэрриот, в свою очередь, преподнес ему футболку национальной сборной Шотландии, — Альф всегда бережно хранил этот бесценный подарок.

Став известным писателем, Альф часто получал письма от читателей, полагавших, что они связаны с ним кровными узами. Люди по фамилии Хэрриот были уверены, что это его настоящее имя, и надеялись, что знаменитый автор окажется их давно потерянным родственником.

Альфа особенно позабавил один случай, произошедший в 1972 году. Вскоре после выхода его второй книги к нему обратился один из местных тирских стряпчих.

— Не знал, что вы настолько образованны! — заявил он.

— Что вы имеете в виду? — поинтересовался Альф.

— Именно то, что я сказал! — продолжал стряпчий. — К тому же у вас глубокие познания в истории средних веков.

— О, да?

— Безусловно. Я потрясен, что в качестве псевдонима вы выбрали фамилию Хэрриот.

— О… да?

— Вы меня удивили! Оказывается, вам известно, что «хэрриот»[7] — это лучший теленок в стаде, которого феодал каждый год отбирал у своего вассала. Замечательный псевдоним!

Альф многозначительно посмотрел на стряпчего.

— Вот видите! — сказал он. — Впредь не стоит торопиться с суждениями.

За свою первую книгу Альф Уайт получил от «Майкл Джозеф» 200 фунтов в качестве аванса: половину при подписании договора 5 августа 1969 года, и вторую половину — после выхода книги. Аванс выплачивается из суммы авторского гонорара, составляющего 10 процентов от розничной цены первых 2000 проданных книг. Если книга становится бестселлером, этот процент повышается до 17,5. На первой встрече Антея Джозеф объяснила Альфу, что неизвестным авторам редко выплачивают большие авансы. Выпуская нового автора, они думают не столько о расходах на выплату аванса, сколько о том, что книга займет

место в издательском плане и всем отделам издательства придется тратить на нее свои силы и время.

Сумма была весьма скромной, но тот первый чек показался Альфу чудом. Однако вскоре в его финансовом положении произошли колоссальные изменения. В ноябре Джин Лерой договорилась о продаже прав на публикацию по частям во влиятельной газете «Лондон Ивнинг Стандарт». До выхода в свет отрывки из книги будут напечатаны в газете с огромным тиражом в Лондоне и ближайших графствах.

Когда Альфу позвонила агент и сообщила, что договор подписан, он решил, что попал в сказку. Газета должна была заплатить 36 170 фунтов за права на публикацию по частям, — даже сегодня это немаленькая сумма, а тридцать лет назад это было целое состояние. Я стоял рядом, когда отцу позвонили, — он чуть не упал со стула. Эта цифра не укладывалась у него в голове, ведь еще четыре года назад его капитал составлял всего 20 фунтов. Совсем скоро такие страшные слова, как «закладные» и «превышение кредита» останутся лишь в воспоминаниях, и в тот день Альф осознал, что финансовые проблемы навсегда ушли из его жизни.

Помню, как радовался отец, почувствовав, что люди на его стороне. В жизни ему приходилось принимать немало решений, но решение нанять агента, бесспорно, было самым лучшим из всех. Он часто говорил мне: «Мне приятно думать, что все эти люди вкалывают ради меня, принимают решения, заключают договоры, пока я сижу себе в Йоркшире и продолжаю писать!»

Всю свою писательскую карьеру Альф Уайт оставался верным «Дэвид Хайгем Ассошиэйтс» и никогда не забывал, как они ему помогли. Дэвид Болт, агент, продавший первую книгу издательству «Майкл Джозеф», в начале 1971 года ушел из компании и основал собственное агентство. Чувствуя высокий потенциал Джеймса Хэрриота, он предложил Альфу перейти вместе с ним. Альф прекрасно понимал, как много сделал для него Дэвид Болт, и решение далось ему нелегко, но он предпочел остаться с фирмой, а не с агентом. С тех пор его бессменным литературным агентом в «Дэвид Хайгем» была Жаклин Корн. Она работала со всеми книгами Джеймса Хэрриота и по сей день занимается его литературными делами. К несчастью, Джин Лерой — писатель и агент в одном лице, давшая отличный старт литературной карьере Альфа, — умерла в 1970 году. Она так и не узнала о феноменальном успехе неизвестного ветеринара, который послал ей свою истрепанную рукопись в тот судьбоносный день 1969 года.

Альф с нетерпением ждал публикации отрывков из «Если бы они умели говорить» в «Ивнинг Стандарт» весной 1970 года. Помню восторг отца, когда он впервые увидел свой труд в печатном виде.

Он получал горы писем от читателей, но самое первое запомнил на всю жизнь. Его написал пожилой мужчина из лондонского Ист-Энда после того, как прочитал первую главу в газете. В ней рассказывается, как Джеймс Хэрриот среди ночи несколько часов принимает роды у коровы. Наконец дело сделано, он едва не падает от усталости, и фермер спрашивает, не нужно ли попить. На слова: «Вы очень любезны, мистер Динсдейл, я бы с удовольствием чего-нибудь выпил», — Джеймс Хэрриот получает грубый ответ: «Да нет, я говорил о корове!»

Отец рассказывал нам этот случай в тот же день, когда он произошел, и мы все очень смеялись. Однако первый почитатель Джеймса Хэрриота не увидел в нем ничего забавного. Письмо, написанное с кучей ошибок, прямо-таки дышало праведным гневом. Корявым почерком с большим нажимом были выведены слова: «Я бы на вашем месте надел это чертово ведро ему на голову!»

«Если бы они умели говорить» вышла в апреле 1970 года тиражом 3000 экземпляров. Книга хорошо продавалась, и в конце года выпустили еще 1000 экземпляров. Ничего сенсационного, но для первой книги неизвестного автора — очень неплохо.

Альф не мог удержаться, чтобы не заглянуть в местные книжные магазины и не убедиться, что его книга выставлена на видном месте. Его постигло разочарование. На полках стояли всего несколько экземпляров, и в некоторых магазинах их поместили в раздел детской литературы. Брайан Синклер, который пришел в восторг от себя в образе Тристана, всячески старался помочь. Он, часто вместе с Джоном Круксом — первым помощником Альфа, заходил в каждую книжную лавку, попадавшуюся ему на пути, и переставлял книгу на полку бестселлеров, чтобы увеличить объем продаж!

Активная поддержка Брайана резко контрастировала с отношением Дональда, который отреагировал на выход «Если бы они умели говорить» полным молчанием. Два брата, столь похожие своей эксцентричностью, в других отношениях были совершенно разными.

Альф искал упоминания о своей книге на страницах литературных обзоров в газетах и журналах, но без особого успеха. Но, даже несмотря на отсутствие известности, ему с трудом верилось, что он стал издаваемым автором, и он был более чем доволен.

В Сандерленде один человек громко превозносил достоинства книги — его пышущая энергией двоюродная сестра Нэн Эрроусмит. Она обожала животных, — в ее доме всегда было несколько разных кошек и собак. Они с Тони держали книжную лавку, и она с нетерпением ждала выхода книги. Весь Сандерленд должен знать, что ее брат стал писателем.

Однажды в лавку Нэн зашел молодой торговый агент.

— Может, вас заинтересует эта новая книга? — спросил он, показывая ей «Если бы они умели говорить». — Ее написал какой-то старый ветеринар, взяв за основу случаи из собственной жизни. Все это уже было раньше, но, может, стоит взять парочку экземпляров?

Он не ожидал столь бурной реакции.

— Позвольте заметить, молодой человек! — взорвалась Нэн, выпустив сигаретный дым ему в лицо. — Джеймс Хэрриот — *мой* двоюродный брат, и он вовсе *не* старый! Он еще совсем мальчишка! И вот еще что: его книги станут бестселлерами, и лично я буду продавать их сотнями. Помяни мое слово, маленький наглец!

Ее хриплый смех успокоил перепуганного агента.

Многие люди сразу поняли, что у книги большой потенциал, и в этом нет ничего удивительного. Она написана простым разговорным языком, яркие образы вплетены в пронзительные описания минувших дней. Прежде всего, книга вызывает теплые чувства у читателя обилием юмора и тонкими наблюдениями о человеческой природе.

Интересно сравнить этот отшлифованный окончательный вариант с первой книгой, отвергнутой в 1967 году. Даже не специалисту видно, что за какие-то два года Альф сделал гигантский шаг вперед.

В главе 8 Зигфрид берет Джеймса с собой на ферму, чтобы сделать вскрытие. Он оставляет анатомический скальпель дома и вынужден позаимствовать у хозяйки нож для разделки мяса.

В первоначальном романе тоже описывается эта история, и вот отрывок:

«Подъехав к дому, он обнаружил, что забыл анатомический скальпель, и решил, что придется воспользоваться ножом для разделки мяса».

В опубликованном варианте она рассказана по-другому:

«Завизжав тормозами, мы остановились перед домом фермера. Машина еще не замерла окончательно, а Зигфрид уже выскочил и рылся в багажнике.

— Черт! — возопил он. — Анатомический скальпель куда-то задевался. Ну да ничего, возьму что-нибудь в доме.

Захлопнув крышку багажника, он ринулся к двери».

Вместо невыразительного повествования в ранней работе появляется яркая иллюстрация характера его эксцентричного партнера. Истории о Зигфриде и Тристане настолько искусно выписаны в окончательном варианте «Если бы они умели говорить», что в напечатанном виде они нравились мне даже больше, чем в пересказе из первых уст.

В течение нескольких лет в конце 1960-х, когда отец переписывал книгу, я лишь смутно догадывался о его самоотверженности и решимости. Никто из нас не ожидал, что его напечатают. В любом случае я был молод, беспечен и делал первые шаги на новом месте, поэтому мои мысли были заняты другими вещами. Я радовался, что мой старик получает удовольствие от своего хобби, но не проявлял особого интереса к конечному результату. До тех пор, пока он не показал мне письмо от Дэвида Болта.

Тогда до меня дошло, что он пишет лучше, чем я предполагал, и я прочитал рукопись. Я прочитал ее исключительно для развлечения — собственно, с этой целью она и написана, — и она мне понравилась, прежде всего потому, что она действительно *была* очень смешная. А тот факт, что я знаю почти всех персонажей, придавал еще больше очарования.

Отец был доволен, что я прочитал книгу, и несколько раз переспрашивал, что я о ней думаю. На протяжении всей своей литературной карьеры он придавал большое значение мнению семьи о его работе, и с той поры я читал все его рукописи еще до публикации. Я поставлял ему много материала; он постоянно искал свежие истории, и часть из них, даже в первых двух книгах, основаны на событиях из моей жизни. Благодаря его таланту рассказчика любой мало-мальски интересный случай превращался в увлекательную историю.

Когда издательство написало отцу о решении опубликовать книгу, я хотел всем рассказать о его успехе, но он думал иначе. Он и раньше просил нас помалкивать о его занятиях литературой, а теперь еще раз подчеркнул свое желание сохранить все в тайне.

— Я не хочу, чтобы кто-нибудь об этом знал, — заявил он мне.

— Но почему? — спросил я. — Ведь это большой успех.

— Ну, мне бы не хотелось, чтобы кто-то узнал себя в персонажах книги, — пояснил он.

Я был удивлен. Большинство действующих лиц вызывают симпатию. К тому же я был уверен, что реальные люди в любом случае узнают себя, — настолько ярко и выразительно описаны их характеры.

— Все поймут, что Фин Калверт — это «Атом» Томпсон, — настаивал я, — а мисс Уорнер в образе миссис Памфри узнает каждый!

Отец поморщился от моих слов.

— Нет, если я буду все отрицать! Этим людям может не понравиться, как я их описал. Они, скорее всего, и читать-то не будут, но прошу тебя: никому ни слова!

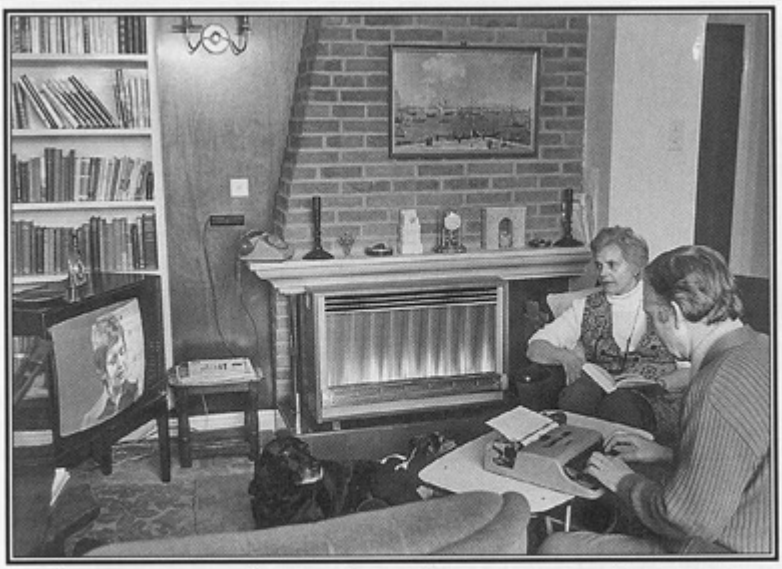
Для места действия книги он выбрал йоркширские холмы, однако большинство историй произошло в окрестностях Тирска. Время действия отец перенес в довоенные годы и датой окончания колледжа обозначил 1937-й, а не 1939 год; таким образом он пускал по ложному следу тех, кто попытается выяснить, кто же скрывается за именем Джеймс Хэрриот. «Я хочу, чтобы меня и дальше знали здесь как ветеринара, а не как писателя!» — говорил он.

Такая осторожность была в его духе. Конечно, он не хотел ранить чувства других людей, и в его скрытности была определенная логика: некоторые старые йоркширцы могли обидеться, если бы им показалось, что кто-то над ними посмеивается.

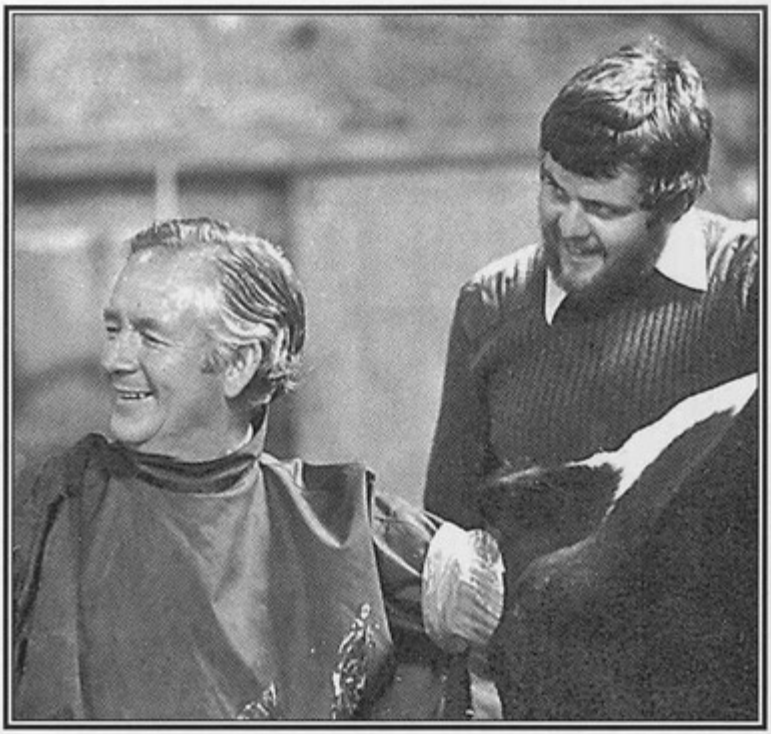
Сегодня смешно вспоминать, на какие ухищрения пускался Альф Уайт, чтобы сохранить анонимность, но чутье подсказывало ему, что следует хранить в тайне подлинные события, лежавшие в основе его рассказов. Следующие двадцать лет он уверял, что описанные в первой книге случаи произошли до Второй мировой войны и все персонажи либо уже очень старые, либо умерли. В действительности в основе многих рассказов лежат относительно недавние события. Альф упрямо настаивал на своем в надежде сохранить инкогнито, в стремлении не обидеть йоркширцев, изображенных в его книгах.

В середине 1970-х — когда его тайна давно была раскрыта, — произошел забавный случай. Старый мистер Смедли из деревни Коксуолд однажды пришел в клинику и устроил настоящий скандал из-за того, что Альф *не* включил его в свои рассказы! Опасения Альфа Уайта явно были беспочвенными.

Джеймс Хэрриот, писатель, на встрече с другим Джеймсом Хэрриотом, одолжившим ему имя



Вечером после трудного рабочего дня в ветеринарной практике Альф писал книги на портативной пишущей машинке, сидя перед телевизором



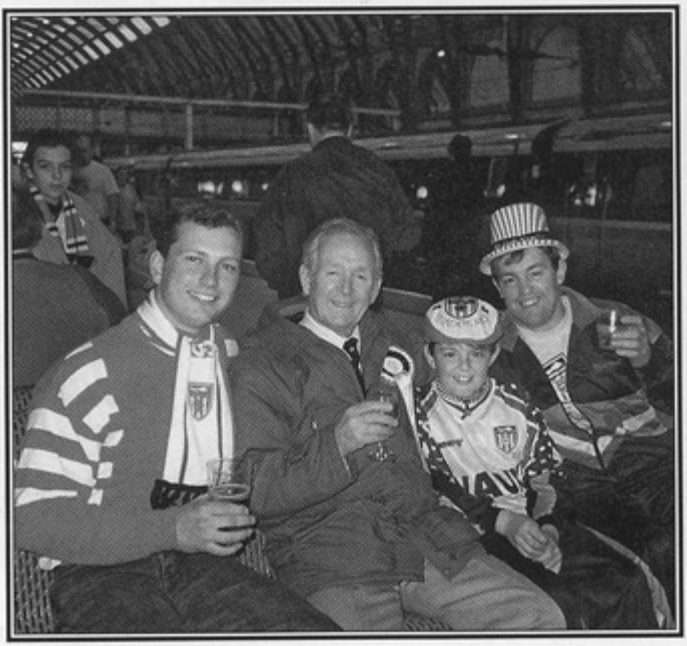
Особенности жизни ветеринара...

Артур Данд, фермер и коллега-писатель, с Альфом

В пылу погони: свиней практически невозможно поймать на открытом пространстве

«На пенсии я хочу больше времени проводить
с внуками, собаками и футболом»

С внучками Зои и Катриной



С болельщиками «Сандерленда» на вокзале Кингз-Кросс в Лондоне

После поминальной службы в Йоркском кафедральном соборе: автор, Крис Тимоти, Джоан, Роберт Харди и внучка Эмма

Глава 22

Книга «Если бы они умели говорить» хорошо продавалась, и этому радовался не только Альфред Уайт. Антея Джозеф была в восторге и предложила ему подумать о продолжении, что, по ее мнению, добавило бы популярности первой книге. Вскоре она узнала, что ее новый автор именно этим и занимается. Ему так понравилось писать, что к январю 1970-го — за три месяца до выхода первой книги, — он уже написал страниц сто для новой. Материала у Альфа было достаточно, он чувствовал уверенность в своих силах и целиком и полностью отдался своему «хобби». Он давно об этом мечтал.

Антея Джозеф получила законченную рукопись его второй книги под названием «Это не должно было случиться с ветеринаром» в феврале 1971 года. Договор — за который Альф получил аванс в 300 фунтов, — был подписан 22 марта 1971 года, а книга вышла в январе 1972-го. И вновь, к радости отца и его банковского управляющего, «Лондон Ивнинг Стандарт» печатала отрывки до публикации. На этот раз о книге писали гораздо больше, ее обсуждали на страницах газет и журналов.

Одна рецензия в «Санди Экспресс» за 23 января 1972 года, написанная тогдашним литературным редактором Грэмом Лордом, очень много значила для моего отца. Восторженный отзыв Лорда существенно поднял моральный дух Альфа, который был убежден, что благодаря именно этой рецензии в газете с большим тиражом произошел переломный момент в его писательской карьере. Мой отец, всегда ценивший поддержку, связался с Грэмом Лордом, выразил ему свою признательность и до конца дней был ему благодарен.

Джон Джунор, редактор «Санди Экспресс», был в восторге от книги. С 1974 года до 1980-х его газета печатала отрывки из всех книг Джеймса Хэрриота до их выхода в печать, привлекая к ним внимание миллионов читателей и существенно повышая объемы продаж. Джон Джунор вырос по соседству с Йокером в Глазго. Альф переписывался с ним много лет и всегда считал редактора «Санди Экспресс» влиятельным человеком, который помог ему добиться успеха.

На рост продаж второй книги повлиял еще один фактор — смена обложки. Обложка «Если бы они умели говорить» — на ней мальчик держит за узду вставшую на дыбы молодую лошадь, — наводила на мысли о сказочных приключениях, и, вероятно, поэтому в магазинах книгу ставили в отдел детской литературы. Осознав свою ошибку, издательство «Майкл Джозеф» заказало

оформление обложки известному художнику «Ларри»[8], а также попросило его сделать карикатуры к каждой главе, что подчеркнуло юмористическую направленность книги. Ларри не только иллюстрировал следующие четыре книги Джеймса Хэрриота, он сделал новую обложку для «Если бы они умели говорить», с которой она выходила во втором и последующих изданиях.

Вторая книга вышла тиражом восемь тысяч экземпляров — заметное увеличение по сравнению с первой книгой, что подтверждало веру «Майкл Джозеф» в их автора из Йоркшира. Джеймс Хэрриот пока еще не стал знаменитым, но его книги хорошо продавались. Он был на пути к успеху.

«Это не должно было случиться с ветеринаром» во многом напоминает первую книгу — обилие юмора, проникновенное описание исчезающего уклада жизни и капелька грусти. Как и ее предшественница, она заставляет читателя плакать и смеяться. Альф чувствовал в себе силы для третьей и, может быть, даже для четвертой книги, поэтому решил ввести нового персонажа, который мог бы переходить из книги в книгу. Он добавил любовную историю, и в жизни Джеймса Хэрриота появилась Хелен Олдерсон, прообразом которой стала Джоан.

Книга начинается с истории о мистере Хэндшо. Джеймс Хэрриот приезжает к корове, которая лежит и не желает вставать. Он безуспешно пробует разные способы лечения и через несколько дней приходит к выводу, что корова никогда не поднимется. Он советует отправить ее к мяснику. Фермер не следует его совету, и через некоторое время корова неожиданно встает на ноги. Мистер Хэндшо торжествует: он сумел «перехитрить» дипломированного ветеринара.

Настоящий мистер Хэндшо — его зовут Билли Гудиер, — до сих пор жив, и только недавно один из молодых помощников в практике побывал с визитом на его ферме.

— Интересный старикан! — сказал помощник, вернувшись в клинику. — Он рассказал мне историю о вашем отце.

— Да? — ответил я, догадываясь, о чем идет речь.

— Много лет назад, говорит он, ваш отец пытался лечить его корову и сказал, что «она никогда не встанет». Вопреки совету вашего отца он сохранил ей жизнь, и она встала!

Билли Гудиер постоянно напоминал отцу о корове, которая «никогда не встанет». Иногда мне становится интересно, что бы сказал Альф Уайт, знай он, что фермер до сих пор, через столько лет после его смерти, упивается своим звездным часом.

В «Это не должно было случиться с ветеринаром» проявляется другой аспект творчества Джеймса Хэрриота: он маскирует своих

персонажей, меняя их пол, или объединяет в одном действующем лице несколько характеров.

В седьмой главе появляется персонаж мистер Уорли. Он обожает свиней. Вся его жизнь вращается вокруг них, и для него нет ничего лучше, чем сесть у камина и «поболтать о свинках».

«Настоящим» мистером Уорли была женщина, миссис Буш, хозяйка гостиницы в Байленд-Эбби недалеко от Тирска. Она держала сэдлбекских свиней на заднем дворе гостиницы и обожала их всех до одной. Ей нравился мой отец, так как она была убеждена, что он тоже любит ее свиней. Я в этом не настолько уверен. Черно-белые свиноматки миссис Буш внушали ужас, особенно во время опороса, вдобавок их хозяйка имела обыкновение вызывать нас к ним рано утром. Однако в ее глазах отец был настоящим «свиным доктором».

Однажды вечером Альфу пришлось испытать несколько неловких минут, когда он зашел выпить пива в гостиницу. К нему подошла миссис Буш и сказала:

— О, мистер Уайт, мне так понравилась ваша книга. Особенно глава про мужчину и его свиней!

Альф покрылся испариной. Неужели она себя узнала?

— Рад это слышать, миссис Буш, — ответил он.

— Я хорошо понимаю его чувства! — продолжала она.

— В самом деле?

— Ага. Знаете, мистер Уайт… на его месте могла бы быть я!

Вторая книга кончается чудесной историей (я очень хорошо ее помню), которая служит превосходной иллюстрацией неповторимого характера Дональда Синклера. Зигфрид сопровождает высокопоставленных влиятельных людей на скачки, там встречает старого приятеля и напивается. В результате он теряет ключи от машины и вынужден позаимствовать у друга его старую грязную развалюху, чтобы отвезти своих возмущенных гостей домой. Последнюю точку в этом фарсе ставит, разумеется, Зигфрид, который пытается протереть стекла машины дохлой курицей!

В течение следующих пяти лет — до 1977 года — Альф написал еще четыре книги. Настоящий подвиг для практикующего ветеринара, работающего полный день. Как и прежде, когда он писал рассказы и повести, он работал в гостиной перед телевизором. Теперь ему тоже не составляло труда устроиться за столом в конце рабочего дня, и страницы птицами слетали с его машинки. Зная, как он трудился весь день в практике, я с изумлением смотрел на довольную фигуру, барабанившую по клавишам. У него было одно большое

преимущество: он действительно любил писать, упорно считая литературу своим увлечением, а не профессией.

Начиная с 1973 года все книги Альфа получали восторженные отзывы и быстро добирались до верхней строчки в списках бестселлеров. Его третья книга «Не будите спящего ветеринара» — название предложила Джоан, — вышла в апреле 1973 года. Как и две предыдущие, она выходила частями в «Ивнинг Стандарт» и сразу взяла с места в карьер — мгновенно стала бестселлером. «Майкл Джозеф» выпустил 15 000 экземпляров, которые молниеносно смели с полок магазинов. Читатель знакомится с новыми персонажами, в том числе с Эваном Россом, ветеринаром из соседнего округа, для которого Джеймс Хэрриот брал бесконечные туберкулиновые пробы, и студентом Кармоди. В ней много историй о йоркширских фермерах с их забавными взглядами на жизнь. Через всю книгу проходит нежная история любви Джеймса и Хелен, которая заканчивается свадьбой и медовым месяцем в йоркширских холмах.

Первая глава рассказывает об огромном псе Джо Муллигена, старого глухого ирландца. В жизни его звали мистер Томпсон, и ни один ветеринар в здравом уме даже помыслить не мог о том, чтобы приблизиться к его псу. Этот великан — которого все называли просто «псом Томпсона», — искрился от напряжения всякий раз, когда входил в клинику.

Однажды Альф гулял со своим джек-расселом Гектором по окрестным полям и вдруг увидел обманчиво добродушную морду «пса Томпсона», бредущего рядом со стариком. К его ужасу, Гектор принялся прыгать вокруг этого исполина. Огромный косматый пес не проявлял особого интереса к наскакивающему на него маленькому черно-белому комочку, но отец все же забеспокоился. Старик Томпсон заметил его испуг. «Не волнуйтесь, мистер Уайт, — прокричал он, — он ест только овчарок!»

18 апреля 1973 года в новом помещении «Майкл Джозеф» на Бедфорд-Сквер праздновали официальный выход «Не будите спящего ветеринара». Издательство было так довольно своим набиравшим все большую популярность автором, что не только устроило прием в его честь, но и подписало — двумя месяцами ранее — с ним договор на еще три книги, за которые ему выплатили аванс в общей сложности 5250 фунтов. Это было еще только начало, и сумма была сравнительно небольшой, но, учитывая неуклонный рост продаж на протяжении следующих нескольких лет, для Альфа Уайта это уже не имело большого значения.

Если твой отец внезапно становится знаменитым, ты получаешь кучу преимуществ, и одно из них в том, что тебя приглашают на великолепные приемы, где ты знакомишься с интересными людьми. На этих мероприятиях спиртное лилось рекой, и завязывались новые отношения. Тот прием по случаю публикации превзошел всякие ожидания. На нем присутствовали многие друзья семьи. Там были Дентон Петт (ставший потом прообразом незабываемого Гранвилла Беннета) и Брайан Синклер (Тристан, конечно же) со своими женами (Дональд Синклер остался управлять практикой), еще Эдди Стрейтон, а также моя будущая жена Джиллиан, которая пришла как лучшая подруга Рози. Джил, к несчастью, недооценила содержание алкоголя в напитках, которые лились в ее стакан бесконечным потоком, и остаток вечера провела в бессознательном состоянии в дамской комнате.

На следующий день, полная раскаяния, она написала самоуничижительное письмо с извинениями автору. Его ответ она сохранила как ценный сувенир.

> Милая девочка, спешу заверить, что ваше чувство раскаяния совершенно излишне. Я уж извиняться передо мной, ветераном тысяч преждевременных исчезновений и стольких же мрачных и безнадежных рассветов, просто смешно. Вы описываете себя как «жалкую кучку в дамской комнате». Что ж, это описание вполне подходит и мне, только замените «дамскую» на «мужскую», или «дальнюю комнату в доме у друзей», или «заднее сиденье машины», или, в одном случае, «угол теннисного корта».
>
> Позвольте мне также заверить вас, что люди, два часа хлеставшие шампанское, а потом набросившиеся на вино, скорее всего, не обратили внимания на ваше «ужасное поведение». Лично я помню все как в тумане.
>
> Смутно припоминаю, что два человека из «Майкл Джозеф» произносили какие-то невразумительные благодарственные речи, а я, говорят, в ответ пролепетал несколько невнятных слов. Я честно не помню, как не помнят очень пьяный Тристан и большинство других.
>
> Но я помню нашу встречу в самом начале, и это было чудесно!
>
> Всего наилучшего,
> Джеймс Хэрриот.

Джил получила еще один сувенир на память о том незабываемом вечере. Ларри, карикатурист, чьи блестящие иллюстрации украшают каждую главу в книгах Хэрриота, тоже

присутствовал на приеме. Узнав, что Джил — врач, он нарисовал для нее карикатуру: игла на конце огромного шприца вонзается в не менее внушительный зад. Он набросал рисунок за несколько секунд, произведя ошеломляющее впечатление на Альфа. Для него рисование — как и математика — всегда оставалось тайной, покрытой мраком.

У меня же есть причины помнить тот вечер: тогда я впервые услышал «маниакальный смех» в исполнении Брайана Синклера, который так часто описывал нам отец. После приема мы, шатаясь, брели в сторону нашей гостиницы, и он дал себе волю. По улицам Лондона разносились зловещие первобытные вопли, и, слушая их, я был несказанно рад, что издает их всего лишь наш старый добрый «дядюшка Брайан». В душе он остался все тем же веселым озорником.

Четвертая книга, «Ветеринар за работой», вышла в 1974 году, на этот раз тиражом 20 000 экземпляров, и вновь имела большой успех. Читатель знакомится с невероятным Гранвиллом Беннетом, в главе 25 описывается деревенский матч по крикету на безнадежно покатой и неровной площадке. Альф, большой поклонник крикета, был очень горд, когда получил письмо от сэра Леонарда Хаттона, которого считал величайшим йоркширским и английским бэтсменом. Ему явно понравилась глава. В письме от 26 февраля 1976 года говорилось:

> Только что прочитал вашу новую книгу. Позвольте отметить великолепное описание крикетного матча. Он напомнил мне пару моих ранних выступлений в Йоркшире.
>
> Благодаря вам два мрачных февральских вечера наполнились весельем и радостью, спасибо большое. Я хорошо знаю людей, среди которых вы живете. У нас в крикете тоже такие встречаются.

Вот в чем основное преимущество Альфа. Его книги были не просто собранием рассказов о животных и ветеринарах. Истории из его практики служили фоном для описания самых разных занятий и событий, любой мог найти в его книгах что-то интересное для себя.

Альф продолжал писать, и с каждой книгой росла его уверенность в своих силах. В романе, отвергнутом в 1967 году, он уже пытался использовать ретроспективные вставки и вернулся к этому приему в двух своих следующих книгах — «Жаль, ветеринары не летают», которая вышла в 1976-м, и «Ветеринар в панике», которая появилась на полках магазинов в 1977-м. Он

теперь пользовался таким успехом, что «Майкл Джозеф» выпустил в печать 60 000 экземпляров «Жаль, ветеринары не летают», и их смели с полок в мгновение ока.

В этих двух книгах Альф вспоминает о службе в BBC, и его ретроспекции выполнены с гораздо большим мастерством, чем в его первой попытке. К тому времени он уже стал знаменитостью, и его книги попадали в списки бестселлеров через пару недель после выхода. Издание каждой новой книги служило катализатором для продажи предыдущих, и к середине 1970-х были проданы сотни тысяч экземпляров в твердом переплете и миллионы — в обложке.

Книги в мягкой обложке, само собой, продавались в больших количествах, чем дорогие издания в твердых переплетах. В 1970-х у «Майкл Джозеф», как и у других издательств того времени, не было постоянного партнера среди издательств, выпускающих книги в мягкой обложке. Они продавали права любым издателям литературы в бумажной обложке, — «Пенгуин Букс», «Пан Букс» и «Корги» были лидерами в этой области.

Поскольку книга в твердом переплете проводит на полках максимум шесть месяцев, сейчас издание в мягкой обложке, как правило, выходит через год, — часто совпадая по времени, если это плодовитый автор, с выпуском следующей книги в твердом переплете. Однако в 1970-х книги в твердых переплетах намного дольше находились в продаже, и так как доход от них был выше, чем от дешевых изданий, промежуток между их выпусками часто составлял два года.

Поэтому «Майкл Джозеф» не торопился заключать договор на «Если бы они умели говорить» с издателем литературы в мягкой обложке, и в итоге первые две книги они продали издательству «Пан Букс» в одно время. «Майкл Джозеф» и «Пан» подписали договор в июне 1972-го, через шесть месяцев после выхода «Это не должно было случиться с ветеринаром». Публикация отрывков и благоприятные отзывы не могли пройти незамеченными для «Пан Букс». Главную роль в заключении этого договора сыграл не кто иной, как Кларенс Паджет, тот самый издатель, который в 1969 году убедил Антею Джозеф рискнуть и издать «неизвестного ветеринара из Йоркшира».

В ноябре 1972 года «Пан Букс» выпустил две первые книги одновременно, тираж каждой составил 60 000 экземпляров. Как оказалось, «Пан» сделал правильный ход. На протяжении следующих лет продажи неуклонно росли, и к началу 1979-го Альф получил ни много ни мало шесть «Золотых Панов». Было продано больше миллиона экземпляров каждой из его первых шести книг в мягкой обложке, — в то время с этим рекордом мог

сравниться только Ян Флеминг, автор невероятно успешной серии о Джеймсе Бонде.

Альфред Уайт всего добился сам, но никогда не забывал тех, кто помог ему достичь этого ошеломляющего успеха. Свою благодарность он выразил в посвящениях в своих ранних книгах.

Первую книгу он посвятил Эдди Стрейтону. Альф всегда помнил, что именно он познакомил его с бывшим директором «Коллинз» Джоном Моррисоном, который передал рукопись в издательство. Совет рецензента «Коллинз» Джулианы Уэдхем — переделать первоначальный роман в полубиографические истории из своей жизни — стал поворотным пунктом на его пути к успеху. Благодаря Джулиане Уэдхем в творчестве Джеймса Хэрриота появился волшебный компонент, придающий ему особую прелесть: тот факт, что его незабываемые рассказы основаны на реальных событиях.

Вторая книга посвящена братьям Синклерам. Альф был благодарен судьбе за то, что ему посчастливилось провести большую часть жизни в обществе этих колоритных личностей, поставлявших превосходный материал для его историй.

В третьей книге он выражает признательность своей жене. По-своему, Джоан помогала ему больше, чем кто-либо другой: она подтолкнула его к написанию первой книги, она убеждала его не сдаваться, когда он получал отказы от издательств, а самое главное — она обеспечивала ему счастливый и твердый тыл. Альф любил повторять, что писал книги не один, а «в кругу семьи». Джоан во всем поддерживала мужа, благодаря ей в семье царила атмосфера тепла и счастья.

Посвящение матери в четвертой книге в очередной раз говорит о бесконечной благодарности Альфа женщине, которая даже в те трудные годы в Йокере ни минуты не сомневалась в своем сыне и была твердо уверена, что он добьется успеха в этом мире. Естественно, она необычайно гордилась достижениями сына. Ее гордость была так велика, что она останавливала прохожих на улице со словами: «Знаете, кто я? Я — мать Джеймса Хэрриота!» Письма она больше не подписывала своим именем — Ханна Уайт, ставила просто «мать Джеймса Хэрриота».

Пятую книгу Альф посвятил своим любимым псам, Гектору и Дэну, и шестую — Рози, Джил и мне. Он выразил признательность тем, с кем, по его мнению, провел лучшие времена своей жизни.

К середине 1970-х книги Джеймса Хэрриота стали признанными бестселлерами в Великобритании, но не только поразительный успех в собственной стране приводил Альфа в

изумление. Джеймс Хэрриот приобрел известность далеко за пределами Великобритании. Его книги широко продавались за границей, их перевели на многие языки мира, и вскоре он стал «самым известным ветеринаром в мире». Но именно одна страна, в которой Джеймс Хэрриот пользовался небывалой популярностью, вознесла его на вершину мировой славы. Нигде его так высоко не ценили, как в Соединенных Штатах Америки.

Глава 23

Как-то раз, в один из дней в конце 1970-х, я услышал шум, доносившийся из приемной на Киркгейт, 23. Работы с мелкими животными становилось все больше, и теперь основная часть наших доходов поступала именно от этого направления, поэтому полная приемная означала, что дела идут хорошо.

— Похоже, сегодня будет много работы, пап, — заметил я. — В приемной шагу ступить негде!

Отец выглянул за дверь и вернулся в кабинет с извиняющейся улыбкой.

— Не обольщайтесь, ребята, — сказал он. — Я насчитал двух хомяков, одного йоркширского терьера и сорок пять американцев!

Набеги туристов на нашу скромную клинику становились обычным делом. Джеймс Хэрриот пользовался огромной популярностью, и тысячи людей со всего мира стекались в Тирск, чтобы посмотреть на его ветеринарную практику. Они приезжали не только из Великобритании, но и из Европы, Канады, Австралии и даже из Японии, — но больше всего туристов было из Соединенных Штатов. Судя по всему, Джеймс Хэрриот стал знаковой фигурой на той стороне Атлантики.

Альфу Уайту всегда нравился американский народ. Его привлекали их открытая дружелюбность и любовь к жизни.

— Американцы такие же, как мы, — часто говорил он. — Другие народы отличаются от нас, а они — нет. Мне нравятся люди, похожие на меня!

Объемы продаж в Америке постоянно увеличивались, и Альф испытывал все больше симпатии к американцам.

Он всегда помнил, чем обязан этой стране, поэтому старался встретиться с каждым, кто проделал столь долгий путь, чтобы выразить ему свое восхищение. Эти нашествия могли помешать работе ветеринаров, поэтому он выделил два дня в неделю для встреч с посетителями и раздачи автографов. По средам и пятницам на Киркгейт выстраивались огромные очереди, особенно летом.

Эти встречи с читателями продолжались много лет, и мы все привыкли к толпам туристов, осаждавших нашу приемную. Я часто с изумлением наблюдал, с какими взволнованными лицами они пожимают руку моему отцу. Он был для них не просто писателем, творчеством которого они восхищались; он стал им другом, благодаря своим добрым, проникнутым любовью рассказам.

Альф, всегда считавший себя самым обыкновенным

человеком, не мог понять этого поклонения. Он не раз говорил мне: «Вот он я, „заурядный“ ветеринар, а все эти люди съезжаются сюда, чтобы посмотреть на меня, будто я какой-нибудь новый мессия!» Среди приезжавших поклониться «святыне» на Киркгейт, 23 были его коллеги-ветеринары со множеством званий, стоявших после их имен. Альф говорил, что чувствует себя мошенником, когда они взирают на него с таким почтением. Несмотря на его недоумение, он действительно был особенным человеком, и многие, кому посчастливилось познакомиться с ним, считали эту встречу одним из лучших моментов в своей жизни.

Я испытывал огромное уважение к приезжавшим читателям. В большинстве своем они, понимая, что мы заняты делом, не врывались в клинику. Они просто подходили к зданию и фотографировали его. Те, кто входили внутрь, проявляли удивительную щедрость. Подписав для них книги, отец обычно предлагал внести пожертвования в «Благотворительный фонд Джерри Грина», приют для бездомных собак с отделением неподалеку от Тирска, которое он опекал. Иногда мы обнаруживали даже пятидесятифунтовую банкноту в маленькой красной коробочке. Ошеломляющий успех приносил выгоду не только Джеймсу Хэрриоту.

В обращении к Харрогитскому медицинскому обществу в 1974 году Альф попытался объяснить, почему американцы так восхищаются его работами: «Я думаю, американцам нравятся мои рассказы, потому что они тянутся к простым вещам, которых они в своем материалистическом и урбанизированном мире лишены: к старым неиспорченным йоркширцам и образу жизни, столь не похожему на их собственный».

Теплота, понимание и сочувствие Джеймса Хэрриота в отношениях как с пациентами, так и с людьми облагораживают его профессию, и многие поклонники его творчества, проехавшие тысячи миль, видели, что реальный человек именно такой — добрый, мягкий, благородный, — каким они его себе представляли.

Волны восхищения, хлынувшей с другой стороны Атлантики, могло и не быть. Как и с издательствами в Великобритании, вдело вмешался счастливый случай, и Джеймс Хэрриот занял прочное положение в Соединенных Штатах. Один человек приложил много сил для того, чтобы Джеймс Хэрриот завладел воображением американских читателей. Звали его Том Маккормак.

Маккормак был директором нью-йоркского издательства «Сент-Мартинз Пресс». Летом 1970 года он полетел в Лондон за

книгами, которые могли бы хорошо продаваться в Соединенных Штатах. Он был готов на все, лишь бы раздобыть что-нибудь особенное, так как «Сент-Мартинз» еле держался на плаву. Если он не найдет первоклассного автора, способного изменить к лучшему положение издательства, фирму придется закрыть, и многие люди останутся без работы.

В Лондоне Маккормак договорился о встрече с Дэвидом Болтом из «Дэвид Хайгем Ассошиэйтс». Агент всегда старался заинтересовать американских издателей книгами, на которые они получали американские права, — в этом случае издатели несли ответственность перед автором за публикацию книги в Соединенных Штатах. Дэвид Болт обсудил с Томом Маккормаком нескольких клиентов агентства и вручил ему «Если бы они умели говорить», правда, не питая особых надежд, так как книга была очень британская и вряд ли могла понравиться американским читателям.

На тот момент «Если бы они умели говорить» вышла совсем недавно, и ее продажи еще не пустили волну по издательскому миру Лондона. Том Маккормак с неприязнью посмотрел на книгу: она была тонкая (американцы любят читать толстые книги, причем желательно об американцах, и в то время английские рассказы их не интересовали), к тому же ему не понравилась обложка, больше подходившая для детской литературы. Название понравилось Маккормаку еще меньше, а когда он узнал, что ее написал какой-то неизвестный ветеринар из Йоркшира, его интерес полностью испарился. Однако вежливость не позволила ему швырнуть книгу Дэвиду Болту, поэтому он положил скучный маленький томик в портфель и увез домой. За три года до этого работа Джеймса Хэрриота, всеми забытая, лежала в Лондоне, и такая же судьба постигла ее в Нью-Йорке. Целых три месяца она пролежала дома у директора, который ее даже не открыл.

Вероятно, Маккормак так бы и забыл о книге, но его жена Сандра однажды вечером решила ее почитать. Через некоторое время она высказала свое мнение:

— Ты должен это прочесть. И если ты, олух, не издашь эту книгу, я тебя убью!

После столь убедительного аргумента Маккормаку ничего не оставалось, кроме как прочитать книгу самому. С каждой главой его возбуждение возрастало, и он начал понимать, что у него в руках работа первоклассного рассказчика. Когда он дочитал книгу до конца, в его голове шевельнулась мысль: что, если это тот самый автор, которого он искал?

Шли недели, и мысль переросла в твердое убеждение: эту книгу должна прочитать вся Америка. Потом Маккормак не раз с

благодарностью вспомнит угрозу жены в тот памятный вечер в Нью-Йорке.

Наша семья всегда восхищалась упорством, с которым Том Маккормак добивался издания этой первой книги. Он был убежден, что у него в руках потенциальный бестселлер, и был готов поставить всю свою карьеру на его успех. Он видел в Джеймсе Хэрриоте спасителя своей чахнущей фирмы, — но на его пути стояла огромная преграда.

Во-первых, книга была слишком тонкой: если он хочет завоевать Америку, то книга должна быть вдвое толще. В начале 1971 года его молитвы были услышаны. Маккормак связался с Клэр Смит из агентства «Гарольд Обер» в Нью-Йорке — американского отделения лондонского агентства «Дэвид Хайгем». Она тоже пыталась заинтересовать американских издателей книгой «Если бы они умели говорить», но без особого успеха. Клэр Смит рассказала Тому Маккормаку, что, по сведениям из Лондона, ветеринар написал еще одну книгу. Это были именно те новости, которых он ждал. Он немедленно заказал экземпляр книги в агентстве «Дэвид Хайгем». Она ему понравилась так же, как и первая, и Маккормак увидел, что обе книги можно объединить в одно издание.

Оставалась еще одна проблема. Том хотел, чтобы у книги был более определенный конец — ни во второй, ни в первой этого не было. Через «Дэвид Хайгем» он связался с Альфом и очень осторожно спросил, не напишет ли он окончание к книге — где Джеймс Хэрриот женится на Хелен, — чтобы придать истории законченный вид. Маккормак с тревогой ждал, что ответит на такую просьбу незнакомый ветеринар из далекого Йоркшира, но тот его не разочаровал. Альф, чрезвычайно воодушевленный перспективой издания его книг в Америке, с радостью согласился и, по словам Тома Маккормака, «написал три главы, мы получили и свадьбу, и медовый месяц, и счастливый конец».

Рози предложила название для новой книги — «О БОЛЬНЫХ созданиях — больших и малых», и по случайному стечению обстоятельств кто-то из «Сент-Мартинз Пресс» придумал похожее название: «О ВСЕХ созданиях — больших и малых». Альф хотел оставить название Рози, но Том предпочитал более традиционный вариант. Альф не стал спорить, и Том добился своего. Альфа немного удивил напор его нового американского издателя, но он был готов согласиться на любые условия ради издания книги в Америке. Потом, став знаменитым писателем и обретя уверенность, он твердо отстаивал свое мнение, когда Том хотел внести какие-нибудь изменения в его рассказы, но в первые годы он подчинялся требованиям.

Альфред Уайт не мог поверить в свою удачу, когда 17 сентября 1971 года подписал договор с «Сент-Мартинз Пресс» на издание «О всех созданиях — больших и малых». Но никто не предполагал, что эта подпись окажется судьбоносной.

Весь 1972 год Том Маккормак провел в бегах и суете. Ему пришлось преодолеть еще одно серьезное препятствие — убедить всех в «Сент-Мартинз Пресс», что воспоминания какого-то неизвестного ветеринара из далекого Йоркшира о первых годах своей профессиональной жизни имеют все шансы стать бестселлером. Коллег он, в конце концов, убедил, но потом ему пришлось добиваться поддержки продавцов книг. Он начал «кампанию уговоров, угроз и принуждения».

Маккормак бросил все силы на продвижение книги на рынке. Для начала напечатали шесть тысяч экземпляров первой главы и раздали избранным библиотекарям, книжным магазинам и обозревателям. Всем, кому не понравится книга, гарантировали вернуть деньги. В крупные магазины послали маленькие фигурки животных из слоновой кости, чтобы привлечь их внимание к книге. Том лично написал всем влиятельным рецензентам. В своих письмах он говорил, что книга оставляет «глубокое и приятное впечатление», а о Джеймсе Хэрриоте и его работе писал, что «он внушает любовь к жизни, и делает это весьма достоверно. За пятнадцать лет работы в издательском бизнесе еще ни одна книга не доставляла мне такого удовольствия».

Несмотря на энергичную рекламную кампанию, предварительные продажи шли вяло, и за две недели до выхода магазины купили всего 8500 экземпляров книги. Тем не менее, Том был убежден: если влиятельный критик прочтет ее и напишет хорошую рецензию, книга пойдет. Американским читателям стоит только начать «О всех созданиях — больших и малых», и они захотят еще. Ему нужно было только одно — чтобы кто-то посоветовал им эту книгу.

Маккормак поставил на карту все свое будущее. Провал книги, на которую он возлагал столько надежд, имел бы серьезные последствия и для него, и для его компании. Приближался день публикации. Том Маккормак скрестил пальцы и ждал.

«О всех созданиях — больших и малых» вышла в ноябре 1972 года под гробовое молчание крупных критиков. Том чувствовал горькое разочарование. Есть в Соединенных Штатах Америки хотя бы один человек, — думал он, — который разделяет его восхищение творчеством Джеймса Хэрриота? Неужели он — единственный в издательском бизнесе, кто разглядел потенциал

автора? Неужели он совершил ошибку, поставив свое будущее на книгу неизвестного йоркширского ветеринара? Но в его душе еще теплился маленький огонек надежды.

Ему не пришлось долго ждать ответов на свои вопросы. 12 ноября, читая воскресное книжное обозрение в «Чикаго Трибьюн», он почувствовал, как сильно забилось его сердце. На первой странице этой влиятельнейшей газеты была напечатана рецензия на книгу Джеймса Хэрриота. В рецензии Альфреда Эймса были сплошь восклицательные знаки и эпитеты в превосходной степени.

«Если есть справедливость на свете, эта книга станет классикой своего жанра… С кажущейся простотой этот человек рассказывает свои истории в идеальном ритме. Многие известные писатели могут работать всю жизнь, но так и не достичь столь безупречного владения словом».

Это был прорыв, которого ждал Том Маккормак. За первой рецензией последовали другие. Анатоль Бройярд писал в «Нью-Йорк Таймс» 14 декабря: «Джеймс Хэрриот, британский ветеринар, относится к той редкой породе людей, которые умеют видеть красоту в самых обыкновенных вещах… Да, он ветеринарный врач, а когда его правая рука не занята, он еще и потрясающий писатель».

К январю 1973 года рецензии полились рекой. «Хьюстон Кроникл» так начала свою статью: «Мне не хватает слов в превосходной степени. Эта книга — первый класс, редкое явление, великолепно написана, она проникает в суть вещей, ее невозможно забыть. Если у вас когда-либо был друг — человек или животное, — эта книга для вас».

Рецензии стали той искрой, от которой разгорелось гигантское пламя, охватившее всю Америку. В начале января 1973 года книга вошла в список бестселлеров журнала «Тайм», а в конце месяца — газеты «Нью-Йорк Таймс». Слава Джеймса Хэрриота разнеслась по всей Америке, и в течение года книжные клубы выбрали его книгу для издания дополнительным тиражом, журналы печатали отрывки, и «Ридерз Дайджест» опубликовал ее в сокращенном варианте. Через несколько месяцев после выхода «Если бы они умели говорить» издательство «Бентам Букс» купило права на ее выпуск в мягкой обложке, и когда были проданы двести тысяч экземпляров в твердом переплете, следом вышел еще миллион в мягком, — 1973 год принес грандиозный успех и Джеймсу Хэрриоту, и Тому Маккормаку.

В считаные недели после выпуска книги имя Джеймса Хэрриота вошло в миллионы домов. Том Маккормак рискнул и выиграл. Он потратил 50 000 долларов на рекламу книги, но, по

его собственному признанию, «если бы не человек по имени Альфред Эймс, все могло бы обернуться по-другому».

Несмотря на потрясающий успех его нового автора, Том Маккормак не почивал на лаврах. Книга «О всех созданиях — больших малых», словно ураган, ворвалась на рынок, — и он отнюдь не собирался его утихомиривать. Что, если, — думал он, — пригласить самого Джеймса Хэрриота в рекламный тур по Штатам?

Известность, конечно, волновала Альфа, но он считал, что прежде всего принадлежит практике, и, поскольку приближался напряженный сезон окота, его первой реакцией было отказаться от приглашения. В то время в клинике работали только четыре ветеринара, но мы убедили его, что нельзя упускать такую возможность, и в конце февраля 1973 года Альф впервые отправился в Америку.

Во время поездки, длившейся всего неделю, у него не было ни одной свободной минуты. Бесконечные выступления по телевидению и раздачи автографов перемежались экскурсиями по Нью-Йорку, походами в экзотические рестораны и на приемы. Для человека, привыкшего к размеренной жизни среди уравновешенных йоркширцев, все это было похоже на сон.

Когда Альф вернулся домой, мы с матерью поинтересовались его впечатлениями. «Фантастика, — ответил он, — но я чувствую себя как выжатый лимон!» Светская жизнь в Америке произвела на отца потрясающее впечатление, но он был рад вернуться в Йоркшир. Ему очень понравилось в Соединенных Штатах, но он заверил нас с матерью, что больше никогда не поедет в рекламный тур.

Однако ему не удалось отвертеться. Летом 1973 года продажи издания в мягкой обложке достигли небывалых показателей, и он в конце концов согласился на второй тур осенью того же года, на этот раз организованный «Бентам Букс». Тур продолжался три недели и оказался еще более утомительным, чем первый. С Альфом поехала Джоан, но у них почти не оставалось времени для себя. Они побывали в нескольких крупных городах, он вновь без конца выступал по телевидению и надписывал книги. Альфу казалось, что в Америке в каждой комнате стоит телевизор — причем работающий днем и ночью, — и миллионы семей каждое утро видят его лицо на своих экранах.

В прямом эфире ему по телефону задавали вопросы о скунсах и крокодилах (этих животных не часто встретишь в клинике Скелдейл-хауса), он обсуждал со зрителями этическую сторону

убоя животных из религиозных соображений (Альф всегда ненавидел обсуждать эмоциональные вопросы, способные вызвать горячие споры). В то же время они находились под давлением жесткого графика.

Второй тур выжал из отца все силы. Придя в себя после этого тяжкого испытания, он записал свои впечатления от поездки:

> …В Нью-Йорке на встречи с читателями выстраивались огромные очереди, и поклонники приносили не только книги, но и своих питомцев. Они водружали на стол своих лохматых любимцев со словами: «Напишите „Для Пушка“, доктор Хэрриот». Попадались весьма необычные клички. Клички Герман и Люций у хомяков показались мне слегка эксцентричными, но чувство изумления быстро прошло после того, как я надписал книги кошкам по кличке Гамбургер, Мягкие Лапки, Блинчик, Вермишелька, Попкорн, а на очереди была канарейка по кличке Уильям Бёрд. Милые американцы! Добрые, щедрые и еще больше помешанные на своих животных, чем мы.
>
> У меня была всего одна передышка за три недели, единственное благословенное воскресенье, когда я проснулся и обнаружил, что мне никуда не надо идти. Это было в Сан-Франциско. За окном моей комнаты в лучах калифорнийского солнца купался мост «Золотые ворота», перекинутый через голубые воды залива. Я понимал, что должен быть там и упиваться красотой этого дивного города, но я неподвижно лежал на кровати, тупо уставившись в потолок. Однако я выжил. Пол больше не качается, щеки больше не дергаются, и желудок почти успокоился. Что было, то прошло. Но одна мысль осталась. Я люблю Америку и ее народ, но больше туда не вернусь, во всяком случае, пока…

Альф приходил в себя несколько недель. Он вернулся с бронхитом, циститом и флебитом на обеих ногах. Некоторое время он выглядел стариком. Альф поклялся, что это был его последний рекламный тур, и он действительно оказался последним. Его следующие книги вышли в двух томах, объединенных специально для американского рынка, и ворвались в списки бестселлеров. В течение многих недель они занимали первые строчки. Для повышения уровня продаж больше не требовалось личное присутствие автора.

«Не будите спящего ветеринара» и «Ветеринар за работой» вышли одной книгой «О всех созданиях — прекрасных и

разумных», изданной в сентябре 1974 года. «Ветеринар в панике» и «Жаль, ветеринары не летают» слились в книгу «О всех созданиях — мудрых и удивительных», которая появилась на рынке в сентябре 1977 года. Обе получили прекрасные отзывы и имели колоссальный успех.

С тех пор у Альфа не возникало желания вернуться в Соединенные Штаты. Ему нравилось встречаться с американцами, но он предпочитал общаться с ними на своей территории. За все эти годы он пожал руку, наверное, многим тысячам туристов, но он не позволил популярности разрушить его личность. Положение знаменитости ничуть не изменило его отношение к друзьям и знакомым в Тирске. Местные жители высоко ценили эту черту его характера и всегда оберегали его частную жизнь от многочисленных туристов. Вся округа видела в нем Альфа Уайта, а не Джеймса Хэрриота, — именно этого он и хотел, когда сделал первый шаг на дороге к славе.

Иногда ему давали понять, что его творчество нравится не всем, и удивительно, что наравне с хладнокровием ему удалось сохранить чувство юмора. В 1977 году он писал в журнале «Педигри Дайджест»:

> В основном я получаю лестные отзывы — как в письмах, так и лично. Письма я читаю утром за чашкой чая, и мне приятно начинать день, зная, что многим людям я доставил радость. Меня глубоко трогают письма от людей, которые чем-то больны или понесли тяжелую утрату и которые пишут, что я заставил их смеяться и помог примириться с жизнью.
>
> Но в этом мире нет ничего идеального, и даже у писем есть обратная сторона. Я проношу чашку мимо рта, когда мне неожиданно попадаются обвинения в «злоупотреблении алкоголем и сквернословием», или вдруг, ни с того ни с сего, мне пишут, что мои книги «попахивают мужским шовинизмом». Американцы, в частности, критикуют меня за «упоминания имени Господа всуе» из-за невинного, как мне казалось, выражения «Боже мой».

Попадались визитеры, которые уходили после встречи с Альфом разочарованными. На обложке американского издания Джеймс Хэрриот изображен привлекательным молодым человеком, но, конечно, в то время, когда толпы туристов начали осаждать Тирск, ему было около шестидесяти. Некоторые, ожидавшие увидеть человека помоложе, испытывали потрясение. Он описал один такой случай в журнале «Педигри Дайджест» в

1977 году:

> Многие читатели приезжают в клинику, ожидая встретить энергичного молодого ветеринара двадцати пяти лет. При виде седого шестидесятилетнего старика они часто не могут скрыть своего смятения.
>
> Большинство тактично обходят эту тему, но одна дама сразила меня своей прямотой. «Знаете, — сказала она, — чудно было, когда я сегодня познакомила с вами свою дочь. Она думала, что встретит молодого человека, и, увидев вас, испытала ужасный шок!» К счастью, она сообщила мне это в пабе, и я смог быстро привести себя в чувства.

Известность создавала свои проблемы, но Альф относился к этому довольно спокойно. Помню, однажды он протянул мне странное письмо от недовольного читателя. Когда я его прочитал, он сдержанно улыбнулся и сказал: «На всех не угодишь, мой мальчик!»

Однако ему редко наносили такие удары по самолюбию. Его популярность набирала обороты, но Альф старался уйти в тень, насколько это было возможно, и вежливо, но твердо отклонял все приглашения еще раз посетить Соединенные Штаты. По иронии судьбы, его друзья и родные получали гораздо больше удовольствия от поездок туда.

В конце 1970-х Брайан Синклер — который теперь стал знаменитым Тристаном, — несколько раз путешествовал по Америке, рассказывая о своем друге Джеймсе Хэрриоте. В основном он общался с такими же ветеринарами, как он сам, и они принимали его с удивительным радушием. В те дни Брайан часто встречался с Альфом и делился своими впечатлениями об Америке. После этих встреч Альф редко возвращался без новой забавной истории.

Не только Брайан, но и многие другие друзья получали преимущества от популярности Альфа в Америке. Стоило им упомянуть, что они из Йоркшира, в разговоре непременно всплывало имя Джеймса Хэрриота. Оно соединило многих людей, живущих по разные стороны Атлантики.

Семья с большим уважением относилась к Тому Маккормаку и Альфреду Эймсу: эти два человека сыграли важную роль в судьбе Альфа, помогая ему добиться успеха. Том и его жена Сандра во время частых приездов в Великобританию несколько раз встречались с Альфом и Джоан, а два Альфреда — Эймс и Уайт — и их жены встретились в Йоркшире в августе 1988-го. Оба

хорошо помнили ту решающую рецензию в «Чикаго Трибьюн», несмотря на прошедшие годы.

Альф Уайт всегда ценил тех, кто протягивал ему руку помощи, и Том Маккормак, в свою очередь, не забывал йоркширского ветеринара, чье творчество помогло ему вновь обрести почву под ногами. В октябре 1995 года, через восемь месяцев после смерти Альфа, Том Маккормак с Сандрой специально приехали из Америки, чтобы отдать ему дань уважения на поминальной службе в Йоркском соборе. Это был его прощальный жест автору, которому много лет назад, в 1973 году, он сказал: «Помимо денег, вы, как ни один другой наш автор, приносите нам с Сандрой моральное удовлетворение, мы гордимся, что издаем вас. Ради таких людей, как вы, и приходишь в издательский бизнес».

Хотя читатели со всех концов света толпились в приемной на Киркгейт, 23, у Альфа остались прежние приоритеты. Он дважды побывал в Америке, где его принимали как героя. Он стал мировой знаменитостью, его финансовые проблемы остались далеко позади, но он был все тем же человеком, которого я знал всегда. Он почти не говорил о своих победах, и его отношение к семье, друзьям и местным жителям ничуть не изменилось.

Году в 1977-м я обратился к отцу за советом по поводу какой-то проблемы в практике. Я извинился и сказал:

— Наверное, не следовало беспокоить тебя из-за этого. Ты теперь знаменитый писатель. Ты можешь больше не думать о практике.

— Сколько бы миллионов книг я ни продал, благополучие этой практики для меня важнее! — не задумываясь, ответил он.

Никто из нас даже не предполагал, что его творчество принесет ему такую известность, но все эти годы, когда его популярность достигала невероятных размеров, он, прежде всего, оставался семейным человеком и ветеринарным врачом.

Глава 24

За десять лет состояние Альфреда Уайта резко увеличилось. 1970-е годы начались с публикации его первой книги. Она имела немыслимый успех и принесла ему долгожданную финансовую устойчивость. Предыдущее десятилетие началось с внезапной смерти отца, после которой Альф надолго погрузился в депрессию и тревожное состояние. Неудивительно, что он часто называл тот период своей жизни «ужасными шестидесятыми».

Однажды я спросил его, как бы повернулась его жизнь, не стань он успешным писателем.

— Я бы продолжал работать, — ответил он. — У меня была накоплена скромная пенсия, я заключил кучу страховых договоров. Наверное, я бы продал дом и купил небольшое бунгало в Тирске. Я бы скромно и уединенно жил на пенсии и, вероятно, был бы не менее счастлив, чем сейчас!

Это были не пустые слова. Отец никогда не считал деньги своей целью и редко вел образ жизни богатого человека. Правда теперь, получая высокий доход, он иногда позволял себе некоторые удовольствия, которых был лишен раньше. В апреле 1977 года он купил «Майрбек», небольшой домик у подножия Хамблтонских холмов, где провел свои последние дни. Теперь он мог позволить себе более дорогие машины, они с Джоан ездили в отпуск за границу, и ему не приходилось считать медяки, прежде чем пригласить друзей на ужин. В остальном его образ жизни остался прежним.

Однако я бы покривил душой, если бы сказал, что отец ничуть не интересовался своим новым финансовым статусом. Он получал огромное удовольствие, помогая другим, и, особенно в последние годы жизни, вносил крупные суммы в разные благотворительные фонды, дарил деньги некоторым друзьям. Мы с Рози чрезвычайно благодарны ему: он помог нам решить такие жизненно важные вопросы, как покупка дома и оплата обучения наших детей. Более заботливого и внимательного отца трудно представить.

Его финансовое положение не только приносило ему удовлетворение, но и забавляло, особенно его веселило то почтение, с которым на него смотрели в определенных кругах. Отношение управляющего и персонала банка резко изменилось, — в молодости ему здесь оказывали совсем другой прием. В 1950 году Джоан потеряла обручальное кольцо, и он купил ей новое, чем отнюдь не уменьшил перерасход своих средств в банке. Мистер Смолвуд, управляющий тирского

отделения «Мидленд банка», — для которого Альф с его вечным овердрафтом был чем-то вроде обузы, — был крайне недоволен. Он вызвал Альфа в свой кабинет.

— Так не пойдет, мистер Уайт! — заявил он. — Так не годится! В вашем положении нельзя разбрасываться деньгами. В следующий раз, прежде чем совершить столь безрассудный поступок, проконсультируйтесь со мной.

Добившись успеха, Альф не раз с улыбкой вспоминал этот случай. Прошли те дни, когда он с опущенной головой входил в святая святых банковского управляющего и выслушивал строгие упреки человека, державшего в руках его жизнь.

Как бы Альф ни старался придерживаться относительно скромного образа жизни в годы своей славы, ему не удавалось все время оставаться в тени. Положение одного из самых популярных писателей в стране обязывало его принимать активное участие в развитии индустрии Джеймса Хэрриота. Но как раз эта сторона ему нравилась, особенно в первые годы.

Альф и Джоан очень сблизились с Диком Дугласом-Бойдом, коммерческим директором «Майкл Джозеф». Когда выходила новая книга, продавцы книг неизменно обращались с просьбой провести встречу с читателями, и Дик обычно присутствовал на этих мероприятиях, следя, чтобы все прошло гладко. Должен сказать, он и Антея Джозеф боролись за удовольствие приехать из Лондона на встречу с Альфом, и Антее, как правило, доставались литературные обеды или ужины. Все были заинтересованы в его восхождении к славе, и Альф вынужден был выступать с речами после банкета. Эта часть ему никогда не нравилась, но у него всегда была в запасе интересная история — и не менее интересная профессия, о которой можно было рассказать, — поэтому его выступления пользовались большим спросом.

Одно мероприятие ему особенно нравилось — ежегодный прием «Писатели года», который устраивал «Хатчардс», знаменитый книжный магазин в Лондоне на Пиккадилли. На этих приемах Альф знакомился со сливками писательского мира — теми, кто, как и он, заставлял монеты сыпаться в кубышку. Он часто вспоминал свой первый прием в посольстве Новой Зеландии в Лондоне. Они с Джоан стояли на террасе Мартини, верхнем этаже посольства, откуда открывался вид на Трафальгарскую площадь, Вестминстер и огни Сити, потягивали шампанское в компании таких знаменитостей, как Г. Э. Бейтс, Джилли Купер, Антония Фрейзер и Спайк Миллиган. Альф и Джоан побывали на многих приемах «Хатчардс», и однажды их представили королеве и принцу Филиппу. Им всегда нравилось знакомиться с другими авторами и знаменитыми личностями,

причем большинство вели себя с ними как со старыми друзьями. Они также узнали, что образ, созданный этими людьми для общества, может оказаться искаженным отражением их истинной сущности.

К одному политику они отнюдь не испытывали расположения — премьер-министру от лейбористской партии Гарольду Вильсону. Тот факт, что грабительские налоги, введенные правительством, опустошают и его кошелек, не добавлял премьеру привлекательности в глазах Альфа. «Может, он и умный человек, — говорил он, — но я ему не верю ни на грош! У Гарольда я бы даже подержанную машину не купил!» Эдвард Хит, лидер консервативной партии, был, по мнению Альфа, гораздо честнее и порядочнее лидера лейбористов. Он страстно мечтал, чтобы Хит, а не Вильсон, стоял во главе его страны.

И вдруг на приеме «Писатели года» в середине 1970-х отец встретился с Гарольдом Вильсоном собственной персоной. Я никогда не забуду, что он сказал потом.

— Я познакомился с Гарольдом Вильсоном! Великий человек!

— Мне казалось, он не входит в число твоих любимых деятелей, — удивился я.

— У него те же корни, что и у меня, — восторженно продолжал отец. — Он любит собак и футбол! Мы отлично поболтали. Знаешь, он как раз тот тип человека, который мне нравится! Я мог бы проговорить с ним всю ночь!

В начале семидесятых доход Альфа от практики все еще оставлял желать лучшего. Он стал по-настоящему богатым человеком только в 1976 году, и только в следующем десятилетии смог считать себя миллионером.

Интересно читать его бухгалтерские документы за тот период. В 1972 году Альф заработал меньше 2000 фунтов от продажи книги. В 1973-м эта цифра увеличилась до 3578 фунтов, потом большой скачок до 37 252 в 1974-м. Да, Альф получал дополнительную прибыль, скажем, от публикации отрывков из его книг в газетах, но он стремился к финансовой стабильности, поэтому его доходы не позволяли ему работать в режиме неполного рабочего дня.

Он был не настолько богат, как думали многие. Дело в том, что он не получал полностью все, что ему причиталось от феноменальных продаж в Америке. По совету бухгалтеров, Альф не получал доходы по мере их поступления, а распределял их на несколько лет, снижая таким образом налоговое бремя, которое приобретало все большее значение. Поскольку он не получал поступления от продажи книг, большая часть денег переводилась

на другие счета, и впоследствии, когда ему требовались эти деньги, счета было сложно разблокировать.

Это произошло не по вине «Сент-Мартинз Пресс», но доставляло Альфу серьезное беспокойство. Его агенты, «Дэвид Хайгем Ассошиэйтс», постоянно находились на связи с «Сент-Мартинз Пресс», пытаясь прояснить ситуацию, но деньги, принадлежавшие ему по праву, поступили на его банковский счет с очень большой задержкой. Жизнеспособность американского издательства вызывала у Альфа тревогу: если оно обанкротится, его огромные прибыли от продаж в Соединенных Штатах могут исчезнуть без следа. К счастью, положение «Сент-Мартинз Пресс» выправилось, и его деньги в конце концов добрались с той стороны Атлантики.

В 1976 году книжные доходы Альфа подскочили до 165 000 фунтов, но к тому времени у него возникла другая проблема. Во главе страны встало лейбористское правительство, и канцлер казначейства Дэнис Хили произнес свою знаменитую фразу: «Выжать из богачей все до последнего пенса». Вокруг «пенсов» Джеймса Хэрриота в то время поднялась большая шумиха. Альфу пришлось заплатить налоги по максимальной ставке 83 процента и 98 процентов от инвестиционной прибыли, — в эти цифры трудно поверить!

На налоговые счета, которые получал отец, было страшно смотреть. Много лет спустя, заплатив миллионы в казну ее величества, он как-то сказал мне: «В английском языке есть два слова, которые звучат для меня как музыка, — необлагаемый налогом!» Меня это не удивляет.

Альф и его бухгалтер вели долгие баталии с местными налоговыми инспекторами — безусловно, самыми непопулярными людьми в стране. Каждый его шаг, направленный на снижение налогов законным путем, встречал упрямое сопротивление со стороны представителей налогового управления. Альф без удивления узнал, что многие клиенты разделяют его мнение об этих людях.

Во время визита к одному из своих клиентов, Джону Аткинсону, Альф обратил внимание, что фермер выглядит озабоченным, и заметил, что тот не похож на себя.

— Сюда едет налоговик, чтобы потолковать со мной, — ответил фермер.

— Не повезло вам, Джон, — с чувством произнес Альф.

— Да, скверная работа! Думаю, придется порычать на него немного!

Сборщик налогов постоянно «рычал» на Альфа, но Альф отказывался использовать сложные способы уклонения от

налогов. Тем не менее в 1974-м они с Джоан побывали в налоговом раю на острове Джерси. В то время на острове действовали благоприятные налоговые законы, и останься отец там, он мог бы получить крупную сумму и легально привезти ее домой.

— Ты собираешься остаться там на год? — спросил я после его возвращения.

— Нет, Джим, — ответил он.

— Наверное, все-таки стоит пожить там годик? На кону большие деньги.

— Если я заработаю 100 000 и заплачу налоги, у меня все равно останется почти 20 000, — ответил он. — Это уйма денег, и нам их вполне хватит. Нет, я останусь здесь и буду платить налоги! Мне почти шестьдесят, — продолжал он. — Оставшиеся годы моей жизни очень важны для меня. Мне нравится жить в Йоркшире среди друзей и родных, — и от Джерси очень далеко до моей футбольной команды! Скажи мне, как ты оценишь целый год своей жизни?

Через два года бухгалтер Альфа Боб Рикаби убедил его рассмотреть другие легальные способы, как избежать астрономических налоговых счетов. Боб состоял в оживленной переписке с лондонскими бухгалтерами, которые занимались налогами людей с высокими доходами. Все их советы разбивались об упорное нежелание Альфа переехать за границу. Другие крупные писатели, к примеру, Лесли Томас, Ричард Адамс и Фредерик Форсайт, жили за рубежом, уклоняясь от зубов налоговиков, но Альф Уайт хотел остаться у себя дома.

Лондонские бухгалтеры предлагали много других хитроумных схем — от покупки крупных лесных массивов до вложения денег в беговых лошадей. Одним из способов уменьшения налогового бремени было создание трастов в пользу дальних родственников через несколько поколений. Это было эффективное средство избежания налогов, но в таком случае ближайшие родственники Альфа не получали никакой выгоды от его доходов.

— С какой стати я должен отдавать деньги кому-то, кого я никогда не узнаю? — возмутился он. — Представляю, как какой-нибудь молодой парень или девушка через много лет получит мои деньги и выпьет за помин души своего незнакомого прапрапрадедушки Уайта! Нет уж, лучше я заплачу больше налогов и передам то немногое, что останется, тем родственникам, которых знаю.

Разумеется, я с ним согласился.

Но все-таки отец нашел один способ получения небольшой

налоговой скидки — официально нанял нас с матерью на работу. Мама помогала ему разбирать растущие горы писем, а я читал его рукописи и поставлял случаи из практики для его рассказов. Сборщик налогов дрался за эту уступку не на жизнь, а на смерть — причем мы отвоевали весьма незначительную сумму, — но это была хоть и маленькая, но все же победа в долгой войне отца с грабительскими налоговыми законами.

Один из бухгалтеров в отчаянии сказал ему:

— В этой стране живут только два действительно крупных писателя — вы и Джек Хиггинс. Может, позвоните ему и узнаете, как он справляется с этой проблемой?

Джек Хиггинс добился ошеломляющего успеха со своей книгой «Орел приземлился», и Альф смутно припоминал, что он живет где-то в Южном Йоркшире. В конце концов Альф раздобыл адрес Хиггинса, но, когда позвонил, услышал короткое сообщение по автоответчику: «Мистер Хиггинс в данное время проживает на острове Джерси!» Он тоже не смог победить налоговое управление.

Альф категорически отказался покинуть Йоркшир и в результате платил астрономические суммы в казну ее величества, поэтому прошло немало лет, прежде чем он смог считать себя по-настоящему состоятельным человеком.

Однажды он сказал своему бухгалтеру Бобу Рикаби:

— Я получаю кучи писем с просьбой пожертвовать деньги на хорошее дело или учредить гранты для ветеринарных колледжей. Все они думают, что я миллионер.

— Вы могли бы им быть, — ответил Боб, — но, живя в этой стране, вы пять книг написали для налогового управления и всего одну для себя!

К его чести, Альф никогда не переживал из-за невозможности накопить крупные суммы денег. Его агент Жаклин Корн недавно сказала мне, что из всех успешных авторов, делами которых она занималась, он был единственным, чей образ жизни почти не изменился, несмотря на мировую известность.

Хотя Альф вращался в мире знаменитостей, большую часть времени он по-прежнему оставался ветеринарным врачом в Тирске. В начале 1970-х годов работы в практике Синклера и Уайта было много, а штат все так же состоял из четырех человек. С меньшим числом сотрудников вести дело было бы невозможно, и Альф еще десять лет работал полный день, вплоть до 1980 года, когда потребовалась дополнительная помощь. К тому времени ему исполнилось шестьдесят пять, и он имел право снять ногу с педали.

Мы с отцом всегда хорошо ладили, а в некоторых случаях я испытывал к нему особую благодарность за сострадание к младшим коллегам. В начале 1970-х, когда я жил дома, он не раз видел меня в слегка нездоровом состоянии после вечеринки в городе. Так как телефон стоял около его кровати, он отвечал на звонки в мое ночное дежурство. В своей комнате я всегда слышал пронзительную трель телефона — не самый приятный звук на рассвете. У отца было два варианта ответа. Как правило, он говорил: «Очень хорошо, мы выезжаем», — это означало, что мне придется вылезать из постели. Но в редкие счастливые случаи я слышал, как он произносит: «Хорошо, *я* выезжаю». Это означало, что он пожалел своего сбившегося с пути сына и сам поедет на холодную ферму, а я тем временем зароюсь глубже в подушку. Это одно из самых приятных воспоминаний о моем великодушном отце.

Мне не всегда удавалось так легко отделаться. Как-то раз отец просматривал список вызовов на день.

— Так, что тут у нас? — задумчиво протянул он. — Вызов в Феликскерк к больному теленку, и что же еще? Ага, у Эйнсли в Невисон-хаусе надо кастрировать двадцать крупных бычков.

— Куда ты отправишь меня? — осторожно поинтересовался я.

Быки Эйнсли отличались огромными размерами и славились молниеносной реакцией на любое вмешательство.

— Сейчас спросим у моего хрустального шара, — ответил отец, обхватив ладонями воображаемый предмет. — Да, Джеймс, я вижу старый добрый Невисон-хаус… о, да, повсюду шум и суета. Я вижу мелькающие копыта, слышу ругательства и… да… — Он посмотрел мне прямо в глаза. — …я вижу бородатого парня!

В клинике всегда было много смеха. Отец с удовольствием наблюдал, как его молодые коллеги обучаются хитростям ремесла. Однажды один из наших помощников во время визита к поросятам с отеком кишечника сделал инъекции двум особенно тяжелым животным, у которых были судороги. Прошло несколько дней, а он так и не узнал результатов лечения. Это его беспокоило.

— Не спрашивай! — посоветовал Альф. — Если никто не звонит, значит, им либо лучше, либо они умерли.

Молодому ветеринару, естественно, не терпелось узнать, что произошло, и вскоре после этого разговора он случайно встретил хозяина поросят. Старик медленно брел по улице. Помощник подошел к нему.

— Здравствуйте, мистер Брейтуэйт! — поприветствовал он. — Как там ваши поросята?

— Хорошо, спасибо, — ответил фермер. — У них все в

порядке.

— О, прекрасно, — с облегчением выдохнул помощник.

Мистер Брейтуэйт вынул трубку изо рта и посмотрел на молодого ветеринара.

— Те двое, которых вы укололи, сдохли. А с остальными все в порядке!

Выслушав его рассказ, отец повторил:

— Я же говорил, не надо спрашивать!

Когда я только начинал работать ветеринаром, его советы имели для меня первостепенную важность. Я был полон новейших теоретических знаний, у него же было преимущество многолетнего практического опыта, — и мне предстояло усвоить немало уроков.

Как-то раз в 1970 году мы с Алексом Талботом (тогдашним помощником) оперировали лабрадора. Этот большой дружелюбный пес имел дурацкую привычку глотать носки, рубашки, старые брюки — в общем, любые тряпки, которые он мог протолкнуть в свой громадный пищевод.

Прожорливость часто приводила его к нам на операционный стол, где мы удаляли лишние предметы из его желудка, и вскоре он стал самым ценным нашим пациентом. На этот раз он сжевал длинную полоску яркой материи. Мы вскрыли брюшину, сделали несколько разрезов в кишечнике, но не смогли достать материю одним куском — ее словно что-то удерживало. Операция принимала грандиозные масштабы, когда в кабинет вошел отец.

— Какие проблемы, ребята? — спросил он.

Я, сжав зубы, объяснил, что мы проделали несколько отверстий в пищеварительной системе пса, но не смогли вытащить тряпку.

Отец посмотрел на зияющую рану, на вспотевшие лица своих молодых помощников, потом открыл псу пасть.

— Интересно, — пробормотал он и начал очень осторожно вытягивать длинную полоску цветастой материи из пасти животного. Он тянул и тянул, и казалось, ей не будет конца. Наконец он достал всю тряпку целиком и невозмутимо бросил ее в мусорную корзину. — К ткани была привязана веревка, и она обмоталась вокруг языка. Думаю, дальше вы справитесь!

Отец вышел из комнаты под гробовое молчание. Ему потребовалось меньше минуты, чтобы решить нашу проблему.

«Почему мы не догадались заглянуть ему в пасть?» — подумал я. Алекс несколько минут не произносил ни слова. Внезапно он грязно выругался — дважды — и стал накладывать швы.

В практике наступили хорошие времена. Дело шло хорошо, а

вместе с ним увеличивалась прибыль. Все больше собак и кошек проходило через двери старого дома на Киркгейт, и работы на фермах тоже стало больше, — программа по искоренению бруцеллеза среди крупного рогатого скота Соединенного Королевства шла полным ходом. А значит, у нас было много работы.

Отец был свидетелем больших перемен в профессии, когда арсенал ветеринара пополнился современными препаратами и методами лечения. Однако его партнер Дональд Синклер мало изменился с течением времени. Как и в те далекие дни в 1940-х годах, изобретательный ум Дональда постоянно выдумывал новые способы получения дополнительного дохода. Однажды жарким летом 1975 года он поделился с отцом и мной своим последним замыслом. Фермерские стада мирно паслись на лугах, согреваемые теплыми лучами солнца, и у нас наступило затишье. Дональд не мог усидеть на месте.

— Альфред! Джим! — восклицал он. — Хватит болтаться, мы должны чем-то заняться! Мы платим жалованье, а помощники сидят без дела. Так не годится! У меня есть идея!

Отец прищурил глаза. Хорошо зная своего старого партнера, он с ужасом думал о том, какие безумные идеи бродят у того в голове.

Дональд же продолжал анализ финансового состояния практики.

— Альфред, я подсчитал: если мы не будем зарабатывать тридцать пенсов в минуту, мы пойдем ко дну. Мы обанкротимся, если не начнем заниматься делом!

Лицо Альфа свело судорогой. Он уже столько раз это слышал, но все равно почувствовал острый спазм в животе.

— Ладно, Дональд, — вздохнул он, — что ты предлагаешь?

— Мы откроем салон для стрижки собак! Подумай обо всех этих лохматых псах, которые задыхаются от жары. Они почувствуют новый вкус к жизни.

Отец некоторое время переваривал слова Дональда. Затем медленно выдохнул, бросив быстрый взгляд в мою сторону.

— Хорошо, Дональд, — ответил он.

Несмотря на явное отсутствие энтузиазма у отца, мы все через два дня оказались в кабинете. На столе стоял маленький пушистый пекинес миссис Уорхем, а рядом маячил Дональд, сжимая в руках огромную машинку для стрижки лошадей.

Стрижка началась неудачно — Дональд воткнул машинку в древнюю электрическую розетку в стене. Раздался громкий хлопок, и пришлось отложить процедуру, пока изумленный электрик устранял неисправность под нетерпеливым взглядом

Дональда. Вскоре мы вновь приступили к делу.

Мы потрясенно смотрели, как Дональд яростно набросился на маленькое лохматое существо. Старая машинка издавала страшный шум, по комнате летали клочки шерсти. Время от времени отец пытался вставить какой-то совет, но его партнер был в ударе. В считаные минуты он обрил маленького очаровательного пса наголо, оставив шерсть только на голове и хвосте. Надо сказать, выглядел теперь пекинес весьма необычно. На его розовой кожице, точно кактусы в пустыне, торчали отдельные пучки шерсти, а сзади рельефно вырисовывались скрытые до этого шерстью яички.

Дональд отошел в сторону и полюбовался своей работой.

— Что скажешь, Альфред? — спросил он с оттенком сомнения в голосе.

Отец ответил не сразу. Пса, казалось, ничуть не волновал его новый облик, но я чувствовал, что отец относится к этому немного иначе. Он зачарованно взирал на стоявшее перед ним существо. Оно больше не имело ничего общего с родом собачьих.

— Прекрасно, Дональд, — медленно, четко проговаривая слова, произнес Альф. — *Ты сам* вернешь пса его хозяйке, договорились?

К несчастью, я был в кабинете, когда миссис Уорхем пришла за своим подстриженным любимцем. Раскрыв рот, она уставилась на маленькое лысое создание. На голом костлявом тельце нелепо смотрелся пушистый хвост, из-под которого выпирали ярко-красные яички. Миссис Уорхем разразилась рыданиями.

Парикмахерский салон Синклера и Уайта скоропостижно закрылся, но у этой истории был хороший конец. В тот год стояла страшная жара, и маленький пациент Дональда, избавившись от густой шерсти, провел лучшее лето в своей жизни, — потом у него снова выросла чудесная блестящая шубка. Дональд оказался прав: его первый и единственный клиент действительно почувствовал новый вкус к жизни.

Альф радовался, что некоторые вещи остаются прежними, так как ему приходилось приспосабливаться к постоянно меняющимся аспектам работы ветеринара. Понимая, что должен идти в ногу со временем, он старался быть в курсе всех новых разработок в области крупных животных, но более сложную ветеринарию мелких животных оставлял своим молодым коллегам. Однако, несмотря на его уверения, что он никогда не был «настоящим ветеринаром мелких животных», я всегда был рад, когда он ассистировал мне при операции. Его здравый смысл и забота о пациенте вместе с недоверием к общему наркозу

служили верной гарантией того, что он будет внимательно следить за интенсивностью дыхания пациента. С какими бы животными мы ни работали, крупными или мелкими, я всегда чувствовал себя уверенно и спокойно в присутствии отца.

Хотя ему приходилось многому учиться у своих младших коллег, мы, в свою очередь, тоже многому у него научились. Мы быстро поняли, что клиенты гораздо больше доверяют человеку с опытом, чем человеку, напичканному «книжными знаниями».

Альф никогда не забывал, что большую часть материала для своих книг получил благодаря работе на фермах. В 1970-х практика приобрела для него дополнительный смысл. Постоянно думая теперь о своих сочинениях, он все время искал новые сюжеты для книг и просил меня или других работников практики записывать интересные случаи, происходившие во время визитов. Первые шесть книг описывают события, произошедшие примерно в этот период, а не до или после войны, как он пишет в своих рассказах.

Случаи отец запоминал с помощью «заголовков». Его блокноты заполнены этими заголовками, нацарапанными его неразборчивым почерком. Как уже говорилось, он не вел дневников. Заголовки напоминали ему об интересных и смешных случаях, которые можно вставить в книгу, и он часто просматривал свои блокноты, когда писал.

Альф не раз утверждал, что его известность ничего не значит для жителей Тирска, но, задумываясь о скрытности обычного йоркширца, о нежелании открыто выражать свои чувства, понимаешь, что он, возможно, ошибался. Многие — фермеры в том числе — не только прекрасно знали о его достижениях, но и сами получали удовольствие от его мировой славы. Альфа вполне устраивало, что они редко высказывали свое мнение о его успехе. Он часто повторял, что ему повезло прожить жизнь среди этих людей. В годы литературной славы он всегда неуютно чувствовал себя в лучах прожекторов. Я много раз видел его по телевизору с рассеянным и смущенным взглядом человека, мечтающего оказаться в другом месте. Он чувствовал себя не в своей тарелке под пристальным вниманием репортеров. Гораздо проще отцу было общаться с йоркширскими фермерами, и свою известную фразу: «Я на девяносто девять процентов ветеринар и на один процент — писатель», — он произносил от всего сердца.

Все это составляло разительный контраст с неприкрытым восхищением его поклонников, приезжавших из далеких стран. Как-то раз один американец отправился с Альфом на ферму и сказал фермеру:

— Каково это — иметь в ветеринарах всемирно известного

писателя? Наверное, здорово! Да?

Фермер бесстрастно посмотрел на американца.

— Он просто один из местных! — ответил он.

Именно этого Альф и хотел. Он не требовал особого почтения от людей, которых так давно знал: «Местным фермерам нет дела до моей писательской деятельности. Если у чьей-то коровы вывалилась „телячья постелька“, он же не позовет к ней Чарльза Диккенса!»

Один случай, подчеркнувший несерьезное отношение местных жителей к его славе, навсегда врезался Альфу в память. В 1974 году, когда вышли уже четыре его книги, Тирск заполонили телевизионные камеры Би-Би-Си. Они снимали программу «По стране», и объектом их внимания стали Джеймс Хэрриот и его стремительный взлет. Съемочные группы весь день провели в городе. Под прицелом объективов отец принимал роды у коров, камеры маячили в нескольких сантиметрах от его лица, пока он ездил с фермы на ферму, а помещения на Киркгейт, 23 были напичканы новейшей аппаратурой и увиты, казалось, километрами кабеля. Это был долгий и трудный день.

Вечерний прием подходил к концу, когда режиссер спросил Альфа:

— Мистер Уайт, мы хотели бы — в качестве последнего штриха — взять интервью у какого-нибудь интересного старика из тех, о которых вы пишете в своих книгах. Можете кого-нибудь посоветовать?

— Как раз сейчас в приемной сидит человек, который идеально подходит для вашей цели, — ответил отец, радуясь возможности передохнуть. — Его зовут мистер Хогг, занятный тип и уважаемый заводчик пастушьих собак.

Мистер Хогг, фермер из соседнего Килвингтона, был тот еще персонаж, к тому же любитель поговорить. Он с удовольствием красовался перед камерами и превзошел все ожидания режиссера.

После интервью он бочком подобрался к режиссеру и тихо произнес ему на ухо:

— Я слышал, вы хотели поговорить с кем-нибудь из местных. Это так?

— Да, — кивнул режиссер.

Голос мистера Хогга упал до шепота. Он показал перепачканным в земле пальцем на Альфа.

— Вам стоит потолковать с мистером Уайтом. Очень интересный малый!

— Да? — произнес режиссер.

— Ага! Я вам кое-что скажу! — Он почти вплотную приблизился к режиссерскому уху. — В общем, никому не

говорите, да… только между нами… Я слышал, он написал пару книжек!

Помимо литературного успеха, в первой половине 1970-х годов произошло еще много радостных событий. В сентябре 1973-го Рози вышла замуж, а через двенадцать месяцев и я вылетел из родительского гнезда. Мне тогда исполнился тридцать один год, и, наверное, родители вздохнули с облегчением, когда я наконец остепенился. Я прожил с ними почти семь лет, и они уже думали, что я поселился у них навеки.

Одно из самых радостных событий произошло в мае 1973-го. Наша любимая команда «Сандерленд» — наперекор всему — обыграла «Лидс Юнайтед» в финале Кубка Футбольной ассоциации. Последний раз «Сандерленд» завоевал этот самый желанный приз английского футбола в 1937 году.

Альф отправился на Уэмбли со своим старым приятелем Гаем Робом, и я хорошо помню, как он, пошатываясь, ввалился домой тем субботним вечером с не сходящей с лица улыбкой. В 1990 году он описал этот памятный день в газетной статье:

«Когда судья дал финальный свисток и до меня вдруг дошло, что я скачу в обнимку с импозантным джентльменом в пальто из верблюжьей шерсти, которого вижу впервые в жизни, я почувствовал, что теперь могу умереть спокойно».

Альф получал огромное удовольствие и удовлетворение от своих литературных успехов, но ничто не могло сравниться с той грандиозной победой красно-белых.

Были и печальные события. В июне 1972 года в больнице после продолжительной болезни умер брат Джоан, Джо Дэнбери. Этого замечательного добродушного человека любили все, и его смерть стала тяжелым ударом, особенно для Джоан.

Потом, в последний день декабря 1973 года, умер большой друг и коллега Альфа Гордон Рэй. Несмотря на страсть к физическим упражнениям, у Гордона развился жестокий артрит, затем последовала серия инфарктов. Альф и Джоан остро переживали его смерть. В поездках по четвергам в Харрогит им очень не хватало открытого и смеющегося лица Гордона.

На его похоронах Альф и Джоан вспоминали тяжелые времена в 1960-х, когда они не могли позволить себе торжественный ужин в честь своей серебряной свадьбы. Гордон и Джин Рэй спасли положение. Так как Альф недавно отметил свой 50-летний юбилей, его спросили, где бы он хотел отпраздновать это событие. «В китайском ресторане „Двойная удача“!» — не задумываясь, ответил он. Ужин прошел скромно, но весело, и Альф с Джоан всегда с большой теплотой его вспоминали.

Мать Джоан, Лаура Дэнбери, которая столько лет жила вместе с нами, пережила своего сына Джо всего на три года. Последний год она провела в частной клинике в Райпоне. Она почти ослепла, и моя жена Джиллиан читала ей отрывки из первых книг отца. Старушка лежала в постели и внимательно слушала каждое слово. Она всегда очень любила своего зятя, и его рассказы произвели на нее впечатление.

Альф тоже с глубоким уважением относился к своей тихой и мягкой теще, у которой даже за пару дней до смерти сохранился свежий цвет лица молоденькой девушки. Он часто говорил мне: «Прежде чем жениться на девушке, хорошенько рассмотри ее мать. Скорее всего, она станет такой же!» Он, по всей видимости, долго и внимательно разглядывал Лауру Дэнбери перед тем, как женился на Джоан в далеком 1941 году.

В 1975 году произошло еще одно далеко не приятное событие: Рози развелась с мужем, Крисом Пейджем. Она вернулась в Тирск с грудной дочкой Эммой, но ее жизнь вскоре наладилась, и она начала работать врачом в городе. Родители оказывали ей огромную поддержку в воспитании Эммы, которая почти все свое детство провела в компании бабушки с дедушкой. Они вчетвером часто ездили отдыхать, в основном в любимые места Альфа и Рози — к озерам и горам на северо-западе Шотландии. Когда Эмма подросла, они ездили с ней за границу, но волшебная красота Шотландии всегда занимала особое место в их сердцах.

Они очень любили отдыхать на полуострове Арднамурхан, крайней западной оконечности Британских островов. Это тихое, уединенное место с великолепными белыми пляжами, в хорошую погоду отсюда открывается вид на острова Рум, Эгг и Скай, и от этой красоты захватывает дух. Альф всегда любил дикие, уединенные уголки Британии, и каждый раз, стоя на берегу залива Санна, глядя вдаль на загадочные голубые вершины острова Скай, он испытывал необыкновенное чувство восторга.

В этом далеком краю Альф находился за миллионы километров от напора средств массовой информации. Он радовался, что, в отличие от звезд экрана, его, несмотря на мировую известность, редко узнавали на улице. Каково же было его удивление, когда во время отдыха в Шотландии к нему подошел незнакомый мужчина.

Дело происходило в 1986 году, вскоре после выхода книги «Истории о собаках». На обложке была фотография Альфа с бордер-терьером Боди и палевым лабрадором Рози по кличке Полли. Мужчина спросил:

— Прошу прощения, вы случайно не Джеймс Хэрриот?

— Вообще-то да, — ответил отец, — но как вы узнали? Мое лицо не настолько известно.

— О нет, я узнал не вас, — продолжал мужчина. — Я узнал ваших собак!

Возможно, немногим было знакомо лицо Альфа Уайта, особенно в первые годы его успеха, но в 1973 году, когда повальное увлечение Джеймсом Хэрриотом стремительно набирало обороты, его слава резко пошла вверх, и его имя узнали миллионы. По его книгам решили поставить фильм. За ним последует второй, а потом — телевизионный сериал, который покажут по всему миру. Джеймс Хэрриот, знаменитость поневоле, вскоре станет звездой экрана.

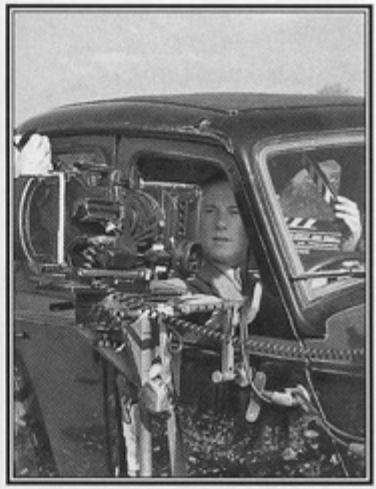
Кино и телевидение привлекло тысячи новых поклонников

В первом фильме роли Джеймса и Хелен играли Саймон Уорд и Лиза Харроу. На этой фотографии они изображены после пышной свадебной церемонии, которую реальная пара (справа) не могла себе позволить тридцать два года назад

Во втором фильме Джеймса Хэрриота играл Джон Олдертон, снова в паре с Лизой Харроу. Колин Блейкли (справа) играл Зигфрида

Партнеры во многих смыслах: актеры из телесериала стоят за спиной у своих прототипов. Кристофер Тимоти и Джеймс Хэрриот /Альф Уайт; Роберт Харди и Зигфрид Фарнон /Дональд Синклер; Питер Дейвисон и Тристан Фарнон /Брайан Синклер

Альф с Кристофером Тимоти в саду на Киркгейт, 23



Кристофер Тимоти с «хлопушкой» во время съемок эпизода из сериала «О всех созданиях — больших и малых»

Глава 25

— Знаешь Саймона Уорда, актера, игравшего молодого Уинстона Черчилля в том фильме, который мы недавно смотрели? — однажды утром спросил меня отец.

— Да, — ответил я.

— Он идет в гору, — продолжал отец. — В следующем фильме он опять будет играть знаменитость.

— Кого же? — поинтересовался я.

— Меня!

Через шесть месяцев после первого успеха Альфа в Америке идея поставить фильм по его книгам стала реальностью. Спонсором фильма «О всех созданиях — больших и малых» стал «Ридерз Дайджест». Первоначально фильм был снят для американского телевидения. В Великобритании он вышел в 1975 году.

Мысль о том, что он увидит себя и своих друзей на большом экране, взбудоражила Альфа. «Подумать только, все эти знаменитые звезды будут делать *мою* работу!» — восклицал он. Он испытывал смешанное чувство гордости и недоверия. Кроме Саймона Уорда, игравшего его самого, в фильме снимались Энтони Хопкинс, игравший Зигфрида, — впоследствии он станет звездой мирового масштаба, — Брайан Стирнер в роли Тристана, а Хелен играла Лиза Харроу.

Во время съемок в 1974 году мы несколько раз ездили на съемочную площадку посмотреть на работу актеров. Узнав, что для съемок выбрали вересковые пустоши Северного Йоркшира, а не йоркширские холмы, Альф почувствовал укол разочарования, но это ничуть не испортило ему впечатления. Он в волнении смотрел, как на его глазах снова оживало прошлое. Он не хотел участвовать в производстве фильма. Альф утвердил сценарий, но отказался стать консультантом-ветеринаром, — эту работу взял на себя его коллега из Йорка Джордж Сазерленд.

Альфу особенно понравилась игра Энтони Хопкинса, который идеально передал добрый и искрометный характер Зигфрида. Саймон Уорд тоже, по его мнению, прекрасно подходил на роль слегка смущенного ветеринара, оказавшегося в компании уникальных личностей. Ему понравилась Лиза Харроу, имевшая поразительное сходство с молодой Джоан.

К сожалению, не все остались довольны тем, как их изображали на экране. После посещения съемочной площадки неподалеку от Пикеринга вместе с Альфом, Брайаном и их

женами Дональд заявил, что ему не нравится его образ в фильме, Это был самый яркий пример непредсказуемости «Зигфрида».

Как-то утром, вскоре после их поездки на съемки, я вошел в кабинет на Киркгейт, 23 и увидел, что отец сидит за столом с посеревшим лицом. Его явно что-то глубоко огорчило. Он повернулся ко мне, и его голос дрожал, когда он заговорил:

— Дональд собирается подать на меня в суд, Джим!

На несколько мгновений я лишился дара речи.

— На тебя в суд? Почему? Что ты сделал?

Он смотрел в окно, как всегда, когда пытался справиться с чувствами.

— Он не согласен со своим образом в фильме. Я знал, что ему не понравилось, как я изобразил его в книгах, но никогда не думал, что дойдет до этого. После всего, через что мы прошли вместе!

Меня охватила волна ярости и недоверия.

— Я бы отдал правую руку за то, чтобы меня показали таким, как Зигфрид Фарнон! — возмутился я. — Он предстает щедрым и добрым человеком, интересной и обаятельной личностью. Конечно, видна его эксцентричность, но мы же все знаем, что он такой и есть!

Отец молчал, а я кипел от негодования и давал волю своим чувствам.

— Ты был ему отличным другом и поддерживал его все эти годы, а он угрожает подать на тебя в *суд*? И пусть не говорит, что ты утрировал его характер, — спроси любого фермера в округе! Если на то пошло, ты изобразил его лучше, чем он есть на самом деле. Если он только попробует подать на тебя в суд, я первый выступлю и приведу реальные факты!

Слова наскакивали друг на друга, пока я изливал свои чувства. Как и отец, я никогда не был агрессивным человеком, но угроза Дональда привела меня в бешенство, — к тому же я немного завидовал тому, как он был изображен в книге.

Отец поднял руки.

— Успокойся, Джим, ладно? Я давно думаю об этом. Как ты считаешь, почему Дональд — такой бесподобный персонаж? Я тебе скажу: потому что он этого не осознает! Все от души смеются над его экстраординарным поведением, но он искренне не понимает, что он эксцентрик. Наверное, ему кажется, что я выставляю его на посмешище, и его недовольство можно понять. Ты же его знаешь, у него настроение меняется, как погода. Он еще может передумать, так что не говори ему ничего, ладно?

Я понимал, что отец, лучше других знавший своего партнера, скорее всего прав, но я все же сказал свое последнее слово:

— Дональд должен гордиться, что стал прототипом такого незабываемого персонажа, как Зигфрид Фарнон!

Вспышка Дональда назревала давно. Впервые увидев «Если бы они умели говорить» за три-четыре года до этого, он не сказал ни слова. Реакция его брата была совершенно иной. Брайан был в восторге от Тристана и при встрече с Альфом с воодушевлением обсуждал свою новую роль, но сколько я знал Дональда, я ни разу не слышал, чтобы он говорил о книгах Джеймса Хэрриота.

В отличие от Альфа. Его партнер упомянул при нем его творчество только один раз. Прочитав первую книгу, Дональд сказал ему:

— Альфред! Эта книга — испытание для нашей дружбы!

Его слова расстроили Альфа, но теперь сбылся его самый страшный кошмар: его творчество не только нанесло обиду, на него еще грозят подать в суд. А самое ужасное — угроза исходит от одного из его лучших друзей.

Помню, отец как-то сказал мне в один из тех дней:

— Я две ночи не мог уснуть. Лучше бы я никогда не писал этих проклятых книг!

Кинокомпании пришлось пойти на риск, невзирая на угрозу Дональда. В начале съемок он отказался подписать документ, разрешающий продюсерам, нью-йоркской фирме «Таллент Ассошиэйтс», «вносить любые изменения в историю моей жизни, дополнять ее, исключать из нее какие-либо события, а также использовать реальные события в качестве основы фильма и инсценировать их по усмотрению продюсера».

Брайан без звука подписал разрешение, но Дональд смотрел на дело иначе. По его мнению, это разрешение предоставит продюсерам полную свободу действий, и они изобразят его в фильме, как им вздумается. Вряд ли можно удивляться, что он не хотел ставить свою подпись, учитывая его возмущение своим вкладом в феномен Джеймса Хэрриота. Дональд огорчился, узнав, что продюсеры решили рискнуть и продолжили съемки без его согласия, но когда увидел себя на съемочной площадке, его давние, медленно закипавшие эмоции выплеснулись через край.

Альф действовал быстро. Он сразу же позвонил Брайану и их сестре Эльзе, которая жила на юге Англии. Когда он объяснил им ситуацию, они оба обещали Альфу полную поддержку, согласившись, что образ их брата ни в коей мере нельзя назвать преувеличенным. Эльза была большой поклонницей книг Хэрриота и пришла в страшное возмущение, узнав, что Дональд возражает против персонажа Зигфрида. Она сурово пригрозила жуткими последствиями, если он только попробует продолжать в том же духе. Что бы она ни сказала, но ее слова подействовали, и

съемки продолжались.

На следующий год Дональд снова взорвался, когда прочитал рецензии на фильм, в которых персонажа Энтони Хопкинса называли «эксцентричным холостяком» и «вспыльчивым Зигфридом». Но угроза судебной тяжбы больше никогда не омрачала отношения двух друзей.

Хочу сказать несколько слов в защиту Дональда. Я твердо уверен, что он никогда бы не подал в суд на моего отца. Его следующий шаг невозможно было предугадать, и, несмотря на это столкновение из-за образа Зигфрида, он всегда испытывал глубокое уважение к своему партнеру.

Все годы, что я знал Дональда, я никогда не мог понять, как он относился к «внезапной славе Хэрриота». Вскоре после его угрозы они с Одри присутствовали на приеме по случаю окончания съемок, где все общались с актерами и продюсерами, и явно получали удовольствие от приема.

В следующие годы, когда тысячи туристов наводнили нашу клинику, Дональд часто брал на себя обязанности гида и устраивал им экскурсию по клинике и старому саду. Неужели это был тот же человек, который обижался на своего партнера из-за книг и фильмов? Неподражаемый Зигфрид Фарнон в жизни был таким же непредсказуемым, каким его изобразил Джеймс Хэрриот.

После этого случая Альф всегда действовал с оглядкой, когда писал о Зигфриде, и в следующих книгах существенно подретушировал его характер. Я считал, что это неправильно, и сказал ему об этом. На мой взгляд, Зигфрид был центральным персонажем книг Хэрриота, которого полюбили многие его поклонники. Том Маккормак из «Сент-Мартинз Пресс» разделял мое мнение. В 1974 году он написал Альфу:

> Думаю, вы можете с чистой совестью сказать своему партнеру, что миллионы американских читателей, узнавших его по «Всем созданиям», просто обожают его. После Джеймса и Хелен, он самый любимый персонаж книги. Как ни странно, его вспыльчивый характер вызывает гораздо больше симпатии, чем сдержанность и рассудительность, которые могут его заменить… Я категорически настаиваю, чтобы в американском издании сохранился живой и взрывной образ Зигфрида, который мы все так полюбили.

На протяжении всех лет их совместной работы Альф всегда был движущей силой практики. Дональд часто обращался к нему

за советом, даже по личным вопросам. Альф вполне мог не потакать желаниям Дональда, но в глубине души чувствовал себя виноватым. Помню, он однажды сказал мне: «Мы все смеемся над стариной Дональдом и его привычками, но, может, он смотрит на это по-другому, чувствуя себя жертвой?»

Альфред Уайт обидел старого друга и позаботился, чтобы этого больше не повторилось. С тех пор характер Зигфрида в книгах был существенно приглажен.

Однако кое-что немного смягчило удар, нанесенный Дональду. Он, Брайан и я получили небольшой процент от гонорара за фильм. Это был легальный способ избежания налогов, и отец настаивал, что мы внесли свой вклад, предоставив материал, на основе которого были написаны его рассказы. Налоговое управление, естественно, не позволило, чтобы в наши руки просочились более-менее крупные суммы, но все равно это было приятным дополнением к годовому бюджету. Альф предпочитал, чтобы любая сумма, пусть даже мизерная, оказалась в карманах его друзей, а не пополняла и без того разбухшую мошну налогового управления.

Денежные вливания возобновились после съемок следующей картины, а потом сняли телевизионный сериал, и мы регулярно получали чеки на небольшие суммы вплоть до 1980-х. В то время я только что женился, и эти дополнительные доходы были весьма кстати. Брайан тоже радовался этим небольшим вливаниям в его финансы, о чем и написал Альфу в мае 1980 года. Стиль письма говорит о том, что он остался тем же фантазером и шутником, каким был в молодости:

> Салют, Шистосома[9]!
>
> Только что получил простенькое, отпечатанное на машинке письмо от Дэвида Хайгема и его безответственных Ассошиэйтов с очередным простеньким чеком на 597,38 фунтов.
>
> Благослови тебя Бог, добрый и благородный сэр, — это значит, что я и мои домочадцы можем снова кутить и наслаждаться горячей пищей, а я могу утолить свою жажду пивом «Тетли» и напиться от пуза.
>
> Мы должны встретиться как можно скорее и отведать превосходные кушанья из Китая, которыми славится рынок Уэзерби.
>
> Как всегда, твой Вольф Дж. Флайвил.

Первая картина получила хорошие отзывы, поэтому решили поставить еще одну. Фильм «Это не должно было случиться с ветеринаром» сняли в 1975 году, и его премьера состоялась 8

апреля 1976 года.

Спонсором снова стал «Ридерз Дайджест», а продюсером, как и в предыдущей картине, — Дэвид Зюскинд. На этот раз, к огромной радости Альфа, фильм снимали в йоркширских холмах, в его самых любимых местах — Уэнслидейл и Суэйлдейл. Кроме Лизы Харроу, которая снова играла Хелен, роли главных героев исполняли другие актеры. Джон Олдертон — пользующийся популярностью у британских зрителей благодаря эпизодической роли в сериале «Вверх и вниз по лестнице», — играл Джеймса Хэрриота. Роль Зигфрида отдали Колину Блейкли, но в этом фильме не было персонажа Тристана.

Джон Олдертон изобразил Джеймса Хэрриота волевой, сильной личностью с юмористическим взглядом на жизнь, но Зигфрид в исполнении Колина Блейкли вышел более приглаженным, чем в исполнении Энтони Хопкинса. Хотя Зигфрид получился очаровательно комичным персонажем, от импульсивной эксцентричности его прототипа не осталось и следа. Альф настоял на некоторых изменениях, потому что больше не хотел расстраивать Дональда. Заранее прочитав сценарий, он решительно потребовал сгладить все острые углы в характере Зигфрида.

Джоан и Альфу нравились все актрисы, игравшие Хелен в фильмах и сериале, но особенно они полюбили Лизу Харроу. Она тоже всегда помнила свою роль в фильмах по книгам Хэрриота и долгие годы поддерживала связь с Джоан и Альфом.

Многие друзья Альфа ездили вместе с ним на съемки фильма: Брайан, Дентон Петг и… Дональд. Дентон с интересом наблюдал за своим персонажем, Гранвиллом Беннетом, в исполнении Ричарда Пирсона. Дентон в то время водил «Эм-Джи-Би» и любовно превратил багажник машины в бар, заставленный пивом и спиртными напитками превосходного качества. Актеры и члены съемочной группы не замедлили воспользоваться удивительным радушием Дентона. Рози вспоминает, как однажды приехала в деревушку Келд, расположенную в верховье реки Суэйл, где ее встретил улыбающийся Дентон со словами: «Рози, дорогуша! Выпить не желаешь?»

Был еще один человек, который с удовольствием прикладывался к бутылке в «передвижном пабе» Дентона, — Бэзил Айлуорд, старый друг и коллега Дентона и Альфа.

Бэзила, ветеринарного врача из Ричмонда, что в низовье долины Суэйлдейл, пригласили в качестве ветеринара-консультанта, — Альф вновь отказался от участия в производстве фильма.

Бэзил, остроумный бонвиван с озорной улыбкой, был той же

породы, что и Дентон. В его компании Альф смеялся, не переставая. Они любили собираться в «Черном Быке» в Мултоне, неподалеку от Ричмонда, где было рассказано немало историй за кружкой пива с морепродуктами, которыми славился этот паб.

Бэзил был прирожденным рассказчиком. У него в запасе всегда находились занятные истории о неудачах и катастрофах из жизни ветеринарных врачей. Всегда интереснее слушать о несчастьях, которые сваливаются на головы наших коллег, нежели об их победах. Бэзил открыто признавал свои ошибки, чем заслужил всеобщую любовь.

В одной главе четвертой книги «Ветеринар за работой» Джеймс Хэрриот рассказывает о поездке на заседание ветеринарного общества в Эплби с Гранвиллом Беннетом. Они в страшную метель едут по горам, но, как ни странно, благополучно добираются до места. После заседания они — подкрепившись хорошей едой и выпивкой, — возвращаются обратно. На головокружительной скорости они мчатся по заснеженным дорогам, а наутро выясняется, что дорогу, по которой они ехали, закрыли на несколько дней из-за заносов!

На самом деле ту безумную поездку в Эплби совершила доблестная парочка — Дентон и Бэзил. Альф услышал эту историю от Бэзила и записал ее в блокнот, решив, что из нее получится хороший рассказ. Это еще один пример его авторской вольности: в действительности все произошло не совсем так, как он описывал, но этот рассказ, как и многие другие, основан на реальных событиях.

«Это не должно было случиться с ветеринаром» тоже имел кассовый успех. В то время в основном снимали жестокие фильмы, и эта превосходная картина для семейного просмотра внесла приятное разнообразие в мир кино. Хотя сам Альф любил фильмы, в которых присутствовали секс и насилие, он был рад, что этот нравственно здоровый фильм могут смотреть даже дети.

На этот раз Дональд, похоже, остался доволен своим персонажем. Мы все вздохнули с облегчением, особенно после одной сцены в картине, где Дональда сравнивают с Адольфом Гитлером и называют «психом»! Альф расстроился больше Дональда, который после окончания съемок устроил грандиозный прием в «Саутвудс-Холле» для всей съемочной группы и нескольких своих друзей. Дональд был в отличном настроении, смеялся и болтал со всеми. Кто мог представить такую вечеринку два года назад, когда он угрожал своему партнеру судебным иском?

Джон Раш, ответственный за права на экранизацию в «Дэвид

Хайгем», как и многие другие, всегда считал, что книги Хэрриота не подходят для съемок полнометражного фильма и, поскольку состоят из коротких рассказов, являются идеальной основой для телевизионного сериала.

До съемок первого фильма он безуспешно пытался заинтересовать телевизионные компании, но только после выхода второй картины возникла идея создания телесериала. Дэвид Зюскинд, американец, владевший правом на производство любого продолжения фильмов, в конечном счете продал свое право Би-Би-Си, и в 1977 году в йоркширских холмах собралась новая группа актеров. По книгам Хэрриота снова снимался фильм, только на этот раз его персонажи вошли в миллионы домов.

Благодаря книгам и кино имя Джеймса Хэрриота стало знаменитым, но после сериала «О всех созданиях — больших и малых» его популярность взлетела на небывалую высоту. Именно тогда огромные толпы туристов хлынули в Тирск. Знаменитые герои Хэрриота просочились в гостиные, и людям нравилось то, что они видели на экране.

Когда дело дошло до производства, Альф снова отошел в тень. Он утверждал сценарии — большинство из них строго придерживались сюжетной линии книг, — но не более того. Он лишь регулярно приезжал в йоркширские холмы и наблюдал за работой актеров. Его это вполне устраивало. В холмах ветеринаром-консультантом работал Джек Уоткинсон из Лейбурна, а во время студийных съемок в Мидлендсе консультации по ветеринарным вопросам давал старый друг отца Эдди Стрейтон.

Роль Джеймса Хэрриота играл Кристофер Тимоти. До этого времени он был не очень известным актером, но после пары серий превратился в звезду.

Крис Тимоти глубоко уважал Альфа Уайта и гордился ролью Джеймса Хэрриота. Он немного побаивался встречи со своим персонажем, но после знакомства на съемочной площадке в холмах они отлично поладили.

Как-то раз Крис ловил рыбу, сидя на берегу Суэйла, и вдруг кто-то постучал ему по плечу. Он обернулся и увидел незнакомого человека.

— Вы Крис Тимоти? — спросил незнакомец.

— Да, — ответил Крис.

— Ну, здравствуйте, — произнес человек с характерным шотландским выговором. — Я… ваше второе «я».

Альф понравился Крису с первого взгляда. Он навсегда сохранил симпатию к моему отцу, о котором он много лет спустя писал: «Это был очень доброжелательный, невероятно

обаятельный, прямолинейный человек».

Из всех звезд, с которыми Альф и Джоан познакомились в эти упоительные годы, только Крис стал близким другом семьи. Он до сих пор навещает мою мать, когда оказывается поблизости, и пишет ей письма, если уезжает на съемки в другие страны. Крис, часто выступавший в документальных передачах о Джеймсе Хэрриоте, оказывал большую поддержку во всем, что было связано с человеком, которому, по его мнению, он многим обязан. Он всегда помнил, что роль знаменитого ветеринара стала трамплином в его карьере.

Крис без колебаний согласился выступить с речью на поминальной службе по моему отцу в 1995 году, и я никогда этого не забуду. Он замечательно прочитал отрывок из «Ветеринара за работой», в котором рассказывается о собирательном персонаже Виггинсе. Крис был рад, что мы выбрали именно этот эпизод, потому что подружился с актером, игравшим роль Виггинса в сериале. К несчастью, этот актер умер незадолго до поминальной службы.

Крис Тимоти был относительно неизвестным актером до того, как облачился в мантию Джеймса Хэрриота, но актер, сыгравший Зигфрида, — Роберт Харди — безусловно, пользовался популярностью. На счету этого признанного и многопланового исполнителя были роли в шекспировских пьесах, а также такие разные личности, как Уинстон Черчилль и Бенито Муссолини.

Я хорошо помню свою первую встречу с Робертом Харди. Однажды утром в 1977 году я вошел в клинику и с удивлением обнаружил незнакомого человека в белом халате, который пересыпал таблетки в пузырек под напряженным взглядом Дональда Синклера. Через несколько секунд Дональд выхватил у него пузырек.

— Нет-нет, Тим! Я же говорил вам! Эти таблетки только для собак! Их *ни в коем случае* нельзя давать кошкам!

Интересно, кто этот запуганный человек? У нас появился новый сотрудник? Я присмотрелся повнимательнее.

— Бог мой, да это же Роберт Харди! — громко воскликнул я.

Он с улыбкой повернулся ко мне, и Дональд представил нас друг другу.

— Очень рад познакомиться с вами, — сказал он. — Зовите меня Тим. Так меня называют друзья.

Он понравился мне с первого взгляда.

Съемки только начались, поэтому Тим на несколько дней поселился у Дональда в «Саутвудс-Холле», чтобы изучить характер своего персонажа. Он получил незабываемые впечатления, что неудивительно, и явно с пользой провел

время, — он блестяще сыграл роль Зигфрида, который стал одним из его любимых героев. Несмотря на отсутствие внешнего сходства, он уловил суть импульсивного характера Дональда, и его исполнение прошло самое суровое испытание, — оно понравилось йоркширским фермерам, прекрасно знавшим настоящего Зигфрида. «Да уж! Здорово этот малый похож на старика Синклера!» — даже не сосчитать, сколько раз я слышал это восклицание.

Со временем Дональд и Роберт Харди стали лучшими друзьями, но Дональду, разумеется, не понравился его персонаж в сериале. Почти двадцать лет спустя, в 1996 году, мне довелось увидеть Тима Харди на вершине холма Белая Лошадь недалеко от Тирска. Он приехал на официальное открытие Общества сохранения Белой лошади. Эта организация создана для ухода за знаменитой Белой лошадью, которую больше ста лет назад вырезали на склоне холма над деревней Килбурн. Тим выступил с короткой, но проникновенной речью, в которой вспоминал роль Зигфрида.

Как-то раз он подошел к Дональду и спросил:

— Вам ведь не понравилось, как я вас сыграл, да?

Получив вполне предсказуемый ответ, он поинтересовался:

— Ну хорошо, а кого бы вы хотели видеть в этой роли?

— О, кого-нибудь с хорошими манерами. К примеру, Рекса Харрисона[10]! — не задумываясь, ответил Дональд.

— В тот момент, — рассказывал Тим, — мне стало понятно, что я — конченый человек!

Роберт Харди пишет о своем отношении к роли Зигфрида в письме Альфу, отправленном в канун нового, 1978 года:

«Первая наша трактовка вашего чудесного произведения выходит в воскресенье 8-го, и я надеюсь, очень надеюсь, что вам понравится… Никогда еще я не получал такого удовольствия от роли».

Кэрол Дринкуотер, сыгравшая Хелен, и Питер Дейвисон в роли Тристана идеально подходили для своих ролей. Кэрол придала немного сексуальности своему персонажу, а Питер весьма убедительно вошел в образ симпатичного, но легкомысленного Тристана.

Альфу необычайно понравился сериал. Потрясающая природа была показана во всей красе, и, выбрав в качестве сценической площадки деревню Аскригг в Уэнслидейле, продюсер Билл Селлерс вдохнул жизнь в вымышленный городок Дарроуби. Альф, безусловно, думал об этой деревушке, когда начал писать книгу в конце 1960-х: серые домики среди холмов, каменные стены, вьющиеся по склонам холмов, словно сошли со страниц книг

Джеймса Хэрриота. Когда вышел сериал — первую серию показали 8 января 1978 года, — Аскригг и Уэнслидейл наводнили тысячи туристов. Возможно, для кого-то они создавали неудобства, но они многие годы поддерживали экономику Холмов.

Еще одной отличительной особенностью сериала была превосходная игра актеров массовки. Некоторые персонажи фермеров были сыграны блестяще и, по словам Альфа, «словно вышли из старых фермерских построек, которых я много повидал в свое время».

Джонни Бирн написал превосходный сценарий, и многие сцены поражают своей достоверностью. Серия, в которой ветеринары ведут тяжелую битву со старыми фермерами, пытаясь вытрясти из них деньги, была одной из самых любимых серий Альфа. На следующий день после ее просмотра он сказал мне:

— Смотрел вчера вечером? Навевает столько воспоминаний, я тебе скажу!

Многие «заболели» сериалом. Отрывок из статьи в «Вестерн Дейли Пресс» за 30 января 1978 года свидетельствует о его огромной популярности:

> На прихожан деревни Лоуик в Кумбрии снизошла благодать. Они получили возможность помолиться всему прекрасному и разумному — и отправиться домой ко «Всем созданиям — большим и малым». Крошечной церквушке в Озерном крае предоставили специальное разрешение проводить вечерние воскресные богослужения раньше обычного времени, чтобы паства успела вернуться домой к началу любимого сериала.
>
> С тех пор как стали показывать сериал, число прихожан на вечерне сократилось, а те, которые все-таки появились в церкви, жаловались, что не успевают к началу серии.

Сорок одну серию показывали в течение пяти лет, к сериалу пристрастилась огромная часть населения, — по приблизительным оценкам, его смотрели 14 миллионов зрителей.

Альф высказал свое мнение о сериале на страницах «Йоркшир Ивнинг Пост» в 1981 году:

> Он ухватил смысл того, что я хотел сказать, и главные герои были великолепны… мы видели в них самих себя. Я добросовестно смотрел каждую серию.
>
> Человек по природе несовершенен, поэтому я особенно внимательно наблюдал за Крисом Тимоти. Я

всегда считал себя человеком неприметным — не совсем «серой мышкой», но и не яркой личностью, — который оказался между двумя живыми колоритными характерами. Кристофер Тимоти точно подметил эту неприметность.

К началу 1980-х годов Джеймс Хэрриот не только приобрел мировую известность, он стал отраслью промышленности. Он продал миллионы книг в твердом переплете и еще больше — в мягкой обложке. Благодаря телевизионному сериалу его имя вошло в обиход, сериал шел во всех странах мира — на протяжении 1980-х с повторами в следующем десятилетии. Северный Йоркшир, который Альф сделал знаменитым, приобрел новое название: теперь, когда тысячи туристов приезжали в Тирск и йоркширские холмы, его все знали как «Страну Хэрриота». Книги Альфа были переведены на многие языки, и в Йоркшир стекались поклонники со всех уголков света.

Признаваясь, что с удовольствием встречается с людьми из разных стран, Альф все же предпочитал большую часть своего времени оставаться в тени. В 1977 году он купил дом в Тирлби, где они с Джоан скрывались от тысяч любопытных глаз, а в 1978-м приобрел коттедж в деревушке Вест-Скрафтон. Деревня — кучка домов из серого камня и фермы — стояла на южной стороне Ковердейла в окружении диких холмов и вересковых пустошей. Именно здесь, в глуши, среди своих любимых йоркширских холмов, Альф обретал полный покой: по утрам он просыпался в тишине, нарушаемой лишь «блеянием овец и вскриками кроншнепа».

Они с Джоан часто уезжали в Вест-Скрафтон — в любую погоду, в любое время года. Здесь Альф бродил с собаками по зеленым тропинкам, упиваясь сладким чистым воздухом высокогорных долин. Для него это было лучшее место на земле.

Летом здесь был рай, но в более суровые месяцы года Вест-Скрафтон мог показать и другую сторону своей природы. Однажды днем в конце октября Альф шел с собаками по дороге в сторону небольшого холма Суайнсайд. Он наклонил голову, защищаясь от проливного дождя, молотившего по вересковым полям. По пути он встретил местного фермера в окружении коров. Тот был одет в потрепанный плащ, а на голову набросил допотопный мешок, подвязанный куском бечевки. По дороге текла вода вперемешку с грязью.

Фермер остановился с подветренной стороны каменного строения и только тогда поднял обветренное лицо. Он поздоровался, перекрикивая завывание ветра:

— Приветствую, мистер Уайт!

— Ну и денек сегодня! — прокричал в ответ Альф.

— Да уж, вы правы! — продолжал фермер, оглядываясь вокруг. — Приехали сюда в отпуск, а?

— Да, решил немного отдохнуть от практики.

Фермер окинул внимательным взглядом промокшую фигуру Альфа. Каждый в деревне знал, кто он. Всем было известно, что у него есть возможность проводить отпуск на залитых солнцем пляжах в экзотических странах. Почти всю свою жизнь фермер работал в деревне, и жизнь его была отнюдь не легкой. Многих людей пленяет красота йоркширских холмов, но те, кто здесь живет и работает, иногда имеют другую точку зрения.

Фермер бросил еще один взгляд на покрытые рябью лужи на дороге, на быстро темнеющее небо и грязных, мокрых собак, терпеливо стоявших рядом с Альфом. Он внимательно посмотрел Альфу в глаза, прежде чем направился следом за коровами. С озадаченным выражением на лице он задержался еще на секунду.

— Почему вы приехали *сюда*?

Хотя Альф не получал особого удовольствия от своей популярности, он, в сущности, сам создавал себе проблемы, по-прежнему сидя перед телевизором со своей машинкой. Он делал это не ради славы и не ради денег: он просто любил писать. По ящикам стола были распиханы листочки с «заголовками», так что материала у него было достаточно.

В промежутке между 1978-м и 1981-м годами появились еще две книги. Тираж одной из них в твердом переплете превзошел тиражи всех его прошлых книг, и именно благодаря ей туристы нескончаемым потоком стекались в его любимый уголок Англии. Эта книга — от которой он едва не отказался, — стала его главным бестселлером. Она называлась «Йоркшир Джеймса Хэрриота».

Глава 26

Однажды в 1978 году отец попросил меня приехать к нему в Тирлби.

— Джим, — сказал он, — я хочу тебя спросить кое о чем.

Я всегда знал, когда отец собирался завести речь о важных вещах. Он говорил медленно и тихо, с легким оттенком неуверенности в голосе.

— «Майкл Джозеф» хочет выпустить альбом с фотографиями тех мест в Йоркшире, которые получили известность благодаря моим книгам. Под фотографиями будет текст, написанный мной. Они хотят назвать ее «Йоркшир Джеймса Хэрриота».

Он смотрел мне прямо в глаза и продолжал:

— Как тебе эта идея? Как ты считаешь, людям интересно будет читать мои подписи к фотографиям?

Я почувствовал себя польщенным, что этот признанный, успешный писатель спрашивает мое мнение, но удивлен я не был. Хотя отец и верил в свои силы, но всегда спрашивал совета — до конца дней полагая, что он просто «любитель в писательском деле».

Я немного подумал.

— Нет, пап. Я не думаю, что это хорошая идея.

— Почему?

— С какой стати кто-то, скажем, из Калифорнии, станет рассматривать какой-нибудь богом забытый уголок в Суэйлдейле? — с уверенностью ответил я. — Эти места пробуждают приятные воспоминания у нас, но для других они ничего не значат. Забудь об этом. Книга не будет продаваться.

— Ты так думаешь?

— Да.

— Возможно, ты прав.

Он погрузился в свои мысли и оставил тему.

Должно быть, он прислушался ко мне, потому что сказал издателям, что у него есть серьезные сомнения относительно проекта. Однако их убедительные доводы одержали верх, и Альф согласился. Эта прекрасно иллюстрированная книга, вдохновенный замысел Алана Брука, тогдашнего шеф-редактора в издательстве «Майкл Джозеф» (его полностью поддержала редактор Альфа Антея Джозеф), стала грандиозным бестселлером, намного обогнав все предыдущие книги Альфа. Она стала «постоянным спутником» тысяч поклонников, приезжавших со всего мира, чтобы посмотреть на эти «богом забытые уголки» Йоркшира, которые, по моим уверенным

предсказаниям, никому не могут быть интересны.

Шестнадцать лет спустя я получил еще одно наглядное подтверждение своей недальновидности. В 1995 году, через четыре месяца после смерти отца, мы с Рози принимали участие в передаче Би-Би-Си об активном образе жизни, которая называлась «Тропинки». Часть этой еженедельной программы была посвящена любимым местам знаменитостей, и в качестве любимого маршрута Джеймса Хэрриота мы выбрали верховье Суэйлдейла.

В йоркширском альбоме много снимков этого островка дикой, первозданной природы. Альф любил его за красоту и уединение, но в тот раз мы недолго оставались одни. Я с изумлением наблюдал, как из автобуса выгрузилась толпа американских туристов. Они уверенно прошествовали мимо нас, и многие сжимали в руках «Йоркшир Джеймса Хэрриота»! Прошло шестнадцать лет после издания книги, а она до сих пор пользовалась популярностью у его поклонников.

Книга вышла в 1979 году и является полностью документальной. Она имела такой успех, что стала родоначальником публикаций подобного рода.

Великолепные фотографии для альбома «Йоркшир Джеймса Хэрриота» сделал внештатный художник Дерри Браббс. Это была его первая книга, и благодаря ее успеху он сделал себе имя.

Дерри был выбран несколько странным образом. Сегодня у фотоагентства потребовали бы портфолио его крупных клиентов, но в 1978 году все происходило по-другому. «Майкл Джозеф» решил, что для этой работы больше всего подходит фотограф из Йоркшира — по вполне очевидным причинам: он или она находится поблизости, к тому же хорошо знает особенности йоркширского климата. Муж секретарши управляющего директора фирмы Виктора Моррисона — талантливого оформителя, который руководил производством книги, — был внештатным фотографом. Он посоветовал начать поиски с телефонного справочника Йоркшира под заголовком «Фотографы». Виктор Моррисон так и поступил и составил список. Дерри Браббсу повезло: его фамилия начиналась с буквы «Б», поэтому ему позвонили первому. На этом поиски фотографа закончились.

В альбоме «Йоркшир Джеймса Хэрриота» много чудесных фотографий, на которых запечатлены места, пробуждавшие счастливые воспоминания. Пейзаж Уэнслидейла вызывал в памяти первые трудные годы работы, когда, помогая своему старому другу Фрэнку Бингэму, Альф впервые увидел волшебную красоту йоркширских холмов. Фотография снабжена текстом с

описанием отдыха на молодежных турбазах, когда мой школьный друг Йен Браун и я вместе с моим отцом пешком пересекли Уэнслидейл и Суэйлдейл. Книга пользовалась такой популярностью, что наш поход повторили множество людей, а тропа стала именоваться «Путь Хэрриота».

Красочные фотографии окрестностей Тирска, откуда берут начало большинство его рассказов и где прошло наше детство, имели для отца особое значение.

Не были забыты и вересковые пустоши Северного Йоркшира и Йоркширское побережье. Снимки старой гостиницы «Гранд-отель» в Скарборо вызывали у отца дрожь, когда он мысленно возвращался во времена службы в BBC, муштры на пляже и холодных, продуваемых комнат. Более приятные воспоминания навевает Харрогит, его убежище, куда он сбегал каждый четверг в те дни, когда работал днем и ночью.

Каждая глава книги пробуждала воспоминания, среди них были и грустные, и веселые, но все они были счастливыми. «Но отчетливее всего я вижу на своей карте, — писал Альф в предисловии к книге, — маленькую полоску густой зеленой травы на берегу реки, где я разбивал лагерь или устраивал пикник со своей семьей. Я вижу золотистый пляж, где мои дети строили свои замки на песке. В этих местах мои дети были еще совсем маленькими, и они, словно ожившие картинки, проступают на цветных снимках. Когда я смотрю намой Йоркшир, именно эти уголки вызывают милые образы в памяти».

«Йоркшир Джеймса Хэрриота» — это книга воспоминаний успешного автора. Для его семьи она имела более серьезное значение. Она помогла почувствовать его счастье в те дни, когда мы были детьми.

К 1979 году было продано свыше 12 миллионов экземпляров книги, и Альфу больше ничего не нужно было доказывать своим издателям, но писательство стало его образом жизни, ив 1981 году вышла седьмая книга его рассказов. На эту книгу, «Всех их создал Бог», у него ушло больше четырех лет, но для этого были свои причины. Во-первых, он писал текст для «Йоркшира Джеймса Хэрриота» после выхода в 1977 году последней книги рассказов «Ветеринар в панике», к тому же новая книга была намного больше. Она предназначалась прежде всего для американского рынка с его ненасытной жаждой «толстых» книг, и «Сент-Мартинз Пресс» смогло выпустить «Всех их создал Бог» одновременно с британским изданием. Естественно, они не издавали «Жаль, ветеринары не летают», дожидаясь выхода «Ветеринара в панике», чтобы выпустить их одним большим томом — «О всех созданиях

— мудрых и удивительных».

Новая книга моментально стала бестселлером по обе стороны Атлантики. Популярность Джеймса Хэрриота в Соединенных Штатах была настолько велика, что одного только издания в твердом переплете было продано больше полумиллиона экземпляров.

Хотя я и многие близкие друзья отца больше всего любили его ранние произведения, в этой книге много чудесных историй, и, как всегда, в ней оживают новые удивительные персонажи.

В главе 15 Альф рассказывает о лечении собаки с демодекозом, принадлежавшей сестре Розе. Прообразом этого персонажа послужила сестра Анна-Лилли из Фрайариджской больницы соседнего Норталлертона. Она принимала непосредственное участие в деятельности любимого отцовского Благотворительного фонда Джерри Грина для животных и содержала несколько собственных приютов для собак. Альф испытывал к ней глубокое уважение. У истории печальный конец: Золотинка, очаровательная охотничья собака, к которой в жизни очень привязался Альф, умирает. «Всех их создал Бог» — еще одна книга, рассказывающая не только о победах, но и о несчастьях, которые пунктиром проходят через всю жизнь каждого ветеринарного врача.

Действие книги было смещено во времени, и в нее вошли истории обо мне и Рози, — отец сохранил наши настоящие имена. Бесчисленные газеты и журналы печатали отрывки из книг Джеймса Хэрриота — в основном в Британии и Америке, — но одна глава из «Всех их создал Бог» пользовалась особой популярностью.

Это рассказ о том, как Джеймс Хэрриот побывал на концерте, в котором участвовал его маленький сын. Мне было лет восемь, когда я выступал на концерте в методистской часовне Соуэрби, организованном моей учительницей музыки мисс Стенли. Ученики декламировали стихи, и все шло превосходно, — пока на сцену не вышел я. Я дважды безуспешно начинал играть небольшую пьесу под названием «Танец мельника» и исполнил ее только с третьей попытки под оглушительные аплодисменты собравшихся родителей. Эта сцена оказала опустошительное воздействие на нервную систему моего отца.

Я много раз перечитывал веселую историю и понимаю, почему она пользуется такой популярностью. Многим родителям хорошо знакомо чувство нервного напряжения во время публичного выступления их чада. Душераздирающие переживания Джеймса Хэрриота, наблюдающего, как его ребенок превращает милый маленький концерт в фарс, снятся в кошмарах

многим родителям.

Много лет спустя отец спросил, помню ли я тот случай. Я ответил, что вряд ли был настолько напуган. На что он сказал: «Ну, может, тебя это и напугало немножко, но меня чуть не убило!»

Я всегда чувствовал себя немного виноватым из-за того, что с неохотой занимался музыкой и отец напрасно тратил деньги на мои уроки, но, по крайней мере, он получил сюжет для главы, которая стала самой популярной из всего, что он написал.

Я читал рукопись до передачи в печать и, как всегда, от души смеялся, особенно когда Хэрриот, спасая свою жизнь, колотил по морде разъяренного быка искусственной вагиной. Но его творчество, разумеется, сводится не только к этому. В книге «Всех их создал Бог» в очередной раз проявляется проницательный взгляд Джеймса Хэрриота на человеческую природу, — это произведение не только о животных и ветеринарах, а об обычных чувствах, которые испытывает каждый.

Грандиозный триумф «Йоркшира Джеймса Хэрриота» не прошел незамеченным для Ассоциации «Ридерз Дайджест». Они выпустили большинство работ Джеймса Хэрриота в сокращенном варианте по обе стороны Атлантики, продав миллионы экземпляров, и теперь предложили издательству «Майкл Джозеф» издать иллюстрированный сборник избранных рассказов из уже напечатанных книг Джеймса Хэрриота. Алан Брук, шеф-редактор «Майкл Джозеф», и Дженни Дерхем, занявшая место Антеи Джозеф после ее мучительной смерти от рака в начале 1981 года, приехали в Йоркшир вместе с представителями «Ридерз Дайджест», чтобы уговорить отца на издание этой книги. Он быстро сдался. Книга, опубликованная в 1982 году, называлась «Лучшие рассказы Джеймса Хэрриота».

За исключением предисловия, Альфу не пришлось много работать с книгой. Это был сборник его рассказов, и Альф просто утвердил содержание. Рассказы в книге переплетались с главами, посвященными Альфу, Йоркширу и профессии ветеринара. Великолепные иллюстрации к этим главам представляли собой смесь исторических фотографий тех мест, о которых он писал, цветных снимков непревзойденных йоркширских пейзажей и карандашных рисунков. Читатель нашел в этой книге все — и послевоенный прибор для вливания лекарств корове, и суэйлдейлскую овцу, и лабиринт каменных стен сухой кладки.

Альф всегда восхищался этой книгой, считал, что она превосходно издана и настоящий кладезь информации для любого поклонника Джеймса Хэрриота.

— Ты только посмотри на нее! — сказал он, получив свой первый экземпляр. — Это же отличный подарок. Уверен, она будет хорошо продаваться!

На этот раз я воздержался от высказывания своего мнения. Он оказался прав. Книга стала еще одним бестселлером — которым отец особенно гордился.

В конце 1970-х и в самом начале 1980-х Джеймс Хэрриот достиг зенита своей славы. Это были золотые годы, и все, что он делал, приносило ошеломительный успех. Он написал восемь книг, завоевавших мировую популярность, благодаря телевизионному сериалу его имя вошло в гостиные миллионов домов, и к тому времени он добился прочного финансового положения. Для человека, который начал практически с нуля, это был грандиозный успех.

Однако благополучие семьи и друзей значило для него гораздо больше, чем материальные достижения, поэтому несколько печальных событий, которые произошли в тот период, на какое-то время заслонили собой его литературные успехи.

Отца глубоко потрясла смерть его шумливого, но очаровательного маленького пса Гектора. В возрасте четырнадцати лет Гектор стал испытывать трудности при еде. Подозревая рак пищевода, Альф отвез пса на консультацию к Дентону Петту, и тот подтвердил его самые худшие опасения. Дентону ничего не оставалось, кроме как усыпить Гектора. Задыхаясь от слез, Альф вышел из клиники Дентона, сел в машину и в полном опустошении отправился в долгий путь домой. Дентон, видя отчаяние друга, предложил похоронить Гектора в своем саду, расстроенный Альф охотно согласился. Маленький песик до сих пор покоится в саду Евы Петт в деревушке Альдборо.

Оборвать жизнь горячо любимого питомца — одна из самых трудных задач ветеринара. Это может нанести травму и хозяину, и ветеринару. Альфу впервые в жизни пришлось принимать это нелегкое решение в отношении собственного четвероногого друга. Оказавшись в незавидном положении своих клиентов, которым он не раз оказывал эту деликатную услугу, он стал еще лучше понимать их чувства.

Смерть Гектора стала одним из самых тяжелых переживаний в жизни Альфа, но кончина его маленького друга не означала, что он остался без собаки. У него был Дэн, черный лабрадор, который изначально принадлежал мне. Когда я вернулся в Тирск в 1967 году после работы в Стаффордшире, я привез с собой Дэна, и они с Гектором сразу поладили. Вскоре они стали неразлучными

друзьями и повсюду сопровождали отца.

Как и Гектора, Дэна часто фотографировали. Он появлялся на снимках во многих журналах и газетах в годы популярности Джеймса Хэрриота. Это он выжидательно смотрит на Альфа на обложке альбома «Йоркшир Джеймса Хэрриота». Это была типичная поза для Дэна: он обожал бегать за палками и приносить их отцу, и на той фотографии он напряженно смотрит на прут, который Альф держит в руке. По всей машине были разбросаны игрушки Дэна, и этот большой черный пес прошел с Альфом много километров с палкой в зубах.

Он очень отличался от Гектора по характеру и всегда хранил гордое молчание, сидя на пассажирском сиденье и обозревая окрестности с аристократическим безразличием. Правда, однажды Дэн показал совершенно иную сторону своего характера.

К Альфу приехал журналист с Востока, чтобы взять интервью для журнала. Они покатались по округе с Дэном на заднем сиденье и заехали пообедать в паб. Вернувшись, они в ужасе обнаружили, что Дэн разорвал в клочья записи журналиста, которые тот оставил в машине. Такой поступок был совершенно не в его характере, — единственный раз за всю жизнь Дэн проявил склонность к разрушению. Может, он знал, что в некоторых странах Востока люди едят собак? И таким образом выразил свой протест? Никогда больше Дэн не вел себя подобным образом.

Дэн был большим утешением после смерти Гектора, но не прошло и четырех лет, как Альфу вновь пришлось пережить потерю собаки. Однажды в 1981 году после нескольких мучительных недель он принял нелегкое решение и попросил меня усыпить Дэна. У старого пса был прогрессирующий артрит тазобедренных суставов, и он слабел с каждым днем. Альф перепробовал все в попытке помочь Дэну, но его время пришло. Дэн похоронен на поле за домом моего отца.

Многие утверждают, что, однажды потеряв любимца, невозможно найти ему замену. Альф, который, не теряя времени, приобретал другого питомца, придерживался другого мнения. На разных этапах жизни у него было много собак.

Каждая обладала собственным неповторимым характером, и каждая оставила о себе особую память.

С середины семидесятых огромный вклад Джеймса Хэрриота в повышение престижа профессии ветеринара получил официальное признание. Его творчество приносило радость миллионам людей, и вскоре на него посыпались почести. Все награды Альфа перечислить невозможно, но некоторые имели

для него особое значение.

Вся семья испытывала необычайную гордость, когда 30 декабря 1978 года мы увидели в газете новогодний список кандидатов на получение наград. Мы заранее знали, что отцу должны вручить орден Британской империи в качестве признания его заслуг в литературе, но все равно пришли в сильное волнение, увидев его имя в списке.

В конце следующего февраля на торжественной церемонии в Букингемском дворце принц Уэльский вручил награду Альфреду Уайту. Это было незабываемое впечатление. Глядя на отца, я мысленно перенесся на двадцать лет назад, когда он начал писать рассказы просто потому, что всегда хотел этим заниматься. Кто мог представить, что эти непритязательные, но прелестные истории из жизни далекого Йоркшира приведут к тому, что Джеймс Альфред Уайт будет пожимать руку принцу Уэльскому?

Вечер накануне церемонии тоже врезался в память. Издательство «Пан Букс» устроило великолепный прием для нас — и для всех, с кем был связан отец в издательском мире. Выпитые залпом бокалы шампанского, которые мгновенно наполнялись снова, помогали завязать дружбу с незнакомцами, и я, помню, тогда подумал, как здорово быть сыном такого знаменитого отца.

Он мало говорил об этой награде, но очень ей гордился. Однажды много лет спустя, выписав очередной чек на гигантскую сумму для налогового управления, он сказал нам: Кажется, я знаю, почему меня удостоили ордена Британской империи. Оставаясь в стране и выплачивая огромные налоги, я поддерживаю платежеспособность правительства ее величества!

Однако отец получил некоторую компенсацию. Как-то утром в октябре 1979 года ему вручили изящный конверт. В письме из Букингемского дворца, написанном на не менее изысканной бумаге, говорилось, что ее величество королева просит Альфреда Уайта оказать ей честь и приглашает его на обед. Помню, я, онемев от изумления, таращился на приглашение, а отец просто сказал:

— Вряд ли я могу отказаться, да?

Естественно, вся семья хотела услышать все в подробностях и после возвращения из дворца забросала его вопросами.

Я поинтересовался, сидел ли он рядом с королевой.

— Нет, — ответил отец. — Между мной и ее величеством впихнули какую-то мелкую сошку.

— Кто же это был? — спросил я.

Он широко улыбнулся.

— Председатель правления Банка Англии.

Альф обедал в величественной столовой, где за каждым стулом стоял навытяжку ливрейный лакей, и в его памяти возник образ нищего молодого ветеринара, сидящего в крошечной машине среди йоркширских холмов и жующего бутерброд с сыром.

Пятьдесят лет назад он запивал свой скудный обед чистой водой из родника, бьющего посреди вересковой пустоши. Но в этот раз он отведал лучшие вина. Альф старался пить поменьше, и это оказалось мудрым решением, потому что после обеда его вызвали на частную аудиенцию к королеве. Она показалась ему дружелюбным и очаровательным человеком с тонким чувством юмора и заразительным смехом. Ее величество сказала ему, что его книги входят в число немногих, над которыми она «смеялась в голос».

Понятно, почему ей понравились книги Джеймса Хэрриота. Ее привлекал в них не только юмор. Она, конечно же, искренне любит животных.

На выходе из дворца Альф обратил внимание, что остальные гости садятся в лимузины с шоферами. Он собирался остановить такси, когда перед ним остановился один из этих шикарных автомобилей, и его предложили подвезти. В машине сидела та самая «мелкая сошка», которая в действительности оказалась сэром Робертом Кларком, председателем правления «Хилл Самьюэл»[11]. Этот необычайно приятный человек обеспечил отцу достойное завершение памятного дня.

На следующий вечер мы с отцом и два его приятеля-фермера, Билли Белл и Гордон Бейнбридж, пили пиво в тирской гостинице «Три бочки». Мы говорили на многие темы, но он ни разу не упомянул об обеде в Букингемском дворце. Джеймс Хэрриот, писатель, снова был Альфом Уайтом, ветеринаром.

В июне 1981-го он вновь оказался в обществе особ королевской крови. Его с Джоан пригласили на частный прием, который устраивали Дик и Мэри Фрэнсис в честь королевы-матери. Альф хорошо знал Дика Фрэнсиса, автора большого количества бестселлеров о мире лошадиных скачек. Он поддерживал связь с этим скромным очаровательным человеком, с которым они практически одновременно поднимались по лестнице славы. Оба издавались в «Майкл Джозеф» и «Пан Букс»; редактором обоих была Антея Джозеф, а потом Дженни Дерхем.

В июле 1979 года Эдинбургский университет Хериот-Уотт присвоил отцу почетную степень доктора литературы. С этой церемонии он вернулся просто оглушенным. «Я чувствовал себя не в своей тарелке, — рассказывал он нам, — среди всех этих интеллектуальных гигантов. Я, простой сельский ветеринар!»

Почти через пять лет, в марте 1984 года, Альф получил особую награду Британского управления по туризму за «помощь в ознакомлении всего мира с достопримечательностями Великобритании». На церемонии, проходившей в Лондоне, сэр Генри Маркинг, председатель БУТ, сказал: «Имя Джеймса Хэрриота известно всему миру, его можно встретить в каждом доме — на книжной полке и на экране телевизора… Уверен, Джеймс Хэрриот никогда не думал о себе как о пропагандисте туризма, тем не менее „Страна Хэрриота“ прочно обосновалась на туристической карте мира, не уступая в популярности „Стране Шекспира“ и „Стране Бернса“. Своим творчеством Джеймс Хэрриот способствовал процветанию великой страны с богатым литературным наследием, страны, славящейся своей историей и красотой».

Альфред Уайт, безусловно, поддерживал экономику Северного Йоркшира. Так велика была его слава, что мелкие фирмы стали использовать его имя. Повсюду, как грибы, росли кафе, пансионы и гостиницы под названием «Хэрриот», они получали хорошие прибыли благодаря обилию туристов. Отца особенно позабавила реклама одной гостиницы. В проспекте говорилось: «Добро пожаловать в „Страну Хэрриота“, родной дом самого известного ветеринара в мире… Вход с животными запрещен».

Альф получал огромное удовлетворение от подъема туристического бизнеса. Многие местные жители не особенно радовались тому, что их земля оказалась в центре внимания, и с неприязнью смотрели на чужестранцев, оккупировавших их территорию, однако Альф часто говорил: «Я набил деньгами многие карманы, и это хорошо».

Другие с ним соглашались. В апреле 1984-го Альф стал первым обладателем Йоркширского Подноса, — его присуждали за заслуги перед Йоркширом и его жителями. Награду ему вручили на церемонии в Лидсе в знак признательности за «внесение Йоркшира на карту мира и развитие туризма, промышленности и создание рабочих мест».

Альф Уайт гордился этими наградами, но самыми ценными для него были награды от ветеринарии. Еще в 1975 году ему присвоили звание почетного члена Британской ветеринарной ассоциации, а через семь лет, 8 июня 1982 года, он стал членом Королевской коллегии ветеринаров. Он всегда гордился своей принадлежностью к этой профессии, и признание коллег значило для него очень много. В своей речи президент Коллегии Питер Хайнет сказал:

«Профессия ветеринара в большом долгу у Альфа Уайта… не

только потому, что он создал образ заботливых и неравнодушных мужчин и женщин в глазах общественности, но еще и потому, что он ни разу не пожертвовал уважением коллег ради славы. Профессия гордится им и его поведением в ситуации, которая многим вскружила бы голову».

В 1984 году Ливерпульский университет присвоил Альфу Уайту почетную степень доктора ветеринарии, вновь подчеркнув его вклад в повышение престижа профессии.

Колоссальный рост популярности его профессии сразу отметили ветеринары США. Американская ветеринарная ассоциация признала заслуги Альфа Уайта еще в 1975 году, и ему особенно приятно было читать рецензии на его книги, написанные профессором Эриком Уильямсом из Ветеринарного колледжа при университете штата Оклахома.

Профессор Уильямс до эмиграции в 1961 году был практикующим ветеринаром в своем родном Уэльсе. Он подчеркнул один аспект в сочинениях Джеймса Хэрриота — достоверность его рассказов о жизни ветеринара. Ветеринары всего мира могли подтвердить подлинность его слов. В рецензии на книгу «О всех созданиях — мудрых и удивительных» профессор Уильямс писал:

«Это блестящее, честное, понятное описание побед и минут отчаяния ветеринарной практики, которая не прекращается ни днем, ни ночью… Откровения Джеймса Хэрриота — словно глоток чистого воздуха, они дают надежду миру, который, похоже, сошел с ума, в котором мы каждый день сталкиваемся с преступлениями, скандалами и безнравственностью. Я счастлив, что мой коллега столь замечательно рассказывает о доверии и дружбе между ним и его клиентами, что является основой успешной профессиональной жизни… Это превосходная работа по ветеринарной практике для увлеченных ветеринаров».

Эрик Уильямс оставался верным почитателем моего отца и его влияния на профессию. Многие годы он был редактором «Бовайн Практишнер» («Коровий доктор»), официального журнала Американской ассоциации ветеринаров крупного рогатого скота. В 1982 году Альф стал первым почетным членом этой ассоциации. Он был очень горд, что удостоился такой чести, но, как мы и предполагали, отказался поехать в Америку на торжественную церемонию, — однако она все же состоялась. Делегация от ассоциации, включая Эрика Уильямса, приехала в Йоркшир и торжественно произвела Альфа в почетные члены в тирской гостинице «Три бочки».

Альф чудесно провел время в тот вечер. Он обменивался опытом со своими коллегами с другой стороны Атлантики и

слушал рассказы о победах и поражениях, которые случаются у всех ветеринаров в любой стране мира.

Альф получал бесконечные предложения со всего мира приехать и получить присужденные ему награды и почести, но к началу 1980-х известность стала его утомлять, и он либо вежливо отказывался, либо получал награды заочно. Он даже отказался появиться на обложке влиятельнейшего журнала «Тайм», — а ведь в этом случае его слава достигла бы еще более головокружительных высот. Альф отделался свои обычным заявлением, что он «на один процент писатель и на девяносто девять процентов — ветеринар».

С 1980 года персонал практики Синклера и Уайта состоял из пяти человек. С уменьшением рабочей нагрузки у Альфа появилось много свободного времени, и, если бы он захотел, он мог бы поездить по миру, повышая свой престиж. Он решил, что с него достаточно, и в этом заключалась истинная причина его отказов. Он устал от известности и просто хотел, чтобы его оставили в покое. Ему удавалось сохранить свой привычный образ жизни, и именно поэтому он был счастлив, несмотря на обрушившуюся славу, которая легко могла его раздавить.

Теперь Альф Уайт, тихий семейный человек, принял решение, которое расстроило миллионы его поклонников. В 1981 году он объявил, что больше не будет писать книги.

Ему все труднее становилось уклоняться от света прожекторов. Каждый знал его в лицо. Толпы туристов осаждали клинику, письма от поклонников с трудом вмещались в почтовый ящик. На одном конверте стоял адрес: «Джеймсу Хэрриоту, Дарроуби, Шотландия»; его, как и другие, благополучно доставили этой знаменитости поневоле.

В июле 1981 года, вернувшись из утомительного рекламного тура по Великобритании после выхода «Всех их создал Бог», Альф сделал следующее заявление в газете:

«Я чувствую, что должен остановиться. Мне скоро шестьдесят пять, и я просто хочу немного покоя. Я никогда не любил привлекать к себе внимание, и сейчас я хочу только одного — вернуться к нормальной жизни. Я хочу больше времени проводить с внуками. Я хочу снова получать удовольствие от работы в саду и пеших прогулок. Я хочу снова делать то, что умею лучше всего, — работать ветеринаром. В данный момент от одного упоминания о писательстве мне хочется кричать».

Обрушившийся на него огромный литературный успех наполнял Альфа чувством глубокого удовлетворения, но сопровождающая его известность стала для него тяжелой ношей. Жизнь дома, среди родных и друзей и рядом с фермами

Северного Йоркшира — вот что было ему по душе.

Альфред Уайт высоко ценил преимущества, которые получил благодаря своим литературным успехам, но твердо знал одно: он был счастливым человеком задолго до того, как в его жизнь вошел Джеймс Хэрриот. Он, безусловно, был благодарен Джеймсу Хэрриоту за все, что тот для него сделал, но пришло время выпроводить его за дверь.

Глава 27

Одно из главных преимуществ, которые ему принес его друг Джеймс Хэрриот, — финансовая стабильность — стало еще привлекательнее после прихода к власти консервативного правительства в 1979 году. Консерваторы снизили налоговые ставки, и Альф стал получать большую часть своих доходов. К 1981 году он мог считать себя миллионером.

Альф не был предприимчивым дельцом, но, что более важно, обладал здравым смыслом. У него не было ни малейшего желания растягивать свои финансовые горизонты до предела, в то же время выражения вроде «оффшорные инвестиции» и «инвестиционные трасты с разделенным капиталом» ничего для него не значили. Он не доверял фондовым биржам, крайне осторожно вкладывал деньги и в результате пропустил невероятный скачок цен на бирже, но не потерял сон из-за этого. Он до самого конца с подозрением относился к «ловким сделкам» и «выгодным предложениям» и часто любил повторять: «Бойтесь, глянцевых буклетов!»

Альф, конечно, получал огромное удовольствие от своих денег и не жалел их. С 1977 года он работал в практике всего за 2000 фунтов в год, — эта перемена принесла выгоду не только мне, но и Дональду Синклеру. В каком-то году после вычета расходов на машину у Альфа осталось чуть больше 1000 фунтов, — столько он получил за год работы ветеринаром.

Боб Рикаби, его бухгалтер, пришел в ужас.

— Альф, вы целый год трудились в практике, а заработали не больше, чем в 1946-м!

В ответ Альф лишь пожал плечами.

— Не переживайте, Боб. Меня это совсем не волнует!

Он никогда не был жадным и всю жизнь удивлялся скупости других людей. Хоть он и не мог их понять, но подмечал и забавную сторону.

Помню, много лет назад он рассказывал мне, как зашел в тирский магазин, чтобы купить пиротехнику для фейерверка. Он попросил несколько «ракет».

К нему наклонился другой покупатель.

— Не покупайте «ракеты», мистер Уайт, — зашептал он. — У них большой выбор «римских свечей» и отличные «огненные колеса», да и цена хорошая!

Альф был озадачен.

— Моим детям нравится смотреть, как ракеты взлетают в небо. И вообще, что плохого в ракетах?

Покупатель придвинулся ближе.

— Их же видят все остальные!

Альф теперь мог делать, что хотел, не задумываясь о деньгах. Не последнее место в его жизни занимали поездки в отпуск и ужины в ресторанах с друзьями. В окрестностях Тирска полно мест с хорошей кухней, а Альф всегда любил поесть. У него был космополитичный вкус, и он бывал в самых разных ресторанах, но лучше всего он себя чувствовал в китайском или индийском ресторане после нескольких кружек хорошего йоркширского эля, выпитых в соседнем пабе.

В 1980-х два его лучших друга, Алекс Тейлор и Брайан Синклер, добавили красок и радости в ею жизнь. В 1981 году Алекс вышел на пенсию, и через три года они с Линн решили поселиться в окрестностях Тирска. Альф пришел в восторг, узнав, что старый друг будет жить у него под боком. Для него это был замечательный подарок.

Альфу всегда было хорошо в компании Алекса. Еще с детских лет в Глазго Алекс умел его рассмешить, Джоан и Линн тоже стали хорошими друзьями, и они все вместе еще десять лет продолжали шутить и смеяться.

Еще одному человеку всегда удавалось рассмешить Альфа до икоты — конечно, Брайану Синклеру, Тристану Джеймса Хэрриота. После выхода Брайана на пенсию в 1977 году они почти каждый четверг встречались в Харрогите. Еженедельные поездки отца были омрачены воспоминаниями о смерти Гордона Рэя в 1973 году, но появление веселой физиономии Брайана среди заставленных книгами полок в магазине Смита — их излюбленном месте встречи — вновь внесло радость в его четверги в любимом городе. За чашкой кофе они вспоминали прежние времена в Тирске, и Альф с удовольствием слушал бесконечные смешные истории из неистощимого репертуара Брайана.

Еще один человек вносил свет и радость в жизнь Альфа — его дочь. Рози с отцом были необычайно близки. Она жила по соседству, и, естественно, они много времени проводили друг с другом, — и у них было много общего. Отпуска, дома и за границей, прогулки с собаками, с которыми они прошли сотни километров, и поездки на футбольные матчи были их любимыми занятиями. Рози оживляла дни отца интересными беседами, а в последние годы его жизни она — вместе с матерью — оказывала ему огромную поддержку.

Альф сказал, что одной из причин его ухода в тень было желание больше времени проводить со своими внуками. В 1981 году их у него было четверо. Эмма, дочь Рози, родилась в 1975-м,

а мой сын Николас — в 1976-м. Книга «Йоркшир Джеймса Хэрриота» посвящена им обоим.

Моя дочь Зои появилась на свет в 1980-м, а мой третий ребенок, Катрина, — в 1981-м. «Всех их создал Бог» посвящена Зои, а Катрина получила признание в «Историях о собаках».

Альф общался с Эммой намного больше, чем с другими внуками. Рози была одна, и родители оказывали ей громадную помощь в воспитании Эммы, которая относилась к деду скорее как к отцу. Он был удивительным дедушкой и очень терпеливым, часами гулял с Эммой, собирал с ней полевые цветы или читал ей бесконечные сказки.

Он, как и большинство дедушек, восхищался своими внуками. У всех моих детей — хорошие музыкальные способности, и мне очень жаль, что отец, который так любил и ценил музыку, не услышал их игру на фортепьяно, виолончели и трубе. Правда, он успел услышать, как Николас играет на фортепьяно незадолго до победы в музыкальном конкурсе в школе Св. Петра. И был на концерте школьного оркестра, в котором Зои играла на трубе.

По дороге домой после концерта отец все время повторял:

— Неужели это Зои издавала такие чистые звуки?

Я поневоле испытывал благодарность к своим детям. Своей игрой они доставили радость дедушке и в некоторой степени компенсировали те мучения, которые он пережил много лет назад, слушая комичное выступление собственного сына.

В 1981-м в жизнь Альфа ворвался еще один персонаж — своенравный бордер-терьер с усатой физиономией по кличке Боди. После смерти его черного лабрадора Дэна Альф, не теряя времени, нашел другого четвероногого товарища, и Боди, последняя собака Альфа, обладал незаурядным характером.

Боди, всегда любивший покрасоваться, был очень фотогеничным псом, и на фотографиях с Альфом позировал, как тщеславный актер. Он не раз демонстрировал высокомерное превосходство по отношению к своим сородичам — особенно при встрече с другими кобелями, когда он, не раздумывая, бросался в атаку. Впервые в жизни самому известному ветеринару в мире приходилось водить свою собаку на поводке.

Альфу пришлось обзавестись поводком еще и по другой причине: это непредсказуемое маленькое существо имело обыкновение внезапно срываться с места и мгновенно скрываться из вида. Как-то днем в конце октября мы с отцом гуляли с Боди и моей пастушьей собакой по вересковой пустоши в долине Ковердейл. Вдруг Боди — совершенно неожиданно, — как ракета, сорвался с места и исчез.

Целых полчаса мы звали его истошными голосами, — из наших сложенных рупором ладоней вырывались сдавленные крики: «Бо-о-ди-и-и! Бо-о-ди-и-и!» Стало темнеть, я вглядывался в сереющую даль, и до меня доносился лишь голос отца, который к этому моменту превратился в хриплое карканье. Мы почти потеряли надежду, как вдруг в сгущающейся тьме я заметил маленький коричневый комочек на противоположном холме. Я побежал туда и поймал пса в тот момент, когда он вгрызался зубами в разлагающийся труп кролика.

Лучшим другом Боди была собака Рози, Полли, сука лабрадора с мягким характером, которая, как и ее искрометный приятель, много фотографировалась вместе с Альфом. По отношению к Полли Боди вел себя как истинный джентльмен, всегда уступая ей право первой схватить печенье, которое отец носил в карманах во время прогулок с собаками. Глядя на Боди, терпеливо стоявшего рядом с Полли, трудно было поверить, что это тот самый хулиган, который кидается на каждого кобеля, попадающегося ему на пути.

С возрастом энергии у Боди значительно поубавилось, он стал лентяем и отказывался ходить на прогулки. Однако Альф не позволил ему полностью деградировать. Он на руках уносил Боди подальше от дома, не оставляя псу другого выхода, кроме как возвращаться домой на своих четырех лапах.

Несмотря на эти антисоциальные черты характера, Боди был очаровательным псом, и его усатая физиономия повсюду сопровождала Альфа. Боди часами терпеливо сидел рядом с ним — под стулом, когда он писал в кабинете, или у его ног, когда он смотрел телевизор. Хотя Альф часто называл своего маленького друга «сумасбродом», он его очень любил.

Боди, переживший своего хозяина на восемнадцать месяцев, был верным товарищем Джоан после смерти Альфа. В 1996 году у него развилась почечная недостаточность, и мне пришлось взять на себя печальную обязанность усыпить его. В тот момент я невольно вспомнил самого первого пса отца, Дона, который тоже умер от почечной недостаточности за пятьдесят три года до смерти Боди. Первая и последняя собаки Альфреда Уайта — два по-своему разных характера, оба временами трудные, но каждый из псов был замечательным и верным товарищем.

В 1990 году Альф сказал в телевизионной передаче: «Ветеринары иногда ведут себя со своими собаками так же глупо, как многие наши клиенты, которые трясутся над своими любимцами!» Это заявление, безусловно, относится и к самому Альфреду Уайту. Он много времени посвящал своим собакам. Всякий раз, когда Альф и Джоан планировали какие-то поездки

или отпуск, главным вопросом было благополучие собак. Только в самых крайних случаях он пристраивал их в питомники. В Великобритании Альф с Джоан останавливались только в тех гостиницах, где принимали постояльцев с собаками. Где бы они ни появлялись, их неизменно сопровождали один-два лохматых товарища.

За долгие годы работы в практике Альф не раз слышал: «Вы уж подлечите этого пса, мистер Уайт. Для моей хозяйки он гораздо важнее, чем я!» Альф сам любил собак и видел зерно истины в этих словах. Джеймс Хэрриот трогательно пишет об удивительной связи между людьми и их питомцами. Реальный человек, Альфред Уайт, мог бы сам оказаться на страницах своих книг.

В середине 1980-х в практике Синклера и Уайта происходили огромные перемены, и работа с мелкими животными приобретала все большее значение. К этому времени Альфу, которому было под семьдесят, стало трудно — что вполне естественно, — гнаться за современными технологиями, и он оставлял более сложные случаи свои молодым коллегам. Однако он по-прежнему проявлял живой интерес и наблюдал за операциями, которые сам делать не собирался. Альф понимал, что не успевает за стремительным развитием своей профессии, но, тем не менее, у него еще оставались свои поклонники среди клиентов практики. Многие, как и раньше, высоко ценили его внимательное и заботливое отношение к каждому случаю, — это качество популярного ветеринара неподвластно времени.

Кое-что еще в практике было неподвластно времени — Дональд Синклер. Теперь, когда финансовое благополучие Альфа не зависело от ветеринарной практики, он более спокойно смотрел на чудачества своего партнера.

Однажды днем в клинике царило непривычное затишье, и Дональд заявил ему:

— Альфред, я не понимаю, зачем мы платим всем этим помощникам. Сейчас уже нет такой тяжелой работы, как раньше. Я мог бы в одиночку управлять этой клиникой.

Альф поднял брови. Он хорошо знал своего партнера, но это заявление его удивило.

— В одиночку? Ты уверен, Дональд? — ответил он, прекрасно понимая, что ветеринария — одна из самых непредсказуемых профессий.

— Абсолютно, Альфред! Тебе, безусловно, не нужно приходить завтра. Возьми выходной!

— Ты точно уверен?

— Да, Альфред, иди домой!

На следующее утро в клинике Синклера и Уайта катастрофически не хватало персонала. Два помощника и я уехали на срочные вызовы, и в довершение картины наша секретарша заболела гриппом. Без десяти девять Дональд Синклер неторопливо вошел в тихую пустую клинику.

Вскоре у «работающего в одиночку» ветеринара появилась компания. В считаные минуты в клинике на Киркгейт, 23 воцарился хаос: приемную заполнили клиенты, и вдобавок к всеобщему гвалту телефон трезвонил, не переставая.

Мы сохранили на память журнал за тот день, и там есть, что почитать. За полчаса поступило около двадцати звонков, в это же время в клинику пришли несколько клиентов, которым требовалась неотложная помощь. Среди поступивших вызовов были окоты, сломанные ноги, требовалось усмирить лошадь, еще был жеребенок с порванным глазом, несколько случаев наложения швов, и все это время в клинику шли и шли люди с животными — среди них сумасшедшая афганская борзая, которая беспрерывно лаяла. С каждой новой записью в журнале почерк становился все корявее и неразборчивее. Бенефис одного ветеринара явно шел не по плану.

Вскоре у Альфа зазвонил телефон. Напряжение было почти осязаемым, когда он снял трубку.

— Альфред? — В голосе его партнера звучало отчаяние.

— Да, Дональд? — ответил он.

— Приходи сюда — прямо сейчас!

— Что случилось, Дональд? Много клиентов? — В трубке отчетливо слышались крики и лай собак.

— Много?! Да тут черт знает что творится!

— Ты один? Там что, нет никого из помощников?

Голос сорвался на визг:

— Ни единой чертовой души!

В те дни Альф часто предавался раздумьям. На его глазах постепенно исчезала та ветеринарная практика, которую он знал. Мелкие семейные фермы отходили от дел, их объединяли в более крупные хозяйства. Состоятельные люди покупали старые каменные постройки и превращали их в красивые современные дома. Тот старый Йоркшир, который Альф знал и любил, — образ жизни, который он увековечил в книгах, — медленно уходил в прошлое.

Дональд Синклер часто повторял: «Я не люблю перемены», — но ни он, ни Альф не могли остановить развитие ветеринарии и сельскохозяйственного производства. Им было особенно грустно видеть, как на смену старым коровникам приходят современные

доильные помещения — может быть, более эффективные, но холодные и неуютные. Оба с нежностью вспоминали восхитительное ощущение тепла, которым встречал их коровник в холодные зимние дни, ряды мирных коров, тихое позвякивание цепей на их шеях и чудесный сладкий запах сена. Но Альф понимал, что эта ностальгическая картина уже относится к истории.

Скоро настал черед и некоторых реликвий клиники. Однажды моя жена Джиллиан зашла в кабинет на Киркгейт, 23 и, взглянув на окно, громко воскликнула:

— Ну и шторы!

Она имела в виду старые «красные» бархатные шторы, почти сорок лет висевшие на окнах кабинета. Потрепанные, изодранные, в некоторых местах ткань настолько истончилась, что сквозь нее просвечивала улица за окном.

Отец сидел за столом.

— Шторы? — медленно повторил он.

— Да! Они просто ужасные!

— Разве?

Отец с нежностью посмотрел на шторы. Он столько лет провел в их компании, что даже подумать не мог об их замене. Однако слова Джиллиан возымели свое действие, и через некоторое время шторы отправились в костер.

Отец рассказал мне об этом вскоре после того разговора.

— Джил, конечно, права! Шторы кошмарные, но они были моими старыми друзьями. Они висели здесь, когда я только приехал в Тирск много лет назад!

После небольшой паузы он показал на телефонный аппарат, стоявший на полке рядом со столом.

— Вот эта штука беспокоит меня гораздо больше, чем старые шторы!

— Почему?

— Когда я сижу за столом, она находится сантиметрах в десяти от моего уха, и я ей не доверяю.

— Почему?

— Она гудит… и она горячая!

Дни телефонного аппарата тоже были сочтены. Клиника Синклера и Уайта входила в современную эпоху.

Практика менялась с каждым днем, но самой печальной переменой был уход старых клиентов-фермеров — мужчин, женщин и их близких, которых отец хорошо знал. Он не задумывался о том, что и сам стареет.

Как-то раз он стоял на крыльце клиники вместе со знакомым фермером, и мимо них прошла похоронная процессия по

направлению к церкви Сент-Мэри.

Вот и старина Том ушел! Жаль его, — тихо произнес отец.

— Да, вздохнул фермер. Потом мрачно взглянул на моего отца и сказал: — Уже выдергивают и из нашего курятника, Альф!

Альф всегда выглядел моложе своих лет и чувствовал себя молодым, но слова фермера подействовали на него отрезвляюще и дали пищу для размышлений.

Вскоре он получил еще одно, менее грустное, напоминание о возрасте. Как-то раз в 1982 году его остановила женщина, когда он ехал по деревне.

— Мистер Уайт, — сказала она, — в поселковом клубе будет вечер для стариков.

— Да, конечно, — ответил Альф и полез в карман за деньгами. Он всегда материально поддерживал это мероприятие. — Подождите минутку, я сейчас внесу какую-нибудь сумму.

Женщина достала два билета.

— Нет, мне не нужны деньги! Это вам. Приятного вечера!

Сколько я себя помню, Альф Уайт всегда называл своих родителей и других пожилых людей «стариками». Теперь он тоже стал одним из них.

В целом Альф не мог пожаловаться на здоровье, но время неумолимо, и к шестидесяти двум годам у него появилась стенокардия. Несколько его родственников умерли от инфаркта, поэтому эти симптомы вызывали серьезное беспокойство, но, как оказалось, нам нечего было бояться: угроза притаилась в другом месте.

Через несколько лет, летом 1981-го, отца стали мучить почечные колики. Эти приступы, вызванные крупными камнями в почках, причиняли ему страшную боль, и долгое время он не выходил из дома без обезболивающих таблеток. Около года боль терзала его непрерывно, но в конце концов проблема была решена.

Во время сильнейшего приступа отец провел неделю в больнице, но всегда был уверен, что вылечил себя сам: как-то вечером в «Трех бочках» он вымыл камни из своего организма, вливая в себя пиво «Макьюэн» в больших количествах.

В 1981 году проблемы со здоровьем возникли не только у Альфа. Тяжело заболели братья Синклеры, причем Дональд — по своей вине. На рыночной площади Тирска он выскочил перед несущимся на большой скорости мотоциклом и сломал голень.

Перелом был серьезный, и его положили в больницу Фрайаридж в Норталлертоне. Через некоторое время старшая

медсестра сообщила Альфу, что хуже пациента, чем его партнер, у нее никогда не было. Учитывая тот хаос, который он устраивал в клинике, я охотно верю ее словам.

Один раз я навестил его в больнице. Я пробыл у него меньше минуты, когда он сказал:

— Спасибо, что пришел, Джим. Теперь можешь идти домой! До свидания!

Со свойственной ему нетерпеливостью Дональд быстро выписался из больницы. Он купил себе автоматическую тележку и почти год разъезжал по клинике с огромной гипсовой повязкой на ноге. Такой пустяк, как сломанная нога, не мешал «Зигфриду» украшать своим присутствием клинику на Киркгейт.

Несчастный случай с Дональдом причинял ему неудобства, но положение Брайана было намного серьезнее. В 1980 году он начал терять вес. В конце концов его положили в больницу на обследование, но в течение 1981 года его состояние продолжало ухудшаться. Я навестил его в начале 1982 года в лидской больнице Сент-Джеймс и пришел в ужас от его вида. Пухлые щеки и озорные искорки в глазах исчезли: передо мной лежал обтянутый кожей скелет с запавшими глазами, — я с трудом его узнал. По дороге домой я думал, увижу ли снова дядюшку Брайана. Прогнозы были неутешительными. Никто не мог поставить ему диагноз, и никакое лечение не помогало. Его семья была в отчаянии. Жена Брайана Шейла — как и он, близкий друг Альфа и Джоан, — могла лишь беспомощно наблюдать, как муж тает у нее на глазах.

Дональд в ужасе смотрел на постепенное угасание брата и был уверен, что тот умрет. Как-то утром он с решительным видом вошел в клинику.

— Альфред! — заявил он. — Я поговорил с Шейлой и собираюсь забрать Брайана домой!

— Почему? — спросил Альф.

Дональд был в мрачном настроении. Он очень любил младшего брата, и последние недели были для него пыткой.

— Ему не становится лучше, он скоро умрет, и я хочу, чтобы он встретил смерть дома… с достоинством.

В тот период в больнице ждали консультанта, которого пригласили специально, чтобы он помог поставить диагноз. Отец ответил без колебаний. Он тоже тяжело переживал из-за страшной болезни Брайана, но считал, что Дональд неправ.

— Он твой брат, Дональд, и решение принимать тебе, но я считаю, что ты совершаешь ошибку.

Дональд мерил шагами комнату, борясь со своей дилеммой, но решение уже созрело в его голове.

— Нет, я не могу просто стоять и смотреть, как он угасает. Он едет домой!

Альф никогда не вмешивался в чужие дела, но сейчас на кону стояла жизнь одного из его лучших друзей.

— У него есть только один шанс, Дональд, и этот шанс дает ему больница. Может быть, этот новый консультант сумеет помочь. Если Брайан вернется домой, он точно умрет. Пожалуйста, оставь его в больнице. Это его единственная надежда.

Раздираемый эмоциями Дональд, не сказав ни слова, вышел из кабинета.

Дональд Синклер, человек твердых убеждений, никогда никого не слушал. Только один человек иногда мог повлиять на его решение, и этим человеком был Альфред Уайт. С самого начала он высоко ценил мнение своего партнера, и на этот раз снова последовал его совету. Брайан остался в больнице.

Никто так до конца и не разгадал тайну болезни Брайана (предполагали какое-то нарушение гипофиза), но вскоре после того разговора в клинике ему назначили курс препаратов, и он пошел на поправку. Постепенно лекарства отменили, но до конца своих дней Брайан вынужден был сидеть на стероидах, — невысокая плата за еще несколько счастливых лет жизни.

Здоровье еще одного большого друга Альфа внушало беспокойство — Дентона Петта. В 1977 году у него был инсульт, после которого он так и не оправился и умер в июле 1981 года. Еву и Дентона неизменно приглашали на приемы и банкеты, когда Альф добился успеха в литературе; открытый, жизнерадостный Дентон всегда вносил оживление в эти мероприятия. Альф и Джоан остро переживали его смерть.

Незадолго до того, как у Дентона случился удар, они с Альфом смотрели чрезвычайно напряженный матч между «Сандерлендом» и «Мидлсбро». Дентон был фанатичным болельщиком «Мидлсбро» — и столь же фанатично ненавидел клуб Альфа «Сандерленд». Мы часто задавали себе вопрос, не стало ли возбуждение причиной его инсульта.

Дентон — еще один замечательный человек, которого Альф встретил на жизненном пути, и многие поклонники Джеймса Хэрриота будут с большой любовью вспоминать Гранвилла Беннета. Альф написал в «Ветеринери Рикорд» о своем большом друге: «Он был настоящим другом для огромного множества людей, и все они будут вспоминать о нем с благодарностью за ту радость, которой он наполнял их жизни». Это правда: Дентон Петт наполнял жизни многих людей радостью и смехом.

В 1981 году прекратились регулярные поездки Альфа в

Глазго. Больше десяти лет он проводил с матерью либо Рождество, либо Новый год, — и он, и другие члены семьи часто навещали ее и в другое время года. Однако летом 1981-го ее перевезли в частную клинику в Харрогите, где она тихо скончалась в следующем декабре. На ее похоронах в голове Альфа проносились мириады воспоминаний о матери, которая многим пожертвовала ради того, чтобы ее сын смог воплотить свою мечту о профессии ветеринара. В свое время она была силой, с которой нужно было считаться, но мы все вспоминаем о ней с благодарностью и уважением.

Из-за своей гордости успехами сына она нередко попадала в неловкие ситуации.

— Знаете, кто я? — говорила она совершенно незнакомым людям. — Я мать Джеймса Хэрриота! Разрешите, я вас познакомлю. Альф… Альф?..

Как и его отец в свое время, Альф тихо испарялся.

Я мог бы рассказать множество забавных историй, связанных с моей бабушкой, но они не для этой книги. Скажу только одно: вся наша семья с огромной любовью вспоминает старую женщину, которая заботилась обо мне в мои студенческие годы.

В начале 1980-х Альф Уайт был на вершине успеха, но потеря близких людей, его собственные недуги и тяжелая болезнь Брайана служили постоянным напоминанием о том, что время уходит. Оглядываясь назад на прошедшие десять лет, Альф имел все основания гордиться своими достижениями; будучи внимательным и чутким человеком, он — кроме небольшой размолвки с Дональдом из-за трактовки образа Зигфрида — сумел добиться успеха, не оскорбляя чувств других людей.

С самого начала литературной карьеры главной заботой Альфа было не обидеть друзей, но в 1981 году он получил новое напоминание о том, что внешние атрибуты славы могут приобретать неприятную форму: в тот год он поссорился со своим старым другом Эдди Стрейтоном.

Летом 1981 года Эдди вызывали в дисциплинарный комитет Королевской коллегии ветеринаров в связи с обвинением в дискредитации профессии. В радиопередаче Би-Би-Си «Шоу Джимми Янга» он рассказал, что «поспорил» с молодыми помощниками, кто быстрее сможет стерилизовать кошку, и во время одного такого соревнования он по невнимательности вскрыл брюшную полость у (как он думал) кошки и обнаружил, что это кот.

Эдди всегда был экстравертом и рассказал эту историю как забавный анекдот, но не всем она показалась смешной. 29

сентября 1981 года он оказался, уже не в первый раз, перед дисциплинарным комитетом. Свидетели, характеризующие репутацию обвиняемого, безусловно, могли бы помочь Эдди, и наиболее очевидным свидетелем был Альф Уайт — один из старейших и самых уважаемых друзей Эдди, — но Альф отказался выступить в его поддержку.

Эдди, как пишет Грэхэм Лорд в биографии Джеймса Хэрриота, утверждал, что Альф не поддержал его, потому что его должны были принять в члены Королевской коллегии ветеринаров — это огромная честь для британского ветеринара, — и он не хотел рисковать.

Мне очень грустно, что Эдди мог так плохо думать об одном из своих самых верных друзей; того, кто горой стоял за него на протяжении всей его богатой событиями и иногда противоречивой карьеры. Помимо того, что Альф узнал о выпавшей ему чести только через два месяца после слушаний в дисциплинарном комитете, он никогда бы не пожертвовал интересами друга ради получения еще одной награды.

На самом деле Альф осуждал Эдди за замечание о «соревнованиях по овариектомии». Он считал, что его друг своим заявлением, что он может стерилизовать кошку с молниеносной быстротой, — унизил искусство ветеринара. Прекрасно зная, что овариектомия кошки не всегда простая, как многие полагают, операция, Альф считал, что шутка Эдди отдает плохим вкусом. Однако в прошлом Эдди Стрейтон был преданным сторонником профессии, и Альф непременно выступил бы в его поддержку, подчеркнув его замечательные качества — которых было немало, но в тот период у него был приступ почечной колики, и он страдал от невыносимой боли.

Тогда Эдди находился под страшным давлением: помимо предстоящих слушаний в дисциплинарном комитете, на него свалилось большое горе, — от рака умерла его жена. Эдди очень обиделся на Альфа за его сомнения и выплеснул на него свои чувства, используя весьма крепкие выражения. Его импульсивные и ошибочные обвинения, к сожалению, нанесли непоправимый ущерб дружбе, уходящей корнями в далекие годы в Глазго.

Я хорошо помню, какой эффект произвели слова Эдди на моего отца. Старый друг несправедливо обвинил его в бесчувственности и эгоизме. Боль и недоверие сменились гневом, и отец твердо заявил, что знать больше не желает Эдди Стрейтона.

Эдди быстро понял свою ошибку. Альф получил несколько писем с извинениями, но оставался непреклонен.

Я пытался урезонить его, напоминая о долгих годах дружбы,

но не смог повлиять на его решение. Если он что-то вбивал себе в голову, переубедить его было трудно.

Счастлив сказать, что со временем Альф смягчился по отношению к Эдди, и они возобновили переписку. Однако обидные обвинения Эдди были главной причиной отказа Альфа в 1981 году выступить на слушаниях в дисциплинарном комитете.

Период с 1981-го по 1985 год был непродуктивным для писателя Джеймса Хэрриота: в это время он наслаждался отдыхом от напряжения, связанного с трудом писателя, — но «индустрия Джеймса Хэрриота» достигла таких размеров, что он уже не мог вернуться к жизни безвестного ветеринара и отца семейства. Его слава была слишком велика. Альф по-прежнему получал пачки писем от поклонников, а поскольку имя Джеймса Хэрриота вызывало в воображении образы фунтов и долларов, его основные издатели в Англии и Америке мягко, но настойчиво давили на него, уговаривая написать новую книгу.

Альфа мало интересовало, сколько денег принесет ему, или другим людям, его возвращение к машинке, но писательство уже было у него в крови. Он наблюдал колоссальные перемены в профессии, и в его душе вновь зародилось желание сохранить этот старый образ жизни на бумаге.

«Я считаю, что мне очень повезло, — говорил он. — Я жил в золотые годы ветеринарной практики — бесспорно, лучшие годы». Новая эпоха правил, постановлений и бумажной работы была отцу не по душе, и ностальгия по быстро исчезающему миру снова усадила его за машинку.

Я помню, что в тот период мать стала за него беспокоиться. Понимая, что муж не становится моложе, и в то же время зная, что не сможет помешать ему заниматься делом, запавшим ему в душу, она убеждала его не придерживаться жестких сроков и работать чуть-чуть помедленнее.

В блестящие семидесятые годы, когда мать часто сопровождала отца на публичных мероприятиях, многие думали, что она играет главную роль в их паре — проявляя явно сдержанное отношение к его успеху. Зная мужа и его чувствительную натуру лучше, чем кто-либо другой, Джоан просто пыталась защитить его от излишней шумихи, которая могла оказать на него пагубное воздействие. При этом создавалось ошибочное впечатление об их взаимоотношениях. На протяжении всех лет их долгой совместной жизни именно отец принимал все важные решения в семье.

Понимая, что Альф никогда не откажется от литературы, Джоан не удивилась, когда в 1986 году он позволил себя

уговорить и согласился написать небольшой материал для нового телевизионного сериала «О всех созданиях — больших и малых». Надо сказать, Альф уже написал несколько рассказов — список «заголовков» всегда был под рукой, — и это опять разожгло в нем жажду творчества. Он снова взялся за работу, и в 1992 году вышла его последняя книга «Все живое». Рядом с Альфредом Уайтом вновь появился Джеймс Хэрриот.

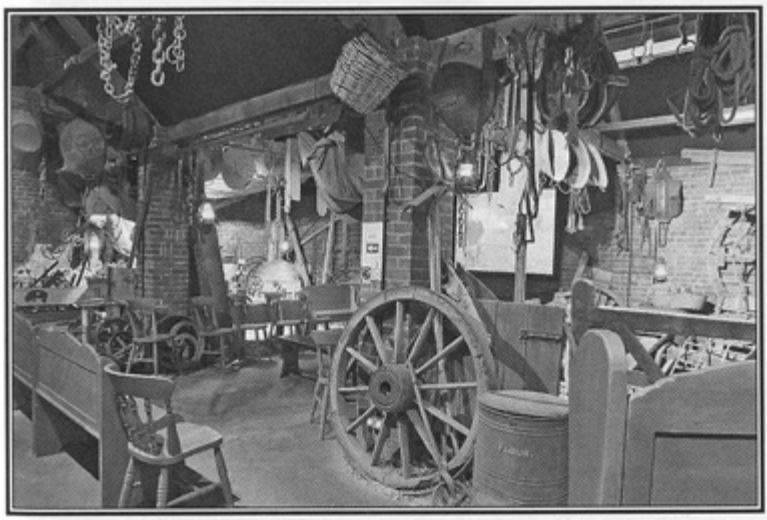
Дом-музей Хэрриота открыт в 1999 году.
В доме воссоздана обстановка, в которой жил и работал писатель в 40-е и 50-е годы

© World of James Herriot

Заходя в дом через много раз упомянутую в рассказах красную дверь, попадаешь в гостиную, которая также служила приемной для посетителей

Центром дома была большая кухня — уголок семейной жизни: на веревках сохнет чистое белье, стол накрыт и чайник уже закипает на плите

Настоящий кабриолет «Остин – 7»



Декорации на заднем дворе дома, где снимались фильмы и сериалы по мотивам книг Джеймса Хэрриота

Глава 28

В промежутке между завершением «Всех их создал Бог» в 1980 году и началом серьезной работы над книгой «Все живое» в 1988-м Альфред Уайт не писал книг. Однако в течение этого периода вышло несколько новых изданий под его именем. Помимо «Лучших рассказов Джеймса Хэрриота», изданных в 1982 году, в 1986-м вышла книга «Истории о собаках», а также несколько книг для детей, которые выходили на протяжении 1980-х, и последняя была издана в 1991 году.

В сборник историй о собаках вошли рассказы из ранее изданных книг. Особый интерес вызывает вступление, так как здесь Джеймс Хэрриот впервые рассказывает поклонникам о своих молодых годах в Ветеринарном колледже Глазго, — где в те дни собаку считали второстепенным видом, а кошки вообще не заслуживали внимания! Какое отличие от современного студента-ветеринара.

Для детских книг, как и для «Историй о собаках», Альфу не пришлось много писать. Каждая из них представляла собой рассказ из ранних работ Хэрриота — с яркими иллюстрациями, чтобы привлечь внимание юного читателя. После консультации со своим редактором Дженни Дерхем Альф переделал некоторые рассказы, убрав из них подробные ветеринарные описания, а также сократил или растянул истории до нужного размера. Это была удачная идея. Каждая история рассказывала об определенном персонаже — среди них корова Розочка, кот Оскар и ломовая лошадь Бонни. Одна из книг, «Рождественский котенок», стала международным бестселлером. Способность Джеймса Хэрриота наделять этих прелестных созданий очаровательными качествами, а также цветные иллюстрации талантливых художников Питера Баррета и Рут Браун служили залогом успеха.

Когда детские книги появились на полках магазинов, Альф стал получать многочисленные письма от своих маленьких поклонников вместе с рисунками их любимых животных. Легкий слог Джеймса Хэрриота нравился всем от взыскательного профессионального критика до ученика начальной школы. Вот уж действительно, в клуб его поклонников входили все читатели — и большие, и малые.

Две из этих историй имеют для меня особое значение: именно я, много лет назад, предоставил для них материал. Рассказ «Котенок Моисей» был первым в детской серии и вышел в 1984 году. В его основе — мой визит на ферму Терри Поттера в

Болдерсби неподалеку от Тирска. Когда я закончил работу на ферме, меня позвал Тед, свинарь.

— Идите сюда. Я хочу вам кое-что показать!

Он привел меня к свинарнику, где лежала громадная свинья, которую сосал огромный выводок блестящих розовых поросят. Однако меня поразила не эта идиллическая картина. Я с изумлением заметил, что один поросенок в ряду — черный!

— Могу поспорить, такого поросенка вы еще не видали! — ухмыльнулся Тед. — Гляньте поближе!

К моему удивлению, «поросенок» оказался котом — и довольно взрослым.

— Он бродил среди построек, полумертвый от холода. Я решил дать ему шанс и подкинул этой старой свинье, рассказывал Тед. — А теперь посмотрите на него! До чего стал хорош!

Такой красивой, блестящей шерсти я не видел ни у одного кота. Кот бросил на меня беглый взгляд и снова стал проталкиваться между упитанными, с наслаждением чмокающими поросятами.

За обедом я рассказал об этом отцу. Внезапно он перестал есть и бросился наверх за своим блокнотом.

— Еще одна история в коллекцию Джеймса Хэрриота, пояснил он, снова взявшись за вилку с ножом.

Другой случай — из детской книги «Розочка возвращается домой» — произошел на ферме старого друга и клиента отца Артура Данда. Артур показал мне старую корову, чей продуктивный период жизни явно остался позади. В свое время она была замечательной коровой, и ее разросшиеся копыта, торчащие бедренные кости и провисшее вымя служили лучшими доказательствами высокого уровня молочной продуктивности.

Артур всегда был к ней очень привязан, но однажды понял, что больше не может ее содержать, и, скрепя сердце, решил отправить ее на бойню. Он смотрел вслед фургону, увозившему его старую подругу в последний путь, и вдруг она, просунув голову в окошко, протяжно и жалобно замычала. Этого Артур не выдержал. От вида старой коровы, в последний раз оглядывающей любимые пастбища, у него сжалось сердце. Он вскочил в машину, помчался за фургоном живодера, остановил его, и через несколько минут Розочка вернулась домой.

— Ну и пусть от нее нет никакой пользы, — сказал он мне, — но она останется здесь до конца своих дней!

Когда я рассказал эту историю отцу, в его руках снова появился блокнот.

— Очень хорошо, продолжай поставлять мне информацию, —

сказал он, — а я уж сделаю все остальное!

Пару лет назад один мой приятель-фермер сказал: «Сейчас это „игра с цифрами“». Он абсолютно прав. Коров больше не называют Ромашками или Рябинками: они просто стали частью системы, предназначенной, как и многое другое, для получения прибыли. В современном мире господствуют деньги, и здесь нет места сантиментам, однако нельзя сказать, что сегодняшний фермер не испытывает никаких чувств к своим животным.

Во время недавнего визита на ферму в холмах мне довелось стать свидетелем тесной связи между фермером и его животными.

Визит — меня вызвали на ферму в Хамблтонских холмах, чтобы я положил конец земному существованию старой коровы, — оказался не совсем обычным. Фермер отвел меня к ней и попросил, чтобы я причинил ей как можно меньше боли. Корова была не в силах подняться и лежала на соломенной подстилке. На нее было жалко смотреть. Туго натянутая, сморщенная кожа, добрая серая морда и совершенно белые ресницы — признаки глубокой старости у животного — сразу привлекли мое внимание. Она медленно повернула ко мне голову и с мольбой посмотрела на меня, но я знал, что ничем не могу ей помочь.

— Этой старушке двадцать два года, — дрожащим голосом произнес фермер. — В свое время она была замечательной коровой, и я хочу, чтобы она умерла безболезненно. — Он замолчал, пытаясь справиться с чувствами. — Вы можете усыпить ее? Я не хочу, чтобы в нее стреляли.

Выстрел — быстрый и гуманный способ умерщвления животного, но он настаивал, чтобы я сделал ей инъекцию, несмотря на то, что в этом случае ее мясом нельзя будет кормить даже собак, не говоря уж о людях. Это была очень необычная просьба.

— Конечно, Джордж, — ответил я, — но вы понимаете, что ничего за нее не получите?

— Мне все равно, — махнул рукой он и, подойдя к старой корове, нежно погладил ее по голове. Его голос дрожал от эмоций. — Она ничего мне не должна! Я не буду смотреть, ладно?

Он отвернулся с полными слез глазами и ушел в дом. Когда старая корова мирно уснула на подстилке, у меня внезапно возникло ощущение, что я вновь очутился в мире Джеймса Хэрриота, — и перед моими глазами промелькнул образ коровы Розочки. Не все еще ведут «игру с цифрами», далеко не все.

Хотя Альф и не писал книг в то время, ему не позволяли забыть, что он знаменитый автор, и он по-прежнему много

времени проводил в клинике на Киркгейт, подписывая книги для своих многочисленных поклонников. За долгие годы такой деятельности у него развился артрит в суставах руки, и последние несколько лет жизни он дома, в своем ритме, надписывал бесконечные самоклеющиеся ярлыки, которые его почитатели могли наклеить в свои книги.

Иногда, раздавая автографы в приемной клиники, Альфу приходилось вежливо отклонять просьбы о многословных надписях. Однажды после очередного такого мероприятия он вернулся в кабинет с улыбкой на лице.

— В основном всех устраивает надпись: «С наилучшими пожеланиями, Джеймс Хэрриот», — сказал он, — но один парень только что попросил, чтобы я написал: «Рею, Элси, Кевину, Холи и Луизе в ваш первый в жизни визит в Йоркшир. С самыми наилучшими пожеланиями, Джеймс Хэрриот, Хелен, Зигфрид и другие обитатели Скелдейл-хауса»!

Я отказался под предлогом, что мою старую руку может заклинить на середине фразы!

Новый сериал «О всех созданиях — больших и малых», для которого Альф в 1986 году начал писать новый материал, стал таким же популярным, как и предыдущий. Он шел до 1990 года и завершился «Специальным рождественским выпуском» в конце того же года. В актерском составе произошла только одна перемена — вместо Кэрол Дринкуотер роль Хелен играла Линда Беллингем. Она, как и две предыдущие актрисы, идеально вписалась в роль.

Этот сериал не выглядел настолько достоверным, как предыдущий. Поскольку оригинальный материал Джеймса Хэрриота был исчерпан, потребовались другие авторы, — и некоторые поздние серии имеют весьма приблизительное отношение к его рассказам. Тем не менее, сериал пользовался большим успехом, — его с удовольствием смотрели миллионы зрителей.

В этом сериале появились новые персонажи, многие из которых перешли потом на страницы последней книги Альфа «Все живое», — название предложил его американский издатель Том Маккормак. Эту книгу, изданную в 1992 году, отец писал с особым удовольствием. Кроме того, что у него теперь был текстовый процессор (его любимое выражение того времени: «Как я раньше без него обходился?»), он почти никому не говорил, что собирается написать новую книгу. Поэтому мог работать в свое удовольствие, не ограниченный жесткими временными рамками.

— Я не хочу, чтобы кто-то стоял у меня над душой с контрактом в руке, — говорил он мне. — Я буду писать эту книгу

в своем темпе, поэтому, пожалуйста, никому не говори!

Отец писал ее больше четырех лет и в 1991 году наконец сообщил об этом издателям. Они с восторгом и удивлением встретили эту новость, и книга, как и ее предшественницы, сразу вошла в списки бестселлеров в Соединенном Королевстве.

У Альфа возникли небольшие разногласия с Томом Маккормаком по поводу нескольких глав, которые Том хотел изменить, — но теперь Альф был уверенным автором и не позволял вмешиваться в свою работу. Несмотря на их мелкие расхождения, в Америке было продано 650 000 экземпляров в твердом переплете за первые шесть недель, и книга почти восемь месяцев оставалась в списках бестселлеров «Нью-Йорк Таймс».

«Все живое» знакомит читателя с Калумом Бьюкененом, «ветеринаром с барсуком», прообразом которого стал Брайан Неттлтон, незабываемый помощник Альфа. Брайан был настолько удивительной личностью, что Калум появляется в одиннадцати из пятидесяти двух глав, и его яркий, жизнерадостный персонаж уверенно шагает по страницам книги, пробуждая много счастливых воспоминаний у всех, кто его знал.

К сожалению, Брайан так и не прочитал о себе в книге «Все живое». Через двадцать лет после ухода из практики он приехал к нам в Тирск, и мы были очень рады снова увидеть его пронзительные черные глаза, щегольские усы. Этот неувядающий оптимист почти не изменился за прошедшие годы. Мы были счастливы, что нам довелось увидеться с ним: меньше чем через месяц Брайан погиб в автомобильной аварии в Канаде. Приятно осознавать, что в образе Калума Бьюкенена он будет жить вечно.

В книге «Все живое» появляется и самый первый помощник отца, Джон Крукс. Единственный раз отец использовал настоящее имя Джона, что свидетельствует об уважении и дружбе, которые связывали их многие годы.

Я тоже есть в книге, и когда я читал ее впервые, она стала для меня откровением. В главе 7 отец пишет, как мы с Рози сопровождали его в поездках на фермы, когда были детьми:

> Она всегда бегала за инструментами, а Джимми неторопливо прогуливался. Часто в процессе работы я говорил: «Принеси мне другой шприц, Джимми», — и мой сын, ничуть не торопясь, насвистывая, направлялся к машине… И теперь, когда он стал опытным ветеринаром, я часто замечаю, что он по-прежнему никуда не спешит.

Прочитав этот отрывок, я задумался и быстро понял, что отец был абсолютно прав! За редким исключением, когда требовались

срочные действия, я никогда не бежал по дороге жизни, но, пока не прочитал эту главу, я не замечал эту черту своего характера. Наверное, такое же потрясение испытал Дональд Синклер, когда много лет назад впервые столкнулся с персонажем Зигфридом Фарноном на страницах «Если бы они умели говорить», и я вспомнил строчку из стихотворения шотландца Роберта Бернса — одного из любимых поэтов отца: «Ах, если б у себя могли мы видеть все, что ближним зримо, что видит взор идущих мимо со стороны…»[12].

Некоторые утверждали, что Джеймс Хэрриот — «писатель-*беллетрист*», ставя под сомнение правдивость его историй и утверждая, что Хэрриот просто удачно использовал избитые шутки.

В главе 26 рассказывается о персонаже по имени Арнольд Брейтуэйт. Это хвастун, который веселит местный паб байками о знаменитостях, с которыми, по его словам, он знаком лично. Естественно, никто ему не верит, но хорошо смеется тот, кто смеется последним. После окончания хоккейного матча в Дарроуби несколько игроков — причем многие международного уровня — подходят к Арнольду и пожимают ему руку.

Прообразом Арнольда послужил незабвенный Гарри Балмер. Гарри часто болтался по тирским барам, где всегда находилась публика, готовая слушать его на первый взгляд выдуманные истории. Большинство местных считали его «настоящим фантазером», и мало кто верил, что он «на ты» со многими знаменитостями. Его любимая история была о том, как он одолжил свою биту Лену Хаттону[13], когда тот сломал свою во время тура бросков по калитке в отборочном матче в Хедингли. Гарри с восторгом рассказывал, что великий бэтсмен, набрав больше ста очков, вернул ему биту со словами: «Спасибо, Гарри! Отличная у тебя деревяшка».

Однако местных жителей, которые все время над ним подшучивали, ждал сюрприз. На тирском стадионе должен был состояться крупный хоккейный матч, и Гарри уверял всех, что знает многих игроков, причем некоторые из них — хоккеисты мирового уровня из разных уголков страны. Все были уверены, что теперь-то выведут Гарри на чистую воду, и у многих отвисли челюсти, когда несколько хоккеистов подошли к нему после игры со словами: «Смотрите-ка! Это же Гарри! Как дела, Гарри?» С тех пор никто больше не смеялся над историями Гарри.

Альфу на самом деле нравился Гарри. Он обладал широкими познаниями в крикете и футболе, — а эти темы Альф был готов обсуждать постоянно. Есть фотография Гарри — с откинутой головой и открытым ртом — рассказывающего очередную

фантастическую историю в «Трех бочках». Рядом с ним стоит Альф, широко открыв глаза от восторга. По его лицу видно, что он мысленно записывает «заголовок» в свой блокнот.

Рассказ об Арнольде Брейтуэйте — а именно его считают основанным на анекдоте с бородой, — всего лишь еще один пример фактической основы произведений Джеймса Хэрриота. Альф никогда не отрицал, что приукрашивает многие истории, а также часто меняет даты, и спокойно относился к тому, что на многих людей его книги не производят впечатления. Однако он, безусловно, не согласился бы, чтобы его назвали писателем-беллетристом.

Во второй половине 1980-х Альф наблюдал, с безопасного расстояния, неуклонное развитие «индустрии Джеймса Хэрриота». Несмотря на «хэрриотоманию», ему удавалось вести скромный образ жизни, и, за исключением раздачи автографов своим поклонникам (к которым он всегда испытывал благодарность), он мало соприкасался со своим звездным статусом. Альф почти не говорил о своей славе, временами даже казалось, что ему все это до смерти надоело.

У него было много возможностей заработать большие деньги, позволив использовать свое имя на кормах для животных, но он не одобрял эту идею. Альф не проявлял интереса ко всему, что отдавало торгашеским духом, и всякий раз, когда ему предлагали разные варианты увеличения капитала, в его глазах появлялся знакомый застывший взгляд.

Одной из самых поразительных черт моего отца была его «неуловимость». Много раз, когда я говорил с ним, стеклянный взгляд выдавал, что его мысли блуждают где-то в другом месте. Если предмет разговора был ему неинтересен, он в считаные секунды впадал буквально в гипнотический транс, и было бесполезно пытаться восстановить с ним контакт.

Но пелена мгновенно спадала с его глаз при одном только упоминании футбола, — особенно если дело касалось футбольного клуба «Сандерленд». Став обладателем абонемента, Альф не пропускал почти ни одного домашнего матча, и клуб быстро понял, что среди их болельщиков оказалась знаменитость.

В 1991 году, после покупки нескольких акций клуба, Альф получил письмо. Оно очень много для него значило. Директора предлагали ему почетный пост пожизненного президента клуба, «принимая во внимание вашу многолетнюю поддержку и верность, вашу помощь и вклад… Вы получите персональные места в директорской ложе, место на автомобильной стоянке и право посещения „Клуба 100“ на всех домашних матчах… Вы, безусловно, заслужили эту привилегию».

Из всех почестей, которые Альф получал, эта доставила ему наибольшее удовлетворение, но он отказался от бесплатных мест в директорской ложе, предпочитая подбадривать свою команду в толпе других болельщиков, как он делал всю жизнь.

Его футбольная команда всегда доставляла ему много радости. Игра никогда не была скучной, каждый матч имел какое-то значение, так как футболисты «Сандерленда» постоянно сражались либо за победу, либо просто за выживание в конце каждого сезона. В 1992 году Альф с удовольствием следил за игрой «Сандерленда» в финале «Кубка футбольной ассоциации» на стадионе Уэмбли. Он пришел на матч вместе с семьей и друзьями, и хотя команда проиграла «Ливерпулю», для всех это был незабываемый день.

Сейчас клуб переехал на новый стадион в Сандерленде, и председатель правления Боб Мюррей вместе с директорами выделили там комнату, которая называется «Комната Джеймса Хэрриота». Стены украшают портреты Альфа Уайта, есть даже одна фотография времен учебы в Ветеринарном колледже Глазго, на которой он сам играет в футбол. Клуб не забыл известного писателя, который радовался успехам команды на футбольном поле ничуть не меньше, чем собственным достижениям на литературном поле.

После смерти Альфа на северо-востоке Англии вышла статья в газете «Санди Сан», которая заканчивалась словами: «Это был истинный ценитель футбола, который действительно понимал, какая мука и какое счастье быть болельщиком „Сандерленда“. Добрый, внимательный человек, который любил все создания — большие и малые… и все создания — красно-белые».

В конце 1980-х и начале 1990-х Альфа осыпали новыми почестями. В 1987 году Американское общество защиты животных решило учредить ежегодную награду его имени, которую вручали человеку, проявившему заботу и сострадание к животным.

В апреле 1989-го Альфа пригласили выступить на конгрессе Всемирной ассоциации ветеринарии мелких животных, который в тот год проходил в Харрогите. Это была большая честь, от которой Альф не мог отказаться, — к тому же не надо было далеко ехать, — однако мысль о том, что он будет выступать перед своими учеными коллегами со всего мира, приводила его в трепет. Но Альф не ударил лицом в грязь и, в свойственной ему манере, произнес речь, в которой сдержанно упомянул о своей жизни ветеринара. Скромная речь не помешала ему стать звездой этого конгресса. В вопросах, связанных с последними достижениями в современной ветеринарной практике, он не мог

тягаться с коллегами, но, как понимал каждый присутствующий там ветеринар, собственный вклад Альфреда Уайта в повышение престижа профессии не имел себе равных.

Свою оценку работе Альфа дал заслуженный американский ветеринар доктор Стивен Эттингер. В интервью по телевидению он сказал: «Вне всяких сомнений, Джеймс Хэрриот — самый известный ветеринар в мире и, вероятно, самый уважаемый. Он показал всему миру, что ветеринария — благородная профессия».

В 1992 году Альф стал первым лауреатом новой премии Хирона, которую ему присудила Британская ветеринарная ассоциация за «выдающиеся заслуги перед ветеринарией», хотя к тому времени он уже вышел на пенсию. В конце 1989 года, чувствуя, что его вклад в повседневную работу становится весьма незначительным, — и как-то раз пережив унижение, когда ему пришлось воспользоваться помощью двух молодых работников фермы, чтобы выбраться из свинарника, — Альф подумал, что пора остановиться. Ему было очень сложно угнаться за огромными переменами, происходившими в его профессии, и он знал, что принял правильное решение.

В то время ему было семьдесят три года, и без малого пятьдесят из них он работал ветеринаром. Это были времена побед и поражений, дни счастья и отчаяния, но прежде всего — годы работы, которая никогда не переставала радовать его.

Дональд Синклер, хоть и был на пять лет старше Альфа, упрямо отказывался уходить на пенсию и продолжал «работать» до 1991 года, но в том году у него случился инсульт, и его дни на Киркгейт, 23 подошли к концу. Невероятно — хотя, возможно, и неудивительно, — но Дональд, которого положили в больницу с параличом одной половины тела, через девять часов выписался из больницы. Он полностью восстановился после инсульта, и несколько месяцев спустя — ему было уже за восемьдесят, — снова гулял по холмам около «Саутвудс-Холла».

Дональд, живший по соседству, всегда был поблизости и вносил оживление в жизнь Альфа, как и Алекс Тейлор, но конец 1980-х был отмечен кончиной еще нескольких старых друзей, и среди них один из лучших: Брайан Синклер.

13 декабря 1988 года Брайан, у которого уже некоторое время были проблемы с кровообращением, умер от инфаркта. Брайан, всегда гордившийся образом Тристана, был одним из ближайших друзей Альфа, и тот день, когда Альф узнал, что больше никогда не увидит его открытое, смеющееся лицо, стал для него одним из самых черных в жизни. На похоронах Брайана в Харрогите царила атмосфера скорби и печали, и много слез было пролито поэтому всеми любимому и уважаемому человеку.

Я очень хорошо помню, что сказал отец о своем друге вскоре после его смерти. Он говорил с большим чувством к человеку, с которым провел столько радостных часов веселья и смеха:

«Возможно, большую часть жизни Брайан был шутником и балагуром, — сказал отец, — но за этим дурашливым фасадом скрывался честный и надежный человек. Настоящий друг во всех смыслах этого слова».

Смерть Брайана стала ударом для многих людей. Через пару дней после его смерти я навестил Дональда и выразил соболезнования по поводу смерти его брата.

Он отвернулся от меня и уставился на холмы, окружавшие «Саутвудс-Холл».

— Спасибо, Джим, — ответил он. — Вот ведь как, а?

Он опустил голову и тихо заплакал. Утешая его, я внезапно понял, что за теми яростными криками и ссорами, столь живо описанными в книгах Джеймса Хэрриота, скрывались истинные чувства Дональда к его непутевому, но такому славному младшему брату.

Мне тоже было грустно смотреть, как уходят друзья отца, но декабрь 1991 года стал страшным месяцем для нашей семьи. Тогда мы узнали, что дни Альфреда Уайта сочтены. Для этого человека — который больше пятидесяти лет был мне отцом, другом и коллегой, с которым за все это время мы ни разу не сказали друг другу грубого слова, — показался конец пути.

Глава 29

Рано утром в пятницу, в декабре 1991 года, мне позвонил Малкольм Уитакер, врач-консультант из больницы Фрайаридж, Норталлертон. У него были плохие новости.

За месяц до этого у Альфа началось сильное ректальное кровотечение, когда он гулял по полю за домом. У него взяли анализы и в конце концов положили в больницу на операцию. Во время дооперационного обследования мистер Уитакер обнаружил небольшое утолщение в паху у Альфа.

— Что это? — спросил он.

— Думаю, это просто доброкачественная липома, Малкольм, — ответил Альф.

Консультант не был в этом уверен.

— Сколько времени она уже у вас?

— О, несколько месяцев.

Еще раз прощупав неизвестное образование, Малкольм Уитакер предложил Альфу пройти обследование. Его подозрения подтвердились. Анализы показали, что «безобидная липома» имеет далеко не доброкачественную природу. Это была аденокарцинома — вторичное злокачественное разрастание с источником где-то внутри тела. После биопсии решили, что основной очаг находится в предстательной железе.

Все это мне сообщили в тот день по телефону, и у меня было такое чувство, будто меня переехал поезд. Узнав, что матери и сестре уже сказали, я задал очевидный вопрос:

— Сколько ему осталось жить?

— Трудно сказать, — ответил консультант, и в его голосе появилась неестественная бодрость, словно он пытался поднять мне настроение, — но, возможно, у него есть еще целых три года.

Поблагодарив Малкольма за звонок, я сел за стол и обхватил голову руками. Слезы текли по моему лицу. Я пытался постичь весь ужас происходящего. Три года! Я думал об отпущенном отцу времени и отчаянно надеялся, что его будет больше.

Задним числом я понимаю, что нам следовало давно обратить на это внимание, так как у Альфа уже некоторое время проявлялись симптомы заболевания предстательной железы. Лет за пять до этого он начал испытывать сложности при мочеиспускании, а году в 1988-м в моче стала появляться кровь. Обследовали его предстательную железу, она оказалась гипертрофированной, и ее хотели удалить. В тот период биопсия не показала никаких признаков раковых клеток, и мы решили, что это просто доброкачественное разрастание. Но теперь от

нашего оптимизма остались одни осколки.

Я заехал к отцу в «Майрбек» вскоре после того, как получил страшное известие. Он воспринял его очень спокойно и надеялся, что предстоящее лечение даст ему большую отсрочку.

— Современная медицина творит чудеса, — сказал он. — Я собираюсь и дальше радоваться жизни.

Нас обрадовал его оптимистический настрой, но Рози — сама врач — знала горькую правду. Три года — это максимум, на что мы могли надеяться.

Перед уходом из «Майрбека» я заглянул в гостиную. Отец сидел перед своим компьютером и вносил последние штрихи во «Все живое». Глядя на него, я подумал: а смог бы я взяться за работу, получив такое страшное известие? Отец вступил в тяжелый бой с раком единственным известным ему способом: он собирался заниматься делом и вести активную жизнь, пока хватает сил.

Ему назначили курс ежемесячных инъекций золадекса, он начал химиотерапию и лучевую терапию. В течение 1992 года заметного ухудшения не наблюдалось, хотя отец некоторое время плохо себя чувствовал из-за лучевой терапии и золадекса. Его мужественное отношение к болезни, а также очевидная стабилизация симптомов вселили в нас надежду, что, возможно, он все-таки сумеет победить рак.

В начале 1993 года Альф страшно напугал Джоан, когда в результате сердечной аритмии у него возникла аноксия головного мозга, и он упал в обморок на кухне. Мать немедленно позвонила Рози и, не зная, как помочь мужу, поддерживала его голову руками, чего делать было нельзя: он мог умереть от недостаточного притока крови к голове. К счастью, Рози быстро приехала и спасла положение, уложив отца на полу. Потом, после недолгого пребывания в больнице, он полностью восстановился.

В целом 1993 год был удачным для Альфа: его книга «Все живое» пользовалась не меньшим успехом, чем предыдущие. Однако ближе к концу года у него появились симптомы разрастания раковой опухоли, и он снова оказался в больнице, где ему сделали еще одну операцию. С того момента наступили мрачные времена: мы поняли, что рак, почти два года водивший нас за нос, теперь показал нам свое истинное лицо.

Мужество, с которым отец воспринимал свое состояние, изменило ему только раз. Осенью 1993 года мне позвонила мать.

— Приезжай, пожалуйста. Я не знаю, что делать с твоим отцом.

Это было на нее непохоже. Она несла свою ношу с достойным восхищения мужеством, наблюдая, как медленно угасает ее муж.

Она редко просила о помощи, но отец был настолько подавлен, что даже она не могла ему помочь. Сидя рядом с ним в тот день, я вспомнил тяжелые времена тридцатилетней давности, когда он страдал от депрессии. Теперь он снова смотрел на меня тем же отсутствующим взглядом.

Мы с Рози оказались в очень тяжелом положении. Пытаясь подбодрить отца, мы говорили о его потрясающих успехах, о той радости, которую он подарил людям, но мы смотрели в глаза ранимого и закрытого человека, человека искреннего и глубоко чувствующего. Несмотря на тесную связь, мы никогда не могли до конца понять эту сложную личность. Какая-то часть моего отца всегда оставалась для меня недосягаемой, и, глядя на него в тот день, я знал, что вряд ли смогу проникнуть в тайные чувства, терзавшие его душу.

Он уверял нас, что причина его подавленности кроется не в том, что его время подходит к концу. Я ему верил. При отсутствии глубокой веры в Бога, которая помогла бы ему пройти через это тяжелое испытание, он всегда был бескорыстным человеком и ставил благополучие других людей выше собственного, и он не боялся смерти. В короткой речи на праздновании золотой свадьбы в 1991 году он говорил, что благодарен судьбе за счастливую и плодотворную жизнь, за хорошее здоровье, за преданную жену и прекрасную семью, и что бы ни было уготовано для него в будущем, судьба уже сдала ему более чем отличные карты. Зная, что он по-прежнему придерживается этих взглядов — и спокойно смотрит в лицо неизбежности, — я понимал, что причиной его нынешней депрессии является вовсе не слабеющее здоровье. Те же загадочные эмоции, которые всегда таились где-то глубоко внутри, снова выбрались на поверхность.

— Что с тобой, папа? — спросил я.

Этот простой и банальный вопрос я задал скорее с надеждой, чем с ожиданием ответа.

Он продолжал смотреть в окно, и я хорошо помню его ответ:

— Я испытываю чувство глубокой и всепоглощающей тоски.

Больше он не сказал ни слова.

Думая о чувствительной натуре отца, я вспоминаю его интервью Линде Ли-Поттер из «Дейли Мейл». Он выпил несколько кружек пива, после чего дал ей непривычно откровенное интервью, в котором излил свои чувства и особенно много говорил о своей сильной привязанности к Рози и Эмме. Прочитав это в газете, отец был очень расстроен. Он не помнил, чтобы столь бурно выражал свои чувства. Такое проявление эмоций, безусловно, было не в его характере.

Только через два года я до конца осознал, как сильно это задело отца. Я повез его вместе с матерью и Джил в йоркширские холмы, и мы с ним прогуливались по зеленой тропинке в долине Суэйлдейл. В последние годы жизни мы часто возили его по йоркширским холмам, — большего удовольствия, чем эти поездки, для него не было. Он тихо сидел и смотрел на места, пробуждавшие столько счастливых воспоминаний, и, несмотря на прогрессирующую болезнь, всегда хотя бы на пару минут выходил из машины, чтобы полюбоваться дикой красотой холмов и напиться их свежим, чистым воздухом.

В тот день прогулка была короткой. Рак уже железной хваткой вцепился в тело отца, и он передвигался с большим трудом. Внезапно он остановился и приложил палец к губам.

— Джим, я хочу задать тебе вопрос, — сказал отец, глядя на долину реки Суэйл далеко внизу. Я молча ждал продолжения.

Он заговорил, не глядя мне в глаза.

— Скажи… ты когда-нибудь чувствовал, что я больше думаю о Рози, чем о тебе?

Я помедлил, так как вопрос застал меня врасплох. Воцарилось молчание, и в тишине раздавался лишь шум ветра, носившегося в зарослях вереска. Я смотрел прямо на отца, но он по-прежнему отводил взгляд и терпеливо ждал моего ответа.

— Эта мысль никогда не приходила мне в голову, папа, — ответил я.

Он кивнул, но не сказал ни слова. Больше мы к этому разговору не возвращались.

Когда мы сели в машину, я подумал: «Сколько же времени он мучился? Каких сил ему стоило задать этот вопрос?»

1994-й был тяжелым годом. Состояние отца ухудшалось, он непрерывно терял вес, и его вид в последний год жизни у многих вызывал шок.

С первого дня, когда ему поставили диагноз, он попросил, чтобы мы никому об этом не рассказывали, однако не нужно быть дипломированным врачом, чтобы понять причину потери веса в те последние несколько месяцев. Отец как будто опять пытался держать свои неприятности при себе, — но к тому времени все уже знали.

В июне 1994 года у отца возникло неприятное осложнение. В его сад забрела овца и, пытаясь убежать, сбила его с ног. Он сломал бедро и в очередной раз попал в больницу, где его прооперировали, скрепив кость штифтом. Отец снова страдал от мучительной боли, которой могло и не быть. Меня всегда восхищало, как стойко он сносил все невзгоды, свалившиеся на него в последние годы жизни. Помимо того, что рак причинял

ему жестокую боль, ему еще приходилось терпеть невыносимые страдания после каждой операции. Столько лет отец держался в стороне от больниц, но в то время он, казалось, из них не вылезал.

По непонятным для меня причинам тоска, охватившая отца в 1993 году, длилась недолго, и последние три года его жизни, безусловно, не были наполнены одним мраком. Он приобрел спутниковую тарелку, которая оказалась настоящим подарком. Отец часами смотрел спортивные передачи — особенно крикет, футбол и теннис, пересмотрев вдобавок и многие старые комедийные передачи, которые показывали повторно. Его любимые комики доставляли ему много радости в годы боли и даже тогда заставляли смеяться до слез.

Несмотря на черные грозовые тучи рака, отец не сдавался и продолжал вести активный образ жизни. Непрекращающийся поток читательской почты, безусловно, загружал его работой, и он старался ответить на все письма, приходившие по домашнему адресу. Он гулял, занимался садом и читал — как и всю свою жизнь.

Он сохранил остроту ума и проявлял живой интерес к окружающему миру. Он не только каждый день прочитывал свои любимые газеты от первой страницы до последней, но и почти до самого конца продолжал читать книги. Когда я заехал к нему за несколько дней до его смерти, он читал одну из своих любимых книг на все времена — «Исторические романы сэра Артура Конан-Дойла».

— Замечательная книга, — сказал он. — Я читал ее раз сто и все равно не могу оторваться! Вот признак великого писателя.

— Думаю, от *твоих* книг, папа, многие тоже не могут оторваться! — ответил я.

Интересно, он понимал, что его книги, как и книги его любимого автора, читали и будут читать и перечитывать снова и снова, и что многие его поклонники тоже считают его замечательным писателем?

Сомневаюсь. Всю жизнь он считал себя средним писателем, которому просто повезло.

Мы с Рози часто навещали отца, и в последние недели он обычно лежал на диване перед телевизором, но всегда собирался с силами и вставал. Когда мы уходили, он провожал нас со словами: «Спасибо, что пришли».

Спасибо, что пришли? Как будто мы воспринимали свои визиты как обязанность, которую должны выполнять. Мы оба говорили, что очень ценим и всегда ценили его общество. Верил нам этот скромный человек или нет, мы уже никогда не узнаем.

Слабеющее здоровье Альфа почти не повлияло на дальнейшее наступление «индустрии Джеймса Хэрриота», и в 1993 году был снят видеофильм «Йоркшир Джеймса Хэрриота». В нем принимал участие Кристофер Тимоти, который рассказывал о любимых местах Джеймса Хэрриота, и к Рождеству было продано 22 000 копий. Жизнь Джеймса Хэрриота клонилась к закату, но его имя, как и прежде, оставалось в зените.

В октябре фильм показали на частном просмотре в Лидсе, и Альфу Уайту и Крису Тимоти присвоили звание «Почетного йоркширца». Отец неважно себя чувствовал и не мог присутствовать на приеме, поэтому я принимал этот знак уважения от его имени. Он очень гордился, что получил признание своей второй родины — страны, для которой он столько сделал.

В 1994 году вышла книга «Истории о кошках». Как и в предыдущие «Истории о собаках», в нее входили рассказы из прежних работ, но на этом сходство заканчивалось. Во-первых, книга была маленькая и короткая. Этому существует простое объяснение: Альф мало писал о кошках. Дженни Дерхем из «Майкла Джозефа» прочитала первые семь книг и нашла всего пять или шесть подходящих рассказов. В остальных, по ее словам, говорится о раненых кошках, попавших на операционный стол после столкновения с автомобилем. Такие истории явно не годились, поскольку рассказы предполагалось снабдить цветными иллюстрациями. Узнав, что Альф пишет новую книгу, «Все живое», Дженни попросила написать несколько «милых» рассказов, которые потом можно было бы вставить в сборник. Альф, как всегда, любезно согласился.

Хотя Альф очень любил кошек, у него их было мало, и все они надолго не задерживались. Соответственно, в своих книгах он упоминал их реже, чем собак. У него были кошки в Глазго, и одно время у них с Джоан жила очаровательная полосатая кошечка по кличке Топси, но после ее преждевременной смерти они больше десяти лет не заводили кошек, пока не появился Оскар.

Оскар был бродячим котом, которого мы в один прекрасный день обнаружили на крыльце «Роварденнана», но он прожил у нас всего несколько недель. Однажды ночью он исчез и больше не вернулся. Альф, как и большинство его клиентов, потерявших кошек, мучился неизвестностью, не зная, где его питомец нашел свой конец. Потом он написал рассказ о коте Оскаре (который тоже вышел отдельной книгой для детей), но придумал для него более счастливый конец.

Следующие кошки появились только в самом конце жизни

Альфа. Две бродячие кошки поселились в дровяном сарае за их домом в Тирлби. Альф несколько месяцев терпеливо их приручал, и в конце концов дикарки позволили себя погладить, но они так и не стали домашними, потому что их безжалостно гонял Боди. Эта парочка, Олли и Жулька, блистала и в книге «Все живое», и в «Историях о кошках».

Лесли Холмс сделала чудесные акварельные рисунки к «Историям о кошках». Книга мгновенно стала бестселлером, особенно в США, где было продано больше экземпляров, чем любой другой книги Джеймса Хэрриота. Она больше шести месяцев продержалась в списке бестселлеров «Нью-Йорк Таймс». После смерти Альфа вышли два других тома из этой серии: «Любимые истории Джеймса Хэрриота о собаках» и «Йоркширские рассказы Джеймса Хэрриота». Их снова иллюстрировала Лесли Холмс, которая не только великолепно изобразила животных, но и уловила волшебство йоркширского пейзажа.

В конце 1994 года Альф получил еще один, последний, знак уважения перед своей смертью. Этот знак очень много для него значил.

В ноябре ему пришло письмо от декана ветеринарного факультета Университета Глазго, профессора Нормана Райта, в котором тот сообщал, что университет хочет назвать новую библиотеку факультета «Библиотекой имени Джеймса Хэрриота». В знак признания его заслуг перед профессией. В письме также говорилось, что ветеринарный факультет очень гордится таким выпускником, как Джеймс Хэрриот, и задавался вопрос: разрешит ли он воспользоваться своим именем? Глубоко тронутый этим посвящением, Альф написал в ответном письме: «Из всех пожалованных мне почестей эта — самая ценная».

Альф получил много титулов и наград за годы выдающейся карьеры ветеринара и писателя, но его ответ на это последнее признание его заслуг свидетельствует о неувядающей любви к городу, где он провел свое детство и юность.

Помимо этого последнего знака уважения от его старой альма-матер, поездки в Сандерленд на матчи любимой команды наполняли радостью последние недели Альфа. Несмотря на стремительное угасание, он продолжал следить за успехами своей команды: в последний раз он побывал на игре в начале 1995-го, всего за месяц до смерти. Ему требовалась помощь, чтобы добраться до своего места на трибуне, и Джоан очень переживала, что это может привести к его гибели, но Рози с одобрением смотрела на поездки отца.

— Очень хорошо, что у него есть желание поехать туда, —

объясняла она матери. — В такое время мы должны доставлять ему как можно больше радости, и, в любом случае, даже если бы это произошло, он был бы только счастлив умереть в Рокер-Парке.

Мы знали, что отцу осталось недолго, и я часто думал, после его смерти: если бы он умер не дома, ему бы, наверное, понравилось окончить свои дни в компании красно-белых полос — и всего в километре от Брэндлинг-стрит, где он появился на свет в далеком 1916 году.

Отец не сдавался до последних дней — упорно двигался, каждый день гуляя по дому и саду. Меня утешает мысль, что он был прикован к постели не больше двух дней. Мой отец проявил огромную силу духа в борьбе с раком.

Многие люди поддерживали его во время болезни. Он был так благодарен врачам и сестрам из больницы Фрайаридж, что подарил им крупную сумму денег на покупку сканера для больницы — в знак признательности за прекрасное лечение и теплое отношение.

Больше всех Альфу, разумеется, помогала Джоан. Ей было невыносимо смотреть, как он медленно, но неотвратимо угасает, она взвалила на себя все заботы о нем. С самых первых дней их совместной жизни она поддерживала его и в хорошие времена, и в плохие — хороших было больше, — но никогда ее преданность мужу не проявлялась столь ярко, как в последние черные месяцы его жизни.

Алекс и Линн Тейлоры тоже оживляли дни Альфа, а Дональду Синклеру даже тогда удавалось вызвать у него улыбку, что он делал — неосознанно — с первого дня их знакомства.

Последнее, что Альф написал, было предисловие к небольшому буклету, рассказывающему об Обществе сохранения Белой лошади. Его попросил один из друзей-фермеров — Фред Бэнкс, который был президентом общества. Знаменитая Белая лошадь, вырезанная на склоне холма над деревней Килбурн в 1857 году, вместе с Уайтстоун-Клиффе создавали волшебный фон на протяжении пятидесяти лет работы Альфа в ветеринарной практике. Он написал предисловие за три дня до смерти:

> Я провел в Тирске всего несколько дней, когда… сделал одно из самых удивительных открытий — впервые увидел Белую лошадь Килбурна. Мне трудно описать свой восторг, и мое восхищение не ослабло с годами. В молодости я любил приходить сюда с детьми, сидеть на траве и наслаждаться лучшим панорамным видом в Англии — восемьдесят километров разделенных

на квадраты полей, простирающихся до самой громады Пеннинских гор.

Альф до конца своих дней сохранил любовь к слову и готовность помогать друзьям.

В конце января 1995 года я пришел навестить отца, и меня встревожил его вид. Он всегда скрывал боль от других, но в этот раз не смог. Он сказал мне, что у него появилась невыносимо болезненная точка на спине. Я ничего не увидел, но прикосновение вызывало сильнейшую боль.

Нечто похожее я уже видел много лет назад, когда навещал своего старого преподавателя химии Джона Уорда. У него был рак легких, и метастазы распространились на позвоночник. Он испытывал страшную боль и умер через пару дней после моего визита.

В тот день, разговаривая с отцом, я заметил сходство и понял, что конец уже близок. Когда я ушел от него, в моей голове билась только одна мысль: я отчаянно надеялся, что ему не придется долго мучиться. У него уже было несколько плохих дней, а дальше становилось только хуже.

Мне не пришлось долго ждать. Вечером во вторник, 21 февраля, не в силах больше оставаться на ногах, отец лег в постель. Капельница с морфием помогала облегчить его боль.

Я зашел к нему в тот вечер, но привычной оживленной беседы не получилось. Одурманенный наркотиками, отец говорил медленно и неуверенно, но все же сумел улыбнуться, когда Алекс Тейлор напомнил ему какую-то забавную историю из их юности.

В течение следующего дня отцу становилось все хуже и хуже, и вскоре он уже не мог внятно говорить. Я тихо сидел около его кровати и вздрогнул от неожиданности, когда он охнул и сморщился от боли. Отец так долго стоически переносил свои мучения, что я подумал: какой ужасной должна быть боль, чтобы вызвать такую реакцию.

В последний раз я видел отца живым вечером 22 февраля и понял, что конец уже очень близко. На следующее утро я помчался со срочным визитом на ферму, а потом поехал к нему, но он умер до моего приезда. Рядом с ним были мама, Рози и Эмма.

Глядя на него в то утро, я испытывал чувство полнейшего одиночества. Потрясение от его смерти было не столь жестоким, как удар, который я получил за три года до этого, впервые узнав, что у него рак. Я чувствовал только всепоглощающую скорбь и знал, что моя жизнь никогда не будет прежней. В то утро, 23

февраля 1995 года, мир потерял своего самого любимого ветеринара. Его семья и близкие потеряли гораздо больше.

Глава 30

Через сутки после смерти отца стали приходить письма с соболезнованиями. Мать получала их буквально тысячами, и мы с Рози прочитали несколько сотен. Их присылали не только близкие друзья, но и клиенты практики, местные жители, почитавшие за честь знать отца лично, бывшие помощники, работавшие на Киркгейт, 23, представители ветеринарной профессии и, конечно, поклонники его творчества со всего мира. Очень много людей, в том числе те, кто знал отца только по книгам, чувствовали, что потеряли близкого друга, и благодаря им мы были не одиноки в своем горе.

Похороны состоялись неделю спустя в соседней деревушке Феликскирк. Вел службу преподобный Тодди Хоар. Как отец и хотел, это была скромная церемония, в узком кругу. Помимо нашей семьи, присутствовали только Дональд Синклер, его дочь Дженет, Алекс и Линн Тейлоры, их дочь, тоже Линн, и Ева Петт. Потом была небольшая панихида в крематории Дарлингтона.

На следующий день после смерти отца должно было состояться открытие Библиотеки имени Джеймса Хэрриота в Университете Глазго. За три месяца до этого я согласился принять эту почесть от его имени.

Услышав печальную новость, ветеринарный факультет предложил перенести церемонию, но я чувствовал, что должен это сделать. Эта последняя дань уважения очень много значила для отца. В эмоциональном отношении задача оказалась необычайно тяжелой, но я испытал огромное чувство гордости, когда увидел портрет отца, устремившего задумчивый взгляд на Кэмпси-Феллс, где в молодости он провел столько счастливых часов.

По обе стороны мемориальной доски в Библиотеке имени Джеймса Хэрриота висят две фотографии: Альфреда Уайта и сэра Уильяма Уэйперса[14] — двух знаменитых выпускников, которые внесли огромный вклад в свою профессию. Интересно, что бы подумал ничем не примечательный студент Ветеринарного колледжа Глазго, узнай он тогда, что однажды его портрет будет висеть рядом с портретом человека, которым он так восхищался? Уверен, он бы очень гордился, если бы прожил еще несколько дней, чтобы узнать об этом.

Вскоре после отца ушел и Дональд Синклер. Последние несколько месяцев Дональд жил в вихре тяжелых эмоций. Смерть моего отца стала для него таким страшным ударом, что он нашел

в себе силы поговорить со мной только спустя неделю. Он сделал это в свойственной ему манере. В моем доме раздался звонок, и, сняв трубку, я услышал голос, сказавший просто:

— Джим?

— Да, Дональд? — ответил я.

Наступила долгая пауза, что было весьма необычно для этого нетерпеливого человека. Когда он заговорил, голос его дрожал.

— Я расстроен из-за твоего отца.

Ответить я не успел. Он бросил трубку. Это был самый короткий разговор в моей жизни, но я знал, что он чувствует — и что он хотел сказать.

Впереди Дональда ждала еще более страшная потеря. В июне того же года, через три с половиной месяца после моего отца, умерла его жена Одри, которая болела уже некоторое время. Они прожили вместе пятьдесят два года, и все это время Дональд был любящим и преданным мужем. Ее смерть нанесла ему сокрушительный удар, буквально сбила его с ног, лишив привычного юмора и жизненной энергии.

Как-то раз, вскоре после смерти Одри, он зашел в клинику на Киркгейт и стоял рядом со мной, пока я оперировал собаку. Он всегда был поразительно худым, но теперь от него, казалось, и вовсе ничего не осталось. Исчезла великолепная аура эксцентричности, он просто молча стояли наблюдал за моей работой. Этот старик не имел ничего общего с тем удивительным человеком, которого я знал многие годы. Я почувствовал укол жалости, когда взглянул на его лицо, носившее черты одиночества и безысходности.

Внезапно Дональд нарушил молчание.

— Джим, не возражаешь, если я перееду жить сюда? — тихо спросил он.

— Дом принадлежит вам, — ответил я. — Вы можете поступать так, как считаете нужным.

— Я всегда хотел жить наверху. В комнате, где после свадьбы жили твои родители, — оттуда открывается чудесный вид на Тирск и окрестные холмы, — продолжал он.

— Да, в этой квартире есть какое-то свое очарование, — согласился я.

Я знал, что в «Саутвудс-Холле» Дональд чувствовал себя одиноко, но не думал, что он затеет переезд в столь преклонном возрасте.

— Я переселюсь завтра, — сказал он и исчез так же внезапно, как появился.

Живым я его больше не видел.

На следующее утро Дональда нашли в «Саутвудс-Холле». Он

был в коме. Он принял большую дозу барбитуратов, оставив наспех нацарапанную записку, в которой просил не реанимировать его. Тут же приехали его дети, Алан и Дженет, и, проведя пять дней между жизнью и смертью, он тихо скончался.

Как ни странно для такого жизнелюбивого человека, как Дональд, но его смерть в некотором роде не была неожиданной. Много лет назад, когда я только поступил на работу в клинику, Дональд однажды с воодушевлением рассказывал мне об эвтаназии. В конечном счете разговор перешел на смерть и места для могил. Не самая приятная тема для молодого человека двадцати четырех лет от роду.

Незадолго до этого один из знакомых Дональда внезапно умер во время обеда в Ротари-Клубе, и я сказал ему:

— Неплохой способ уйти из жизни. Пожил он хорошо и умер за своим любимым занятием — едой!

— Я знаю способ получше, — заявил Дональд.

— Да? Какой?

— Получить выстрел в затылок, лет в девяносто, от ревнивого мужа!

В продолжение нашего не совсем здорового разговора он сказал:

— Когда я умру, Джим, я хочу, чтобы меня похоронили в Саутвудсе, на поле за сосновым лесом около третьих ворот, тех, что выходят к подножию холма.

— Превосходное место, — заметил я.

— Ты правда так думаешь?

— Да!

Никогда не забуду его непринужденный ответ:

— Я приберегу тебе местечко рядом с собой!

Дональд умер не от руки ревнивого мужа. Он оборвал свою жизнь собственными руками, сохранив верность идее эвтаназии.

В июле в тирской церкви организовали поминальную службу по Дональду и Одри, затем были поминки в «Саутвудс-Холле». С тяжелым сердцем я оглядывал обширные угодья вокруг чудесного старого дома, где я так хорошо проводил время, но когда мой взгляд наткнулся на то поле за сосновым лесом у подножия холма, я невольно улыбнулся, вспомнив о Дональде. Он был одним из самых удивительных и невозможных людей из всех, кого я знал. В моей памяти еще свежи были мучения, которые он нам доставлял, когда мы уговаривали его, восьмидесятилетнего старца, выйти на пенсию. Многие люди говорили, что никто, кроме Альфа, не смог бы так долго с ним работать, но у Дональда было множество прекрасных качеств.

Всего за несколько недель до смерти отец вспоминал о своей

работе с ним. Я спросил его, как он все эти годы справлялся с сумасбродством Дональда. Отец немного помолчал, прежде чем дать ответ.

— Даже не знаю, но вот что я тебе скажу. Нам было чертовски весело вместе, и с самой первой нашей встречи я знал, что он никогда не нанесет мне удар в спину.

Отец вновь погрузился в свои мысли, а потом продолжил характеристику своего незабываемого партнера. Его лицо расплылось в улыбке.

— Где бы еще я нашел такого бесподобного персонажа для своих рассказов?

Думая о Дональде, я прежде всего вспоминаю человека, неспособного на подлость, надежного коллегу, не сказавшего ни единого дурного слова о своих товарищах по профессии, и человека, очаровательного в своей скромности. Он развлекал нас не победами, а поражениями, и я хорошо помню его слова: «Я совершил все ошибки, какие только можно было совершить. Слушайте меня, и вы многому научитесь!»

В моей памяти навсегда остался образ человека, окруженного аурой юмора и смеха, и всякий раз, когда я думаю о нем, я улыбаюсь — как улыбался мой отец, который много лет провел в обществе одной из самых ярких и замечательных личностей, повстречавшихся ему на жизненном пути.

Хотя тихие, скромные похороны — это именно то, что желал бы отец, мы понимали, что многие люди хотели бы с ним проститься. Поэтому через восемь месяцев после его смерти, 20 октября 1995 года, в величественном Йоркском соборе прошла поминальная служба по Джеймсу Альфреду Уайту. Это было незабываемое событие не только благодаря трогательной службе и возвышенной музыке: в тот день собор был наполнен не печалью, а смехом. Это было воистину торжество жизни, которая для многих столько значила.

Крис Тимоти и Роберт Харди виртуозно прочитали отрывки из произведений Джеймса Хэрриота и П. Г. Вудхауза. Я выступил с речью, Эмма, дочь Рози, тоже прочитала отрывок, и Алекс Тейлор трогательно почтил память своего старого друга. Моя дочь Зои играла на трубе во время церемонии в составе духового оркестра школы Св. Петра. Они также сыграли вариацию на основную музыкальную тему из «Всех созданий — больших и малых», которую специально для этого случая написал учитель музыки школы Св. Петра Эндрю Райт.

На службе присутствовали две тысячи триста человек. Были члены Королевской коллегии ветеринаров, Британской

ветеринарной ассоциации и многих других профессиональных объединений. Пришли представители издательского мира, а также многочисленные друзья, клиенты практики и бывшие помощники, которые многому научились у отца, делая первые неуверенные шаги на своем профессиональном пути.

Поклонники книг отца приехали со всех концов страны — от Шотландии до южного побережья Англии. Многие хотели отдать дань уважения человеку, который, через свои книги, стад для них другом. Отец до самого конца не переставал удивляться своему успеху, и я тоже был поражен масштабами его популярности во время поминальной службы в соборе. Мне выпала большая честь быть сыном человека, который, начав с нуля, очень многого добился, — человека, ради которого столько людей пришли в Йоркский собор.

Конечно, острее всех смерть отца переживала моя мать. Она потеряла не только горячо любимого мужа, но и человека, с которым прожила долгую и счастливую жизнь. Дом опустел после его смерти, и ей, как и другим овдовевшим людям, приходилось учиться жить с этим. К счастью, ей было о ком заботиться: у нее остался Боди, бордер-терьер, но и его она потеряла, когда мне пришлось усыпить Боди через восемнадцать месяцев после смерти отца.

Однако моя мать не одна. Отец всю жизнь жил с собаками, но единственное животное, которое все еще шествует по дому, это разноцветная кошка по кличке Нахалка. Приблизительно в то же время, когда мне пришлось взять на себя печальную обязанность и усыпить Боди, это нежное маленькое создание само явилось в дом. Я всегда считал, что ее послала сама судьба, и моя мать оказалась такой же заботливой по отношению к животным, как и ее муж.

Кроме того, что эта счастливая кошка питается не хуже, чем питался Альф Уайт, она еще и спит на отапливаемом крыльце. Рабочий, который ею устанавливал, был потрясен.

— У меня бывали странные заказы, — сказал он мне, — но отопление… для *кошки?*

В марте 1996-го ветеринарная клиника Синклера и Уайта переехала с Киркгейт, 23 в новое помещение на окраине Тирска. У старого дома, возможно, и было свое очарование, но длинные извилистые коридоры, нехватка места и удобной стоянки стали источником неприятностей. Нам в буквальном смысле пришлось переехать, чтобы выжить.

Знаменитый увитый плющом дом с красной дверью, однако, сохранился. Теперь там находится музей Джеймса Хэрриота. В

1996 году Хамблтонский окружной совет выкупил помещение и открыл его для посетителей под названием «Мир Джеймса Хэрриота». Скелдейл-хаус будет жить еще долгие годы, — так жители Северного Йоркшира отдают дань уважения своему выдающемуся приемному сыну.

Меня не раз спрашивали, одобрил бы мой отец столь масштабное предприятие, организованное под его именем, — ведь он всегда старался не привлекать к себе внимание. Он был благодарен местным жителям за сдержанное отношение к его успеху, но они показали свои истинные чувства к нему, единодушно поддержав этот проект. Я знаю, отец был бы глубоко тронут этим жестом признательности и уважения.

Смерть Альфреда Уайта вызвала несчетное количество откликов, свидетельствующих о любви и уважении, которыми он пользовался во всем мире.

«Чикаго Трибьюн» — газета, которая помогла зажечь звезду Джеймса Хэрриота в Соединенных Штатах Америки в 1973 году, — выразила чувства многих людей. Мэри-Энн Гроссман писала:

> Люди часто просят меня назвать своего любимого писателя, вероятно, ожидая, что я начну витиевато разглагольствовать о Прусте или Шекспире, поэтому мне было неловко честно ответить: «Джеймс Хэрриот». Но я больше не испытываю неловкости. Я провела чудесные выходные, перечитывая книги Хэрриота, и поняла, что в его творчестве есть все: превосходно выписанные, яркие персонажи, сочувствие к людям и животным, отличный сюжет, разворачивающийся в более добрые времена, юмор, уважение к необразованным, но трудолюбивым людям и любовь к природе.
>
> Но есть в книгах Хэрриота что-то еще, чего я не могу до конца выразить словами: от них веет глубокой порядочностью, и, прочитав их, хочется стать лучше. Полагаю, в наши дни мы называем это духовностью, эту искреннюю веру Хэрриота в неразрывную связь между людьми и животными — будь то телята, которым он помогал появиться на свет, или избалованные питомцы, как Трики-Ву, очаровательный, но перекормленный пекинес.

Коллеги Альфа не забыли его огромный вклад в повышение престижа профессии ветеринарного врача. Его самый первый помощник Джон Крукс написал некролог для «Ветеринери

Рикорд» в марте 1995-го:

> Джеймс Альфред Уайт, под псевдонимом Джеймса Хэрриота, был, бесспорно, самым известным и самым любимым ветеринаром в мире. Другие, более компетентные, чем я, безусловно, напишут о его литературном таланте и огромных заслугах перед профессией ветеринара, о чем свидетельствуют почести, которыми его осыпали во всем мире. Он принимал эти знаки признательности с большим удовольствием, но и с необычайной скромностью.
>
> Во время нашей последней встречи, всего за несколько месяцев до его смерти, он выразил искреннее, слегка смущенное изумление от своего феноменального успеха в литературе. Я как сокровище храню в памяти наш последний разговор. Мы обсуждали ветеринарные вопросы, говорили о сложных случаях и забавных ситуациях. Хотя Альф получил диплом в «доантибиотиковую» эпоху, он быстро освоил новые препараты, новые анестетики, новые хирургические методики и лабораторные процедуры. Когда я в 1951 году поступил на работу в практику, она вполне соответствовала времени. У Альфа были маленькие чувствительные руки и особый талант к акушерской работе. Несмотря на коротковатость рук, он с потрясающим мастерством справлялся со сложными отелами у крупных шотгорнских коров, распространенных в 1950-е. Один фермер как-то сказал мне: «Да, он достал отличного живого теленка, — но чуть ли не весь залез внутрь, чтобы его вытащить!» Альф обращался с животными уверенно и мягко. Он любил свою работу.
>
> Мир будет помнить блестящего и скромного писателя, который прославил свою профессию. Те из нас, кому посчастливилось работать с ним, и те, кому посчастливилось доверить своих животных его заботам, будут помнить его таким, каким он мечтал быть: талантливым и чутким ветеринарным врачом.

Я знаю, что отцу понравились бы эти слова. Все годы литературной славы он упорно считал себя в первую очередь ветеринаром, но все сыпавшиеся на него награды были связаны с его писательскими достижениями. Джон оценил своего друга как прекрасного ветеринара (многие разделяли его мнение), и эта оценка была бы очень важна для отца.

Альфа Уайта — и его альтер эго Джеймса Хэрриота — любили миллионы, но необходимо помнить, что он был одним из бесчисленного множества ветеринаров всего мира, которые так же чутко и заботливо относятся к своим пациентам, как он. Однако он имел еще одно качество — дар прирожденного рассказчика, благодаря которому стал глашатаем профессии ветеринара. Его книги рассказали миру о преданности и внимательности ветеринаров к своим пациентам, — в сущности, он продемонстрировал человечность профессии миру, которым движут деньги и предприимчивость. Как ветеринар он был всего лишь одним из многих преданных своему делу профессионалов.

Однако как писатель Альф Уайт не имел себе равных. Он изливал на бумагу свою теплоту и любовь к другим, животным и людям, словно давал выход чувствам, которым никогда не мог дать волю в реальной жизни. Именно на страницах книг Джеймса Хэрриота следует искать подлинный характер Альфреда Уайта.

Можно поспорить, что трудно быть сыном такого человека: нужно все время доказывать, что ты достоин его памяти. Но это не так. Отец никогда не отбрасывал тень на свою семью. Он отнюдь не испытывал благоговейного трепета перед своим грандиозным успехом, и благодаря его скромности я не испытывал ничего, кроме гордости за достижения человека, который был для меня большим другом и отцом, а не мировой знаменитостью.

Если бы у моего отца был надгробный камень, я бы вырезал на нем то напутствие, которое он снова и снова повторял нам, своим молодым коллегам: «Важно не то, что ты делаешь, а как ты это делаешь».

Я не могу написать эти последние слова признательности, потому что у него нет могильной плиты. Его прах развеяли среди зарослей вереска на вершине Уайтстоун-Клиффс, с которой видна большая часть его любимого Северного Йоркшира. Это место предложила Рози, и оно идеально подходит для последнего приюта моего отца. Я часами стою здесь и смотрю на места, где прошли лучшие годы его жизни. Внизу простирается его практика, где он самоотверженно трудился среди всех созданий — больших и малых. Она тянется до самых Пеннинских гор, которые очаровали отца с первого взгляда в те далекие 1940-е годы. Я отчетливо вижу Тирск, где он воспитывал своих детей, и Тирлби, его дом, где он провел последние восемнадцать месяцев своей жизни. Этот чистый и свежий уголок Йоркшира, пропитанный первозданной красотой и свободой, был ближе всего его сердцу.

Отец называл этот пейзаж Йоркшира «лучшим видом в

Англии». Для человека, столь глубоко чувствовавшего красоту окружающего мира, лучшего места не найти.

Я часто прихожу сюда, когда гуляю с собакой, и на прошлой неделе долго сидел здесь вместе с ней, — сколько раз отец также сидел здесь со своим собаками! Глядя на лоскуты полей, простиравшихся внизу, я испытывал чувство печали и сожаления.

Мира, о котором писал Джеймс Хэрриот, больше нет, и маленьких семейных ферм, куда на своих грохочущих старых машинах приезжали с визитами Джеймс, Зигфрид и Тристан, осталось совсем мало. Почти все удивительные старые йоркширцы, которых увековечил Джеймс Хэрриот в своих книгах, давно умерли, нет в живых и трудолюбивых фермеров, с которыми он провел столько счастливых часов.

Сочная зеленая трава, бурые изгороди и старые фермерские постройки уступили место огромным распаханным полям с яркими вкраплениями современных зданий, но в остальном панорама «страны Хэрриота» почти не изменилась с тех пор, как я был ребенком. И глядя на нее, я чувствовал не только печаль, но и благодарность. Многим ли посчастливилось быть сыном человека, оставившего чудесные воспоминания, которыми можно поделиться с миллионами других людей?

Однако в тот день я думал не о Джеймсе Хэрриоте, писателе, а об Альфреде Уайте, отце. После его смерти один из читателей прислан мне известную проповедь Генри Скотта Холланда (1847–1918), каноника собора Св. Павла. Трогательные слова приносят утешение в душу тех, кто скорбит о потере любимого человека. Первое и последнее предложения молитвы имели в то время особенное значение:

«Смерть — ничто. Я лишь вышел в другую комнату… Я скрылся из вида, но не ушел из твоего сердца. Я жду тебя, через некоторое время, я совсем близко, стоит только повернуть за угол. Все хорошо».

Передо мной открывался «лучший вид в Англии», я сидел и думал, увижу ли еще когда-нибудь отца. Я бы многое за это отдал. Мне столько нужно ему сказать, столько вопросов задать. Я не знаю и могу только надеяться.

В одном я, однако, уверен. Джеймс Хэрриот, непритязательный сельский ветеринар, завоевавший сердца миллионов, не был вымышленным персонажем. Я знал человека, который обладал всеми достоинствами знаменитого ветеринара, — и не только. Кристальная честность, удивительное чувство юмора и доброе отношение к людям обеспечили ему уважение всех, кто его знал. Человек, которому после его смерти йоркширский фермер вынес окончательный вердикт: «Да,

достойный был человек». Этим человеком был Джеймс Альфред Уайт.

notes

Примечания

1

Просторечное название актиномикоза. — Прим. пер.

2

Т. е. игроки, не забивающие голов, мазилы.

З

Страдающий крипторхизмом, т. е. неопущением яичек в мошонку.

4

Канун Нового года в Шотландии.

5

Популярный английский сериал.

6

Еженедельная радиопрограмма: интервью с каким-либо известным деятелем и проигрывание выбранных им пластинок; название дано по одному из вопросов интервью: «Какие пластинки вы бы хотели иметь, оказавшись на необитаемом острове?»

7

Heriot, гериот — плата зависимого крестьянина своему феодалу при вступлении в наследство после смерти отца, обычно в виде лучшей головы скота.

8

Терренс «Ларри» Паркс (1927–2003), популярный британский карикатурист.

9

Род кровососущих паразитов.

10

Сэр Реджинальд (Рекс) Кэрри Харрисон (1908–1990), английский актер театра и кино, обладатель премии «Оскар» за главную роль в фильме «Моя прекрасная леди».

11

Крупнейший лондонский торговый банк.

12

Это стихотворение «Насекомому, которое поэт увидел на шляпе нарядной дамы во время церковной службы», пер. С. Маршака.

13

Сэр Леонард Хаттон (1916–1990), прославленный английский игрок в крикет.

14

Уильям Уэйперс (1904–1990) — первый руководитель отдела ветеринарного образования Глазго, профессор ветеринарии и декан ветеринарного факультета Университета Глазго (1969–1974).